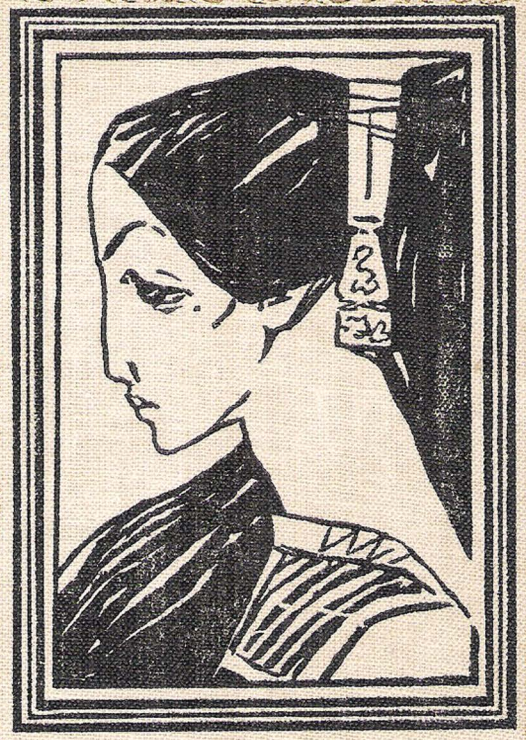
ГЕОРГИЙ МАРТЫНОВ

*

ГИАНЭЯ



ГЕОРГИЙ МАРТЫНОВ

ГИАНЭЯ

Издательство „Детская литература"

БИБЛИОТЕЧНАЯ СЕРИЯ

БИБЛИОТЕКА ПРИКЛЮЧЕНИЙ
И НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКИ

ЛЕНИНГРАД «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»

ГЕОРГИЙ МАРТЫНОВ

ГИАНЭЯ

РОМАН

ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ 1989

Р2
М 29

Третье издание

Рисунки и оформление Л. РУБИНШТЕЙНА

ok-language
Электронная копия
никогда не заменит
книгу

М $\frac{\mathbf{4803010102}}{\mathrm{M}\mathbf{101(03)-89}}\mathbf{240-89}$

ISBN 5—08—000190—9

© Вступительная статья.
Издательство «Детская литература», 1989

ЧЕЛОВЕК И ЕГО ВРЕМЯ

(Жизнь и книги Георгия Мартынова)

Не спи, не спи, художник,
Не предавайся сну.
Ты — вечности заложник
У времени в плену.

Борис Пастернак

I

Есть в жизни каждого человека мгновения, определяющие дальнейшую судьбу, — психологи называют их «моментами формирования личности». Причем самому человеку они отнюдь не кажутся какими-то особенными. Как правило, они мелькают не оседая в памяти, и лишь потом, много лет, а порой — целую жизнь спустя, оглядываясь назад, понимаешь вдруг: вот тогда-то все и началось...

Лет в шесть или семь — точнее Мартынов вспомнить не мог — ему подарили прекрасно изданную книгу Камилла Фламмариона, известного французского астронома и писателя-популяризатора, с цветными иллюстрациями, проложенными полупрозрачной папиросной бумагой. Вскоре он уже мог чуть ли не наизусть цитировать целые страницы. И таинственный, манящий звездный мир стал мечтой и любовью Мартынова. Он так никогда и не стал астрономом, не суждено было сбыться этой детской мечте. Но любви своей он оставался верен всю жизнь.

Тяга к звездам... В ней, конечно, проявился и собственный характер юного Георгия. Но проступало за ней и другое — дух времени. Мартынов родился в 1906 году, Фламмариона же читал в 1912-м. В те поры, само собой, мальчишки не грезили вселенскими просторами и не играли еще в космонавтов. Это начнется полувеком позже. Но и то время было во многом необычным. Прямо на глазах, на памяти одного поколения — поколения родителей Мартынова — неузнаваемо переменился мир.

Сорокалетний поэт Валерий Брюсов писал как раз тогда, в 1912 году:

Я мальчиком мечтал, читая Жюля Верна,
Что тени вымысла плоть обретут для нас,
Что поплывет судно, громадней «Грейт-Истерна»,
Что полюс покорит упрямый Гаттерас,
Что новых ламп лучи осветят тьму ночную,
Что по полям пойдет, влекомый паром, Слон,
Что «Наутилус» нырнет свободно в глубь морскую,
Что капитан Робюр прорежет небосклон.
Попробуем мысленно перенестись в 1912 год и оглядеться.

Все это свершилось. Гигантские, чуть не в четверть километра длиной океанские лайнеры за четверо суток пересекали Атлантический океан, перевозя по две тысячи пассажиров. Они следовали расписанию с точностью железнодорожных экспрессов.

Привычными стали узкие, хищные силуэты подводных лодок. Конечно, им было еще очень далеко до жюль-верновского «Наутилуса», но грозная их сила уже дала себя знать.

В декабре 1903 года братья Уилбур и Орвил Райт первыми в мире поднялись в воздух на сконструированном ими аэроплане, а всего через шесть лет Луи Блерио уже совершил рекордный перелет через Ла-Манш.

В 1901 году Александр Степанович Попов впервые установил радиосвязь на расстоянии в полтораста километров, и горячие умы уже называли наступившее двадцатое столетие веком радио.

Появившееся на свет за четверть века до того детище Александра Грехема Белла — телефон — перестал уже быть забавной игрушкой и все увереннее входил в повседневный обиход.

Три года назад Роберт Пири водрузил флаг на Северном полюсе планеты, а двумя годами позже Руаль Амундсен — на Южном.

Загадочные Х-лучи, открытые Вильгельмом Конрадом Рентгеном и обессмертившие его имя, стали уже не только предметом исследования ученых и досужих разговоров в гостиных, но и инструментом врача.

Этот список можно было бы продолжать еще долго, но и сказанного достаточно. Как писал Брюсов,

Свершились все мечты, что были так далеки,
Победный ум прошел за годы сотни миль;
При электричестве пишу я эти строки,
И у ворот, гудя, стоит автомобиль...

Мир казался совершенным. Горизонты прогресса — уже представимыми, близкими. Молодому человеку, решившему посвятить себя изучению физики, серьезный ученый вполне мог сказать: «Молодой человек, здесь уже все, сделано, все открыто, осталось лишь уточнить детали»...

Мир еще не содрогнулся при мысли о том, что самолет может стать не только символом покорения воздушного океана, но и бомбардировщиком. И хотя позади была уже трагедия Цусимы, но не было к людях предчувствия грядущей мировой войны, до которой оставалось каких-то два года...

И от достигнутых высот науки и техники мысль невольно уносилась еще дальше, за пределы уже, казалось, до конца открытой Земли.

Но есть еще мечта, чудесней и заветней;
Я снова предан ей, как в юные года.
Там, далеко от нас, в лазури ночи летней,
Сияет и зовет багряная звезда.
Томят мою мечту заветные каналы,
О существах иных твердят безвольно сны...
Марс, давний, старый друг!
Наш брат! двойник наш алый!
Ужели мы с тобой вовек разлучены!

До осуществления этой мечты было еще далеко. Всего три года назад была опубликована статья Константина Эдуардовича Циолковского «Исследование мировых пространств реактивными приборами», ставшая краеугольным камнем космонавтики. Даже самые смелые умы относили прорыв человечества во Вселенную в неопределенное грядущее, оставляя это по-

томкам. Невозможно было представить себе, что уже живет на этой земле мальчик Сережа Королев, будущий создатель космической техники, той самой, что вынесет за пределы нашей планеты и первый искусственный спутник Земли, и первого космонавта Юрия Гагарина...

Но поэты часто видят дальше своих современников.
Я жду, что, наконец, увижу шар блестящий,
Как точка малая, затерянный в огнях,
Путем намеченным к иной земле летящий,
Чтоб братство воссоздать в разрозненных мирах.

Мы не знаем, читал ли Георгий Мартынов эти брюсовские строки. Если да, значит, именно они запали ему в душу. Если пет, значит, мысли и образы эти витали в воздухе, и он впитал их умом и сердцем. Впитал настолько, что сорок лет спустя первая его книга — повесть «220 дней на звездолете» — будет посвящена полету на Марс, а во второй, в романе «Каллисто», гости с далекой планеты прилетят па Землю в сверкающем белом шаре...

Впрочем, до этого еще четыре десятилетия. А пока...

Пока шли обычные детские годы обычного мальчишки, со всеми школьными, домашними радостями и горестями, с естественными верными спутниками — Джеком Лондоном и Поставом Эмаром, Фенимором Купером и Жюлем Верном, Луи Буссенаром и капитаном Мариэттом. Правда, читал их Мартынов не пассивно...

«Представьте себе такую картину: по улице идет школьник, окруженный толпой товарищей, которые стараются не пропустить ни одного слова школьника... — вспоминал впоследствии Мартынов. — Этим школьником был я. А рассказывал я наши приключения (мои и моих слушателей) то на войне, то в Центральной Африке, то еще где-нибудь. Как опытный мастер, я обрывал рассказ у двери школы на самом интересном месте, и потому па следующий день у дома меня ожидали все. Обычно один рассказ тянулся дней пять-шесть. Ну прямо «школьная Шехерезада»! Я забыл сюжеты моих фантазий, но думаю, что были они заимствованы у Майн Рида и других писателей».

Кто знает, не зарождался ли именно в те далекие времена где-то в самых глубинах мальчишеского сознания будущий писатель-фантаст?

Все может быть. Справедливости ради стоит заметить, однако, что в детстве многим случалось выступать в роли такой вот «школьной Шехерезады», однако за перо потом брались далеко не все.

А годы шли. Кончилось детство.

В четырнадцать лет Мартынову пришлось бросить учебу и пойти работать ремонтным рабочим на Юго-Западную железную дорогу. Мечта об астрономии отодвигалась в неопределенное будущее (не забудем, шел трудный 1920 год). А еще через шесть лет семья переехала из Екатеринодара (нынешний Краснодар), где прошло детство писателя, в Ленинград, с которым и связана вся его дальнейшая жизнь.

Отслужив положенный срок в Красной Армии, Георгий Мартынов поступил электромонтером па завод Резинотехнических изделий.

Звезды по-прежнему оставались мечтою, а жизнь требовала своего. Он был сыном своего века, и веления времени превращались в душе Георгия Мартынова в настоятельную необходимость. В стране шла индустриализация; отечеству прежде всего нужны были инженеры. И вот, сдав экстерном

экзамен за курс средней школы, Мартынов поступает на электротехнический факультет Всесоюзного заочного индустриального института. Еще студента-третьекурсника, его уже назначают инженером: голод на грамотных специалистов велик. Нелегко это было — совмещать и работу, и учебу (учебу на совесть!), и жизнь уже семейного человека. Но какими же двужильными были в большинстве своем эти люди тридцатых годов! И у Мартынова остаются еще время и силы на то, чтобы штудировать все новые книги по астрономии (уже не пленившего детское воображение Фламмариона, а серьезного Джинса), увлекаться литературой.

Однажды — было это уже в конце тридцатых годов — после встречи с читателями на заводе известный ленинградский писатель Леонид Борисов разговорился с Мартыновым и на прощание сказал: «А вы бы, Мартынов, сами попробовали писать. У вас должно получиться...» Эти свои слова Борисов припомнил четверть века спустя, рекомендуя писателя-фантаста Георгия Мартынова в Союз писателей... Казалось бы, после таких слов — только браться за перо. Да поскорее... Но Мартынов чувствовал, что его время еще не пришло.

Фантастика оставалась его любовью — так же, как в детские годы. И если писать, то только ее. Но — не такую, какой ждет время. Мартынова по-прежнему манило звездное небо. А на страницах фантастических книг двадцатых — тридцатых годов космические путешествия предпринимались чаще всего ради «присоединения к Ресефесер планеты «Марс», как выразился отставной кавалерист Гусев в «Аэлите» Алексея Толстого. Умами писателей владела не романтика познания мира, а пафос его социального переустройства.

Многие из этих книг Мартынов читал с огромным интересом, мог полюбить, но сам не спешил садиться за стол. Хотя слова Борисова грели душу. Он не забывал их, так же как тех пленивших детское воображение Фламмарионовых слов. А тем временем Мартынов жил, учился, работал...

Когда же на страну обрушился июнь 1941 года, он, невзирая на болезнь, все прогрессирующую глухоту, сразу же ушел добровольцем. Ленинградский, затем Прибалтийский фронт... Как и все, что он делал, воевал Мартынов честно, был награжден орденом Красной Звезды и медалями.

А демобилизовавшись в 1946 году, вернулся на завод. Работать надо было изо всех сил — поднимать страну из послевоенных руин. Было не до своей, личной мечты — мечты о звездах, о космических полетах, если не в реальной жизни, то хотя бы на страницах книг. Сейчас надо было жить единой мечтой всего народа о том, чтобы восстановить все, войною разрушенное, построить все то, что не дала она создать.

И только пять лет спустя, в 1951 году, летом, в отпуске, рука потянулась вдруг к бумаге. И потекли, из-под пера первые строки романа — того, который впоследствии читатели узнают под заглавием «Гость из бездны». Но на середине рукописи Мартынов остановился. «Не помню, почему я бросил писать этот роман и перескочил на астрономическую тему — «220 дней на звездолете», — вспоминал потом Мартынов. — Наверно, подсознательно меня тянуло к любимой с детства науке. И вероятно, вспомнились мальчики, слушавшие когда-то занимательные приключения...»

Возможно, вполне возможно, сам Мартынов не отдавал себе отчета в том, почему именно забросил он на середине «Гостя из бездны». Но мы сегодня с уверенностью можем сказать: и в этот раз вновь проявилось уди-

вительное мартыновское единство со временем, ощущение того, чего это время ждет от человека, от писателя, от него лично.

Советскую научно-фантастическую литературу конца сороковых — начала пятидесятых годов впоследствии недаром назвали «фантастикой ближнего прицела», «фантастикой сегодняшнего вечера». Да, она вовсе не стремилась заглянуть далеко в завтрашний день. Изобретения «на грани возможного» вроде электрических тракторов, шествующих по колхозным полям, или автоматов для подводного бурения — вот чем надлежало заниматься фантастам, по мнению критики и издателей.

Сломать эту традицию было непросто. И уж во всяком случае не под силу новичку, безвестному инженеру, впервые взявшемуся за перо. Несколькими годами позже это сумеет сделать Иван Ефремов. Литературное явление, которое мы называем теперь современной научной фантастикой, ведет отсчет от его романа «Туманность Андромеды», вышедшего в 1957 году. «Гость из бездны» Георгия Мартынова был произведением того же рода — развернутая эпопея о жизни людей в далеком коммунистическом будущем. Но если за Ефремовым стояло и его имя ученого-палеонтолога, лауреата Государственной премии, и громкий успех первых книг, то за Мартыновым ничего этого не стояло. Он понял — и отступил.

И взялся за другую рукопись — о полете на Марс. Первоначально повесть называлась «Мир угасающей жизни». В 1955 году книга эта увидела свет, правда, под другим заглавием — «220 дней на звездолете». В ней реализовалась наконец давняя мечта Мартынова о звездных дорогах. Еще никто, кроме людей, непосредственно занятых созданием космической техники, не мог бы сказать, что в ближайшие годы человечество вырвется за пределы земного тяготения. Но смутное предощущение уже поселилось в человеческих душах. Ветер космической эры уже повеял над Землей. Инженер и мечтатель Георгий Мартынов не мог не почувствовать его первых порывов. Всем существом ощутил он — время пришло!

II

«220 дней на звездолете» — история о полете четырех человек по маршруту Земля — Венера — Марс — Земля, причем Венеру они только облетают, не совершая посадки. Это было «необыкновенное путешествие» в доброй жюль-верновской традиции. Космический полет для Мартынова в этой повести — не только попытка представить, как же это будет происходить когда-нибудь, но еще и символ неукротимого человеческого стремления к непознанному, того самого, которое заставило некогда Александра Гумбольдта сказать: «Я умру, если не увижу Каспийское море!»

Конечно, полет звездолета «СССР-КС-1» — вполне продуманная, серьезно подготовленная экспедиция. Но в то же время героев повести влечет и неутолимая жажда самим увидеть, как

...страшным, страшным креном
К другим каким-нибудь
Неведомым вселенным
Повернут Млечный Путь.

Им необходимо заглянуть под облачный покров «сестры Земли» и во-

очию убедиться, действительно ли

На далекой звезде Венере
Солнце пламенней и золотистей.
На Венере, ах на Венере —
У деревьев синие листья...

Листья оказываются красными — и героям, как и читателям, этого достаточно. На первый раз. Ибо этот полет — для героев повести, сама эта повесть — для автора только лишь разведка боем перед настоящим, большим путешествием в Неведомое.

Разведка боем — не образное выражение. Книгу сразу же заметили, па нее появилось много рецензий в журналах и газетах, ее поминали в литературных обзорах — случай для фантастики нечастый и по сей день. Но — увы! — в подавляющем большинстве своем отзывы были далеко не благоприятны для писателя.

Пожалуй, один лишь Геннадий Гор, ленинградский прозаик, который несколькими годами позже и сам обратится к научной фантастике, поддержал Мартынова. В чем только не упрекали автора критики — от избытка приключений до недостатка фантазии. Но были еще и читательские отклики — письма, приходившие в Ленинградское отделение Детгиза, выпустившего книгу в свет. И надо сказать, читатели приняли повесть куда благожелательнее... Но так или иначе, выдержать все это было не просто.

Однако Мартынов выдержал. Он не возражал своим критикам. Не спорил. Он работал.

И два года спустя, той самой осенью, когда над миром впервые вспыхнула рукотворная звезда искусственного спутника Земли, был издан роман «Каллисто» — вторая его книга.

Вместе с «Каллисто» вошла в жизнь писателя и тема, ставшая главной в его творчестве. Потому что вскоре, когда вышла из печати трилогия «Звездоплаватели», первой частью которой послужила повесть «220 дней на звездолете», оказалось, что и это первое космическое путешествие было не самоцелью, а лишь прелюдией к теме Контакта.

Пожалуй, во всей мировой научной фантастике трудно найти тему, которая могла бы соперничать с ней — разве что Машина Времени и Робот.

Контакт — это встреча представителей двух цивилизаций, двух обществ, двух разумных рас, одной из которых чаще всего являются современники автора, а представителями второй могут быть обитатели миров, купающихся в свете далеких солнц, расположенных в каком-нибудь энном измерении или в иных временах. Тема эта стара, как сама литература. Еще за много веков до трагического конца великого Джордано из Нолы древнеримский писатель Лукиан Самосатский в своих «Правдивых историях» познакомил читателей с обитателями Луны — селенитами.

Вот эти-то проблемы Контакта и разрабатывает, начиная с «Каллисто», Георгий Мартынов. Теперь, наконец, сошлись воедино любовь к звездам и космическим пространствам, и стремление увлечь читателя захватывающим рассказом, острым сюжетом, невероятными приключениями, и пришедшее с годами желание поразмыслить о жизни, о времени, о современниках — ведь Мартынову уже исполнилось полвека...

На первых порах Контакт интересовал писателя сам по себе — так же, как увлекала его романтика космического путешествия в «220 днях на

звездолете». В «Каллисто» ему хотелось представить, как все это может случиться — первая встреча землян, наших современников, с представителями иной звездной расы.

...Где-то в Курской области приземляется гигантский бело-голубоватый шар (помните: «Я жду, что, наконец, увижу шар блестящий...») — межзвездный корабль, доставивший на Землю группу исследователей с далекой планеты Каллисто, обращающейся вокруг Сириуса — одной из ближайших к Земле звезд. О каллистянской цивилизации в повести сказано совсем немного — это книга не о далеких мирах, а о нашей Земле.

Критика встретила вторую книгу Мартынова примерно так же, как и первую. Снова его упрекали в недостатке воображения: «слишком уж земными выглядят эти симпатичные черные люди» — каллистяне. Пеняли ему и за то, что его земные герои слишком уж обычные, «средние люди»: «...такие ли заурядные люди... будут облечены доверием всего человечества, чтобы осуществить первые контакты с представителями высокой цивилизации иных звездных миров?» А ведь как раз это и интересно: обычные, «средние» люди, едва ли не волей случая попавшие в число тех, кто общался с каллистянами, работал с ними, именно они отправляются на Каллисто, чтобы представлять там Землю. Ибо они — типичны. И будучи типичными для своей эпохи, вполне достойны такой миссии. С ними в какой-то мере может отождествить себя любой землянин (и значит, любой читатель), и это мудрее и человечнее, чем если бы их место заняли всезнайки и супермены.

Казалось бы, вот тут-то, перед лицом такой дружной критики, и задуматься Мартынову, усомниться в правильности избранного пути... Но он не сомневался. Он работал. И в 1960 году увидела свет вторая книга дилогии — «Каллистяне», рассказ о посещении двумя землянами планеты Каллисто. Мир каллистян — прекрасный мир победившего всепланетного коммунизма. Разумеется, автора можно было упрекнуть (и упрекали, еще как!) в отсутствии каких-то деталей, в неполноте эпического размаха. Но с какой душевной теплотой изображен этот мир! Он не только прекрасный — он удивительно теплый. И согревают его не столько опаляющие лучи Сириуса, сколько жар писательского сердца.

Нет, не высокоразвитый и гуманный, но все-таки чужой мир стремился описать Мартынов в своей дилогии. Это зовущий мир нашего будущего. Это поняли и критики (еще не все, но уже многие), и читатели. В Дом детской книги в Ленинграде хлынул поток — действительно поток — читательских писем. «Своим путеводителем в будущее» назвал роман школьник Володя Изофов. И пусть, дополнял его Володя Попков, наши представления о грядущем меняются, как меняется вся наша жизнь, — «все равно Каллисто остается для нас как бы прообразом будущего нашей планеты». «Когда я прочитал «Каллисто» Г. С. Мартынова,— писал Коля Силантьев, — я не мог уснуть всю ночь. Меня потрясла красота всего, что я узнал. Так вот какими будут люди будущего! Так вот каким будет само общество... Произведение Мартынова — гимн силе, разуму, воле человека. Я как будто побывал в Новом мире. Теперь мечтаю жить в нем. И прежде чем совершить какой-либо поступок, думаю теперь: «А как бы поступили в данном случае каллистяне?» — и стараюсь поступить именно так: ведь их поступки так человечны, так красивы...»

После встречи с автором романа в детской библиотеке имени И. А. Крылова, узнав, что писатель не собирается работать над третьей книгой

романа, считая свой труд завершенным, читатели решили сделать это за Мартынова. И сделали. Больше того, они, как вспоминает заведовавшая этой библиотекой Ц. Островская, создали «Музей Каллисто»: «...составляли коллекции минералов, образцов флоры и даже фауны, собирали сувениры, подаренные на память каллистянами, строительные материалы из новейших синтетиков, изготовляли фотографии, диапозитивы, рисовали пейзажи, виды городов, архитектурных ансамблей и тому подобное. Нашелся «композитор», который «разыскал» гимн каллистян, и «археолог», заинтересовавшийся предметами искусства и утвари на Каллисто, «педагог», изучивший систему подготовки молодого поколения на Каллисто...» Что ж, давно известно: произведениям тех авторов предстоит долгая жизнь, в чьих героев играют дети. С тех пор Мартынов прочно вошел в число любимых писателей-фантастов наших школьников.

Вышедший одновременно с «Каллистянами» роман-трилогия «Звездоплаватели» (он был образован тремя повестями: «220 дней на звездолете», «Сестра Земли» и «Наследство фаэтонцев») — тоже повествование о Контакте: с молодой, еще очень несовершенной по сравнению с земной цивилизацией ящероподобных венериан и — пока еще, так сказать, заочно, косвенно — с древней цивилизацией Фаэтона, планеты, некогда существовавшей между Марсом и Юпитером. Планета эта погибла в результате космической катастрофы, ее население переселилось в систему яростной голубой Веги, но их прощальное послание земляне обнаружили и с помощью оставленного фаэтонцами передатчика послали сигнал на их новую родину. Отправкой этого сигнала и завершаются «Звездоплаватели». Конечно же в объемистой трилогии есть место для всего: удивительных приключений, фантастических гипотез и открытий, проверки человеческих качеств героев экстремальными ситуациями... Но все же Контакт — это та ось, на которую нанизаны все остальные узлы и детали сложного механизма романа-трилогии.

В 1961 году Мартынов завершил наконец работу над начатым десять лет назад «Гостем из бездны», и еще год спустя этот роман увидел свет.

Герой книги, Дмитрий Волгин, наш современник, участник Великой Отечественной войны, снайпер, удостоенный за свой ратный подвиг высшей награды Родины — звания Героя Советского Союза. Вскоре после окончания войны Волгин умирает и затем возвращается к жизни, воскрешенный могущественной наукой далекого коммунистического будущего, отстоящего от нас на девятнадцать веков. Как сложилась судьба Дмитрия Волгина в этом мире, добром, мудром, прекрасном, но все-таки чужом? Мы не будем пересказывать здесь роман: это не нужно тем, кто уже читал его, и помешает тем, кому знакомство с «Гостем из бездны» — одним из лучших произведений Георгия Мартынова — еще предстоит. Но об одном сказать необходимо. В этой книге Мартынов вводит уже два типа Контакта: разных галактических рас (земляне встречаются и даже сотрудничают в романе с фаэтонцами — так продолжается сюжетная линия, начатая в «Звездоплавателях») и контакт сквозь время — воскрешение Дмитрия Волгина и возвращение на Землю в XXXVIII веке группы исследователей, отправившихся в путь с Земли XXI века.

В романе «Спираль времени» высокоразвитые обитатели некой планеты Жван сталкиваются с древними атлантами. Затем — на следующем витке «спирали времени» — описана встреча этих же инопланетян и присоеди-

нившегося к ним атланта Рени с обитателями южных русских поселений начала XIII века и монгольскими воинами Субудай-нойона.. Потом — с землянами XXII века (не забудем — это контакт уже не только землян и инопланетян, но и людей XXII столетия с жителем Атлантиды!). И наконец, налаживается общение земной цивилизации грядущего с людьми планеты Жван, ушедшей в своем развитии намного вперед по сравнению с тем временем, когда ее покинули четверо исследователей, отправившихся на Землю... И каждый такой контакт — это столкновение разных психологий, разных культур, разных уровней развития цивилизации.

Почти одновременно со «Спиралью времени» увидел свет и роман «Гианэя», где встречаются друг с другом земляне XXI века, две ветви общества соплеменников Гианэи (свободного, демократического мира Вийайи и жестокого, сочетающего высокие достижения научно-технического прогресса с рабовладением мира Лийагейи), и обитатели планеты Мериго.

«Гианэя», как и «Гость из бездны», относится к лучшим произведениям Мартынова. Острый сюжет, богатство воображения, психологическая убедительность отличают оба романа.

Все свои произведения Мартынов тщательно продумывал заранее, конструировал их как инженер, выверяя повороты сюжета, мельчайшие детали. Такая скрупулезность позволяла ему создавать фантастические, но удивительно реальные миры иных времен и планет. «Только одна книга была написана иначе, — признавался позже Георгий Мартынов,— и именно она доставила мне наибольшее удовольствие (в процессе работы) и была написана быстрее и легче всех остальных. В этом случае у меня не был задуман сюжет, не было никакого плана, я не знал, что появится на следующей странице... И у меня было впечатление, что я не пишу книгу, а читаю ее, написанную кем-то другим. И мне было очень интересно — что дальше?» Как тут не вспомнить Екатеринодар 1918 года, залитую солнцем улицу и мальчишку, прямо на ходу вдохновенно сочиняющего для оравы одноклассников увлекательные истории! Потому и читается «Гианэя» так легко, на одном дыхании...

Вернее, не вся «Гианэя», а первые три ее части. Дело в том, что в первом издании роман исчерпывался ими. Он кончался смертью Гианэи, и смерть эта была вполне убедительна. Она ощущалась как трагическая неизбежность: слишком трудно понять друг друга, найти общий язык людям двух столь разных миров. Это был горький итог трагедии взаимного непонимания, преодолеть которое так и не удалось ни Виктору Муратову, ни даже Марине, оказавшейся ближе всех остальных землян к пониманию внутреннего мира инопланетянки, ни самой Гианэи.

Книга была издана, прочитана... И на Мартынова обрушился поток читательского гнева.

Если «Каллистян» юные читатели еще могли продолжить сами, убедившись в том, что Мартынов считает свое произведение законченным; если с трагедией Дмитрия Волгина в «Госте из бездны» они кое-как смирились, хотя в отдельных письмах и содержались горькие упреки автору, то уж с гибелью Гианэи согласиться в большинстве своем никак не могли.

И это естественно. Для юности трагедия всегда неприемлема. Но в мире во все времена возникали и будут возникать порой ситуации трагические. Ибо, как писал Вадим Шефнер,

...и при коммунизме будут споры,
И слезы, и размолвки, и мечты,
Там будут и свиданья, и отбытья,
И гордость, побеждающая страх,
Победы, и просчеты, и открытья,
И жертвы в неизведанных мирах...

Это можно еще понять умом. А уж принять сердцем — никак. Никогда. Ни за что.

Вспомним хотя бы историю Конан Дойла, который, сказав о Шерлоке Холмсе все, что считал нужным, позволил своему герою погибнуть в кипеньи Рейхенбахского водопада. Разгневанные читатели прямо-таки заставили его воскресить полюбившегося героя. И, как признавался сам Артур Конан Дойл, «Шерлок Холмс стал проклятием его жизни».

От Мартынова тоже требовали, чтобы он воскресил Гианэю. Писатель долго сопротивлялся. Потом колебался. А потом, вспомнив мальчишек своего поколения, десятками раз бегавших в кино на «Чапаева» и ждавших, что вдруг на этот раз он выплывет, — сдался. Так появилось второе издание романа, состоявшее уже не из трех, а из пяти частей. И снова был ворох писем, на этот раз благодарственных.

И все же, читатель, если вам сегодня двенадцать или пятнадцать лет, читайте роман до конца. Но потом, став несколькими годами старше, вернитесь к нему — и остановитесь, читая, на гибели Гианэи. И вы увидите, что роман от этого становится лишь ярче, убедительнее, в нем больше ощущается горячее писательское сердце, убежденное в том, что непонимание — одно из главных зол нашего мира.

После «Гианэи» Мартынов написал лишь одну книгу — повесть «Сто одиннадцатый»: годы брали свое, работать становилось все труднее.

«Сто одиннадцатый» — еще один вариант Контакта. Однако на этот раз Мартынова меньше всего интересовала сама по себе цивилизация галактических братьев по разуму. Контакт выступает здесь в новом качестве — в роли зеркала, в которое может заглянуть человечество. События происходят в наши дни, в нашей стране, в городе Н...ске. И участвуют в Контакте наши современники, самые обычные, рядовые люди. Мартынов ставит своей повестью вопрос: кто мы? Если встреча цивилизаций произойдет ныне, какими мы будем в глазах наших партнеров по Контакту? Достойны ли Контакта мы, сегодняшние люди, наделенные всеми нашими достоинствами и недостатками, способные на великие прозрения и роковые ошибки? И Мартынов отвечает на этот вопрос: да, достойны, ибо главное у нас — гуманизм, человеческая порядочность, доброта, честность... Просто и естественно, с какой-то почти бытовой интонацией один из героев повести говорит: «Но что может значить риск и даже сама жизнь двух или трех человек, когда дело идет о спасении жизни миллиардов... разумных существ!» И не важно, что речь ведется о существах, которые не являются людьми в обычном понимании слова, которые люди — лишь по разуму, по духу, но не по облику.

«Сто одиннадцатый» стал последней книгой Георгия Сергеевича Мартынова. В 1983 году писателя не стало.

III

В финале романа «Спираль времени», размышляя над судьбой атланта Рени, волей обстоятельств заброшенного в мир, многими тысячелетиями отделенный от его родины, Мартынов писал:

«Человек и его время неразделимы!

Ни в прошлом, ни в будущем человек не может быть счастлив. Его счастье — в настоящем, каково бы оно ни было. В том, с чем он связан бесчисленными нитями с момента рождения, в том, что создало и сформировало его сознание и восприятие окружающего мира.

И вне этого мира для человека нет и не может быть подлинной жизни.

Разум человека живет в среде, которой он создан.

И эта среда для него единственная!»

За этими словами не только судьба Рени. Это и судьба Дмитрия Волгина, человека «дважды умершего и дважды воскресшего». И судьба Гианэи. Вывод этот несет в себе большой нравственный смысл, ибо говорит о кровной связи каждого из нас со своим временем и, следовательно, об ответственности за него. Быть патриотом своего времени, своего мира — вот к чему призывает Мартынов.

Это вывод не только из творчества писателя, но и из его собственной судьбы. Он сам был всегда неразделим со своим временем, на удивление умел жить с ним в союзе. Он был плотью от плоти своего века и своего народа. И потому книгам его дана яркая жизнь. И будет она долгой.

Но полно, как может быть долгой судьба у книг, в которых повествуются никогда не бывшие истории о встречах со внеземным разумом? Ведь это же чисто умозрительный эксперимент, игра ума и воображения!

Игра ума? Однако Станислав Лем, один из крупнейших фантастов века, сказал как-то: «В какие бы галактические одежды я ни рядил своих героев, в конечном счете я пишу о своих современниках и для своих современников». И эти слова справедливы по отношению к большинству фантастов.

Да, фантастика, посвященная Контакту, — не предсказание. Не пророчество. Возможно, конечно, — кто может поручиться, что этого не произойдет?! — однажды ночью, подняв взгляд к небу, увидит кто-то

...шар блестящий,
Как точка малая, затерянный в огнях,
Путем намеченным к иной земле летящий...

Приземлится этот шар на равнине под Курском, в районе Подкаменной Тунгуски или на голландских польдерах, и выйдут из него чернокожие каллистяне или черноволосые гианэйцы. Или, того хуже, какие-нибудь семиногие, пятирукие, ухоглазые... И вот тогда окажется вдруг, что вся литература о Контакте, написанная за века и десятилетия, в какой-то мере подготовила нас к тому, чтобы не приняться первым делом палить в них из любого подручного оружия — от рогаток до базук включительно. Чтобы мы поняли их умом и приняли сердцем. Ибо их и наша цель едина — «братство воссоздать» в разрозненных галактических мирах!

Но ведь может оказаться иначе. А что, если правы те, кто считает Человека единственным разумным обитателем Вселенной? Не хочется в это верить, но вдруг так? Что же, все эти книги написаны и прочитаны зря?

Нет!

На нашей Земле, маленькой планете, обращающейся вокруг заурядной звезды, расположенной на периферии Галактики, каким во Вселенной несть

числа, — на маленькой нашей планете разместилось больше двухсот стран. Их населяет полторы тысячи народов, говорящих на пяти тысячах языках.

И для того чтобы могли мы жить в мире, чтобы научились понимать друг друга, чтобы, думая о жителях иных краев с чуждыми языками и обычаями, мы не видели в них прежде всего врагов, — для этого и пишутся книги о Контакте.

«Человек и его время неразделимы!» — писал Мартынов. В наше время, когда нет важнее задачи, чем сохранить на планете мир, а значит, и саму жизнь — жизнь пяти миллиардов людей и бесчисленных иных жизней, обезьян и кузнечиков, рыб и баобабов, — сегодня нам прежде всего необходимо научиться верить друг другу. И каждая добрая и мудрая книга о Контакте, о поиске взаимопонимания между разными поколениями, цивилизациями, человечествами — это еще один, пусть самый маленький, незаметный, но все-таки шаг к этой великой цели — «братство воссоздать» в наших земных, но пока еще разрозненных мирах.

И рука об руку с нами идут по этому пути Риг Диегонь и Гианэя, Дмитрий Волгин и Белопольский, Рени и Норит-сто-одиннадцатый.

А значит, и писатель-фантаст Георгий Сергеевич Мартынов.

Андрей Балабуха

Анатолий Бритиков

ГИАНЭЯ

ПРОЛОГ

1

Оранжево-желтый круг, пересеченный наискось голубой полосой, появился над бетонированной лентой автомагистрали, когда вечебус находился еще в пятистах метрах. Неподвижный, резко очерченный, пронизанный насквозь солнечными лучами, лившимися с безоблачного неба, он блестел точно маленькое солнце, внезапно возникшее в воздухе над самой дорогой.

Внутри вечебуса прозвучало негромко:

— Внимание! Приближаемся к линии шарэкса. Поезд находится в ста десяти километрах. Желающие наблюдать прохождение экспресса, поднимите руку!

В глубоких креслах сидело человек тридцать, вечебус не был заполнен даже на одну четверть. Восемнадцать пассажиров подняли руки.

Едва слышный шипящий звук нарушил бесшумность бега машины. Заработали тормоза. Вечебус остановился у самого оранжево-желтого знака, который, постепенно тускнея, вскоре совсем исчез, словно растворившись в воздухе.

Хотя желание увидеть экспресс на полном ходу выразили только восемнадцать человек, из машины вышли все находившиеся в ней пассажиры. Шарэкс появился не так уж давно, и интерес к нему еще не успел перейти в привычку. Жителям городов не часто выпадал случай увидеть поезд на середине перегона, когда скорость доходила до шестисот километров в час.

Внутри вечебуса было прохладно, снаружи июльский полдень дышал зноем. Местность у переезда была открытая, равнинная. По обе стороны автомагистрали бесконечной прямой линией уходили к горизонту желтовато-серые опоры желобовой дороги, висящей в четырех метрах над землей. Золотисто блестели, точно солнечные лучи раскалили их, полукруглые «рельсы» пути. Красные линии, ограждавшие с двух сторон «полотно» шарэкса, в ярком свете дня казались приподнятыми, будто не по земле были проведены они, а прямо по воздуху.

ok-language
Электронная копия никогда не заменит книгу

Пассажиры вечебуса были одеты очень легко, большинство — в светлые, из тонкой материи костюмы, но все же летняя жара давала себя чувствовать: день был безветренным.

Среди них сразу обращала на себя внимание высокая девушка в белом платье, более коротком, чем обычно носили в это время. Странный зеленоватый оттенок ее кожи, изумрудно-сапфировый отлив густых черных волос, ничем не покрытых, точно девушка не замечала зноя, косо поставленные глаза, приподнятые к переносице — удивительно длинные и кажущиеся вследствие этого более узкими, чем они были на самом деле, — все выдавало в ней человека не земной расы. От белых туфель до колен стройные, красивой формы голени были обвиты перекрещивающимися узкими белыми лентами, закрепленными тоже белыми, как будто металлическими, пряжками в виде удлиненных листьев какого-то неизвестного растения. Как два щитка, они закрывали ее колени. Тонкие руки, обнаженные до плеч, заканчивались длинными гибкими пальцами с ярко-зелеными блестящими ногтями, точно на конце каждого пальца девушка носила по крупному изумруду. Зеленый цвет ясно проступал в углах рта и особенно был заметен на крыльях прямого носа.

Но кровь девушки явно имела красный цвет. Зеленый оттенок, видимо, придавали ее коже особые свойства пигмента. Кое-где в местах сгибов это сочетание окрашивало ее тело в коричневый цвет загара.

Ее платье не доходило до колен и было сильно открыто сзади. Обнаженная спина почти совсем скрывалась под волнами длинных волос, перехваченных у затылка широкой белой пряжкой, все той же формы листка не известного на Земле растения. Из-за удивительной густоты эти волосы производили впечатление тяжелой массы, в которой лучи Солнца создавали изумрудные переливы при каждом движении головы.

Но «зеленость» не портила внешнего вида девушки, наоборот, она казалась своеобразно красивой, возбуждала невольное чувство симпатии своей свежестью, нерастраченной силой цветущей юности. И только ее глаза, косо расположенные, придавали лицу выражение грусти.

Пассажиры вечебуса успели уже приглядеться к своей необычайной спутнице и не обращали на нее особого внимания. Все знали, кто она такая. Не было на Земле человека, который не слыхал бы о ее фантастической и загадочной истории. Только иногда чей-нибудь любопытный взгляд украдкой останавливался на ее статной высокой фигуре, пытливо

всматривался в черты лица, словно стараясь угадать, что нужно здесь «гостье Земли», зачем оказалась она в вечебусе, идущем по маршруту Киев — Полтава.

Девушка не замечала этих взглядов. Казалось, что она вообще не замечала никого из окружающих ее людей. Ни разу ни на ком не остановился взгляд ее бархатно-черных глаз.

Ее звали Гианэя. Как и она сама, это имя было известно во всем мире.

Рядом с ней неотлучно держалась другая девушка, но уже обычного земного типа. Она тоже была высокого роста, но все же на полголовы ниже своей спутницы, с такими же густыми черными волосами, но без зеленого оттенка, одетая в такое же белое платье, но более длинное и не столь открытое. На ее ногах были такие же туфли, но без лент. И ее черные глаза были немного узки, но расположены прямо.

Пассажиры вечебуса знали, кто эта вторая девушка. Так же, как Гианэю, ее знали все. И вся Земля знала ее имя и фамилию.

Они говорили между собой на звучном красивом языке, но говорили очень тихо. Слух Гианэи, и это тоже было известно всем, обладал исключительной, невозможной у людей Земли остротой.

И не только слух. Все органы чувств были развиты у пришелицы из другого мира в превосходной степени. Она видела то, что человек Земли не мог бы увидеть без бинокля, улавливала запах, которого не почуяла бы и специально натренированная овчарка. Тонкие нервные пальцы Гианэи были способны ощутить совершенно недоступное пальцам людей.

Способности загадочной гостьи давно уже привлекли пристальное внимание ученых. Она обладала чудесным голосом, диапазон которого охватывал почти все октавы земного рояля, прекрасно рисовала. С непринужденной легкостью лепила из глины и высекала из мрамора скульптурные портреты. И все это делала так, словно всю жизнь была певицей, художником или скульптором. Ее тело было способно к самым невероятным гимнастическим упражнениям. Во всех видах легкой атлетики Гианэя далеко превосходила людей. Только спортсмены-мужчины, рекордсмены своего вида спорта, могли соревноваться с ней без риска обязательно оказаться побежденными.

Было замечено, что Гианэя больше всего любит плавание. И она плавала в отточенном стиле классического кроля, что доказывало, во-первых, распространенность этого вида спорта на ее родине, а во-вторых, что изобретение наиболее быстрого способа плавания не являлось прерогативой Земли.

— Физически, — говорили ученые, — Гианэя человек будущего. Такими, как она, должны стать и обязательно станут все люди у нас, на Земле. Эволюция человеческого организма закономерно приведет к тому, что все так называемые таланты станут обычной нормой здорового человека.

Говоря о физических данных, ученые ни словом не упоминали об умственных способностях Гианэи. Они их просто не знали. Только по косвенным признакам можно было предполагать в ней высоко развитый мозг.

За полтора года, прошедшие с момента первого появления на Земле этой девушки из другого мира, все еще не удалось найти с ней общего языка, достигнуть полного взаимопонимания. Гианэя не выражала ни малейшего желания изучить земной язык, предоставляя всю инициативу знакомства людям Земли. Перед группой ученых-лингвистов, взявшихся за изучение ее языка, встала нелегкая задача, и не только из-за трудностей самого языка, но главным образом из-за явного нежелания Гианэи помочь людям. Она очень неохотно «давала уроки», ограничиваясь самыми простыми словами и понятиями, без которых сама не могла обойтись, живя на Земле. Малейшая попытка расширить знакомство с ее языком, с целью затронуть научные вопросы, встречала неизменный молчаливый отпор. Создавалось впечатление, что Гианэя твердо решила ни за что не дать людям возможности задать ей вопросы научного или технического характера.

Может быть, Гианэя сама была не знакома с наукой своего мира? Обстоятельства ее появления на Земле решительно говорили против такого предположения. Она безусловно многое знала. Но было ли это «многое» большим, чем знали на Земле?

Ученые не теряли надежды получить, наконец, ответ на интересующие их вопросы. Не будет же Гианэя вечно молчать? Если она хочет когда-нибудь вернуться на родину, то это может случиться только с помощью людей Земли, с помощью земной техники.

Совсем недавно эта надежда сломить непонятное упорство Гианэи усилилась. Гостья впервые заговорила о прошлом.

— Я покинула родину, — сказала она единственному человеку, к которому явно чувствовала расположение, — Марине Муратовой, ленинградской лингвистке, той самой, которая сопровождала ее теперь в поездке, — почти против своей воли. Но почему-то я не ощущаю особой тоски по ней. А к вам, на Землю, я попала совсем уж против воли. Удивительно неудачен был для меня этот рейс. Но остаться у вас навсегда… — она

вздрогнула.

Наконец-то проявились в Гианэе человеческие чувства! Полтора года она держала себя, с первого же момента, с неестественным спокойствием.

— Ваша родина лучше нашей Земли? — спросила Муратова, вполне убежденная, что получит утвердительный ответ.

И ошиблась.

— Нет, — ответила Гианэя. — Ваша Земля гораздо красивее. Но мне все же дороги воспоминания детства и юности.

И это было все. Гианэя снова замкнулась в себе, не ответив на дальнейшие вопросы Муратовой, пытавшейся продолжить беседу.

Но и то, что она сказала, было проблеском. Гианэю окружили еще большими вниманием и заботой. Было решено не форсировать событий, ожидать, когда она сама захочет высказаться. Раз заговорив о своем прошлом, Гианэя должна была рано или поздно снова вернуться к нему.

Муратова стала постоянным спутником и переводчиком Гианэи. Между двумя девушками постепенно устанавливались дружеские отношения. Возможно, что этому способствовало хотя и небольшое, но несомненное внешнее сходство.

Где находилась родина Гианэи? Откуда явилась она столь странным и загадочным образом в Солнечную систему? И как это могло произойти «против ее воли»? На эти вопросы могла ответить только сама Гианэя. Но она молчала, молчала уже полтора года.

Но когда-нибудь она должна была заговорить. Этого момента с нетерпением ожидало человечество Земли.

И вот сейчас, в жаркий июльский полдень, таинственная пришелица из другого мира стояла у переезда через линию шарэкса, среди зеленой равнины, в центре украинской земли.

Что привело ее сюда? Этого не знала и Муратова. Гианэя выразила такое желание, и этого было достаточно. Ее желания старались выполнять беспрекословно. Можно было только предполагать, что в Полтаву ее привлекло предстоявшее в скором времени приземление Шестой лунной экспедиции на полтавском ракетодроме. Другую причину трудно было придумать.

Но было одно «но» в этом вопросе, и ученые Земли дорого бы дали за то, чтобы узнать, интересует Гианэю Луна или не интересует. Выяснение этого вопроса могло пролить свет на многое, что до сих пор оставалось тайной.

Сомнения вызывал тот факт, что о возвращении Шестой

никто не говорил Гианэе. Откуда же она могла узнать об этом?

Но, как бы то ни было, Гианэя сказала, что хочет поехать в Полтаву, указав этот город на карте.

В своих поездках по Земле, а они были довольно часты и продолжительны, Гианэя упорно пользовалась наземным и морским транспортом, воздушного она не признавала. И в этот раз она предпочла вечебус, хотя и знала, что этот путь длиннее и утомительнее…

Но, может быть, Гианэя хотела видеть вблизи земную природу?..

Времени оставалось немного. Для шарэкса, идущего на полной скорости, сто километров — это десять минут. Группа пассажиров направилась к небольшой возвышенности, находившейся метрах в сорока от автомагистрали. Наблюдать прохождение экспресса снизу было не так интересно.

Первой на вершине маленького холма оказалась Гианэя. Подвижность, явное предпочтение, отдаваемое бегу перед ходьбой, стремительность движений были характерными чертами этой девушки. Она легко взбежала по довольно крутому склону, одним прыжком одолев последние метры.

На фоне синего неба отчетливо вырисовывался ее стройный силуэт, свободно развернутые плечи и гордая посадка головы. В солнечном свете, издали, исчез зеленоватый оттенок ее тела, и Гианэя казалась коричневой статуей, одетой в ослепительно белое короткое платье.

— Очень красива! — заметил кто-то из пассажиров вечебуса.

Муратова была хорошей спортсменкой, но при подъеме на холм отстала от своей спутницы метров на десять. Оказавшись рядом, она невольно обратила внимание на то, как спокойно и ровно дышит Гианэя. Стремительный подъем, очевидно, нисколько не утомил ее и не нарушил ритма сердцебиения.

— Я слышу какой-то протяжный гул, — сказала Гианэя, протягивая руку в ту сторону, откуда должен был появиться экспресс.

Он был еще очень далеко, за горизонтом. Никто в мире не смог бы уловить на таком расстоянии характерный шум идущего полным ходом шарэкса. Но Муратова ни на секунду не усомнилась в том, что Гианэя действительно слышит этот звук. Слишком часто приходилось убеждаться в феноменальной остроте слуха гостьи.

В памяти Муратовой всплыла фраза из детской сказки: «Слушал, как трава растет».

«Кто-кто, — подумала Марина, — а Гианэя, пожалуй, способна на это. Любопытно, сколько звуков слышит она, когда нам кажется, что кругом полная тишина».

Со стороны вечебуса металлический голос предупредил:

— Экспресс приближается!

Значит, и механический водитель машины услышал: шум поезда. Кибернетический автомат обладал такой же остротой чувств, как и живая Гианэя.

Пассажиры заторопились.

— Что он сказал? — спросила Гианэя. Муратова перевела.

— Да, он все ближе, — подтвердила девушка.

Шесть-семь метров подъема оказались преодолимыми не для всех из-за крутизны. Небольшая группа пожилых пассажиров остановилась на середине склона. К двум девушкам присоединилось человек двадцать.

Линия шарэкса была отсюда — как на ладони. Влажно (так они были отполированы) блестели полукруглые опоры — рельсы. Их геометрическая правильность создавала зрительную иллюзию, что и внизу, где была пустота, они продолжаются, замыкаясь невидимой поверхностью, создавая сплошную опору в форме трубы, разрезанной вдоль, — желоба. Потому и назывался этот путь «желобовой дорогой».

Но название имело и другую, историческую, причину. Самая первая линия шарэкса была действительно построена в виде сплошной полутрубы. Только впоследствии пришли к убеждению, что нижняя часть не нужна, что она даже уменьшает скорость, создавая излишнее трение. Сокращение площади «рельсов» вполне можно было скомпенсировать увеличением количества шариков на опорной поверхности самого шарэкса. Эта рационализация, предложенная и рассчитанная молодым тогда инженером — Виктором Муратовым, родным братом спутницы Гианэи, — дала блестящие результаты: скорость экспресса сразу возросла на двадцать процентов.

Форма пути изменилась, но первоначальное название так и осталось за дорогой, Шарэкс приближался. Теперь его слышала не одна только Гианэя. Где-то, еще за горизонтом, но уже близко, словно гудела туго натянутая толстая струна.

— Нас не сметет отсюда? — опасливо спросил кто-то рядом с Муратовой.

— Ну, что ты! — ответил другой. — От нас до пути метров тридцать.

Точно услышав этот разговор, механический водитель вечебуса снова подал свой голос.

— Рекомендуется не стоять, а сесть на землю, — внятно и раздельно сказал он.

Все поспешили выполнить этот совет. Но, выслушав перевод, Гианэя осталась на ногах. Севшая было Муратова поспешно поднялась. Она не могла допустить, чтобы вверенная ее попечению гостья упала из-за своей неосторожности и, возможно, получила хотя бы и небольшую травму. Встав рядом с Гианэей, она крепко обняла девушку за плечи — так было устойчивей.

Гианэя улыбнулась и, в свою очередь, обхватила рукой талию Марины.

«Теперь мы не упадем», — подумала Муратова, ощутив всем телом, как надежна опора этой тонкой, нежной с виду, но такой сильной руки.

Она хотела поддержать Гианэю, а вышло, что Гианэя поддерживала ее.

«Как бы то ни было, а теперь мы не упадем, промчись тут хоть два шарэкса», — еще раз, про себя, сказала она.

— Эту дорогу построил ваш брат? — неожиданно спросила Гианэя.

Муратова вздрогнула. Нет, это уже слишком! О своем брате она никогда не упоминала в разговорах с Гианэей, исполняя просьбу Виктора. Он не хотел, чтобы гостья знала об их родстве. Ведь самого Виктора Гианэя хорошо знает, не подозревая, что он брат Марины. Кто же мог сказать ей о нем? И откуда она знает, что именно Виктор предложил идею такого пути?

Большие, столь необычно посаженные глаза внимательно смотрели на Муратову, ожидая ответа. Едва заметная улыбка тронула зеленоватые углы красиво изогнутого рта. И у Марины, не в первый раз, мелькнула мысль, что Гианэя притворяется, — она знает земной язык, втайне от нее читает газеты и журналы.

— Нет, — машинально ответила Муратова на своем родном языке. — Он не строил эту дорогу, а только предложил идею.

— Что вы сказали? — спросила Гианэя.

«Если притворяется, то очень искусно! Но, может быть, она знает не русский язык, а какой-нибудь другой?»

Муратова перевела сказанное на язык гостьи.

— Идет! — сказал кто-то.

Это относилось к шарэксу.

Вдали, там, где «рельсы» пути казались слившимися в одну тонкую прямую линию, появилась ярко блестевшая точка. Она стремительно приближалась. Низкий протяжный гул усили-

вался с каждой секундой.

«Шофер» вечебуса услужливо информировал:

— Шарэкс идет со скоростью шестисот десяти километров в час, или ста шестидесяти девяти и семнадцати сотых метра в секунду.

Пока звучала эта фраза, экспресс успел пройти около двух километров и находился уже совсем близко. Отчетливо можно было рассмотреть длинный, идеально обтекаемой формы корпус переднего вагона, сделанный из серебристого металла. Позади экспресса, ясно видимый в солнечных лучах, тянулся шлейф взвихренного воздуха.

Некоторые из зрителей на холме заткнули уши. К могучему гулу присоединился все усиливающийся свист.

Гианэя стояла неподвижно, не спуская глаз с приближающегося экспресса. Много раз она ездила на шарэксе, но еще ни разу не видела его со стороны, во время движения. Говорил ли ей что-нибудь вид сверхбыстрого поезда, будил ли в ней воспоминания? Кто мог ответить на это?

В тот момент, когда короткий состав серебристой молнией промелькнул мимо холма, ударив по зрителям тугой волной рассеченного воздуха, Муратова случайно посмотрела в лицо Гианэи и успела заметить, как в темных глазах ее спутницы блеснул огонек.

К чему он относился? Что его вызвало? Было ли это восхищение могуществом земной техники, или… насмешкой над ее отсталостью?..

Когда шарэкс исчез за противоположной линией горизонта и замер для слуха людей Земли его гул, Муратова спросила:

— Каково ваше впечатление? Но Гианэя ничего не ответила.

2

Обе девушки не знали, что человек, о котором они недавно говорили, находился в экспрессе, только что пронесшемся мимо них.

Виктор Муратов сидел в глубоком мягком кресле у стенки вагона и внимательно просматривал страницы какой-то рукописи.

Из газет он знал, как знали это все, что Гианэя отправилась в Полтаву, а с нею, конечно, и его младшая сестра. Но мысль, что минуту тому назад он находился совсем близко от них, есте-

ственно, никак не могла прийти ему в голову. И даже если бы он смотрел в окно, то при такой скорости все равно не смог бы заметить группу людей на маленьком холмике.

Это был очень высокий, сильно загорелый, атлетически сложенный мужчина, лет тридцати пяти. У него были такие же, как у сестры, густые черные волосы и темные глаза, приподнятые к переносице. Это делало его немного похожим на Гианэю.

Но сам он не замечал этого сходства, которое, безусловно, бросилось бы в глаза каждому. Правда, один раз, в очень памятный день, ему сказали об этом, но Муратов вскоре забыл эту фразу.

И не вспомнил о ней даже сейчас, когда перед его глазами была фотография Гианэи, наклеенная на одной из страниц рукописи.

Он даже не взглянул на снимок. В этом не было никакой нужды, так как именно он, в числе немногих других людей, первым увидел пришелицу из другого мира, и ее черты навсегда врезались в его память. Слишком необычайны были обстоятельства этой первой встречи и место, где она произошла.

Быстро прочтя последнюю страницу, вернее, только скользнув по ней глазами, Муратов сложил листки, аккуратно выровняв углы, и, согнув рукопись пополам, сунул ее в карман.

— Нет, это совсем не то! — сказал он, пожав плечами.

— Что не то? — спросил сидевший рядом в таком же кресле пожилой, скорей даже старый, человек с белоснежными волосами.

— Не то пишет автор. — Муратов дотронулся до кармана, где лежала рукопись. — Это очередная теория появления Гианэи. Меня просили прочесть и сказать свое мнение.

— И оно отрицательное?

— Да, как видите.

— А вы, простите, кто будете? Муратов назвал себя.

— Слышал, — сказал старик. — Как же, слышал и не однажды. Кстати, вот этот самый шарэкс, на котором мы сейчас едем, ваше изобретение?

Муратов улыбнулся. Странно было встретить человека, не знавшего, кто был конструктором шарэкса.

— Нет, — ответил он, — к изобретению, как вы выражаетесь, шарэкса я не имею никакого отношения. Единственное, в чем я повинен, — это небольшое изменение формы пути, но не больше.

— Да, да, — сказал старик. — Вы правы, теперь я вспомнил.

Прошу прощения. Но раз уж мы с вами встретились, то, если вы не возражаете, осмелюсь задать вам вопрос.

«Кто он такой? — подумал Муратов. — Даже манера говорить у него какая-то странная».

— Пожалуйста, — сказал он вслух.

— Вот еду, — начал старик. — Весь путь длится всего два часа. В мое время на это понадобились бы целые сутки на скором поезде. Еду, а не знаю, что же позволяет шарэксу мчаться с такой безумной скоростью…

— Почему безумной?

— Ну, не знаю, — сердито сказал старик. — Для вас это может казаться самым естественным, но для меня… для меня это не так. Так вот, если будете столь любезны, объясните, пожалуйста.

Муратов внимательно посмотрел на собеседника. Да, этот человек стар, очень стар. Теперь, когда наука во много раз продлила молодость человеческого организма, такое морщинистое лицо встречается редко. Да и самый факт, что он не знает вещей, хорошо известных детям, указывает на весьма и весьма почтенный возраст.

— Простите, — сказал он, подделываясь под манеру говорить своего спутника, — не скажете ли вы, сколько вам лет?

Старик неожиданно весело рассмеялся.

— Готов спорить, — сказал он, — что вы задаете себе вопрос: откуда взялся такой неуч? Не возражайте, я не обиделся. Это вполне естественно, что вы так подумали. Да, с современной точки зрения я мало знаю. А когда-то считался образованным человеком. Учил других. Трудно поверить, правда? — и он снова засмеялся, как показалось Муратову, с легким оттенком горечи.

Догадка мелькнула в мозгу Муратова. Неужели это тот самый? Похоже, что так. В то время людей еще называли не только по имени, но и по отчеству…

— Вы ошибаетесь, Николай Адамович, — сказал он, — никто не считает вас неучем. Старик не удивился.

— Догадались, — усмехнулся он. — Да, я и есть Болотников, Николай Адамович, доктор биологических наук второй половины прошлого века. И мне девяносто семь лет. А если прибавить сюда время, которое я провел во сне, то и все сто двадцать два.

— Во сне… — машинально повторил Муратов. — Ну не во сне, а в анабиозе. Разница небольшая. Анабиоз — это тот же сон, только более глубокий.

Муратов все вспомнил.

Это произошло в дня его детства, в начале века. Погружение в сон, или в состояние анабиоза, как средство продления жизни, служило тогда темой бесчисленных дискуссий среди медиков и биологов. Этот метод, наравне с другими, был признан заслуживающим внимания, но не во всех случаях. Опыты над животными показали, что наибольший эффект достигался тогда, когда анабиоз применяли к организму уже состарившемуся. Нужен был опыт над человеком. И вот девяностотрехлетний профессор Болотников предложил себя. Муратов помнил фотографии в журналах, которые он, ребенок, рассматривал с любопытством. Видимо, лицо Болотникова не произвело на него большого впечатления, если он совершенно забыл его и не узнал сразу. Значит, Болотникова вернули к жизни четыре года назад. Как раз в то время он, Муратов, находился далеко, увлеченный своим делом, и это событие прошло мимо него.

Он с любопытством смотрел на своего спутника. Ведь этот человек был ровесником Октябрьской революции! Именно этот факт больше всего поражал двадцать девять лет тому назад маленького Виктора.

— Теперь вас не должно удивлять мое невежество во многих вопросах, — продолжал старый профессор. — Четыре года — срок небольшой. Мне едва хватило времени на ознакомление с достижениями биологии — моей области. Все остальное как-то выпало из поля зрения.

— Я понимаю, — сказал Муратов. — Интересная встреча. Я очень доволен. Мне вообще везет в этом отношении. Я много раз встречался лицом к лицу с знаменитыми людьми. Может быть, вы не знаете, но и Гианэю…

— Это-то я знаю, — перебил Болотников. Он посмотрел на часы. — В нашем распоряжении осталось всего пятнадцать минут. В Полтаве я выхожу.

— Времени хватит, — сказал Муратов. — Вы хотите знать, как движется шарэкс?

— Да, если это не затруднит вас.

— Вы, конечно, знакомы с токами ультравысокой частоты? — Болотников кивнул головой. — Если мне не изменяет память, ко дню вашего выхода из жизни их передавали по подземным кабелям. Автобусы, берущие энергию для своих моторов от этих проводов, или, как их называют теперь, вечебусы, существовали уже тогда…

— Вы хотите сказать, что шарэкс…

— Вот именно. Только теперь токи ультравысокой частоты

идут не по кабелям. Найден способ передавать их прямо по воздуху, наподобие радиоволны, и притом без потерь. На определенной высоте, над землей, разлита, если можно так выразиться, сплошная пелена энергии. Если раньше, например, вечебусы вынуждены были передвигаться только по тем дорогам, под которыми проложен кабель, то теперь они могут ходить где угодно. Но двигатели вечебуса — электромоторы, а у шар-экса они реактивные. Энергия, практически безграничной мощности, берется «с воздуха», а шариковый принцип скольжения… он известен очень давно. Скажем, шарикоподшипники. Трение между шарэксом и его опорой, в виде идеально гладких полукруглых «рельсов», весьма незначительно. Вот все это и дает возможность развить… безумную скорость, — улыбнулся Муратов.

— Ишь злопамятный! — сказал Болотников. — Ну, спасибо, голубчик. Все ясно. Недаром говорили в старину: «Дело мастера боится». Вы объяснили просто и исчерпывающе. Приближаемся к Полтаве, — прибавил он, посмотрев в огромное, во всю длину вагона, окно.

Шарэкс продолжал мчаться с прежней быстротой. За зеркальным стеклом, сколько хватал глаз, раскинулась панорама огромного города. Высоко в небо уходили шпиля высотных зданий.

— Нет, это еще не Полтава, — сказал Муратов. — Это Селена, совсем новый город, выросший за последние пять лет вокруг ракетодрома. Это пригород Полтавы.

— Хорош пригород, — усмехнулся Болотников. — Побольше прежних столиц. Между прочим, я был здесь в последний раз ровно сто лет тому назад; это был сравнительно небольшой город. Я говорю, конечно, о Полтаве, а не о Селене.

Шарэкс начал замедлять ход. Мощный гул, едва слышный внутри вагонов, теперь как будто совсем смолк. А может быть, управлявший поездом автомат выключил двигатели, рассчитав, что инерции хватит до перрона станции.

Селена осталась позади. Быстро надвигались массивы окраинных зданий самой Полтавы.

Более нетерпеливые пассажиры стали подниматься со своих мест. Вагон не имел никаких перегородок, или купе. Он представлял собой одно сплошное помещение, пол которого был застлан мягким, пушистым ковром. Маленькие столики, буфетные и книжные шкафики, переносные экраны телеприемников составляли его обстановку. Кресла можно было ставить где угодно, по желанию пассажиров.

Металлический голос произнес:

— Полтава!

— Прощайте, голубчик! — сказал Болотников. — Мне было очень приятно познакомиться с вами.

— Вы долго пробудете в Полтаве?

— Недели две.

— Тогда не прощайте, а до свидания. Я буду здесь через три дня.

— Встречать Шестую?

— Вот именно.

— Ну, значит, увидимся, если вы захотите, конечно.

— Обязательно захочу. Кстати, вы знаете, что Гианэя будет здесь?

— Знаю и хочу ее видеть. До сих пор не пришлось. Только на снимках и на экранах.

— Вы хотите с ней познакомиться?

— Даже очень хочу, но как это сделать?

— Гианэю сопровождает в качестве переводчика моя сестра. Подойдите к ней, передайте привет от меня, и она вас познакомит.

— Спасибо! Я обязательно это сделаю. Гианэя меня очень интересует. Кстати, это ее действительное имя? Я хочу сказать, оно так и звучит на их языке?

— Не совсем так. — Муратов произнес медленно, растягивая слоги: — Гий-аней-йа. Вот примерно так звучит это имя. Так представилась она при первой встрече с людьми полтора года тому назад. Мы стали звать ее проще — Гианэя.

— И она?

— Сразу стала отзываться на это имя.

— Вы знаете их язык?

— Знаю все слова, которые смог запомнить. Примерно слов двести.

— Трудный язык?

— Да нет, не очень. Вас удивит то, что я сейчас скажу. В этом языке мне чудится что-то знакомое.

— Как это может быть? Язык чужой планеты…

— Мне самому это странно. Но никак не отделаться от впечатления, что слова звучат знакомо. Может быть, когда будет известно больше… Пока мы знаем немного. Эта странная девушка не хочет знакомить нас со своим языком.

— Но почему?

— На это может ответить только сама Гианэя. Попробуйте!

Шарэкс остановился. Перрон вокзала скрывала глухая стена

предохранительного туннеля. В полу образовалось отверстие (казавшийся сплошным ковер разошелся в этом месте). Откуда-то из нижней части вагона скользнули вниз ступени широкой лестницы.

Болотников еще раз попрощался с Муратовым, еще раз поблагодарил его и вышел. С ним вышло человек десять. Снизу поднялись другие пассажиры. Муратов не спускался на перрон — он знал, что шарэкс простоит всего четыре минуты.

Прозвучал сигнал отправления. Люк в полу вагона закрылся. Ковер сдвинулся, и нельзя было заметить, где проходит его раздвижной шов.

Вагон чуть заметно покачнулся. Поплыли, рванулись, исчезли стены туннеля, поезд вылетел под открытое небо. Все быстрей и быстрей замелькали дома Полтавы, шарэкс стремительно набирал скорость.

Вскоре город исчез за горизонтом. По обе стороны полотна дороги расстилались бесконечные желтые поля. Всюду– виднелись вечелектры. Огромные, неуклюжие с виду, они медленно ползли среди моря хлебов, и, казалось, им не было числа. Шла вторая в это лето уборка урожая.

Муратов почувствовал, что голоден. Буфетный шкафик «снабдил» его стаканом горячего черного кофе и бутербродами.

Возвращаясь к своему креслу, Виктор вспомнил Болотникова.

«Славный старик! — подумал он. — Чудаковатый, но очень симпатичный. Интересно, как отнесется к нему Гианэя».

С откровенностью, какой не часто обладали люди Земли, девушка другого мира относилась к людям по-разному. Одним она улыбалась, охотно позволяла пожимать свою руку (сама она явно не была знакома с рукопожатием), к другим сразу же выказывала антипатию. Случалось, что она поворачивалась спиной к человеку, желавшему познакомиться с ней. И никогда не отвечала на вопрос, почему ей не нравится тот или иной человек. Было замечено, что чаще всего она хорошо относилась к людям высокого роста, тогда как малорослые люди, почти как правило, не возбуждали ее симпатий.

Первые месяцы пребывания на Земле Гианэя приветствовала людей поднятием открытой ладони до уровня плеча, но потом она перестала это делать. Молча протягивала руку для пожатия, но никогда не отвечала тем же.

«Скучает ли она на Земле? — думал Муратов. — Тоскует ли о своей родине? Почему не хочет ближе, глубже познакомиться с Землей и ее обитателями? Какую цель преследует Гианэя

своим упорным молчанием?»

В том, что Гяанэя ведет себя так с какой-то целью, Муратов не сомневался. Существовала причина, и причина серьезная. Но в чем она заключалась?

Муратова раздражала таинственность Гианэи. Именно поэтому он покинул гостью Земли сразу после того, как доставил ее на Землю. Он не терпел загадок, не поддающихся разгадке. А здесь была даже не загадка, а необъяснимая тайна. С первого же дня, с первого момента своего появления Гианэя замкнулась в себе, видимо заранее наметив линию поведения. Муратов знал это лучше других, был свидетелем первых часов и дней.

«Есть причина, есть! — часто думал он. — И кто знает, может быть, эта причина гораздо важнее, чем то, что стремятся узнать у Гианэи наши ученые».

Рукопись, которую он прочел, разговор с Болотниковым снова, в который раз, вернули его мысли к событиям прошлого.

Он помнил, помнил до мелочей все, что предшествовало появлению Гианэи…

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

1

«Дорогой Виктор!

Очень прошу тебя приехать ко мне. Немедленно. Удалось, наконец, нащупать в пространстве объект, присутствие которого в Солнечной системе подозревалось еще в прошлом веке. Помнишь, я тебе рассказывал о нем. Но мне не все ясно. Какие-то странности. Приезжай! Тряхнем стариной — подумаем вместе. Проблема интересная, не пожалеешь. Приезжай обязательно! Ты мне очень, очень нужен!!!

Сергей».

Муратов дважды прочел короткое письмо друга.

Было ясно, что Синицын писал, будучи взволнованным или находился в состоянии нервного возбуждения. На это указывали не свойственная ему неряшливость стиля и трижды повторенная просьба приехать. Да и почерк был необычный — неровный, явно торопливый. Это не вяжется с обликом всегда сдержанного, спокойного в словах и жестах астронома. И зачем писать, когда то же самое можно быстрее и проще сказать по радиофону.

О каком объекте идет речь? Муратов решительно не помнил, чтобы его друг рассказывал ему что-нибудь подобное.

Дело, конечно, в астрономическом открытии. «Пространство», «Солнечная система» — достаточно ясно. Но ведь Сергей хорошо знает, что он, Виктор, никогда особенно не интересовался небесными телами, знаком с астрономией только в пределах школьной программы. Какую же помощь он хочет получить?

Проще всего было подойти к радиофону и вызвать обсерваторию, где работал Синицын. Но Муратов просто органически не переносил, если вставшая перед ним, пусть самая пустяковая, загадка оставалась не разгаданной им самостоятельно.

Так и сейчас. В письме была неясность. Сергей просит приехать, но не пишет зачем. Значит, надо догадаться самому.

Муратов пытливо всматривался в каждое слово.

«Как бы неряшливо и торопливо ни писал человек, — думал он, — владеющая им мысль должна отразиться».

«Странности»! Вот, пожалуй, ключ к пониманию. Сергею удалось (он сам так пишет) открыть что-то новое в Солнечной системе. Факт удивительный сам по себе. Что-что, а Солнечная система как будто исследована вдоль и поперек. И вот обнаруженный им «объект» ведет себя «странно». Сергей не понимает причины. На это указывают слова: «подумаем вместе».

Так! Теперь дальше…

«Тряхнем стариной». О чем может идти речь? Не о спорте же. Они оба любили в дни юности решать совместно запутанные математические задачи. Подходит!

В чем могут проявляться «странности» астрономического порядка? Только в движении тела, его орбите. И, наконец, «проблема интересна»! Все ясно! Сергею нужна помощь математика, чтобы разгадать, по какой орбите движется «объект».

Муратов улыбнулся. Стоило думать целых пять минут, когда все ясно и никакой загадки нет.

Он был занят и не расположен бросать работу. Может быть, можно помочь другу, оставаясь на месте? Так ли уж необходимо его личное присутствие?

Муратов подошел к аппарату. Но переговорить с Сергеем так и не удалось. Кто-то из сотрудников обсерватории сообщил, что «Синицын второй день не выходит из своего кабинета. Заперся и не отвечает ни на какие вызовы». «Что же он, не ест и не спит?» — спросил Муратов. «Похоже на то», — был ответ.

Это вполне соответствовало характеру Сергея. Если

что-нибудь поглощало его мысли, он был способен работать сутками без отдыха.

Да, видимо, вставшая перед ним проблема действительно очень интересна!

Не оставлять же трижды повторенную просьбу друга без внимания.

Не колеблясь, Муратов вылетел в тот же день.

Если бы он только мог знать, что последует за этим письмом! Поехал бы он тогда к Сергею?..

Выбросив из головы прежнюю работу, Муратов, как всегда, почувствовал нетерпение начать новую. Три часа показались ему очень долгими.

Трансатлантический лайнер пролетал как раз над местом, где была расположена обсерватория. Посадка предстояла более чем в тысяче километрах западнее. Значит, придется ехать обратно наземным транспортом и терять еще два часа…

Муратов заявил о своем желании высадиться с парашютом.

Бортрадист вызвал обсерваторию. Оттуда ответили, что к месту приземления Муратова вылетит планелет-автомат.

— Вам приходилось раньше прыгать? — спросил один из членов экипажа лайнера, помогая Муратову пристегнуть лямки парашюта.

— Только один раз, еще в школе. А разве это имеет какое-нибудь значение?

— Дело в том, что мы летим на высоте семи километров. Вам придется сделать затяжной прыжок.

— А это что, очень сложно?

— Нет, какая же сложность. Парашют раскроется сам в нужный момент, он автоматический. Но с непривычки свободное падение может быть неприятным.

— Не беспокойтесь, я не страдаю нервами.

Планелет явился через две минуты после приземления, прошедшего вполне благополучно.

А еще через пять минут Муратов уже входил в одно из зданий научного городка, где, как ему сказали, помешался кабинет Синицьша.

На стук в дверь не последовало никакого ответа.

Муратов постучал сильнее.

— Я занят, прошу не мешать, — послышался сердитый голос Сергея.

— В таком случае, — смеясь ответил Муратов, — я улетаю обратно. Открой, чудак! Это я — Виктор.

Раздались поспешные шаги, и дверь открылась.

Муратов ахнул от неожиданности и неудержимо расхохотался.

Синицын стоял перед ним в одних трусах и в туфлях на босу ногу. Его лицо было испачкано маслом и какой-то темной краской. Взлохмаченные волосы торчали пучками во все стороны.

Из кабинета пахнуло горячим воздухом.

— Что здесь происходит? Ты что, ремонтом занялся на досуге? Почему здесь такая жара?

— Во-первых, здравствуй! — спокойно сказал Синицын. — Спасибо, что приехал. Ты мне нужен еще больше, чем когда я писал письмо. Прямо позарез. А жара — вот, — он указал на небольшую, кабинетного типа электронно-вычислительную машину, стоявшую у письменного стола. — Эта портативная машинка не рассчитана на тридцать часов непрерывной работы.

— Зачем же ты так терзаешь ее, несчастную? — Муратов быстрым внимательным взглядом окинул кабинет.

Пол был засыпан огромным количеством полиэтиленовых пластинок — программ. Они валялись всюду: у самой машины, на ковре, застилавшем середину комнаты, даже у двери. Видимо, хозяин кабинета бросал их куда попало. Одежда Синицына так же была разбросана по креслам и дивану. Окна наглухо закрыты тяжелыми портьерами. Горела люстра и несколько настольных ламп.

Красноречивая картина. Наверное, Сергей даже не знает, что сейчас день, а не ночь.

— Ничего не получается? — насмешливо спросил Муратов.

— Проклятая загадка! Прямо хоть волосы рви от отчаяния.

— Я вижу, что ты пытался это делать. Послушай, дорогой мой, я тебя не узнаю. Неужели ты рассчитываешь добиться успеха в таком состоянии? Я не спрашиваю, спал ли ты сегодня ночью, ясно, что нет. Но ты хоть ел что-нибудь?

— Кажется.

— Вот именно, кажется. А мне не кажется. Который час?

— Что который час?.

— Приехали! — Муратов пожал плечами. — Ставлю ультиматум: ты немедленно примешь ванну, позавтракаешь и ляжешь спать. Немедленно! Или я сейчас же уезжаю. Понял?

— Спать? — Синицын фыркнул. — Нашел время. Садись и слушай.

— Ничего не буду слушать. Охота мне разговаривать с таким чучелом. На кого ты похож? Жаль, тут нет зеркала.

Муратов подошел к окну и поднял портьеру. Лучи солнца ворвались в кабинет. Он настежь открыл окно.

— Вот именно! — Встретив удивленный взгляд друга, Муратов усмехнулся.

— Сейчас два часа дня! Дня, а не ночи, как ты, несомненно, думаешь.

— Два часа?

— Да, по местному времени. Синицын как-то сразу сник.

— Хорошо, — сказал он, — принимаю твой ультиматум. Выходит, — прибавил он, улыбаясь, — что я «терзаю» машину не тридцать часов, а более чем пятьдесят. То-то она так нагрелась.

— Еще того лучше. Двое суток без сна и пищи! И этот человек хочет решить сложную математическую задачу! Да тут не только твоя машинка, а и электронно-вычислительный мозг Института космонавтики не поможет.

— Он и не может помочь. Ничто не поможет, если я сам или ты не дадим правильной предпосылки. Сто двадцать семь вариантов! — воскликнул Синицын.

— Сто двадцать семь! И всё впустую.

— Одевайся! — Муратов поднял вторую портьеру, выключил машину и погасил свет. — Не пойдешь же ты домой так. Здесь не пляж.

Синицын стал медленно одеваться.

Что-то вроде сожаления или досады шевельнулось в душе Муратова. Сергей ляжет и проспит часов десять, не меньше. А что же делать ему все это время?

— А если совсем коротко, — нерешительно спросил он, — в общих словах? В чем дело?

Синицын удивленно взглянул на друга, и оба рассмеялись.

* * *

Над континентом Южной Америки звездным покрывалом раскинулась ночь. Луны не было. В окно кабинета хорошо виден блестящий Южный Крест. Непривычные созвездия мерцают в бархатно-черной бездне. Где-то там, между ними, но близко, совсем близко от Земли, проплывает, быть может именно сейчас, таинственная загадка.

Муратов медленно шагает по кабинету, в несчетный раз

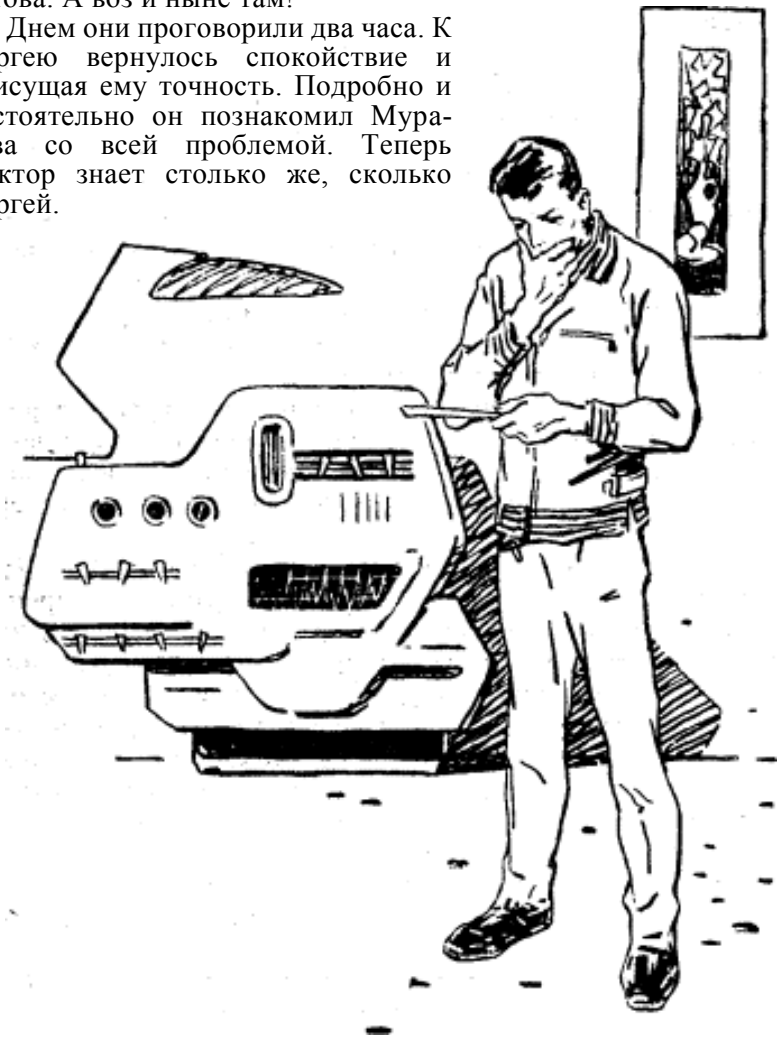
пересекая его наискось. Окна раскрыты настежь. Горит только одна настольная лампа, освещающая часть стола и панель вычислительной машины.

В кабинете образцовый порядок. Программные карточки, разбросанные Синицыным по всей комнате, собраны и тремя аккуратными стопками лежат на краю стола. На другом краю возвышается порядочная стопка новых, использованных уже самим Муратовым.

Все тщетно! Загадка остается загадкой.

Сто двадцать семь вариантов Синицына и семнадцать Муратова. А воз и ныне там!

Днем они проговорили два часа. К Сергею вернулось спокойствие и присущая ему точность. Подробно и обстоятельно он познакомил Муратова со всей проблемой. Теперь Виктор знает столько же, сколько Сергей.



Конечно, можно обратиться за помощью в Институт космонавтики. Но Сергей не хочет, и Виктор хорошо понимает друга. Сам начал, сам доведи до конца. В институт обратиться все равно придется, но одно дело явиться с законченным открытием, и совсем другое — с пустыми руками. Сознаться в своей беспомощности всегда неприятно. Сергей, прав! Он, Виктор, не в счет. Друг от друга у них никогда не было секретов. Если загадку разгадает Виктор, это все равно что сам Сергей.

Но как разгадать ее?

Внешне Муратов спокоен. Но внутри него клокочет буря. Вот уже десять часов, как Сергей непробудно спит. А он все топчется на одном месте и ни на шаг не приблизился к разгадке. Такого еще не бывало. Правда, и с такой задачей он встречается впервые.

А кажется, все так просто. В течение одной недели радиолокатор восемь раз показал в пространстве неизвестное тело. Восемь точек орбиты! А ведь и трех достаточно, чтобы быстро и точно рассчитать любую.

Но расчеты неизменно заходят в тупик, вступают в вопиющее противоречие с законами небесной механики.

Может быть, тело не одно? Может быть, их два, три или больше? Но Сергей считает, и Муратов согласен с ним, что это невероятно. Несколько тел вблизи Земли, и ни одно не попало до сих пор в поле зрения телескопа. Немыслимо! Скорее всего, тело все же одно.

Сергеем рассчитаны всевозможные орбиты для одного и двух тел во всех мыслимых сочетаниях известных восьми точек. Ни одна не подошла. Муратов начал было производить расчеты для трех, но вскоре оставил эту затею.

К разгадке надо подходить другим путем. Муратов знает: задача проста. Иначе быть не может. Она только кажется трудной. Стоит напасть на верную мысль, и расчеты не составят труда. Но где она, эта верная мысль? В чем тут дело? Муратов садится на диван, откидывается на мягкую подушку, закладывает руки за голову. Так лучше думается.

Из окна веет приятной прохладой. Тропический зной ушел вместе с Солнцем на другую половину планеты.

Часы показывают девять. Но это для меридиана Москвы. По местному времени сейчас два часа ночи.

Муратов вспоминает рассказ друга…

Первый намек появился еще в двадцатом веке. В 1927 году К. Стермер заметил необъяснимое отражение радиолуча от

какого-то тела, находившегося недалеко от Земли. Какого? Это осталось неизвестным. Тогда почему-то не обратили внимания на сообщение Стермера. Через пятьдесят лет история повторилась. И снова никто не заинтересовался странным явлением — радиолуч отражается как будто от пустого места. Оба факта объяснили ошибкой наблюдателя. В самом конце двадцатого века произошел едва не ставший трагическим случай с рейсовым –звездолетом «Земля — Марс». В двухстах тысячах километров от Земли звездолет встретился с неизвестным небесным телом, приближение которого к кораблю не было своевременно замечено очень точными и чувствительными приборами штурманской рубки. Что-то скользнуло по борту, оставив след в виде глубокой вмятины. По счастью, все обошлось благополучно, звездолет не успел еще развить полной скорости. «Естественное» объяснение нашлось и здесь — метеорит, неисправность локаторов. И вот совсем недавно появился четвертый факт. И снова это случилось на звездолете. Грузовой корабль взял старт на Венеру. На борту находились строительные материалы и научное оборудование для сооружаемой на планете станции службы Солнца. Экипаж корабля состоял из командира, штурмана и радиста. Почти сразу после вылета поступило сообщение, что локаторами обнаружено какое-то тело, диаметром в сорок метров, летящее наперерез курсу корабля. Скорость опять-таки была еще незначительной, и это дало возможность вовремя затормозить звездолет и избежать столкновения. Штурман успел направить имевшийся на борту небольшой телескоп точно по лучу локатора, но ничего не увидел. Радист корабля сообщил, что по мере того как неизвестное тело приближалось к звездолету, ослабевал сигнал на экране локатора, а в момент наибольшего сближения совсем исчез. Это было уже никак необъяснимо. «Отделаться» ссылкой на метеорит или на неисправность приборов на этот раз было совершенно невозможно — факт подтверждали записи автоматов. В Институте космонавтики встревожились. Неведомое тело, грозящее безопасности межпланетных путей, надо было найти во что бы то ни стало. Обсерватории приступили к поискам. Синицын включился в них с самого начала. В его распоряжении находилась очень мощная новейшая радиолокационная установка, с помощью которой на обсерватории велись работы по «лунному профилю». Круглые сутки, днем и ночью, невидимый луч прощупывал пространство в радиусе четырехсот тысяч километров от Земли. И вот неделю тому назад, придя утром на работу, Синицын увидел на ленте са-

мопишущего прибора долгожданный сигнал. В три часа пятьдесят девять с половиной минут на высоте в двести восемнадцать тысяч километров пролетело какое-то тело СОРОКА метров в диаметре. Оно двигалось с востока на запад, то есть навстречу вращению Земли. Через двое суток, но уже днем, на том же участке неба, но на другой высоте, локатор вновь «увидел» что-то того же размера, что и в первый раз, но летящее с другой скоростью. И так восемь раз. Все наблюдения сходились в отношении размеров, но расходились в высоте и скорости. Ни одного полного совпадения. Попытка увидеть, наконец, таинственное тело в визуальный телескоп не привела ни к чему, его не удалось обнаружить. Это никого не удивило: телескоп направляли приблизительно, да и тело было очень мало. К тому же его орбита неизвестна. В Институте космонавтики уже знали, что первый успех достигнут, и там ждут от Синицына подробного донесения…

Неужели придется все-таки расписаться в своей несостоятельности?..

Муратов больше часа сидит не меняя позы, и напряженно думает. Первоначальное убеждение, что тел не может быть несколько, постепенно бледнеет, заменяясь уверенностью, что их именно несколько. И не три или четыре, а два. К такому выводу приводит мысленный анализ всей работы, проделанной Сергеем и им самим. Два, только два! Они вращаются вокруг Земли, находясь всегда напротив друг друга по обе стороны планеты.

Но ведь такое предположение приходило в голову и Сергею. И он занимался вычислением возможных орбит. И пришел к бессмыслице.

Усомниться в правильности вычислений друга Муратов не может, такая мысль даже не возникает. У Сергея все правильно, все, кроме…

Муратов вскакивает с дивана и подходит к столу. Да, надо проверить и такой вариант, даже если он выглядит фантастическим. Сергей исходил из предпосылки, что они имеют дело с двумя е с т е с т в е н н о возникшими телами, движущимися по законам тяготения. Тогда, конечно, ни одна из мыслимых орбит не будет соответствовать фактическому движению тел, но если они… и с к у с с т в е н н ы е …

А в пользу подобного предположения говорит многое.

Во-первых, тела невидимы в визуальный телескоп даже с близкого расстояния (случай на грузовом звездолете). Это можно объяснить тем, что они окрашены в абсолютно черный

цвет и не отражают лучей Солнца. Естественные тела не могут иметь такой окраски. Во-вторых, локаторы «видят» их издали и не «видят» вблизи. Это объяснить труднее, но можно предположить (фантазировать, так до конца), что те, кто запустил их, хотели затруднить людям нахождение этих тел. Как это сделано, — вопрос другой. И, в-третьих, тела движутся навстречу движению планет, навстречу вращению Земли. Такое явление, правда, встречается в природе, но очень редко.

Итак, искусственные спутники Земли, запущенные откуда-то со стороны!

Цепкая память Муратова услужливо напоминает, что такая гипотеза была высказана в двадцатом веке. Когда-то он читал о ней. Как фамилия автора? Муратов напрягает память. Да, Брейсуэлл.

«Но ведь искусственные спутники, созданные людьми, движутся по законам тяготения, — думает он. — Да, но только потому, что они летят по инерции, не имеют двигателей. При наличии посторонней силы орбита может принять самые причудливые очертания».

Облегчает ли задачу эта новая предпосылка? Нет, скорее, затрудняет. Как угадать траекторию, если совершенно не известна ее цель?

Но все же надо попытаться. Известно восемь точек. Они принадлежат двум орбитам. Какие какой — неизвестно. Но комбинаций восьми точек по четыре не так много. А если одной орбите принадлежат три, а другой — пять? Или как-нибудь иначе?

Неожиданно возникает еще одна мысль. Муратов даже вздрагивает, настолько она проста и очень, очень важна. Ведь если предположить, что тела искусственные, то естественно вытекает и другое соображение: они не сплошные, а полые. Это сильно изменяет массу, а следовательно, и все расчеты. И, конечно, не каменные, а металлические. Тогда может случиться и так, что одна из орбит, вычисленных Сергеем для двух лет, правильна, если внести в нее поправку на массу. Муратов начинает просматривать все записи Сергея сначала. Как ни нервничал Синицын во время работы, а записи и выводы предельно ясны, лаконичны и точны. Укоренившаяся привычка действует бессознательно…

В тропиках рассветает быстро. Лучи поднявшегося Солнца разгоняют мрак в углах кабинета. Лампа светит уже тусклым желтым пятном. Но Муратов не замечает этого. Пластинки-программы исчезают в машине одна за другой. На малень-

ком экране четко выступают результаты вычислений. Электронный математик хорошо помогает живому.

Орбиты, орбиты, орбиты! Только о них может думать Муратов, только они одни в его сознании. Ни для чего другого нет места!

* * *

Ровно в девять утра Синицын, свежевыбритый, тщательно причесанный, в легком белом костюме, оживленный и даже веселый на вид, подошел к двери своего кабинета. Но веселость только внешняя, на душе тревожно и смутно. Удалось ли Виктору хотя бы отчасти, хоть в чем-нибудь подойти к разгадке? Возникла ли у него какая-нибудь новая мысль, могущая пролить немного света в потемки космической тайны?

Синицын хорошо знал проницательный ум Виктора, его огромные математические способности. И у него сильно развита черта, очень полезная для исследователя, черта, которой совсем нет у самого Синицына, — сила воображения. Синицын — практик, Муратов — теоретик.

Семнадцать часов работы (Синицын ни минуты не сомневался, что Виктор работал всю ночь) должны были что-то дать.

Нельзя медлить. Из Института космонавтики в любую минуту может прийти требование передать им все материалы. И нельзя будет отказать, никак нельзя. Синицын хорошо знал, что межпланетные трассы временно закрыты, звездолеты стоят на ракетодромах, ожидая, пока не будет очищено пространство возле Земли. А многочисленные экспедиции, находящиеся на Венере, на Марсе, на спутниках больших планет, на астероидах! Им закрыт путь к Земле. Все ждут!

Открыв дверь, Синицын в изумлении остановился на пороге.

Портьеры опущены, в комнате полумрак. Заложив руки за голову (знакомая поза!), на диване безмятежно спит Виктор!

Но изумление сразу же сменяется сильнейшим волнением. Неужели?!

И радость, безмерная радость, наполнила все существо Сергея. Он стремительно кинулся к столу, не сомневаясь, что найдет там что-то бесконечно важное, решающее! Разве мог Виктор заснуть, не найдя разгадки!

И действительность не обманула его ожиданий.

На небольшом листке бумаги, вырванном из блокнота, Синицын прочел:

«Сережка, кричи ура! Сегодня вечером получим фотоснимок твоего «объекта». А завтра утром — второго. Орбита на экране. Любуйся! Вторую вычисляй сам. Что я тебе — верблюд? Устал, как собака! Спокойной ночи!

Виктор.

Так и быть, подскажу! Оба «объекта» имеют одну и ту же массу. Учти!»

2

Ведущие ученые Института космонавтики не были расположены терять время. Слово сразу было предоставлено Синицыну.

Он доложил коротко:

— Вокруг Земли, вероятно, очень давно, обращаются два искусственных спутника неземного происхождения. Оба одного размера, полые внутри. Форма продолговатая. В продольном сечении — эллипс, в поперечном — круг. Длина сорок метров. Но это может оказаться не совсем точным. Орбиты спиральные. Оба тела то приближаются к Земле, то удаляются от нее. Вывод, подтвержденный наблюдениями с помощью локатора, — скорости все время меняются. Среднее расстояние от центра Земли: первого спутника — двести восемнадцать тысяч километров, второго — сто восемьдесят шесть тысяч. Спутники, вероятно, металлические, но удельный вес материала определить нельзя: неизвестно, что находится внутри. Средняя скорость первого спутника — пять с половиной километров в секунду, второго — семь. Полученные данные дают все основания предполагать, что на обоих спутниках все еще работают какие-то двигатели, хотя их появление вблизи Земли надо отнести к 1927 году или раньше. При движении по спиральным орбитам по инерции они давно бы упали на Землю или на Луну. Орбиты вычислены известным математиком Виктором Муратовым и частично — мною. Положение обоих спутников на их орбитах точно отмечено на ноль часов сегодняшних суток и может быть легко вычислено для любого момента. Но увидеть их непосредственно в визуальный телескоп до сих пор не удалось, хотя диаметр — сорок метров — вполне достаточен для этого. Муратовым высказано предположение, что они абсолютно черные и потому невидимы, так как не отражают лучей Солнца. Мы сделали попытку получить фотографию в инфракрасных лучах. Ведь

если они черные, то должны быть сильно нагреты солнечными лучами. Но изображения не получилось, несмотря на многочасовую выдержку. То же произошло с применением пластинок, чувствительных к ультрафиолетовым, а также рентгеновым лучам. Мне лично кажется, что спутники не абсолютно черные, а как раз наоборот — абсолютно белые. Здесь труднообъяснимая загадка. Вот все, что я могу доложить совету в данный момент. На нашей обсерватории работы по наблюдению за спутниками с помощью радиолокатора продолжаются.

— А фотографию в гамма-лучах вы не пытались получить? — спросил кто-то.

— Таких пластинок у нас не было, но мы их затребовали. Как только получим, сделаем и такую попытку.

— Мы не можем ждать и спокойно производить опыты, — сказал председатель научного совета Института космонавтики — профессор Генри Стоун. — Все звездолеты Земли бездействуют, все работы в космосе остановлены. Такое положение нетерпимо. Мы должны точно знать, и как можно скорее, что представляют собой эти тела. Основывать безопасность межпланетных сообщений на гипотезах и непроверенных данных невозможно. Если тела невидимы по какой бы то ни было причине, то нет уверенности в том, что орбиты вычислены правильно…

— И я, и Муратов уверены в этом, — вставил Синицын.

— Если тела невидимы, — повторил Стоун, мельком взглянув на Синицына,

— то остается одно — отправиться к ним и, так сказать, ощупать их руками. Прошу товарища Синицына не обижаться. Он сам доложил нам, что, по его мнению, спутники имеют работающие двигатели и что скорости все время меняются. Где гарантия, что орбиты не изменятся? Это может случиться в любой момент. Мы не знаем, кто и как управляет ими. Люди? Это маловероятно. Но не исключен электронный мозг. А его программа нам не известна. Споры и дискуссии отложим до более подходящего момента. Первый вопрос: можно ли полностью доверять полученным данным?

— Имя Муратова нам известно, — ответил молодой с виду, но в действительности шестидесятилетний профессор Метьюз. — Синицына мы тоже хорошо знаем. По-моему, можно считать, что орбиты спутников в настоящее время соответствуют их вычислениям. Скажите, — обратился он к Синицы-

ну, — ваши траектории совпадают со всеми восемью ранее известными точками?

— Да, совпадают полностью. Радиолокатор три раза засек более далекого спутника и пять раз более близкого.

— А другие комбинации вы пробовали? Например, четыре и четыре?

— Пробовали все возможные сочетания. Кроме того, сегодня утром локатор вновь «поймал» близкого спутника. И его местонахождение совпало с вычисленным.

— Это достаточно убедительно.

— Каково мнение остальных? — спросил Стоун. Все десять присутствующих согласились с Метьюзом.

— Тогда ставлю второй вопрос: нужно ли посылать корабли на поиски этих спутников? И если да, то сколько — один, два или больше?

Совет высказался за посылку двух кораблей, к обоим спутникам одновременно.

— И, наконец, — сказал Стоун, — третий вопрос: является ли такая экспедиция безопасной?

Синицын встрепенулся. Стоун затронул вопрос, который они с Виктором обсуждали сегодня утром.

— Разрешите слово!

— Прошу вас, товарищ Синицын.

— Я хочу познакомить вас, — начал Сергей, — с мыслями, возникшими у меня и Виктора Муратова по вопросу о безопасности приближения к спутникам земных звездолетов. Мы имеем дело с двумя ракетами-разведчиками, посланными учеными другого мира для изучения нашей планеты на расстоянии. Несомненно, что оба спутника как-то передают информацию тем, кто их к нам послал. Все это, хотя и достаточно необычайно, но, в конце концов, естественно и нам понятно. Странно и даже таинственно другое. Сделано все, чтобы мы, люди Земли, как можно дольше не знали о существовании этих спутников. Спиральные орбиты, меняющиеся скорости, окраска, а может быть, и самый материал, делающий их невидимыми визуально, и, наконец, помехи, безусловно искусственные и преднамеренные, мешающие локации этих тел, особенно с близкого расстояния. Столько предосторожностей сразу не случайны, а намеренны. И самое интересное, все эти меры рассчитаны на технику, бывшую на Земле в первой половине двадцатого века, то есть тогда, когда спутники, надо думать, и появились возле Земли. Это говорит за

то, что разведка не первая! Те, кто послал к нам непрошеных гостей, хорошо знают нашу планету, знают, что она населена разумными существами, знают уровень нашей науки и техники. Вернее, знали сто лет назад. Но возможно, что они знают и современную Землю. Недаром они так затруднили поиск и нахождение своих разведчиков. О чем все это говорит? Допустим, что мы сами послали бы таких разведчиков в соседнюю солнечную систему, к какой-нибудь планете этого солнца. Стали бы мы принимать меры к тому, чтобы обитатели этой планеты не заметили бы наших посланцев? Конечно, нет! Наоборот, мы сделали бы все от нас зависящее, чтобы их заметили, потому что мы рассматривали бы их как средство общения с разумом иного мира, как средство дать им знать о нашем существовании. Так и только так должны поступать разумные существа любого мира. Но мы видим совсем другую картину.

Не с целью начать общение с нами посланы эти разведчики. Цель другая. И мы, люди Земли, не должны знать этой цели. Вот над чем надо подумать.

Члены совета с большим вниманием выслушали Синицына.

— Выходит, — сказал после долгого молчания профессор Метьюз, — что мы встретились с тем, что всегда отрицалось в деле общения миров. Первая встреча с чужим разумом и… злые намерения!

— Нет, почему же? — Синицын с трудом заставил себя возразить. Они с Виктором пришли как раз к такому же выводу, что и Метьюз. — Не обязательно злые. Можно допустить даже, что намерения самые дружеские. Например, так: разведчики опасны, с ними надо быть очень осторожными… Ведь уровень развития, которому доступны такие эксперименты, исключает низкие побуждения! — воскликнул он, видя сомнение на лицах слушателей. — Они могут быть опасны для нас! Предосторожности, принятые теми, кто их послал, могут означать: «Внимание! Опасность!» А если они из антивещества? Это уже мое личное заключение, — упавшим голосом заметил Синицын.

— Вы от него откажетесь сию же минуту, — улыбнулся Стоун. — Вспомните случай с рейсовым звездолетом «Земля — Марс». Неизвестное тело коснулось борта корабля. Теперь мы знаем, — это был один из спутников. Коснулось, оставило вмятину, но никакой аннигиляции не произошло.

— Верно, я забыл об этом, — согласился Синицын.

— То, что мы сейчас слышали, — продолжал Стоун, —

верно это или неверно, подтверждает обоснованность моего вопроса: является ли намеченная экспедиция безопасной? Я только что опроверг поспешную выдумку Синицына. Мы все хорошо понимаем, что побудило его срочно искать объяснение. Это делает честь его человеческим качествам. Теперь я хочу опровергнуть самого себя. Я недавно говорил, что присутствие на спутниках людей или вообще разумных существ сомнительно, маловероятно. Но я упустил из виду, что эти спутники находятся здесь уже сто лет, а может быть, и больше. Живые существа исключаются. Даже если обитатели того мира очень долголетни, все равно нет смысла запираться в тесном помещении на сто лет. Если есть управление, то оно или осуществляется со стороны, или это электронный мозг. Тогда, может быть, не следует рисковать? Может быть, просто уничтожить оба спутника — и дело с концом? Я склоняюсь к мнению, что злого намерения нет и не было. Но все равно свою роль для тех, кто их послал, эти спутники давно выполнили.

— Этого мы никак не можем знать, — возразил член совета Станислав Лещинский. — Если двигатели работают до сих пор, значит, они были рассчитаны на это время и, следовательно, еще нужны. Но не в том дело, нужны эти спутники тем, кто их послал, или не нужны. Уничтожить их мы имеем полное моральное право. Их хозяева с нами не считаются и нас не спрашивают. Они о нас даже не думают. Не могут же они не понимать, что невидимые тела по соседству с планетой, на которой техника дошла до межпланетных сообщений, представляют собой большую опасность. Мне кажется, что вопрос можно ставить только о том, нужны ли эти спутники нам самим. Нужно ли нам познакомиться с их конструкцией, двигателями, установленной на них аппаратурой? Если это желательно, надо не только найти их, но и проникнуть внутрь. Если нет, тогда уничтожить, не рискуя.

— Здесь вряд ли будут два мнения, — сказал Стоун. — Техника двух миров не может быть совершенно идентичной. Что-нибудь полезное обязательно найдется. Например, методы локационных помех, «невидимость», способ передачи информации через бездну пространства, разделяющую соседние системы. К тому же мы не знаем — соседние ли?

— Значит, и говорить не о чем. Нужно, и точка. — Лещинский решительно «отрубил» это слово, ударив ребром ладони по столу. — Но раз мы знаем, что возможна опасность, то не сле-

дует посылать два корабля к обоим спутникам, как мы решили. Пошлем один, сначала к первому, потом ко второму. И лететь на нем должны только добровольцы.

— Я прошу доверить мне руководство экспедицией, — сказал Стоун.

— И включить в нее меня и моего друга Муратова. По-моему, мы заслужили это право, — прибавил Синицын.

— Муратова здесь нет.

— Это не играет роли. Я говорю за него.

— С его согласия?

— Нет, мы с ним не говорили об этом. Но я ручаюсь...

— Хорошо. Значит, уже трое. Я думаю, что достаточно четырех-пяти человек.

* * *

Виктору Муратову до сих пор не приходилось покидать Землю. Как-то так случилось, что даже в годы обучения, сперва в школе, а затем в институте, он не принял участия ни в одном предусмотренном программой полете на Луну. Он не помнил, болел ли он тогда или была другая причина.

Когда друг детства и юности зачислил его в состав экспедиции, отправлявшейся на поиски таинственных спутников Земли, Муратову даже в голову не пришло, что его ожидает что-то необычайное, выходящее из рамок обыденной жизни. Он отнесся к предстоявшему ему полету в пространство, как мог бы отнестись человек первой половины двадцатого века к предложению совершить путешествие на ледоколе в Арктику. Это было непривычно, но не заключало в себе ничего, что могло бы вызвать особое волнение.

Мысли Муратова были заняты не полетом, а его целью. Чем больше думал он об этой цели, тем слабее становилась его уверенность в успехе экспедиции. Десятки возможных препятствий приходили ему в голову, и каждого из них было вполне достаточно, чтобы свести па нет все усилия. Он нисколько не сомневался, что спутники действительно являются разведчиками другого мира и что те, кто направил их к Земле, сделали все, чтобы обеспечить их неуязвимость. Удастся ли преодолеть трудности?

Сомнения Муратова разделялись всеми членами научного совета Института космонавтики.

И они оправдались.

Задача, вставшая перед экспедицией, оказалась гораздо сложнее, чем могли думать...

Как ни странно, но самый факт, что возле Земли обнаружены два искусственных спутника — порождение иного разума, иного мира, нисколько не поразил воображение не только ученых, но и широкой общественности. Люди давно привыкли к мысли, что рано или поздно будут получены прямые доказательства существования разума вне Земли. И когда это действительно случилось, никто не удивился. Реакция человечества выражалась одним словом: «Наконец-то!»

Предположение, что хозяева спутников могут оказаться не братьями, а врагами, решительно отвергалось подавляющим большинством. Это было чудовищно, нелепо, невозможно! Разум, способный послать разведчиков в чужую систему, способный создать таких разведчиков, не мог быть заражен чувствами вражды или ненависти к другому разуму.

«Но почему же тогда они так затруднили нам знакомство с этими спутниками?» — спрашивали сомневающиеся.

«Этого мы не знаем, — отвечали им.— Но узнаем потом. Не следует забывать, что спутники были посланы в эпоху, когда на нашей Земле существовали такие явления, как вражда народов и войны. Ведь все указывает на то, что Земля давно и хорошо знакома им. А зная людей того времени, они не хотели знакомить нас с техникой, могущей быть использованной во зло. Например, с атомной техникой, которой сто лет назад еще не было у нас».

Это звучало вполне правдоподобно.

Но в узком кругу работников космонавтики, в кругу тех, кто должен был во что бы то ни стало войти в непосредственный контакт с разведчиками, не могли пренебречь, пусть маловероятной, но возможной гипотезой «враждебности». Ее надо было учитывать.

Корабль был оборудован всеми способами защиты от любой опасности, которую могли только предвидеть.

И в назначенный день, памятный всем людям Земли, экспедиция началась.

* * *

Прошло сорок два часа. Звездолет «Герман Титов» — летающая лаборатория Института космонавтики — находился на параллельной орбите к ближайшему от Земли спутнику-разведчику, держась от него на незначительном расстоянии.

Наземные обсерватории, наверное уже в пятнадцатый раз, передавали, что координаты корабля и спутника совпадают, что оба они фиксируются локаторами в одной и той же точке и, следовательно, находятся на одной прямой, по «лучу зрения» локационной установки.

Но спутник никак не удавалось обнаружить.

Многочисленные приборы, расположенные на огромном стенде, занимавшем большую часть рабочего помещения корабля, упорно бездействовали. Только гравитонный определитель, или, как его чаще называли, гравиометр, показывал присутствие какой-то значительной массы в близлежащем пространстве, которое глазу казалось совершенно пустым.

Спутник, несомненно, находился где-то тут, совсем рядом.

К несчастью, показаний одного только гравиометра было недостаточно, для того чтобы подойти к невидимому телу. Необходимо было нащупать его другими приборами, которые показали бы не только массу, но и точное направление на нее, а также расстояние.

А этих данных все еще не было.

Спутник явно не изъявлял желания легко «даться в руки»...

Сначала все шло гладко. Командир «Титова», опытный астролетчик Юрий Вересов, уверенно вывел свой корабль на нужную траекторию и, пользуясь указаниями с Земли, «пристроился» к спутнику, что называется, вплотную. Тогда же поступило первое сообщение о совпадении координат. Казалось, что цель достигнута и остальное просто: пришвартоваться борт к борту и начать обследование «гостя».

Но так только показалось...

Медленно и осторожно приближался корабль к цели. Никто не знал, что ожидает людей в непосредственной близости к «чужеземцу», как встретит он земной звездолет, какие средства «защиты» установили на нем неведомые

хозяева.

Было вполне возможно, что они решили ни при каких обстоятельствах не позволить людям Земли ознакомиться со своим разведчиком, не зря же были приняты столь многочисленные меры предосторожности.

В одном только можно было быть вполне уверенным: спутник не из антивещества!

— Он может взорваться, если мы подойдем к нему слишком близко,— предположил Стоун. — Не пора ли послать вперед робота?

— Пожалуй, рано, — ответил Синицын. — Надо подойти ближе.

— А кто может сказать, близко мы или далеко? — отозвался Вересов.

— Во-первых, об этом говорит гравиометр. Его показания еще не достигли вычисленной нами массы спутника. Значит, он еще далеко. А во-вторых, должны же проснуться другие приборы. Какая бы защита ни была установлена на спутнике, земные локаторы пробивают ее. Значит, и мы можем нащупать спутник, будь он хоть трижды невидим. Инфракрасный... — Синицын осекся на полуслове...

Стрелка гравиометра резко качнулась влево. И почти в тот же момент несколько наземных обсерваторий сразу сообщили, что спутник отделился на экранах локаторов, ушел вперед, увеличив скорость.

Невольно явилась мысль — случайно ли?

— Словно почуял нас, — сказал Муратов.

Вересов включил ускорение.

Примерно через час положение снова стало прежним. Стрелка гравиометра пошла вправо.

Муратов не отрывал глаза от окуляра телескопа. Ему было поручено визуальное наблюдение, но до сих пор он еще ничего не увидел. И вот ему показалось, что сплошная россыпь звезд, окружавшая звездолет со всех сторон, заслонилась в одном месте чем-то непрозрачным. Точно призрак чего-то большого и темного закрыл немерцающие точки светил, образовав черный провал в глубину космоса. Но видение мелькнуло и пропало. Удалось ли, наконец, увидеть таинственный спутник или это было обманом уставшего зрения?..

Муратов ничего не сказал товарищам о своем наблюдении. Это все равно не могло ничем помочь им.

Вересов снова начал осторожное приближение, руководствуясь только стрелкой гравиометра, которая медленно ползла вправо. Неведомая масса приближалась.

Стоун уже протянул руку к кнопке. Легкое нажатие — и от корпуса корабля отделится маленькая, но мощная ракета космического робота-разведчика. Направляемая портативным гравиометром, она устремится к соседней массе, чтобы плотно прижаться к ней, посылая на борт корабля сигналы чутких приборов, способных услышать «неслышимое» и увидеть «невидимое».

Что-то мелькнуло на инфракрасном экране...

И... снова резкий рывок стрелки влево. Минута ожидания — и голос с Земли сообщил: спутник опять отделился, затормозил, отстал!

Это уже походило на сознательное действие.

Вересов включил тормозные двигатели.

— Так может продолжаться до бесконечности, — сказал он как бы про себя, но достаточно громко.

На этот раз Синицыну удалось заметить отрывистый сигнал радиопеленгатора. На сверхультракоротких волнах прошла передача. Она не могла иметь земное происхождение. Все коротковолновые станции Земли молчали в эти часы, выполняя просьбу Института космонавтики. Источник сигнала явно имел связь со спутником.

Было ли это излучением его собственного передатчика или, наоборот, его приемник принял сообщение со стороны, осталось неизвестным.

— Может быть, эхо передачи, которую мы только что приняли? — высказал предположение Стоун. — Например, от Луны.

— Совершенно в другом диапазоне, — ответил Синицын. — Эхо от Луны могло прийти гораздо раньше, но не в этот момент. Она слишком близко.

На этот раз прошло свыше двух часов, пока удалось снова приблизиться к спутнику.

И в третий раз все повторилось сначала.

А затем в четвертый... в пятый... в шестой...

Спутник «метался». Он то увеличивал, то уменьшал скорость, как только «Титов» приближался к нему на ка-

кое-то определенное расстояние. Предугадать эти маневры было невозможно, в них не было никакой последовательности. Иногда спутник уходил несколько раз подряд, потом неожиданно тормозил. И снова уходил вперед. Трудно было отделаться от впечатления, что это не механизм, а живое существо, стремящееся скрыться, уйти от беспокоящей его погони.

Так прошло сорок два часа.

Ни участники экспедиции, ни ученые, наблюдавшие с Земли за ходом операции, уже не сомневались, что спутником управляет чья-то сознательная воля. «Кто-то» или «что-то» заметило корабль, разгадало его намерения, и желание воспрепятствовать встрече становилось очевидным.

Кто же управлял им? И откуда осуществлялось это управление? С самого спутника или... Но мысль, что управлять могли с планеты, находящейся вне Солнечной системы, казалась слишком фантастичной.

— Электронный мозг, — утверждал Стоун. — И он находится на спутнике.

— Только не на спутнике, — возражал Муратов. — В этом случае не нужны радиосигналы.

— Они могут поступать от одного спутника к другому. Ведь их два.

— Им не о чем «говорить», если на них нет разумных существ. Управление идет с Луны или... с Земли.

— С Земли?

— А разве это невозможно? — вопросом на вопрос отвечал Виктор.

И действительно, такое предположение, выглядевшее на первый взгляд довольно странным, имело реальное основание. Если обитатели соседнего мира (соседнего ли?) давно знакомы с Землей, а этот факт казался уже несомненным, то разве не могли они, тайно от людей, посетить нашу планету и оставить на ней, в хорошо укрытом месте, свой электронный мозг? В эпоху, когда не существовало еще «Службы космоса» и никто не следил за прилегающим к Земле пространством, чужой звездолет, при желании его хозяев, мог посетить планету и улететь с нее никем не замеченным. Муратов был прав. И еще легче было посетить Луну, на которую тогда еще не ступала нога человека. Да и

теперь тайны спутника Земли разгаданы еще не полностью, поверхность Луны исследована не вся.

— Если существует этот электронный мозг, — сказал Вересов, — и в него заложена программа не допускать приближения земных предметов, то мы его, то есть спутник, никогда не догоним.

— Похоже на то, — уныло согласился Стоун.

Погоня настойчиво продолжалась, но надежда на успех давно уже была потеряна.

Спутник не мог «устать». Если заключенной в нем энергии хватило на сто или даже больше предыдущих лет, то не было никаких оснований ожидать, что она истощится именно сейчас.

Никто не мог предполагать, что экспедиция так затянется. На борту не было второго пилота. Водители-автоматы были бессильны в условиях непрерывного изменения режима полета, им невозможно было дать программу действий.

И после двух с половиной суток преследования «Титов» вернулся на Землю.

Усталые, раздраженные полной неудачей, вышли из него Стоун, Муратов, Синицын и Вересов.

— Думать, думать, думать! — сказал Стоун. — Неразрешимых задач не существует. Выход должен быть, и мы его найдем!

3

Прошло несколько дней.

Юрий Вересов снова занял свое место у пульта управления. Экипаж его звездолета составляли те же три человека.

Но на этот раз «Герман Титов» был не один. Вместе с ним вылетали еще два корабля из технической эскадрильи Института космонавтики — «Валентина Терешкова» и «Андриан Николаев». Все звездолеты этой эскадрильи носили имена первых космонавтов Земли.

Начиналась вторая экспедиция, с той же целью, но с другими методами, найденными в тиши кабинетов.

Спутники вели себя спокойно все эти дни. Ближайший из них «успокоился», как только «Титов» прекратил погоню и взял курс к Земле. Виток за витком, по своим спиральным орбитам,

оба разведчика невозмутимо кружились возле Земли, изредка меняя скорости в соответствии с расстоянием и законами физики и еще реже — по собственной инициативе.

Локационные установки следили за ними без всякого труда. Сигналы на экранах были странно слабы, но не пропадали. Наблюдения велись круглые сутки.

По просьбе Института космонавтики один из звездолетов, возвращавшийся на Землю с Венеры, подлетел близко к более далекому спутнику, чтобы проверить, как он поведет себя. Разведчик номер два подпустил корабль почти вплотную и, так же как и первый, ушел от него, увеличив скорость.

Оба спутника вели себя совершенно одинаково.

Сопоставление результатов этого опыта с тем, что наблюдалось во время первой экспедиции «Титова», привело к появлению новой теории, почти противоположной первой. Синицын и Стоун, независимо друг от друга, пришли к выводу, что спутниками никто не управляет, вернее, не управляют люди, живые разумные существа. Приборы-автоматы реагируют на приближение посторонней м а с с ы и дают сигнал двигателям, которые так же автоматически включаются, направляя спутник вперед или назад, причем направление это случайно. Никакой разумности в действиях спутников нет.

— Точно так же, — заметил Стоун, — эти приборы реагируют на приближений спутников, к Земле или Луне. Этим можно объяснить спиральность орбит. И вполне естественно, что они чувствуют массу Земли или Луны на значительно большем расстоянии, чем массу «Титова».

Такой взгляд как будто объяснял все. Он имел такое же право на существование, как и любой другой, поскольку истина оставалась неизвестной. Но был один факт, который вносил существенное основание сомневаться в правильности всей гипотезы. Это был сигнал радиопеленгатора, замеченный Синицыным при втором подходе «Титова» к спутнику. Правда, сигнал этот был единственным и ни разу больше не повторился. И если бы не лента самопишущего прибора, неоспоримо доказывающая, что сигнал действительно был, Синицына могли бы заподозрить в ошибке.

— Ничего не доказывает, — упрямо стоял на своем Генри Стоун. — Сигнал поступил от одного спутника к другому. Это просто означало: «Внимание!» Предупреждение, вполне доступное кибернетическим установкам.

На очередном заседании научного совета Муратов внес конкретное предложение.

— Мы имеем, — сказал он, — два исходных пункта для дальнейших действий. Первый — спутники ощущают приближение к ним посторонней массы, причем чувствительность установленных на них приборов невелика. Второй — наличие радиопередач. Оба эти обстоятельства можно использовать для получения информации. Как? Это я сейчас скажу. Начну со второго пункта. Если товарищ Стоун прав и спутники предупреждают друг друга об опасности, то они должны будут сделать это вторично, когда мы снова приблизимся к одному из них. Я обращаю ваше особое внимание на то, что сигнал пеленгатора появился только при втором подходе «Титова», а не при первом, что было бы более логично. Почему же это так случилось? Разве мог кибернетический автомат «прозевать» первое наше приближение? Что он, спал, что ли? Я вижу одно объяснение этого более чем странного факта. Так могло произойти исключительно только тогда, когда этот сигнал был послан не автоматом, а живым существом. Но в этом случае он послан не со спутника, а извне. Вижу, что некоторые из вас хотят что-то возразить. Погодите немного, я докончу свою мысль, и тогда… Я предлагают раз и навсегда установить, откуда пришел сигнал. Сделать это можно с помощью пеленгации. Разумеется, имея дело с передатчиком, расположенным в пространстве, нам недостаточно обычных двух линий, нужны три. Значит, надо послать три корабля, которые зафиксировали бы один и тот же сигнал. Кстати, единственная линия, которую мы уже имеем, по моим расчетам, не проходила через точку, где в тот момент находился второй спутник. Теперь перейдем к первому исходному пункту. Мы убедились, что спутники подпускают звездолет очень близко к себе и только тогда уходят от него. Повторяю еще раз: это доказывает небольшую чувствительность их приборов. Так не будем же беспокоить их такой крупной массой, как звездолет. Подойдем к спутнику на безопасное расстояние, а остальное поручим людям, одетым в скафандры. Можно с уверенностью сказать, что эти приборы не почувствуют приближение такой малой массы, как человек.

— Какую роль вы предназначаете этим людям? — спросил Метьюз.

— Обследовать спутник, выяснить, из чего он сделан, почему невидим, и, наконец, попытаться проникнуть внутрь.

— Вы считаете, что такая попытка может удасться?

— Не очень верю в это.

— И вы думаете, что приближение к спутнику вплотную безопасно?

— Вот уж на это, — Муратов пожал плечами, — ничего не могу ответить. Очень возможно, что опасно. Если мне доверят, я попытаюсь это сделать.

— Вы сами?

— Ну конечно. Я не стал бы предлагать то, к чему не готов сам.

— Из того, что вы нам сказали, можно сделать вывод: лично вы уверены, что спутниками управляют люди, в смысле «разумные существа», — сказал Синицын, который на официальном заседании, в присутствии многочисленных ученых и корреспондентов печати, не счел возможным обращаться к своему другу на ты. — Тогда чем вы объясняете, что спутник, которого мы преследовали на «Титове», менял направление полета столь беспорядочным образом? Почему он сразу не ушел от нас на большое расстояние? Ведь мы убедились, что он может лететь быстрее «Титова». Зачем он ожидал нашего приближения и только тогда уходил? Разве это не более похоже на реакцию бездумного механизма? Если мы имели дело с разумным существом, получается что-то вроде игры в кошки-мышки.

— Я мог бы ответить на это тем, что люди, управляющие спутником, не хотели, чтобы мы заподозрили их существование. Тогда кажущаяся неразумность действий простая маскировка. Но я отвечу иначе. На спутнике установлен прибор, который включает двигатель при приближении посторонней массы. Вперед или назад — безразлично. К нему приближаются, он уходит. Но ведь приблизиться могли и сами хозяева спутника. Вот здесь, по-моему, и таится причина странного факта, что сигнал поступил только при нашем втором подходе. Это был приказ — продолжать уклоняться от встречи. Если бы подходил звездолет «хозяев», сигнала бы не было и спутник остался бы на месте. Ну, а все остальное объясняется по-вашему: реакция бездумного механизма, — усмехнувшись едва заметно, закончил Муратов.

— Где же находятся эти самые «хозяева»?

— Для того чтобы это узнать, я и предлагаю произвести пеленгацию. Но мне хотелось бы, чтобы меня правильно поняли. Я не утверждаю категорически, что сигнал дан живым

существом. В данном случае «хозяином» мог быть и электронный мозг. Просто мне кажется, что где-то близко, сравнительно, конечно, находится «живой хозяин».

— Для наших целей это, в конце концов, безразлично, электронный или живой, — сказал Стоун. — Предложение товарища Муратова — исследовать спутник людьми — выглядит заманчивым. Так же, как и он, я готов сделать это. Разумеется, мы сначала пошлем робота.

После непродолжительной дискуссии, касавшейся преимущественно технических деталей, оба предложения Муратова были приняты.

Когда обсуждался вопрос, какие именно приборы для пеленгации в столь необычных условиях надо установить на трех кораблях, сама собой появилась еще одна идея. Никто даже не заметил, кому первому пришла она в голову, настолько идея была проста и естественна. Поскольку длина волны, на которой был передан сигнал спутнику, точно известна и нет оснований думать, что эту волну могут заменить при втором или третьем случае, то нельзя ли помешать передаче и этим заставить спутник «не услышать ее», остаться на месте? Техническое осуществление радиопомехи не представляло собой никакой трудности.

— Итак, — подытожил Стоун в конце заседания, — наш план сводится к следующему. Окружаем спутник тремя кораблями. «Титов», так же как и в первый раз, будет приближаться к нему до тех пор, пока не появится сигнал. После того как пеленгация будет осуществлена, посылаем робота-разведчика, и если его приближение к спутнику пройдет благополучно, вслед за ним отправятся двое людей. Если же спутник уйдет и в этом случае, — делаем перерыв на несколько дней. В третьей экспедиции применяем радиопомехи. В крайнем случае, если все усилия окажутся бесплодными, уничтожаем оба спутника, послав к ним ракету, заряженную антигазом.

* * *

Все повторилось в точности.

Когда Вересов, так же медленно и осторожно, как и в первый раз, подвел «Титова» близко к невидимому спутнику, стрелка гравиометра начала движение вправо, показывая присутствие его массы. Как и несколько дней назад, дойдя до того же самого деления шкалы, она, словно в нерешительности, остановилась

и… резко упала влево. Наземная станция подтвердила — спутник стремительно ушел вперед!

Он вел себя так же, и это давало надежду на успех задуманного плана.

— Начинайте второй подход! — приказал Стоун.

Муратов должен был признаться самому себе, что волнуется. Согласно его теории, радиосигнала надо ожидать именно при втором подходе. Если он появится при третьем или четвертом, придется сознаться в своей ошибке. Ничего позорного в этом нет, но все же это будет очень неприятно. Виктор предчувствовал иронический взгляд Сергея и морщился.

Прошел час, и стрелка гравиометра ожила. Снова где-то близко летел загадочный разведчик чужого мира.

Волновался не один Муратов. Тщательно скрывая это друг от друга, волновались все. Незаметно для людей в их сознании появилось что-то вроде чувства шовинизма. Неужели могучая техника Земли не в силах преодолеть упорство чужой техники, не желавшей открывать свои секреты? Неужели люди бессильны з а с т а в и т ь ее это сделать?

Хотя и было решено уничтожить оба спутника в случае повторной неудачи, каждый, про себя, не верил, что это действительно будет сделано. Нет! Надо искать и искать! До тех пор, пока не будет одержана полная победа!

«Мы хотим узнать, что они собой представляют, — значит, мы должны добиться этого!»

Эти слова, никем еще не произнесенные, владели мыслями всех, кто так или иначе соприкоснулся с космической тайной.

«Титов» приближался к спутнику, вернее, к тому месту, где он должен находиться, еще медленнее, чем раньше. Было необходимо выдерживать равномерную скорость, которую потом, при обработке данных пеленгации, придется учесть, чтобы не ошибиться на десятки километров. Ведь источник передачи мог оказаться очень и очень далеко. Малейшая неточность, и три линии-направления сойдутся совсем не там, где находится передатчик.

На кораблях экспедиции были установлены очень точные аппараты. Даже если передача идет с расстояния орбиты Марса, то и в этом, по общему убеждению крайнем, случае нужное место будет определено в пределах не более одного кубического километра.

Стоун, Синицын и Муратов не спускали глаз со шкал гра-

виометра и пеленгатора, расположенных на пульте управления близко друг к другу. И все трое одновременно заметили долгожданный сигнал.

— Есть! — воскликнул Стоун.

Муратов облегченно вздохнул. Догадка верна! Сигнал пришел в тот же самый момент, что и прошлый раз. И сразу же спутник затормозил и отстал. Опять-таки, как в прошлый раз.

— Его действия однообразны, это плюс в нашу пользу, — заметил Стоун.

— Лишнее доказательство, что там не живое существо, а электронный мозг, — сказал Синицын.

«Вот упрямец!» — подумал Муратов.

Теперь, когда первая цель экспедиции была достигнута, не нужно было соблюдать «тишину». Заработало радио. Со вспомогательных звездолетов сообщили, что и у них сигнал был принят и зафиксирован.

— Возвращайтесь на Землю, — приказал Стоун. — А мы приступим ко второму пункту нашего плана.

— Желаем удачи! — ответили оттуда. «Титов» уменьшил скорость, поджидая отставший спутник, и вскоре оба снова летели рядом.

— Держитесь на пределе показаний гравиометра, — сказал Стоун. — Чтобы стрелка не стояла на нуле — я только.

Вересов молча кивнул.

— А достаточно ли этого будет? — спросил Синицын. — Найдет ли робот свою цель?

— Найдет, — уверенно ответил Стоун. — Никаких других масс в этом направлении нет.

Двигатели «Титова» смолкли. Теперь оба тела двигались по инерции с одинаковой скоростью. Но спутник мог в любую минуту изменить режим своего полета, медлить было нельзя.

Стоун нажал кнопку.

На обзорном экране появился силуэт робота — удлиненная сигара с короткими отростками щупальцев. Позади ее тянулся длинный шлейф белого пламени.

Несколько секунд робот висел в пространстве рядом со звездолетом, словно не зная, куда ему направиться. Потом начал отдаляться все быстрей и быстрей.

— Почуял! — сказал Вересов.

— А он не ударится о поверхность спутника? — спросил Муратов, не знакомый с устройством космических роботов.

— Нет, он затормозит у самой цели. Белое пламя дюз превратилось в точку.

— Далеко! — заметил Стоун.

Голубоватым светом вспыхнул экран на пульте, заработала

телевизионная камера робота.

И Муратов снова увидел то, что мелькнуло перед его глазами в окуляре телескопа несколько дней назад, во время первой экспедиции.

Неясное темное пятно закрыло блестящую россыпь звезд. Призрачный контур огромного яйца (видимо, робот находился совсем рядом со спутником), точно черный провал в бездну космоса, колебался, дрожал, вибрировал. По экрану часто-часто мелькали полосы, временами покрывавшие весь экран сплошной сеткой. Но характерного треска помех не было слышно.

— Спутник мешает телевизионной передаче, — сказал Стоун. — Но как и чем?

И вдруг… нестерпимо яркое белое пламя вспыхнуло на том месте, где только что виднелась крохотная точка огня из дюз робота. Ослепительный свет с обзорного экрана залил всю рубку управления «Титова», и люди невольно закрыли лица руками, боясь ослепнуть.

— «Титов»!.. «Титов»!.. Что случилось?.. Что случилось?.. Отвечайте!.. — зазвучал из динамика тревожный голос с Земли.

Вспышка была так сильна, что ее увидели в блеске дня на безоблачном небе.

— Еще не знаем, — машинально ответил Стоун, осторожно раскрывая глаза, перед которыми в бешеном хороводе кружились разноцветные пятна. — Звездолет цел. Похоже, что уничтожен робот, а может быть, и сам спутник.

— Спутник на месте.

— Значит, один робот.

После чудовищного света помещение казалось погруженным во мрак. Они ничего не видели — ни пульта, ни друг друга. Только яркие плафоны на потолке смутно различались как желтые пятна.

— Не открывайте глаз, товарищи, — посоветовал Стоун. — Дайте им отдых.

Но сам он не последовал своему же совету. Нетерпеливое желание узнать, что же случилось с роботом, заставляло его напряженно всматриваться в то место, где находился экран телевизора.

Через несколько минут зрение восстановилось почти полностью.

— Мы были на волосок от слепоты, — сказал Синицын.

Экран погас — это означало, что телекамера робота не

действует.

— Хорошо, что послали робота вперед, а не сразу человека, — сказал Стоун. — Видимо, к этому спутнику нельзя приближаться. Придется его уничтожить.

— Попробуйте! — каким-то странным тоном произнес Вересов,

— Что вы хотите этим сказать?

— А вы разве не поняли? Произошла аннигиляция.

— Спутник не из антивещества. Это установлено точно.

— И все же произошла аннигиляция, уничтожившая наш робот. Они окружили своего разведчика облаком антигаза.

— Почему же не произошло аннигиляции при встрече этого спутника со звездолетом «Земля — Марс» в конце прошлого века?

Вересов пожал плечами.

— Этого я не знаю, — сказал он, — но в том, что случилось сейчас, невозможно сомневаться.

— Я согласен с Юрием, — сказал Муратов. — Возможно, что облако антигаза не всегда окружает спутник. Да и облако ли это? Может быть, он выбросил что-то навстречу роботу. Может быть, именно радиосигнал включил защитную установку.

Стоун вторично нажал кнопку управления роботом. Если он цел, то должен вернуться к кораблю.

Но робот не вернулся. И никакими приборами не удалось обнаружить его присутствие. Ракета-разведчик исчезла бесследно.

— Идем на посадку, — решил Стоун.

— И попробуем осуществить третий вариант нашего плана, — прибавил Синицын.

— Да, конечно. Но потребуется тщательная подготовка.

4

Третья экспедиция не состоялась в намеченный день. Она вообще не могла больше состояться.

Спутники исчезли.

Сначала было замечено их удаление от Земли. Впервые, достигнув апогея своей орбиты, они не изменили скорости. Спираль развертывалась все шире и шире. И настал момент, когда и без того слабый сигнал на экранах локаторов окончательно «погас».

Что послужило причиной их ухода? Явилось ли это следствием охоты за спутником земных звездолетов или выполнялась ранее намеченная программа?.

Была высказана догадка, что спутники не все время вращались вокруг Земли, а делали это периодически. Этим можно было объяснить, что они не были обнаружены гораздо раньше. А может быть, они удалились на свою базу для зарядки энергией.

Как бы то ни было, но разведчики чужого мира временно, а возможно, и навсегда покинули небо Земли.

Но если их хозяева хотели «замести следы», то было уже поздно. В руках людей находилась надежная нить, которая должна была привести их к самому центру тайны спутников.

Этой нитью были результаты пеленгации. На этот раз разум Земли восторжествовал над разумом неизвестного мира.

Обработка записей пеленгаторных установок трех кораблей указала точный адрес, откуда поступил радиосигнал или куда он был направлен со спутника, что тоже было возможно.

Этим адресом было: Луна, район кратера Тихо.

Вот где находился загадочный «руководитель» разведчиков! Вот откуда получали они приказы своих хозяев или опять-таки куда направляли сами полученную информацию.

Что же находилось там? Электронный мозг, как думали все, или живые представители иного человечества, как думал один только Муратов.

Это должно было выясниться в ближайшее время.

Исследование извечного спутника Земли проводилось уже давно и систематически. Но все же огромные Пространства дикой лунной поверхности ни разу никем не посещались. Но как раз район кратера Тихо был хорошо уже известен. Именно там размещалась одна из лунных баз, строилась стартовая площадка для звездолетов, помещалась астрономическая обсерватория. Этот район был обжитым.

Получилось, что долгие годы люди Земли жили и работали в непосредственной близости к установкам, привезенным с другой планеты, по соседству с базой, построенной другим человечеством. Жили и даже не подозревали, что стоит только «протянуть руку» — и откроются заманчивые тайны чужого мира.

Почему же эти тайны до сих пор не попались на глаза? Скорее всего петому, что они находились под лунной почвой,

упрятанные в глубину горного массива кратера. Это вполне соответствовало «стилю» тех, кто послал к Земле обоих разведчиков. Они сделали все, чтобы люди не могли нащупать их посланцев; естественно, что и свою базу они тщательно скрыли.

Но раз местонахождение этой базы стало известно, найти ее было вопросом времени и, возможно, терпения и настойчивости.

Общественное любопытство было возбуждено до крайности. Институт космонавтики был буквально засыпан бесчисленными письмами и радиограммами, содержащими одно требование — немедленно послать специальную экспедицию и найти базу.

Но и без этих писем руководители космической службы не собирались медлить. Надо было ковать железо, пока оно горячо. Если оба спутника ушли потому, что были обнаружены, то и сама база могла прекратить свое существование по той же причине. Как это могло произойти? Гадать было бесполезно: уровня техники неизвестной планеты никто не мог знать.

Подготовка шла полным ходом.

И, совсем уже неожиданно, мир облетела еще одна сенсационная новость, Опять прозвучали по всей Земле имена двух скромных рядовых ученых, которые один раз уже заставили всех говорить о себе, Синицыну и Муратову пришла в голову простая как будто, но оказавшаяся очень ценной мысль: проверить, куда же ведет спираль, по которой удалились от Земли оба спутника-разведчика?

Что эта мысль пришла именно им, было легко объяснимо. Оба близко соприкоснулись с тайной спутников, естественно, что их мысли все время вращались вокруг этой тайны. Они не могли думать ни о чем другом.

Результат вычислений привел к сенсации. Если спутники не изменили своей траектории, если они продолжали удаляться по одной и той же спирали, то на их пути оказывалась Луна!

Больше того, — спиральная линия полета обоих спутников упиралась в кратер Тихо!

Это можно было легко предвидеть, но, почему-то никто не подумал о такой возможности.

Значит, спутники не удалились из Солнечной системы, не ушли туда, откуда их прислали, — на неведомую родину. Они просто вернулись на свою базу, И находятся теперь именно там.

Опуститься на Луну не замеченными малочисленной коло-

нией людей, составлявших персонал научной станции кратера Тихо, было совсем не трудно, поскольку оба тела были невидимы глазу.

Значит, если удастся найти базу, то в руки людей попадет не только «руководящий центр», но и оба спутника, казавшиеся потерянными навсегда.

Это заставило торопиться еще больше. Счастливый случай нельзя было упускать. В любую минуту спутники могли снова отправиться в полет вокруг Земли, где, как уже убедились люди, «достать» их будет куда труднее.

Если гипотеза периодического появления спутников возле Земли верна, то они могли провести на своей базе очень долгое время, а если они отправились туда только для зарядки, то это время могло оказаться совсем кратким.

Ученые обрадовались, получив неожиданную и заманчивую возможность «поймать» спутники, но эта же самая возможность внесла и дополнительные трудности в подготовку экспедиции. Судьба робота-разведчика служила грозным предостережением. Ее нельзя было забывать. В полете или на базе, но спутники могли одинаково «защищаться» от попыток приблизиться К ним.

В самом срочном порядке на заводах кибернетических машин конструировались и создавались специальные роботы, могущие выдержать атаку антивеществ. Изготовлялись защитные костюмы для людей. Громоздкие установки для создания вихревых магнитных полей старались уменьшить до предела возможного. Эта групповая защита считалась наиболее надежной. Вся Земля участвовала в подготовке экспедиции, которая обещала стать самой знаменательной в истории человечества. Ведь дело шло о первом соприкосновении с иным разумом!

* * *

— Значит, ты твердо решил не участвовать? — спросил Синицын.

— Не вижу, какую пользу я могу принести в экспедиции, — ответил Муратов.

— Такую же, как и все остальные, я, например. А разве на «Титове» ты делал что-нибудь особенное?

— Вот именно что нет.

— Мы с тобой тесно связаны с этой тайной, — пытался пе-

реубедить друга Синицын. — Мы нашли спутники, мы вычислили их орбиту, мы, наконец, раскрыли загадку их ухода. Вполне естественно, что именно мы и должны принимать участие до конца.

— Не убедительно. Одно дело вычисления, это моя область, и совсем другое — поиски. Здесь нужны не математики, а ученые…

— И инженеры.

— Да, но другого профиля.

— Значит, ты хочешь, чтобы я отправился на Луну без тебя? Но ведь это еще опаснее, чем экспедиция на «Титове», — Синицын пустил в ход последний козырь. — Там мы можем найти твоих «хозяев». Разве тебе не интересно их увидеть?

— Увижу, как все другие люди. Вы привезете их на Землю. Если они захотят, конечно, — прибавил Муратов. Он сидел в кресле, устремив задумчивый взгляд в потолок. — Знаешь, Сережа, я что-то перестал верить в их пребывание на Луне. Что им там делать? Без воздуха, без воды, замурованные в недра лунной горы! И так годами!

— Почему же ты так настойчиво защищал эту гипотезу?

— Вот именно, почему? Сам этого не знаю. Мне казалось… Да и теперь все еще кажется, — вырвалось у него. — Никак не могу представить себе, что информация, которую собирали спутники, передавалась в соседнюю планетную систему. Такое исполинское расстояние! Зачем это? Кому это может быть нужно? А если они сами сидят на Луне, сидят десятилетиями? Это еще более непонятно. Все наши теории кажутся мне зыбкими, туманными, лишенными смысла. Здесь что-то другое, а не сбор информации о нашей Земле. Что-то такое, чего мы даже не подозреваем. И, пусть я буду анахроничен, — недоброе. Да, недоброе! Ты помнишь историю шестидесятых годов прошлого века? Тогда запускались в небо спутники-шпионы… Представь себе, что мы все ошиблись, что спутники не собирали никакой информации, что они предназначены не для научных целей. Ведь тогда гораздо легче понять причины тщательной маскировки этих спутников. Не правда ли?

— Хорошо, допустим, — ответил Синицын. — Но тогда окончательно бессмысленно их вращение вокруг Земли целый век, а может быть, и больше.

— Что значит век? Это для нас, для людей, век — целая жизнь. А с точки зрения истории человечества — это не так уж

много. Вы, астрономы, не знаете ни одной планетной системы, на которой могла бы возникнуть разумная жизнь у близких к Солнцу звезд. Так ведь? Вот именно! Значит, хозяева спутников обитают очень далеко. Путь от них к нам, может быть, требует многих лет. А на самой их планете проходят века. Вот и рассуждай. Они прилетали к нам столетия назад. И, улетая, оставили возле Земли «что-то». Вероятно, это «что-то» должно ожидать их вторичного прилета. Зачем? Этого мы не знаем.

— Противоречишь сам себе, — сказал Синицын. — То уверен в их присутствии возле Земли, то «столетия назад».

— А если и то и другое? — Муратов наклонился вперед и пристально посмотрел в глаза друга. — А если они запустили спутники во время своего прилета к нам столетия назад, а затем непрерывно, понимаешь, непрерывно наблюдают за ними, сменяя на Луне персонал своей базы? Разве не могут эти спутники быть очень важными для них? Может быть, это звено большого, тщательно продуманного плана?

— Направленного против человечества Земли?

— Видишь! Сам сделал логический вывод.

— Ты мастер подводить собеседника к своим же выводам. Но от этого они не становятся истиной. Ох, Витя, запутался ты, как я вижу. Ну можно ли себе представить, чтобы человечество одной планеты создавало заговоры против человечества другой? Это лишено всякого смысла. Извини меня, но ты несешь чушь.

— Пусть так. Но советую вам быть очень осторожными, когда вы найдете эту базу.

— Значит, окончательно…

— Да. Я не полечу с вами. Мне предложили принять участие в более интересном деле.

— Не секрет, в каком?

— Какой же секрет. Ты слышал о проекте Жана Легерье?

— Это полет по Солнечной системе на астероиде?

— На Гермесе.

— И ты хочешь лететь на нем?

— До этого полета еще далеко. Легерье предлагает изменить орбиту Гермеса, чтобы астероид пролетел всю Солнечную систему, от Меркурия до Плутона. И тогда опустив на него большой звездолет, можно без всякой затраты энергии облететь все планеты.

— При чем же здесь ты, не астроном?

— Нужно так рассчитать будущую орбиту, чтобы она прошла возле каждой планеты во время одного и того же рейса. Это очень сложная задача. И еще сложнее заставить Гермес перейти на эту орбиту с помощью реактивных сил. Вот тут-то я и могу помочь Легерье как инженер и как математик. А лететь с ним я не собираюсь.

— Желаю удачи! — По тону друга Муратов понял, что он обижен и огорчен. — Занимайся Гермесом, раз это более интересно для тебя.

— Чудак ты, Сережа! Ну зачем я вам нужен?

— Да нисколько не нужен. — Синицын изобразил на лице полное недоумение. — Просто я хотел закончить это дело вместе. А в экспедиции… любой другой будет даже полезнее.

Муратов рассмеялся.

— Актер из тебя, Сережа, как из меня балерина. Брось! Я тоже огорчен, но, право же, не могу терять время. И скажу тебе по секрету: мне не понравилось летать в космос. Не по мне это занятие.

— Ну и не надо! Сиди на Земле. Это спокойнее и… безопаснее.

Муратов нахмурился.

— Это уже зло и несправедливо, Сережа.

— Ну ладно, прости! Я, конечно, этого не думаю. Что же поделаешь, раз ты такой упрямый. А вот я, хотя и не принесу особой пользы, но никак не смогу отказаться. Эти спутники занимают все мои мысли.

— Понимаю тебя. Когда вы вылетаете?

— Послезавтра.

— Так скоро?

— Подготовка закончена.

— Тогда повторю твои слова, но с другим чувством:

«Желаю удачи!»

* * *

И через шесть месяцев, в той же самой комнате Синицын и Муратов встретились снова…

Экспедиция вернулась ни с чем!

Все усилия найти таинственное убежище, где скрылись оба спутника-разведчика, не увенчались успехом. Ничто не указывало, что в недрах крутых отрогов кратера Тихо прячется база чужого мира. Ни прослушивание горных пород, ни зондиро-

вание их ультразвуком, ни просвечивание, ни простое сверление скал — ничто не обнаружило никаких пустот. Казалось, ничья рука никогда не тревожила извечный покой кратера.

Поиски велись и за его пределами. За шесть месяцев участники экспедиции, с помощью все более мощных технических средств (один за другим, с Земли было отправлено пять звездолетов с оборудованием), обследовали лунную поверхность в радиусе пятисот километров от центра кратера.

Все было напрасно! Если база действительно существовала, то была замаскирована исключительно тщательно…

— Ты помнишь мои слова, что я не полетел с вами потому, что не хотел терять время? — спросил Муратов.

— Помню. Ты хочешь сказать…

— Вот именно. Я был абсолютно уверен, что вы не найдете эту базу. Иначе я обязательно отправился бы с вами.

— Но почему ты был так уверен?

— Потому, что меры предосторожности, примененные к спутникам, убедили меня в том, что их хозяева имеют очень серьезные причины скрывать от людей Земли свои намерения.

5

Прошло два года.

Спутники-разведчики больше не появлялись возле Земли. Но можно было предполагать, что они сменили систему своей «защиты» и стали невидимы не только Для визуальных, как раньше, но и для радиотелескопов. Если это действительно было так, то они стали во много раз опаснее.

Звездолеты покидали Землю с большой осторожностью. Развивать скорость разрешалось только за орбитой Луны.

Поиски таинственной базы не прекращались, но по-прежнему были безрезультатными. И постепенно в широких массах появилось и окрепло убеждение, что никакой базы на Луне нет и никогда не было.

Спутники, рассуждали эти люди, не укрывались в районе кратера Тихо, а ушли совсем, быть может, за пределы Солнечной системы. Встретив на своем спиральном пути Луну, они обошли ее и полетели дальше. Сигнал, запеленгованный тремя кораблями, можно объяснить излучением с самого спутника, не имевшим никакого смысла и не являвшимся радиопередачей. Ультракороткие волны мог испускать неведомый двигатель

разведчика, никто ведь не знает его конструкции и принципа работы. И «совершенно случайно» линии пеленгации сошлись у кратера Тихо. Точно так же они могли сойтись и в любом другом месте. А то, что эти линии сошлись в той же точке, где, по вычислениям Муратова и Синицына, закончились траектории обоих спутников… что ж! Бывают и не такие случайности!

Спасительное слово «совпадение» действовало успокаивающе на общественное мнение.

Большинство населения земного шара скоро перестало думать о спутниках. Эпоха была бурной. Освобожденная от вековых пут, мировая мысль штурмовала тайны природы с невиданной настойчивостью и энергией. Ошеломляющие открытия следовали одно за другим. Власть человека над природой росла «на глазах».

Но в среде работников космонавтики не могли забыть и не забывали о разведчиках чужого мира. Нераскрытая тайна продолжала угрожающе висеть над безопасностью межпланетных путей. Случай со звездолетом «Земля — Марс» в конце прошлого века тревожил руководителей «Службы космоса». Нельзя было успокаивать себя тем, что спутники уклоняются от встречи с земными кораблями. В тот раз один из них не уклонился, а столкнулся со звездолетом. Это могло повториться в любой момент.

Если раньше обходились локационными установками, чтобы своевременно заметить встречный метеорит, то теперь обязательной принадлежностью штурманских рубок звездолетов стали гравиометры. Ведь какую бы защиту ни применили хозяева разведчиков, их массу невозможно было уничтожить или сделать «невидимой».

Работы в космосе шли своим порядком, но астролетчики повседневно ощущали столь неожиданно возникшее неудобство. Раскрыть тайну было настоятельно необходимо, но ученые не видели путей к этому.

Находятся ли еще спутники в Солнечной системе или нет?

Этот основной и главнейший вопрос оставался без ответа.

Персоналы научных станций Луны, и в особенности станции кратера Тихо, непрерывно наблюдали за прилежащим пространством. Круглосуточно велась радиовахта. Если спутники все-таки укрылись на лунной базе, то рано или поздно они должны были снова отправиться в полет вокруг Земли. А это, скорей всего, могло произойти после получения ими соответ-

ствующего сигнала. Этот сигнал надо было перехватить во что бы то ни стало.

Но время шло, а все было спокойно. Ни сами спутники, ни радиосигналы, адресованные им или идущие от них, не появлялись.

Члены научного совета Института космонавтики придерживались мнения, что причиной является очередной перерыв в работе разведчиков, случайно совпавший по времени с экспедицией на «Титове». Такие перерывы, несомненно, были и раньше. Периодическое появление спутников возле Земли хорошо объясняло странный факт, что они не были обнаружены гораздо раньше.

Но какова длительность таких перерывов? Этого никто не мог знать. Предстояло, возможно долгие годы, принимать меры против неизвестной, а может быть и несуществующей опасности. И единственным радикальным средством было найти базу.

Стремительно развивающаяся техника предоставляла все новые и новые возможности для поисков. Их немедленно использовали, но все было тщетно. По-прежнему недра кольцевого хребта кратера Тихо и соседних с ним кратеров казались нетронутыми никогда и никем.

Но, несмотря на систематические неудачи, убеждение, что база все же существует, крепко держалось среди ученых. Неоднократно проверенные вычисления Муратова и Синицына неопровержимо приводили к выводу, что траектории обоих спутников по мере приближения их к Луне сближались, а возле точки пространства, где в тот момент находился кратер Тихо, сошлись!

Этого никак не могло быть, если бы спутники обогнули Луну и ушли дальше.

Поверить в подобное «случайное совпадение» мог кто угодно, но не математик, не астроном, не физик.

И поиски, настойчивые и упорные, продолжались.

Виктор Муратов знал обо всем этом только из редких бесед с Синицыным по радиофону. Он целиком погрузился в захватившую его работу и оба эти года не занимался ничем другим. Математический расчет проекта Жана Легерье был трудоемким делом. Мысли о спутниках и их тайнах приходили к нему изредка, после разговоров с Сергеем. Свою гипотезу о пребывании на Луне живых представителей иного человечества Виктор давно уже считал несостоятельной. Слишком много соображе-

ний говорило против нее, а Муратов никогда не был упрям.

Проект Легерье уже перестал быть проектом. Он был одобрен и вступил в фазу практической реализации. Расчеты показали его осуществимость и целесообразность. Затраты энергии, необходимые для изменения орбиты Гермеса, были во много раз меньшими, чем потребовалось бы для такого же путешествия по Солнечной системе на звездолете, не говоря уже о том, что производить астрономические наблюдения с астероида можно было в значительно большем объеме, чем с корабля. На Гермесе свободно расположится целая обсерватория.

Через несколько месяцев Гермес, сравнительно небольшой астероид полутора километров в диаметре, должен был, в очередной раз, пройти возле Земли на расстоянии всего пятисот семидесяти трех тысяч километров, и этот момент решено было использовать, чтобы начать невиданное еще путешествие французского ученого.

По плану Легерье, принятому Институтом космонавтики, на астероид должен был быть опущен специально предназначенный для астрономических работ искусственный спутник Земли, построенный и выведенный на орбиту двадцать лет тому назад. Этот спутник во многих отношениях уже устарел, но для целей Легерье подходил как нельзя более. На нем было все, что надо, и его следовало только немного переоборудовать, чтобы группа астрономов могла без лишений совершить на нем многолетний полет.

К этой работе уже приступили. Нельзя было терять времени. Именно сейчас планеты Солнечной системы находились в очень удобном положении, и новая орбита Гермеса пройдет возле каждой из них за время одного оборота. Следующего такого расположения пришлось бы ожидать длительное время.

Одновременно с космической обсерваторией на Гермес отправится эскадрилья мощных звездолетов со всеми необходимыми установками для перевода астероида со старой орбиты на новую.

Так как именно Муратов произвел все расчеты, ему и было предложено взять на себя руководство этой работой, ответственной и требующей исключительной точности.

Предложение было почетным, и Виктор не счел себя вправе отказаться.

— Против воли я становлюсь космонавтом, — пошутил он, встретившись с Синицыным. — И в этом значительная доля

твоей вины.

— При чем здесь я? — удивился Сергей.

— Как при чем? Ты же впервые вытащил меня в космос. Если бы не мое участие в экспедиции на «Титове», я не был бы так «знаменит» и никому не пришло бы в голову поручать мне расчеты для Легерье.

Синицьш рассмеялся.

— Такую вину, — сказал он, — я охотно возьму на себя. Надолго ты улетаешь?

— Нет, недели на две. Закончив работу, наша эскадрилья вернется на Землю. Можно было бы вернуться и скорее, чем через две недели, но придется подождать на Гермесе несколько суток, чтобы убедиться в том, что траектория полета астероида изменена правильно.

— Рискованная экспедиция, — задумчиво сказал Синицын. — Я говорю, конечно, не о тебе, а о Легерье и его спутниках. На таком длительном пути могут встретиться всевозможные случайности, которые невозможно предусмотреть заранее. Столь близкое приближение к Юпитеру, Сатурну и другим гигантским планетам…

— Ты не веришь моим расчетам?

— А ты сам совершенно в них уверен?

— Я — да. Опасен не Юпитер, не Сатурн. Опасны, да и то теоретически, астероиды между Марсом и Юпитером. Нельзя поручиться, что даже сейчас они все известны астрономам. А влияние тех, которые еще неизвестны, я, естественно, не мог учесть при расчетах.

— Вот видишь!

— Ничего не вижу. Пока что любой космический полет сопряжен с риском. Легерье и его шесть товарищей идут на этот риск. Для страховки мы оставим на Гермесе один из наших звездолетов. И кроме того, останутся все установки, с помощью которых мы изменим орбиту Гермеса. Их можно пустить в работу в любой момент и исправить курс, если что-либо непредвиденное его изменит.

— Значит, там должен будет остаться и кто-нибудь из технического персонала твоей эскадрильи?

— Моей? — улыбнулся Муратов. — Что за выражение, Сережа!

— Я сказал в смысле «руководимой тобой».

— То-то! Инженер Уильям Вестон согласился остаться на

Гермесе на все годы полета.

— Бедный! Здорово ему будет скучно.

— Он астроном-любитель. Так что не очень страшно. Ну, как, теперь ты успокоился?

— Да, видимо, все обдумано основательно.

— И сам бы был не прочь принять участие? Синицын пожал плечами.

— Какой астроном не мечтает наблюдать планеты Солнечной системы с близкого расстояния! — ответил он со вздохом.

— Так попросись.

— Легерье получил сотни таких просьб. И вынужден был всем отказать. Вместимость спутника-обсерватории ограничена. А вне его на Гермесе негде обосноваться. Так что остается только завидовать семи счастливцам.

* * *

Наступил день отлета.

Проводить корабли вспомогательной эскадрильи, улетающие с пиренейского ракетодрома, собрались многие сотни людей. Хотя космические полеты давно уже стали привычны и не возбуждали особого любопытства, слишком необычна была цель экспедиции, возглавляемой Виктором Муратовым. Пусть Гермес и небольшой астероид, но люди впервые в истории собирались изменить по своей воле орбиту небесного тела, заставить его сойти с извечного пути, предначертанного природой, лететь туда, куда нужно для целей земной науки.

Дерзкий замысел Легерье был преддверием близкого уже времени, когда человек властной рукой вмешается в космический порядок Солнечной системы, порядок, во многих отношениях не удовлетворяющий людей Земли. Успешное выполнение задачи Муратова будет началом новой эры в истории человечества — эры переделки не только своей планеты, но и всего окружающего ее пространства, началом грандиозной работы, конец которой скрывался в туманной дали веков.

История знает много таких событий, событий, знаменующих собой первое проникновение в неведомое. Экспедиция Колумба, отплытие кораблей Магеллана, первая попытка проникнуть к Северному полюсу, полет Юрия Гагарина, первая экспедиция на Луну, а затем и на все планеты. И каждый из этих дней, дней старта, золотыми буквами вписан в историю.

Экспедиция Муратова сама по себе не представляла ничего

выдающегося — люди много раз посещали другие небесные тела.

Ее историческое значение заключалось именно в том, что это было началом, первым камнем фундамента, исполинской работы по перестройке «Большого Дома» людей Земли — Солнечной системы.

И не удивительно, что эта экспедиция находилась в центре внимания всего населения земного шара.

Самого Муратова провожали только двое — Сергей и Марина. Со своей младшей сестрой Виктор не виделся около года, и ее приезд на Пиренейский полуостров был для него приятной неожиданностью.

— Мне бы очень хотелось лететь с тобой, — сказала Марина, с интересом всматриваясь в огромные силуэты кораблей эскадрильи, тускло блестевшие под лучами низкого уже Солнца в центре гигантского ракетодрома. — Ведь подумать только, что я ни разу не была в космосе.

— Как так? А Луна?

— Ну! — Девушка пренебрежительно усмехнулась. — Луна! Это не космос.

— Видал? — Снницын от души рассмеялся. — Полет на Луну она не считает космическим. Скоро дойдет до того, что космосом станут называть только пространство за пределами нашей системы.

— А где сам Легерье? — спросила Марина.

— Его давно нет на Земле, — ответил Виктор. Семеро участников полета на Гермесе две недели тому назад отправились на Луну, чтобы оттуда перебраться на спутник-обсерваторию и уже на нем совершить перелет на астероид, когда он подойдет к Земле.

Гермес был уже близко. Наступали последние дни существования Гермеса как небесного тела, чуждого Земле и ее обитателям. Отныне он превратится в летающую обсерваторию, космический филиал астрономического института, движущийся в пространство по желанию людей, грандиозный по размерам звездолет. Над полем прозвучал низкий протяжный гудок.

— Время! — сказал Муратов. — До свидания! Если бы ты, — обратился он к сестре, — раньше сказала о своем желании, я взял бы тебя с собой.

— Это я так! — Марина поцеловала брата. — Сейчас у меня все равно нет времени.

— Я хорошо помню твои слова, что тебе не нравится летать в космосе, — сказал Синицын, в свою очередь прощаясь с другом. — Интересно, что ты скажешь по возвращении.

— Будь уверен, что скажу то же самое.

— Сомневаюсь. Космос затягивает.

Второй гудок призывно пронесся над ракетодромом.

— Он должен вернуться через две недели, — сказала Марина, пристально всматриваясь в небо, где уже ничего не было видно. — Я буду очень беспокоиться все это время. Да и не только я, — прибавила она, имея в виду своих родителей, сестер и братьев. — Все же такие полеты опасны.

— Ну, какая же опасность, — ответил Синицын. — Звездолеты надежны. Идем, Мариночка! А то на лайнер опоздаем.

Она еще раз взглянула в ясную даль неба, словно надеясь увидеть далекие уже корабли эскадрильи.

— Нужно время, и немалое, — сказала она, — чтобы люди привыкли относиться к звездолетам так, как относятся к самолетам. А ведь было время, и совсем не так давно, когда и самолеты казались опасными.

— Конечно! Так всегда бывает. А потом появится что-нибудь новое, не известное нам сейчас, и тогда люди станут говорить о звездолетах, как ты говоришь о самолетах. Ну, и так далее, — закончил Сергей.

6

Ходить было трудно.

Сильно намагниченные подошвы ботинок плотно прилипали к металлическому полу, и для того чтобы сделать шаг, приходилось применять значительное мускульное усилие. Но и это не создавало устойчивости. Почти полное отсутствие веса давало себя чувствовать. Словно на палубе судна в сильную бурю, люди качались на ходу, принимая самые причудливые положения. Но и немыслимый на Земле наклон тела не приводил к падению — падать было некуда. Гермес притягивал к себе с ничтожной силой. Легкое усилие — и человек выпрямлялся, чтобы через секунду начать новое «падение». И так без конца.

Подобная ходьба утомляла больше, чем самые длительные пешеходные прогулки на Земле.

А если сбросить обувь, человек мог летать. Ничего не стоило подняться к самой верхней точке сферического купола в поме-

щении обсерватории. Для этого нужно было только слегка оттолкнуться от пола. А спуск, под действием силы тяжести, происходил так невыносимо медленно, что Виктор Муратов, из любопытства испробовавший однажды такой «полет», не испытывал никакого желания повторить его. Беспомощно висеть в воздухе, не имея ни малейшей возможности что-либо изменить, было очень неприятно.

Виктору вообще не нравилось пребывание на Гермесе. Он с нетерпением ожидал старта в обратный путь. С удивлением наблюдал он, с каким интересом и даже энтузиазмом воспринимали все окружающее его спутники, и не понимал их. Космос не оказывал на него никакого «притягивающего» действия, как это было с другими. Картины звездного неба казались ему однообразными и скучными, невесомость — тягостной, условия быта — раздражающими. Он с улыбкой вспоминал предсказание Сергея. Старый друг ошибался. Ни на какой космос он, Виктор, не променяет родную Землю.

Еще четверо суток этой пытки, и он будет дома!

Шли последние контрольные наблюдения. Уже более ста часов Гермес летел по новой орбите, постепенно приближаясь к Венере. А затем он обогнет Меркурии и начнет долгий, на годы, полет в глубь Солнечной системы, к ее окраинам, к самой отдаленной из планет — Плутону.

Изменение траектории полета астероида прошло в полном соответствии с расчетами. Виктор гордился этим. С Земли было получено множество поздравительных радиограмм. Вся планета радовалась достигнутому успеху.

Да, сделано большое и нужное дело! Но ведь оно сделано. Значит, можно со спокойной совестью покинуть неуютный космос, вернуться на Землю, взяться за новую, не менее нужную и интересную работу. На родине тысячи дел!

Муратова нисколько не беспокоили результаты последних вычислений, производимых на этот раз самим Жаном Легерье. Все правильно! Астероид летит так, как это было рассчитано еще на Земле. Достигнув Юпитера, он повернет, повинуясь могучей силе притяжения гиганта Солнечной системы, к Сатурну, а тот, в свою очередь, изменит траекторию, направив ее к Урану. И так далее. Планеты будут передавать астероид-обсерваторию друг другу, как эстафету. Нет никакой необходимости в повторных проверках. Вспомогательная эскадрилья могла бы еще вчера вылететь на родину. Но, мучимый нетерпением, Муратов

хорошо понимал, что осторожность Легерье обоснованна и необходима. В сравнении с исполинским расстоянием, которое предстояло пролететь Гермесу, уже проделанный путь — ничтожен. Четыре проверки, по четырем данным наблюдений, произведенные четырьмя математиками независимо друг от друга, — это уже полная гарантия!

Но завтра… впрочем, какое же завтра, когда нет ни дня, ни ночи, ни восхода, ни захода Солнца… через восемнадцать часов все будет кончено. Легерье скажет долгожданные слова: «Все в порядке» — и Муратов будет свободен.

Ни за что на свете он не задержится здесь ни на одну минуту!

Если бы Виктор мог знать сейчас, что задержится в этом, неприятном ему, месте на целых трое суток!

Необъяснимое, чудовищно неправдоподобное событие было совсем, совсем близко!

Но будущее скрыто от человека законом причинности.

Держась за многочисленные стенные ремни, всеми силами удерживая тело в вертикальном положении, Муратов медленно шел в кают-компанию спутника. Это старинное название, взятое из лексикона давно исчезнувшего военно-морского флота, прочно держалось у космолетчиков, и казалось Муратову нелепым. Какие каюты, когда все помещения, примыкающие к центральному павильону, представляли собой обыкновенные комнаты. Правда, у них были прозрачные потолки, но этого не было на морских кораблях. В каютах должны быть иллюминаторы, а здесь никаких окон вообще не было.

При этой мысли Виктор невольно посмотрел вверх и, конечно, ничего не увидел, кроме полукруглого потолка. Коридоры не имели прозрачных стенок.

Он усмехнулся своей рассеянности. За две недели почти можно было бы уже привыкнуть.

Часы, идущие по-земному, показывали восемь вечера по московскому времени. Было время ужина. В столовой («Ну, пусть будет кают-компания», — подумал он) его, Виктора, наверное, уже ждут. Одна минута девятого. Он знал по опыту, что Легерье и его шесть товарищей решительно во всем были пунктуальны.

Семь членов экспедиции, инженер Вестон и человек восемь из состава вспомогательной эскадрильи «сидели» у круглого стола. На Гермесе все же существовала какая-то сила тяжести и были стулья. Можно было принять сидячее положение, но,

чтобы удержаться на стуле и не взлететь при неосторожном движении, приходилось прикрепляться ремнем к сиденью.

Муратов извинился за опоздание и занял свое место.

Кают-компания была расположена с краю огромного дискообразного корпуса искусственного спутника. Потолок и наружная стена были прозрачны. Над головой раскинулось матово-черное небо с бесчисленными звездами. Среди них ослепительно сияло Солнце. Его лучи заливали внутренность каюты, но тепла не ощущалось. Пластмассовое «стекло» не пропускало инфракрасные лучи.

За бортом — панорама Гермеса. Мрачные, какого-то неопределенно-бурого цвета, бесформенные скалы. Безжизненный, тоску наводящий пейзаж!

Космическая обсерватория, бывший искусственный спутник Земли, стояла на дне неглубокой котловины. Со всех сторон ее окружали постепенно поднимающиеся гранитные стены. Горизонт ограничивался кругом около трехсот метров в диаметре. А так как сам спутник имел поперечник в сто метров, глазам открывался ничтожно малый «внешний мир».

Муратов вздрогнул при мысли, что восемь человек долгие годы не увидят ничего, кроме этой безрадостной картины. Какую все поглощающую любовь надо иметь к своей науке, чтобы добровольно обречь себя на такое испытание!

Нет, сам он не был бы способен на такой подвиг!

Выбор места для обсерватории был не случаен. Именно такой рельеф местности лучше всего соответствовал целям защиты. Метеоритная опасность, существующая даже для небольших звездолетов, была в тысячи раз более грозной для Гермеса, огромная масса которого притягивала к себе блуждающие в пространстве обломки. Тем более, что предстояло пересечь пояс астероидов между Марсом и Юпитером — самое опасное место на межпланетных трассах.

В скалах, кольцом окружая обсерваторию, были вмонтированы мощные установки. Какую бы скорость ни имел метеорит, магнитное поле заставит его уклониться в сторону от единственного обитаемого места на астероиде. Потому и возможно было существование сравнительно тонких прозрачных стенок и огромного купола, под которым располагались телескопы и другие многочисленные астрономические приборы и инструменты. Если же встречный метеорит окажется не железным, а каменным, то его отклонит в сторону вихревое антигравитонное

поле, дополняющее магнитное.

Астрономы могли работать спокойно.

После ужина Муратов задержался в кают-компании, беседуя с Вестоном. В этот вечер он решил не возвращаться на свой звездолет, а переночевать на спутнике, благо в этом странном мире без тяжести можно было спать на чем угодно, как на мягчайшем тюфяке. Четыре стула, крепкий ремень, чтобы не проснуться под потолком, и постель готова. Намагниченные металлические ножки стульев, прилипающие к полу, гарантировали неподвижность ложа.

Было десять часов, когда Муратов, перед тем как лечь спать, зашел в каюту Легерье.

Он любил беседовать с умным, энциклопедически образованным начальником экспедиции. Казалось, не существовало вопроса, в котором французский ученый не чувствовал бы себя как рыба в воде. С ним можно было говорить обо всем.

Таким и должен быть настоящий астроном. Ведь астрономия — наука всеобъемлющая. Она затрагивает все области человеческого знания, от медицины до философии.

Легерье ложился поздно, и Муратов не боялся, что явится не вовремя.

«Командир Гермеса», как прозвали Легерье с чьей-то легкой руки, стоял у стены и внимательно рассматривал один из приборов, расположенных на большом, во всю стену, щите. Он обернулся при входе Муратова.

— Посмотрите! — сказал он, снова поворачиваясь к прибору. — Стрелка гравиометра не стоит на нуле. Никак не пойму, что это может значить.

Муратов подошел ближе.

С гравиометрами он познакомился во время экспедиции на «Титове». Но прибор в каюте Легерье имел уже мало общего с теми. Два года — огромный срок для техники. Знакомыми оставались только шкала и стрелка.

Муратов вгляделся.

— Мне кажется, — сказал он, — что стрелка не только не стоит на нуле, как вы сказали, но и движется. Очень медленно, но движется.

— Да, да, вы правы, — в голосе Легерье чувствовалось беспокойство. — Это очень странно. Прибор показывает наличие какой-то массы недалеко от нас. Но что это может быть?

— Встречный метеорит… — нерешительно предположил

Муратов.

Он тут же мысленно выругал сам себя. Что за наивная реплика! Не мог же Легерье не подумать о такой возможности.

Вместо ответа астроном молча указал на экран локатора. Ровная черная линия не имела никаких неровностей или выступов. Радиолучи, непрерывно ощупывающие пространство вокруг астероида, не встречали препятствий.

— Испортился…

Легерье нажал на одну из бесчисленных кнопок. Засветился маленький экран, и на нем появилась внутренность каюты, занимаемой Александром Макаровым — заместителем начальника экспедиции.

— Саша! — сказал Легерье. — Посмотри на гравиометр.

Было видно, как Макаров подошел к щиту, точно такому же, какой был здесь. Раздалось удивленное восклицание.

— А теперь обрати внимание на локационный экран.

— Да, вижу! Макаров обернулся.

— Что ты на это скажешь? — спросил Легерье.

— Очень странно, даже слишком. А у тебя то же самое?

— Конечно! Я подумал было, что гравиометр в моей каюте испортился. Но не могли же испортиться оба сразу.

— В чем же дело?

— Зайди ко мне.

— Иду!

Легерье и Муратов не спускали глаз со стрелки. Она двигалась, теперь в этом невозможно было сомневаться. Что-то, не отражающее лучей локаторов, приближалось к Гермесу. Это не мог быть небольшой обломок, настолько малый, что его не «видели» мощные локационные установки. В этом случае его не заметил бы и гравиометр. Загадочное тело имело довольно значительную массу.

— Все ближе и ближе! — прошептал Легерье. — И что самое удивительное — оно летит очень медленно.

Раздался тихий гудок радиофона.

Легерье даже не обернулся.

Гудок повторился. Муратов подошел к аппарату.

Дежурный на командном пункте флагманского корабля эскадрильи взволнованным голосом доложил о странном «поведении» гравиометра.

— Со всех наших кораблей сообщают то же самое, — сказал он.

— Знаю, — ответил Муратов. — Продолжайте вести наблюдения.

Вошедший Макаров молча подошел к Легерье. Они напряженно всматривались в гравиометр. Стрелка уже далеко отошла от нуля и продолжала медленно, крайне медленно, но неуклонно ползти дальше.

Линия на экране локатора по-прежнему оставалась невозмутимо ровной. Легерье топнул ногой.

— Да что же это такое, наконец? — раздраженно сказал он. — Общую тревогу!

Макаров нажал на красную кнопку в центре щита. Муратов знал, что в этот момент во всех помещениях спутника-обсерватории раздался дробный звонок, извещая об опасности.

Не прошло и двух минут, как в каюте начальника собрались все бывшие на борту спутника.

Не нужно было никаких пояснений. Эти люди хорошо понимали язык приборов.

Наступило тревожное, полное скрытого напряжения молчание.

Неизвестная опасность — самое неприятное испытание для психики. Самый храбрый человек невольно поддается смутному чувству страха. Что предпринять, если неизвестно, от чего надо защищаться?

И вдруг в памяти Муратова всплыло воспоминание. Он мысленно увидел напряженные лица Вересова и Стоуна, с глазами, устремленными на тот же гравио-метр. И ему показалось, что он понял, что происходит.

— А не тот ли это загадочный спутник-разведчик, за которым охотились на «Титове» два года назад? — сказал он.

Легерье резко обернулся.

— Так далеко от Земли?

— Никто же не знает, куда они исчезли.

— Но ведь радиолокаторы в то время нащупывали эти спутники?

— Это было тогда. Существует предположение, что они каким-то образом сменили систему своей «защиты».

— Возможно, что вы правы, — сказал Легерье. — Увидим!

Если Муратов угадал, то стрелка гравиометра должна была скоро прекратить движение вправо. Спутники-разведчики не могли подойти к такой большой массе, как Гермес, слишком

близко. Астероид полутора километров в диаметре — это не маленький звездолет!

Догадка была настолько правдоподобной, что все сразу успокоились. Двое астрономов, получив разрешение Легерье (на обсерватории была объявлена тревога, и никто не имел права действовать самостоятельно), ушли, чтобы попытаться увидеть приближающееся тело в большой телескоп. Макаров вернулся к себе в каюту, чтобы вести параллельное наблюдение по своим приборам.

Но спокойствие продолжалось недолго. Прошло пять, потом десять минут, а стрелка все продолжала ползти вправо, угрожающе приближаясь к крайней точке, означающей соприкосновение двух масс — Гермеса и неизвестного тела. Близилось столкновение. До красной черточки на шкале оставалось совсем немного.

— Оно летит прямо на нас, — взволнованно сказал Легерье.

Усовершенствованный гравиометр давал возможность определять не только массу, но и направление ее движения и расстояние.

Локационный экран по-прежнему не показывал ничего. А, судя по гравиометру, приближающееся тело было весьма крупным.

Муратову казалось, что прибор показывает уже гораздо большую массу, чем тогда, на «Титове».

Слова Легерье подтвердили, что это было так.

— Масса неизвестного тела, — сказал астроном, — во много раз превышает массу разведчиков.

Еще несколько томительных минут, и не осталось никаких сомнений — что-то летело прямо на обсерваторию.

7

Легерье бросился к щиту.

Одно движение его руки — и на всем спутнике тяжелые герметические двери опустились в свои пазы, отрезав всякий доступ из одного помещения в другое. Обсерватория разделилась на изолированные друг от друга отсеки.

Теперь можно было надеяться, что катастрофа не приведет к общей гибели.

Куда же обрушится страшный удар столкновения космических тел?

Люди замерли в ожидании…

В эти секунды Муратов почему-то подумал не о себе и не о находившихся, с ним людях, а о кораблях своей эскадрильи. Они стояли сравнительно близко за гребнем гранитной воронки, окружающей обсерваторию. Догадались ли там сделать то, что только что сделал здесь Легерье?

Отдать приказ по радиофону было уже поздно.

«Впрочем, — подумал Виктор, — если тело ударит по звездолету, от корабля ничего не останется. Масса этого тела слишком велика. Никакие отсеки не спасут людей».

А стрелка гравиометра продолжала неумолимое приближение к красной черте, означающее катастрофу. Защитные, антигравитонные и магнитные, поля были совершенно бесполезны. Они слишком слабы, чтобы воздействовать на такую громадину. Смерть, случайная и нелепая, вплотную подошла к людям, и они не в силах были предотвратить ее.

— Смотрите! — сказал Легерье, протянув руку к гравиометру.

Это было более чем странно, необъяснимо, то, что они увидели.

Стрелка еще более замедлила свое движение. Вопреки законам тяготения, она не ускорила его, а именно замедлила, и двигалась теперь едва заметно.

И вдруг… остановилась совсем, замерла неподвижно в каком-нибудь миллиметре от черты.

Это означало, что неизвестное тело прекратило падение и повисло неподвижно над Гермесом на расстоянии, самое большее, ста метров от его поверхности.

Шумный вздох облегчения вырвался одновременно из груди всех, находившихся в каюте.

Спасены! Опасность, только что казавшаяся непредотвратимой, непонятно как миновала.

— Это мог сделать только управляемый корабль, — сказал Легерье.

— Каковы же тогда его размеры! — изумленно воскликнул Муратов.

Сомневаться было невозможно. Все, что было непонятно в поведении неведомого тела, становилось вполне понятным, если это космический корабль с мощными двигателями.

Но откуда он мог взяться? Земля не сообщала о полете какого-либо корабл-я в этом районе. Любой звездолет давно дал

бы свои позывные, если бы его командиру понадобилось по той или иной причине опуститься на астероид. Его давно бы заметили локаторы. И, самое главное, ни один из существующих космических кораблей не имел таких огромных размеров и не обладал «способностью» полностью поглощать радиоизлучение.

Неведомый звездолет, судя по его массе, был гигантом, но сквозь прозрачный потолок каюты ничего не было видно, кроме звезд.

— Он остановился немного в стороне, — сказал Легерье, и его голос заметно дрожал от волнения. — Но сомнений нет. Это звездолет, но не наш!

Он еще говорил, когда стрелка гравометра снова дрогнула и быстро пошла влево.

Космический корабль удалялся.

Зачем же он подлетал к Гермесу? Если неизвестные астролетчики заметили на астероиде искусственное сооружение, они должны были заинтересоваться и постараться выяснить, что же это такое. Но они задержались меньше чем на минуту и улетели. За это время ничего нельзя было хорошо рассмотреть. Пусть не очень большая, но на проделанный маневр требовалась затрата энергии.

В чем причина столь странного поведения?

Инженеры и ученые молча переглядывались. Никто ничего не понимал, и люди невольно задавали себе вопрос: не почудилось ли им это посещение?

Легерье нарушил длительное молчание.

— Корабль удаляется по прямой линии, постепенно увеличивая скорость, — сказал он. — Зачем было замедлять ее и полностью останавливаться? Более чем непонятно.

Внезапно блеснул яркий свет. Те, кто успели поднять голову, заметили, как на черном бархате неба, прямо над ними, вспыхнул облаком пламени вихрь чудовищного взрыва.

Он произошел очень далеко, но именно там, где должен был находиться улетевший корабль. Каюта осветилась мертвенным белым светом на одно мгновение.

И все погасло.

Стрелка гравиометра, словно в бессилии, упала к нулю. Действующая на нее масса, масса космического корабля другого мира, только что подлетевшего к Гермесу, исчезла — внезапно, сразу!

— Катастрофа! — вскричал Муратов. — Корабль взорвался!

— Да, он взорвался, — медленно и грустно сказал Легерье. — Это аннигиляция. И мы никогда уже не узнаем, что произошло на наших глазах.

— И кому, какому человечеству он принадлежал, — добавил Муратов.

Неожиданная катастрофа глубоко потрясла всех. Люди задыхались от волнения. Пусть неизвестно, кто находился в этом корабле, пусть они были существами, чуждыми людям Земли. Это были разумные представители единого человечества вселенной!

Так близко, рядом, находился разум иного мира, вот только что сейчас могла состояться долгожданная встреча людей-братьев! Впервые в истории! И не состоялась! Вестник иного мира, быть может, прилетевший из далеких глубин пространства, бесследно исчез.

Это было так нелепо, так невыносимо обидно, так бессмысленно!

Легерье машинально нажал на кнопку, восстанавливая сообщение между отсеками обсерватории.

— Но почему, почему они не опустились? — сказал Вестон. — Они не могли не заметить нашу обсерваторию. Почему же они так поспешно ушли от нас?

— Может быть, именно потому, — ответил Муратов, — что эти существа прибыли к нам из антимира. Они убедились в том, что наш астероид, относительно них, из антивещества, и поспешили уйти от опасности. А удалившись, столкнулись с метеоритом. И произошла аннигиляция, которой они опасались.

— Ваша гипотеза несостоятельна, Муратов, — сказал Легерье. — Несостоятельна по двум причинам. Во-первых, никаких крупных метеоритов сейчас не пролетало. На том расстоянии, на котором произошел взрыв, наши локаторы заметили бы любой метеорит. А во-вторых, космический корабль, прилетевший в чужую планетную систему, должен быть защищен от опасности аннигиляции. Из какого вещества состоят наша планетная система, они должны были определить давно. Ведь мы встретились с ними не на окраине, а почти что в центре.

— Они могли и не пролетать всю нашу систему, а подойти к ней сверху или снизу относительно плоскости эклиптики.

— Немыслимо. Такое легкомыслие никак не вяжется…

Он не договорил, весь превратившись в слух.

Отчетливый стук послышался со стороны входной каме-

ры — наружной двери обсерватории.

Кто мог стучать?

Если это был кто-нибудь из экипажей кораблей эскадрильи, ему незачем было прибегать к стуку. Существовала сигнализация, и она была известна всем. Да и не мог никто явиться, не предупредив заранее.

Одна и та же мысль мелькнула у всех. Стучали существа иного мира, высадившиеся с того самого корабля, который только что, несколько минут тому назад, погиб!

Но ведь этот корабль не опускался на поверхность Гермеса. Как же он мог высадить кого-нибудь?

Корабль улетел, и подобный «десант» был совершенно бессмыслен!

Стук повторился, четкий, настойчивый!

Легерье включил экран наружного обзора.

И они увидели…

У самого входа стояла высокая человеческая фигура в скафандре.

Обыкновенная человеческая фигура!

Обыкновенная?..

Это было не так! Все сразу заметили еще и другое. Человек, стоявший у входа, был одет не в земной скафандр!

Вот он поднял руку и явно нетерпеливо постучал металлической перчаткой в наружную дверь.

Значит, все-таки…

Все-таки великая встреча состоялась!

У входа находилось существо с другой планеты — гость, прилетевший неведомо откуда, — стояло и настойчиво просило впустить его!

Трудно передать словами, что почувствовали люди Земли, когда поняли, с кем они имеют дело!

Гость был один. Может быть, остальные прятались в скалах, ожидая? Может быть, пришельцы не были уверены в том, какой прием их ждет, и выслали вперед разведчика?

Но ведь им некуда деваться с астероида. Высадивший их корабль улетел и погиб. Они не могли не знать этого.

Странно, загадочно, непонятно!

Легерье не колебался. Наружная дверь раздвинулась. Внутри выходной камеры вспыхнул свет, приглашая гостя войти.

Он вошел, вошел уверенно и просто, видимо без всяких опасений.

Начальник экспедиции медлил. Он ждал, не покажутся ли остальные.

Никто не появлялся. По-видимому, как это ни невероятно, но гость был один.

Наружная дверь закрылась.

Пришелец из космоса находился внутри обсерватории, он вступил в чуждый ему мир!

Заработали автоматы биологической защиты. Легерье включил максимальный режим.

— Догадается ли он снять скафандр?

— Должен догадаться. Это же космолетчик. Он сам понимает опасность.

И снова молчание, напряженное, почти мучительное.

— А если он не сможет дышать нашим воздухом?

Никто не отозвался. Эта тревожная мысль явилась всем.

Ничего уже нельзя было изменить. Процесс начался и не мог быть остановлен. Да и куда было деваться пришельцу?..

Он сжег за собой все мосты.

В выходной камере не было экрана. Невозможно было увидеть, что происходит там. Максимальный режим обработки продлится почти час. Живого или мертвого, но пришельца из космоса люди увидят только тогда, когда этот час пройдет.

Он тянулся невыносимо.

— Если бы можно было предвидеть такое, — сказал Вестон, — там был бы экран!

Еще бы! Если бы люди могли предвидеть появление такого гостя, телесвязь с выходной камерой была бы сделана самым тщательным образом. А так, в обычных условиях, в ней не было никакой нужды.

Прошло десять минут. Только десять!

Камера уже наполнилась воздухом. Дистиллированным, чистым воздухом космической обсерватории, без единой бактерии или микроба.

Но воздухом земного состава!

Как подействует на гостя этот воздух? Может быть, чужое Земле существо задохнется в нем и, когда откроется внутренняя дверь, люди увидят только холодный труп?

— Нет, невероятно! — сказал Легерье. — Он не вошел бы так спокойно.

— Мне кажется, — сказал Муратов, — что я понимаю. Это один из хозяев спутников-разведчиков. А они давно знают нашу

планету, знают состав ее атмосферы. И, видимо, она им не опасна.

Такое предположение многое объясняло. Но не все!

— Как он очутился на Гермесе? — спросил один из астрономов.

— Очень просто. Спрыгнул. Прыжок со ста метров вполне безопасен на астероиде таких размеров.

— Но зачем?

— Это мы узнаем от него самого.

Прошло двадцать минут!

Потом полчаса!

Каюта Легерье опустела. Хотя до момента, когда откроется дверь, оставалось еще много времени, все, кроме Макарова, собрались перед выходной камерой. Заместитель Легерье остался в своей каюте, у обзорного экрана, и периодически сообщал о том, что он видит снаружи. Вернее, о том, что он ничего не видит. Не было никаких признаков присутствия возле обсерватории других звездолетчиков.

Становилось очевидным, что находившийся в камере пришелец действительно один. Это делало его появление на астероиде вдвойне непонятным.

Что нужно ему здесь? Зачем он спрыгнул с своего корабля? Почему его товарищи бросили его одного, а сами улетели? Они могли видеть обсерваторию, но не могли знать, есть ли внутри нее живые существа. Обсерватория могла быть давно брошена за ненадобностью, ее могли обслуживать кибернетические автоматы. А в этом случае одинокий человек обречен на скорую и мучительную смерть. Не могли они не понимать этого! А если они знали о скорой гибели звездолета, то почему не высадились все? Да и зачем было улетать навстречу смерти, если они знали? Но как они могли знать?!

Все, все загадочно, все непонятно!

Сорок минут!

На кораблях вспомогательной эскадрильи знали обо всем. Муратов не забыл о своих товарищах и рассказал им по радиофону о невероятном событии. Там, конечно, тоже волновались, но не так, как здесь. Ведь пришелец из космоса должен был появиться впервые именно здесь, на обсерватории!

Впервые!

Каждый про себя, они готовились к сверхсенсационному событию — к моменту встречи лицом к лицу обитателей разных

миров!

Впервые в истории!

…Пятьдесят минут!

Волнение нарастало. А тот, кто находился за толстой непроницаемой дверью, волнуется ли он? Доступно ли ему подобное чувство?

Он должен волноваться! Нельзя себе представить разумное, мыслящее существо без нервной системы!

Они уже видели, что внешние формы пришельца очень похожи на формы людей Земли. Но что окажется под скафандром?

Никто не ожидал появления какого-нибудь чудовища. У гостя из космоса была голова, руки и ноги. Он был одет в скафандр, подобный земным. Он, видимо, мог свободно дышать воздухом Земли. Это говорило за то, что планета, бывшая его родиной, однотипна с Землей. Так почему же сходные условия развития должны привести не к сходным результатам?..

Прошло пятьдесят пять минут!

…Еще одна минута!

И такая глубокая тишина (люди сдерживали даже дыхание) царила вокруг, что все отчетливо услышали, как там, в центральном павильоне, где были сосредоточены все агрегаты управления, щелкнул выключившийся автомат биологической защиты.

Обработка закончилась.

Если пришелец снял с себя скафандр, а он должен был это сделать, если думал логически, то ни на поверх ности его тела, ни внутри него не осталось уже ничего, что могло бы заразить воздух обсерватории.

А если нет?

Но и тогда не было опасности. Скафандр был чист. Гостю жестами объяснят, что нужно снять его, и подвергнут вторичной обработке.

Долгожданный момент приблизился вплотную!

Легерье, внешне спокойный, но с сильно побледневшим лицом, нажал на кнопку.

Дверь раздвинулась.

Каждый из них представлял себе гостя по-своему. Каждый рисовал в воображении свой облик, подсказанный индивидуальной фантазией. Но все ожидали увидеть космолетчика, одетого соответственно понятию о космическом полете. Пусть не в комбинезоне, как земные астролетчики, пусть в самом неверо-

ятном по покрою и материалу костюме, с любыми чертами лица, любого цвета кожи!

Но того, что они увидели в действительности, не ожидал никто!

Гость снял скафандр; он догадался это сделать, как и ожидали.

Но!..

Всеобщий возглас изумления встретил появление пришельца.

Перед ними, близко от двери, стояла высокая девушка в коротком, сильно открытом платье золотого цвета. Густые иссиня-черные волосы обрамляли ее лицо со странным зеленоватым оттенком кожи. Большие, косо расположенные, очень удлиненные глаза пытливо, но совершенно спокойно смотрели на людей Земли.

Она подняла руку открытой ладонью вперед и произнесла мягким, певучим голосом, растягивая слоги:

— Гийанэйа!

8

— Из всей этой загадочной истории самым странным мне кажется ее внешний вид, я говорю о Гианэе, — сказал Муратов. — Я не думал, что мы увидим такое полное сходство с земными людьми. Это просто невероятно. И как хотите, но в моем сознании не укладывается, что она — житель иного мира.

— А кем иным она может быть? — спросил Легерье.

— Я понимаю это. Как и все, я вынужден признать факт. Но, право, не знаю, как вам объяснить, что-то во мне протестует, даже возмущается…

— Тут нет ничего удивительного, — сказал Легерье. — Ваше состояние понятно. Люди приучили себя к мысли, что обитатели других миров не могут быть в точности похожими на нас. Но почему? Вселенная безгранична, и среди бесчисленного количества обитаемых миров должны встречаться любые внешние формы жизни, вплоть до мыслящей плесени, как писал один ученый в середине прошлого века. Существуют мыслящие организмы всевозможных форм. Но не надо забывать, что доступная нам часть вселенной состоит из тех же веществ, из тех же элементов, что и наша Солнечная система. Установлено, что планетные системы, повторяю, — в доступной нашему исследованию части вселенной, окружают звезды,

по спектральному классу подобные Солнцу. Отсюда логический вывод: условия жизни примерно одинаковы. А что такое человек, как не продукт долгого, томительно долгого процесса приспособления к окружающим условиям? Внешние формы тела не могут быть нерациональными. Тело — исполнительный орган мозга. Природа выработала органы, наиболее приспособленные к выполнению определенных функций. А природа всегда идет по самому простому пути. Тело человека — это самый простой из теоретически возможных вариантов. Так почему же на других планетах, где условия жизни подобны нашим, этот процесс должен привести к иному результату? Другое дело, если в основе жизни лежит не углерод и кислород, а что-нибудь другое. Тогда самый мозг может оказаться иным и, как следствие, получит иные органы. Но с подобными существами у нас не будет ничего общего и никакой контакт немыслим.

— Я понимаю вас, — сказал Муратов, — и согласен с вами. Но тут не подобие, а полное сходство.

— И это не удивительно. Я с самого начала был абсолютно убежден, что мы увидим человека. Так и оказалось. И вот почему я был в этом уверен. Я разделяю вашу точку зрения. Корабль, который подлетал к Гермесу, принадлежал именно хозяевам разведчиков. Они знают, и знают хорошо, нашу Землю. И они решились, в данный момент не важно, по каким причинам, решились высадить на астероид одного из экипажа своего корабля. Мы не знаем, зачем они это сделали, но можем быть совершенно уверены в том, что они не сомневались: их товарищ найдет общий язык с нами. А такая уверенность никак не могла возникнуть, если бы мы и они не были подобны. К существам, отличным от них самих, никогда не послали бы одного человека.

— Все это так, — с оттенком досады сказал Муратов. — Но вы говорите — подобие, подобие! Откуда же не подобие, а абсолютное тождество? Нельзя же считать, что зеленый налет на коже — решающее различие. На Земле между расами большее различие.

Легерье пожал плечами.

— Удивляюсь, — сказал он, — откуда у вас такой атавизм? Подсознательно вы повторяете то, что говорили и писали десятки лет назад. Тогда это было понятно. Слишком близки были еще века владычества религиозных верований. Человек казался самому себе чем-то исключительным в природе. Трудно было допустить, что где-нибудь может существовать

такое же «совершенное», подобное божеству, существо, как человек Земли. Отсюда теории о возможности для природы создавать бесконечные формы — вместилища мозга. Подчеркиваю — создавать в одинаковых условиях. А если стать, стать твердо на точку зрения, что человек — создание природы, то нетрудно понять и то, что природа везде, где условия одинаковы, создает одно и то же. У природы нет разума, она действует, если можно так выразиться, «интуитивно». Действует просто и, самое главное, естественно.

— Все не то, — сказал Муратов. — То, что вы говорите, я и сам знаю.

— Вас смущает, что Гианэя — копия земной женщины, и притом женщины белой расы. Так ведь? Давайте подойдем к вопросу с другой стороны. Поменяемся ролями. Пусть не они, а мы сами исследовали пространство вокруг нашей планетной системы. И обнаружили несколько населенных миров. Пусть обитатели этих миров различны по внешности. Есть совсем не похожие на нас, есть подобные нам. А есть и совсем тождественные. С кем же мы свяжемся первыми? С кем произойдет первая встреча?

— На Земле несколько рас.

— Совершенно верно. Естественно ожидать понимания от подобных самому себе. Гианэя принадлежит к человечеству или части человечества такой планеты, где мыслящий разум облекся в ту же форму, что и на Земле, и притом наибольшее сходство у них и у людей белой расы на Земле.

— Значит, все-таки это случайность?

— Да, но случайность закономерная и естественная. Ничего странного я здесь не вижу. Скажу более; я был бы очень удивлен, если бы случилось иначе.

— Значит, по-вашему, они имели выбор?

— Похоже на то. Но может, конечно, и так случиться, что они и не имели выбора. Просто первая же населенная планета, которую они нашли, оказалась населенной одинаковыми с ними людьми. Тот факт, что Гианэя свободно дышит нашим воздухом, доказывает тождество Земли и ее родины. А такое тождество, по моему глубокому убеждению, не исключение, а правило в близкой к нам области вселенной. Я говорю о звездах класса нашего Солнца. У других звезд планетных систем не обнаружено. С их стороны было совершенно естественно и логично искать населенные миры возле звезд, подобных их солнцу.

— Вы думаете, что ее родина где-то близко?

— Это вытекает из предположения, что разведчики посланы ими. Нельзя допустить, что их послали к нам из туманности Андромеды. Должна быть цель. Другое дело, если мы ошибаемся и Гианэя не имеет никакого отношения к разведчикам. Тогда она могла явиться откуда угодно.

— А чем вы объясняете зеленый оттенок ее кожи? — спросил Муратов, желая переменить разговор и оставить тему, где он чувствовал превосходство собеседника.

Легерье улыбнулся.

— Вы сами понимаете, что на этот вопрос я не могу ответить сейчас, — сказал он. — Происхождение зеленого оттенка выяснится, когда Гианэю обследуют медики. Если она согласится на это.

— Если согласится? — удивленно спросил Муратов. — Как можно даже допускать возможность отказа? Это же совершенно нелепо со стороны разумного существа, попавшего на другую планету. Не может же она не понимать, что наука Земли захочет ознакомиться с ее организмом? Содействовать в этом — ее нравственный долг.

Несколько минут Легерье молчал.

— Вот что, Муратов, — сказал он наконец. — Я рад, что вы заговорили об этом. Я не хотел ни с кем делиться своими наблюдениями, чтобы не создавать впечатления, которое может оказаться ложным. Но раз мы затронули эту тему… Скажите, вы не заметили в поведении Гианэи ничего особенного?

— Я заметил только, что она держится с поразительным спокойствием. В ее положении это даже неестественно.

— Да, конечно. Оказаться в чужом мире, среди чуждых не только ей, но и всему человечеству, к которому она принадлежит, людей и держать себя так, как она, — неестественно. Вы правы. Но мне кажется, что тут другое. — Легерье в волнении прошелся по каюте. — Очень бы хотелось, чтобы вы доказали мне мою неправоту. Буду говорить прямо. Вам не кажется, что Гианэя держится не спокойно, а высокомерно?

Муратов вздрогнул. То, что сказал Легерье, сходилось с его собственными мыслями. Ему самому часто казалось, что в поведении чужеземки проступает сознание своего превосходства над окружающими, но он старался не поддаваться этому впечатлению.

— Да, — ответил он, — казалось, и не раз. Но, может быть, это не высокомерие, для него нет причин, а просто манера держаться, свойственная этим людям. Ведь они не люди Земли.

— Возможно. Мы не знаем их. Но при таком полном

внешнем сходстве не только тела, но даже одежды, психика должна быть тоже сходной. Но оставим это. Почему она приняла все наши заботы о ней как должное? Никаких признаков благодарности. Вы помните, когда Вестон повторил сказанное ею слово «Гийанейа», полагая, что оно означает приветствие, она гордо, именно гордо вскинула голову и снова сказала то же слово, указывая на себя. Это было ее имя. Она сделала это так, словно ее оскорбило непонимание. Разве человеку Земли, впервые встретившемуся с обитателями иного мира, придет в голову сразу же назвать свое имя? Мне кажется, что это именно высокомерие, сознание своего превосходства. Но допустим, что у них так принято. Когда наш врач, выполняя программу биологической защиты, предложил ей сесть в бассейн, она хорошо поняла, поняла сразу и беспрекословно выполнила требуемое. И разделась, не ожидая, когда выйдут присутствующие, при всех. Вы скажете, что в их мире нет женской стыдливости, что у них опять-таки так принято. Сопоставим это с другим фактом. Она явилась к нам в женском платье, и покрой этого платья отнюдь не говорит об отсутствии в их мире таких женских свойств, как кокетливость и стыдливость. Вспомните — спина совершенно открыта платьем, но прикрыта волосами. Это очень характерно. Даже самой кокетливой женщине Земли не придет в голову явиться в чужой мир одетой таким образом. Почему она не в костюме астролетчика? Почему она посчитала нужным показаться нам «во всем блеске красоты»? И после этого она раздевается при всех. Здесь уместно вспомнить глубокую старину. Римские патрицианки раздевались при своих рабах, не считая их людьми.

— Вы впадаете в противоречие, — сказал Муратов. — Если она не считает нас равными ей людьми, то зачем же было «поражать» нас «блеском красоты», как вы сказали?

— Никакого противоречия. Как раз наоборот. Явиться перед нами не рядовым астролетчнком, а именно «госпожой» — вот, по-моему, мотивы ее поведения.

— Госпожой, — повторил Муратов. — Разве в мире, техника которого дошла до межзвездных полетов, могут сохраниться понятия «господин» и «раб»? Вы ошибаетесь, Легерье. Все это можно объяснить гораздо проще, одним словом — обычай. У них такие обычаи. Отличные от наших и потому не понятные нам.

— Буду рад, если это так. Но для меня несомненно, что их психология родственна нашей. Иначе не может быть при таком сходстве. Представьте себе, что вы на ее месте. Вы назвали свое

имя — Виктор. И вдруг вас стали бы называть, например, Вико. Разве вы не поправили бы? А она? Тот же Вестон, а затем наш врач, обратились к ней, произнеся ее имя «Гианэя», вместо «Гийанейа». Как она поступила? Улыбнулась, и, как хотите, улыбнулась пренебрежительно и не возразила. Ей все равно. От низших существ нельзя требовать правильного произношения.

— Увлекаетесь, Легерье. Я отчасти с вами согласен. В ней чувствуется сознание своего превосходства, это верно. По-видимому, такое чувство у нее действительно есть. Но относиться к нам, как низшим существам, у нее нет никаких оснований. Может быть, она думает, что мы затрудняемся произнести Гийанейа. Если бы на чужой планете меня назвали Вико, я не стал бы требовать правильного произношения. Раз им так легче, то не все ли равно?

— Любой факт можно объяснить с любой точки зрения. Но в совокупности они дают определенную картину, и ее труднее объяснить, как нам хочется. Увидим! Все это выяснится со временем. Мне очень жаль, — прибавил Легерье, круто меняя разговор, — что я не буду присутствовать при ее прилете на Землю. Как она поведет себя? Когда вы вылетаете?

— Завтра. То есть через двадцать четыре часа. Ведь у вас тут нет суток. Янсен считает, что Гианэя достаточно привыкла к нашей пище за эти два дня. Кстати, не странно ли, что она так охотно и без опасений приняла предложенный ей завтрак?

— Это лишнее доказательство правильности вашей же гипотезы, Муратов. Она принадлежит к тем, кто запустил к нам разведчиков. А они знают Землю, ее атмосферу, ее людей, а также и нашу пищу.

— И к тому же ей ничего другого не оставалось, если она не намеревалась умереть с голоду, — задумчиво сказал Муратов.

9

Радиограмма с Гермеса, извещавшая о появлении Гианэи и обстоятельствах, предшествующих этому появлению, как и следовало ожидать, взволновала все население земного шара.

Возвращения эскадрильи ожидали с огромным нетерпением.

Автоматические радиоустановки обсерватории приняли огромное количество радиограмм с Земли, Марса, Венеры — отовсюду, где были люди, приветствующие Гианэю. Все человечество с восторгом восприняло ее приход — первой представительницы иного разума на Земле!

Встреча обещала вылиться в грандиозную демонстрацию.

Гианэе показали ворох радиограмм, жестами постарались объяснить, что все это адресовано ей, что ее с нетерпением ждут на Земле.

Поняла ли она? Всем почему-то казалось, что да, поняла. Но внешне отнеслась равнодушно.

Сообщение о том, что ей надо вылететь на Землю, загадочная пришелица встретила так же равнодушно.

Объяснения давал Вестон. На специально для этого вычерченной звездной карте он указал Гианэе на кружок, изображавший Гермес, потом на Землю. Она явно поняла его жесты. Потом инженер начертил стрелу — знак, который трудно было не понять любому мыслящему существу, тем более астролетчику. Острие стрелы упиралось в Землю.

Гианэя посмотрела на Легерье, стоявшего рядом. А затем она сделала рукой плавный жест, очень выразительный, могущий означать только одно: «Летим туда!». В значении этого жеста нельзя было ошибиться.

Каждая мелочь в поведении гостьи вызывала пристальное внимание. Все заметили, что, хотя пояснения давал Вестон, Гианэя «обращалась» исключительно к Легерье. Неужели она догадалась, что именно он является здесь старшим? В поведении начальника экспедиции не было ничего, что выделяло бы его среди других. Казалось, что ничто не могло навести Гианэю на правильную догадку.

И все же она явно догадалась.

После разговора с Легерье Муратов вспомнил об этом странном факте. Поведение Гианэи как будто подтверждало слова французского ученого. Гостья вынуждена была к кому-то обращаться, и она выбрала начальника экспедиции, игнорируя остальных.

«Но как могла она догадаться, что Легерье начальник?» — думал Муратов.

Роальда Янсена — астронома, медика и биолога, исполнявшего на Гермесе обязанности врача, очень беспокоил предстоявший Гианэе перелет на Землю.

— Здесь, — говорил он, — воздух чист. В нем нет ни одного микроба. А ведь на Земле они есть. Как подействует это на организм Гианэи? Не заболеет ли она сразу по прилете?

На эту тему состоялся специальный разговор с Землей. Там разделяли опасения Янсена.

Гианэе некуда было деваться. Оставить ее на Гермесе было невозможно. Не оставалось другого выхода, кроме отправки на

Землю.

Казалось бы — о чем думать?

Но никому не хотелось действовать без ведома Гианэи. Она согласилась лететь, но надо объяснить ей грозящую опасность. Может быть, она не знает о ней, не подозревает, что, ступив на Землю, подвергнет себя большому риску.

Было решено во что бы то ни стало попытаться узнать мнение гостьи.

Но как это сделать?

— У нас нет иного пути, — сказал Янсен, — как только объяснить ей все с помощью рисунков, схем и биологических таблиц — обмена веществ, дыхания и так далее. Если она знакома с биологией, то поймет. Если не знакома, — не поймет ничего. Товарищ Вестон прекрасно рисует. Я попрошу его изготовить несколько рисунков по моему указанию. А затем попробуем.

— Думаю, что это объяснение должны давать двое, — сказал Легерье, — я и Янсен. Остальных прошу не присутствовать. Надо учитывать возможность, что Гианэя не поймет, и пощадить ее самолюбие.

Опыт произвели накануне отлета.

— А что будем делать, если Гианэя поймет и откажется лететь на Землю?

— спросил Муратов в самый последний момент, когда Легерье и Янсен готовились пойти к гостье.

Гианэе отдали каюту одного из астрономов, и она почти безотлучно находилась там.

— Сообщим на Землю, — ответил Легерье. — Но я думаю, что она не может отказаться. Она должна понимать, что у нас нет другого выхода.

— Может случиться и так, — добавил Янсен, — что Гианэе придется на Земле ходить в скафандре. А жить она будет в специальном помещении с дистиллированным воздухом.

Муратов покачал головой.

— На это она не согласится.

— К чему гадать? — сказал Легерье. — Согласится, йе согласится. Увидим! Пойдем, Янсен!

Опыт прошел удачно. Гианэя, очевидно, хорошо поняла графический язык биолога. Но ответных жестов гостьи не поняли ни Янсен, ни Легерье. Согласна она лететь на Землю после их объяснения или не согласна?

Чтобы выяснить этот вопрос, перед Гианэей снова положили карту Вестона. Она улыбнулась и повторила тот же плавный жест, который все понимали, как «летим!».

Мы сделали, что могли, — сказал Легерье. — Везите ее на Землю. Очевидно, она не боится никакого заражения. Я пошлю подробную радиограмму, и там решат, что надо делать дальше. Не теряйте времени.

— Похоже, что они знают нашу планету еще лучше, чем мы

думали, — заметил Муратов.

— Да, видимо, так.

У Гианэи не было никаких вещей. Она явилась на Гермес, к людям Земли, в чуждый ей мир, одетой так легко, словно находилась не в космосе, а у себя дома. Точно зашла в гости на короткое время, с тем, чтобы вскоре вернуться обратно. Это более чем странное обстоятельство не переставало удивлять всех на Гермесе и на Земле. Трудно было даже предположить, что могло побудить ее на такой поступок. Не могла же она быть одетой таким образом на космическом корабле. А объяснение Легерье всем казалось чересчур фантастичным. Здесь крылась тайна, разгадку которой можно было надеяться получить только впоследствии.

Обращало на себя внимание, что маленькие, очень изящные «золотые» туфли Гианэи снабжены магнитными подошвами. Это говорило за то, что обувь, выглядевшая нелепой в космическом полете, была предназначена именно для условий невесомости, то есть для космоса.

Причудливо выглядела эта высокая девушка, вся в золоте, среди космолетчиков, одетых в темные комбинезоны. Ростом она была выше всех, кроме одного Муратова. Стройная, с чисто кошачьей ловкостью и гибкостью движений, Гианэя, казалось, не шла, а скользила по полу. Ее необычайно густые волосы с сине-зеленым отливом тяжелой массой спускались ниже пояса, а у затылка были перехвачены пряжкой в форме какого-то листка или ветки растения, не известного на Земле. Такие же «листки» прикрывали ее колени, не закрытые коротким платьем.

Воздух обсерватории был нагрет до восемнадцати градусов по Цельсию, но, судя по всему, Гианэе не было холодно. От предложенного ей комбинезона гостья отказалась.

Янсену очень хотелось измерить температуру ее тела, но Гианэя отклонила попытку врача, отклонила резко и, с земной точки зрения, невежливо, оттолкнув его руку с термометром.

Она не позволяла даже притронуться к себе. Рукопожатие, видимо, не было принято на ее родине. Если кто-нибудь при встрече протягивал ей руку, Гианэя делала шаг назад и поднимала руку к плечу открытой ладонью вперед — жест, которым она приветствовала людей при первом знакомстве с ними.

«Это гордость и высокомерие», — говорил Легерье. «Это обычаи ее родины», — возражал Муратов. Кто из них был прав, покажет будущее. Скафандр, в котором Гианэя высадилась с

своего звездолета, был тщательно осмотрен. Он был очень легок, из тонкого и гибкого металла голубого цвета. Шлем, квадратной, вернее кубической, формы не имел внутри никаких акустических или радиотехнических устройств. Напротив глаз помещалась прозрачная пластинка, очень узкая, дымчато-серая, пропускавшая мало света. И, что было удивительнее всего, не было никаких резервуаров или баллонов с воздухом. Ни внутри, ни снаружи. Даже при очень осторожном, «экономном», дыхании, почти не двигаясь, в подобном скафандре можно было находиться никак не больше десяти-двенадцати минут.

— Это отчасти объясняет ее нетерпеливый стук, — заметил Вестон. — Ей грозило удушье. Но как могли решиться выпустить ее из корабля без запаса воздуха?

Новая труднообъяснимая загадка!

— По-моему, — сказал Муратов, — это доказывает, что они знали о том, что обсерватория населена. Иначе она шла на самоубийство.

— Да, очень темная история, — заметил Легерье. — Чем больше я об этом думаю, тем вероятнее мне кажется, что Гианэя просто убежала из корабля. Эта версия многое проясняет. В спешке она забыла про запас воздуха.

— Но ведь корабль остановился у самой поверхности Гермеса. Как же это согласовать с вашей версией? Выходит, что ее бегству помогал экипаж звездолета.

— Они могли заметить на астероиде искусственное сооружение и подлетели, чтобы узнать, что это такое. А она могла воспользоваться неожиданной остановкой.

— Тогда почему они остановились только на минуту?

Легерье пожал плечами.

— Темная история! — повторил он.

Скафандр был устроен так, что человек мог без посторонней помощи снять его с себя. Но не надеть. Это выяснилось, когда пришло время перевести Гианэю на флагманский звездолет эскадрильи.

Пришлось поломать голову, чтобы разобраться в незнакомой конструкции.

С земной точки зрения, пустолазный костюм Гианэи был очень неудобен. Его нельзя было надеть на себя, в него надо было «войти». И, пожалуй, никто из людей Земли не смог бы это сделать, разве что особо гибкий акробат.

Гианэя с легкостью выполнила эту трудную задачу. Она скользнула, именно скользнула в скафандр с непостижимой

быстротой и ловкостью.

Но ведь не мог же этот скафандр быть изготовленным специально для нее. Он, очевидно, был таким же, как и остальные скафандры на корабле гостей. Значит, Гианэя не являлась исключением среди своего народа. Они все были так же гибки и ловки, как она.

Теперь надо было герметизировать скафандр. А Гианэя ни единым жестом не попыталась помочь людям. Она стояла и ждала. Словно ей было безразлично, лететь на Землю или оставаться на Гермесе.

— Упрямое существо! — проворчал Вестон, внимательно рассматривая длинные полосы, висящие по краям разрезов скафандра. — Вся беда в том, что проделать это надо как можно быстрее. Иначе она задохнется раньше, чем дойдет до корабля. Неужели она этого не понимает?

— Может быть, она просто сама не знает, как обращаться со скафандром,

— предположил Муратов.

— Да, еще бы! Отлично знает, но не хочет помочь. Вот, смотри, Виктор! Кажется, я понял. Эти полосы должны сами собой прилипнуть к разрезу. Иначе но может быть.

— Так попробуй! Хотя бы вот здесь, сбоку. Догадка Вестона оправдалась. Казавшиеся металлическими, полосы прилипали к разрезам. При этом раздавался сухой щелчок.

Муратов заметил едва различимое утолщение на концах полос. Он нажал на одно из них. Полоса отпала.

— Все ясно, — сказал он. — Рука в металлической перчатке может нажать на этот выступ. Но надеть скафандр самостоятельно нельзя. Выходит, — прибавил он, обращаясь к Легерье, — что Гианэе кто-то помогал при бегстве.

Астроном ничего не отвечал.

— Ну, наконец-то! — облегченно вздохнул Вестон, укрепляя полосу на ее место. — Правильно? — обратился он к Гианэе.

Очевидно, выражение лица и интонация голоса были достаточно красноречивы, чтобы Гианэя поняла вопрос инженера. Она кивнула головой.

Вестон укрепил все остальные полосы, оставив только одну, на шее, между воротом скафандра и шлемом. Ее предстояло укрепить самому Муратову, когда все будут готовы к выходу. Ни одной лишней минуты Гианэя не должна находиться без наружного воздуха. Корабли эскадрильи стояли метрах в шестистах от наружной двери обсерватории.

Последнее торопливое прощание, и внутренняя дверь закрылась. В камере остались Муратов, два инженера с эскадрильи и Гианэя.

Люди быстро надели свои скафандры. Чтобы сэкономить время, Легерье решил пожертвовать воздухом камеры и открыть наружную дверь, не откачивая его.

Муратов укрепил последнюю полосу. Теперь Гианэя могла дышать только тем ничтожным количеством кислорода, который остался внутри скафандра.

«А если мы ошиблись, — мелькнула тревожная мысль, — если скафандр закрылся не герметически?»

Но раздумывать было некогда.

Условный стук во внутреннюю дверь… открылась наружная. В камере сразу образовался полный вакуум.

Гианэя стояла спокойно. Все в порядке!

Муратов заранее решил, как ему поступить. Хотя на Гермесе, благодаря почти отсутствию тяжести, карабкаться по скалам было нетрудно, все же это требовало какого-то расхода мускульной энергии и, следовательно, кислорода.

Он поднял Гианэю на руки и чуть ли не бегом устремился вверх, по крутому склону воронки. Путь был хорошо известен, и Муратов десятки раз уже проходил здесь.

Как отнеслась Гианэя к этому, неожиданному для нее, «насилию»? Муратов не почувствовал никакого сопротивления с ее стороны. Ему даже показалось, что она прижалась к его плечу, облегчая ему задачу.

На половине пути он передал свою ношу одному из своих спутников. Меньше чем в пять минут они добежали до корабля.

Выходная камера звездолета была уже открыта. Как только они оказались внутри и была убрана лестница, камера закрылась и быстро наполнилась воздухом. В виде исключения решили обойтись без обязательной процедуры «очищения». Риска почти не было, ведь Гермес был совершенно лишен даже намека на атмосферу. Единственное, что они могли занести с собой, — это пыль на ботинках скафандров. Но ее можно будет обезвредить внутри камеры, после наполнения ее воздухом.

Муратов подошел к Гианэе, чтобы помочь ей снять скафандр, но девушка отстранила его мягким движением руки и разделась сама.

Ее большие, странно приподнятые к переносице черные глаза пристально, с каким-то необычным выражением, взглянули в лицо Муратову. Казалось, Гианэя хотела что-то сказать или спросить.

Что означал этот пристальный взгляд?

Было ли это благодарностью или, наоборот, гневом, вызванным бесцеремонным обращением?

Как угадать выражение лица и значение взгляда у существа, хотя и во всем подобного человеку Земли, но глубоко, бесконечно глубоко чуждого?..

10

Шарэкс мчался среди полей. В желтом море хлебов, подобно островам, ровными цепочками чернели громадные, неуклюжие с виду вечелектры. Рассмотреть можно было только те, которые находились вдали. Близкие к полотну дороги мелькали туманными полосами.

Людей не было видно.

Экспресс останавливался редко. Кончалось поле, проносились мимо город или рабочий поселок, и снова — бесконечные желтые поля.

Украина!

Муратов все время смотрел в окно, но ничего не видел.

Словно кинокартина, на невидимом экране его памяти один за другим проходили кадры тех незабываемых дней…

…Что означал взгляд Гианэи, там, в выходной камере корабля?

Пришелица из другого мира подчеркнуто не позволяла никому даже прикоснуться к себе. А он, Муратов, неожиданно для нее, поднял ее на руки.

Но ведь она не противилась. Он хорошо помнил, что Гианэя прижалась к его плечу, быть может, для того, чтобы облегчить ем-у ношу, ничем не выразила протеста. Она не могла не понять, что он сделал это для нее, что им руководило чувство беспокойства за нее.

Нет, странный взгляд Гианэи не мог быть выражением гнева. Потом, на протяжении четырех суток пути к Земле, Гианэя несколько раз обращалась к Муратову, как раньше, на Гермесе, она обращалась к Легерье.

Если она сердилась, была оскорблена, то могла бы игнорировать Муратова, так же как игнорировала всех, кроме Легерье, на астероиде. Она могла обращаться в необходимых случаях к Гоглидзе, старшему инженеру эскадрильи, который находился тут же, на флагманском звездолете.

Но Гианэя «не замечала» ни Гоглидзе, ни кого-либо дру-

гого из экипажа, она «признавала» одного только Муратова.

«Гордость и высокомерие», — говорил Легерье.

Нет, он не прав! Не может быть прав! Не вяжется, никак не вяжется высокомерная гордость с высокой цивилизацией, необходимой для осуществления межзвездного полета, который совершила Гианэя.

Она явилась к людям с космического корабля, прилетевшего из другой планетной системы, и кто мог сказать, в какой бездне пространства находилось солнце ее родины.

Этого корабля никто не видел, но было известно, что погибший звездолет был гигантом, далеко превосходившим по размерам земные. И он обладал свойствами, которыми не обладали еще корабли Земли.

На большой высоте должна была находиться техника родины Гианэи. А высокая техника неотделима от высокой организации общества разумных обитателей планеты, на которой она возникла.

Как же согласовать это с объяснением Легерье?

Но и опровергнуть его было нелегко. Своим поведением, если смотреть на него с земной точки зрения, Гианэя как будто подтверждала мнение французского астронома.

С земной точки зрения!

Муратов был убежден, что именно здесь и кроется ошибка. С точки зрения Гианэи, все это могло выглядеть совершенно иначе.

Муратов вспомнил прилет эскадрильи на Землю. Она опустилась там же, откуда взлетела, — на пиренейском ракетодроме. Вспомнил неисчислимые толпы встречающих. Не тысячи, не десятки тысяч — миллионы людей съехались сюда, чтобы встретить Гианэю. Появление на Земле первого представителя иного разума вылилось во всепланетный праздник.

На Муратова и его спутников эта грандиозная демонстрация произвела неизгладимое впечатление.

А на Гианэю?..

С первого своего появления — на пороге выходной камеры обсерватории — и вплоть до приземления флагманского звездолета на Земле Гианэя не высказывала никакого интереса к окружающему. Равнодушие, граничащее с апатией, сквозило в каждом движении, в каждом взгляде. За семь суток своего пребывания среди людей Земли она сделала только четыре активных жеста: оттолкнула руку Янсена, когда он хотел из-

мерить температуру ее тела, отстранила помощь Муратова в камере звездолета, да еще два раза плавно повела рукой, точно хотела сказать: «Летим!».

К этому короткому списку можно было прибавить еще приветственный жест — поднятие открытой ладони к плечу.

И больше не было ничего!

Этим же жестом Гианэя ответила на приветствие 4 встречающих, выйдя из корабля под небо Земли.

Можно было предположить, основываясь на явной молодости Гианэи, что она ступила на почву другого мира впервые, впервые увидела иных людей и иную природу.

И ни малейшего признака волнения!

Это было неестественно.

После долгих сомнений, обсуждений, споров ученые решили не изолировать Гианэю от атмосферы Земли. Слишком много неудобств доставило бы гостье заключение в скафандр. Если она все же заболеет, ее вылечат. Не существовало уже микроба, против которого не было бы надежных средств. А сама Гнанэя, по-видимому, не боялась заражения.

И девушка другого мира явилась людям «во всем блеске красоты», как говорил Легерье, с ног до головы одетая в «золото», с тяжелой массой иссиня-черных волос, ничем не покрытых, с ясно видимым зеленым оттенком кожи.

Расставленные повсюду, на многие километры от ракетодрома, экраны показали ее всем встречающим.

Все знали, сколь необычно одета гостья из космоса. И все же появление такого более чем странного «космонавта» вызвало возглас изумления, прозвучавший подобно грому.

Муратов внимательно следил за Гианэей. В отсутствие Легерье он был единственным человеком, который мог хотя бы приблизительно, отчасти судить по выражению лица за ее чувствами.

Гианэя казалась спокойной и равнодушной, как всегда. На верхней ступени трапа она остановилась, медленно подняла руку к плечу и так же медленно опустила ее. Взгляд Гианэи был обращен прямо перед собой. На огромное кольцо встречающих она даже не посмотрела.

Потом ее глаза опустились.

Внизу ее ждали ученые, работники космической службы, несколько операторов телехроники и журналисты.

И вот тут, в это мгновение, Муратов заметил то, что впо-

следствии послужило темой длительной и бесплодной дискуссии, бесчисленных догадок и предположений.

По лицу Гианэи скользнула судорога, ее глаза расширились. Но только на мгновение. Она сразу же приняла обычный невозмутимый вид.

Но Муратов не ошибся. Объективы фотоаппаратов и телекамер запечатлели то же, что видел он.

И он готов был поклясться, что Гианэю что-то поразило, что она ждала чего-то другого.

Больше того! Он увидел и понял вдруг, что перед ним другая Гианэя, что весь ее облик, выражение лица резко изменились, что все семь суток Гианэя находилась в состоянии напряженного ожидания и что только сейчас это напряжение покинуло ее, что она успокоилась.

В этом нельзя было ошибиться!

То, что он и его товарищи принимали за обычное лицо Гианэи, было маской. Только теперь он увидел ее подлинное лицо.

И его глубоко взволновало спокойствие, разлившееся по лицу гостьи, сразу, как по волшебству, потерявшему неподвижность и жесткость черт.

Что же могло послужить причиной такой перемены? Радушная встреча? Но Гианэю с первого же момента приняли на Гермесе как друга.

«Опять загадка!» — подумал Муратов с невольным чувством раздражения — он органически не терпел загадок.

Генри Стоун подоцгел к Гианэе и протянул руку.

И снова загадка!

Гианэя не отступила, как раньше в таких случаях. Она подала председателю научного совета Института космонавтики свою руку с длинными, гибкими пальцами, на каждом из которых изумрудом блестел зеленый ноготь. Подала, но не ответила на пожатие.

Это никого не удивило. Рукопожатие не могло быть обычаем на всех мирах. На родине Гианэи его, очевидно, не знали.

Вслед за Стоуном к ней подошли две девушки. Муратов с удивлением узнал в одной из них свою младшую сестру. Но он сразу же понял, зачем она оказалась здесь. Марина была сотрудницей Института лингвистики; ее спутница, видимо, тоже была лингвисткой. Очевидно, было решено сразу же приставить к Гианэе подруг, которые могли бы изучать ее язык или

попытаться научить гостью земному.

Марина подошла первой. Она подняла руки, чтобы обнять девушку другого мира.

Гианэя отстранилась.

* * *

Воспоминания Муратова прервала остановка экспресса. На этой станции ему нужно было выйти.

Но он снова вернулся к мыслям о прошлом вечером, лежа в постели.

Раз погрузившись в воспоминания, он испытывал настоятельную потребность вспомнить все до конца. Вернее, не вспомнить — он никогда не забывал событий тех дней, — а снова пережить все мысли, сомнения и чувства, которые возбудила Гианэя.

Через три дня они встретятся, через три дня он снова увидит загадочную пришелицу, снова близко соприкоснется с окружающей ее тайной, нисколько не прояснившейся за эти полтора года.

Теперь он мог говорить с ней. Правда, не более как о самых обыденных вещах. Но и это уже кое-что. Триста слов, бывших в его распоряжении, могут что-то дать, если их как следует использовать.

Муратов не сомневался, что Гианэя будет говорить с ним не так, как с другими. Быть может, более откровенно. Недаром же несколько раз за это время гостья выражала желание встретиться с тем, кто доставил ее на Землю; его имени она не знала.

Все говорят, что между Гианэей и Мариной существует внешнее сходство, что он сам еще больше похож на гостью Земли. Может быть, именно в этом кроется причина явной симпатии Гианэи к своей переводчице, ее настойчивого желания увидеться с ним самим? Тогда еще больше шансов, что Гианэя ответит на его вопросы.

Пришелица из другого мира очень изменилась за это время. И изменилась к лучшему. Она стала заметно общительней, не отстранялась от людей, охотно обменивалась рукопожатием с теми, кто не возбуждал в ней непонятной антипатии, как например люди небольшого роста, которых она, по-видимому, не переносила. Она стала подвижней, живее, охотно участвовала в спортивных играх, постепенно начинала

интересоваться жизнью Земли. Легерье не назвал бы ее сейчас гордой и высокомерной.

Но она по-прежнему молчала обо всем, что касалось ее прошлого, истории ее появления на Гермесе.

Именно это и послужило причиной тому, что Муратов избегал встречи с ней.

Тогда, после прилета на Землю, Муратов вскоре покинул Гианэю. Да и что ему было делать возле нее? Он вернулся к своим обычным занятиям. Но интерес к необычному событию, в котором ему пришлось сыграть такую большую роль, не оставлял его все полтора года. Он внимательно следил за всем, что касалось Гианэи, знал все, что делала гостья, даже лучше, чем знали другие люди. Ведь его сестра постоянно находилась возле Гианэи и часто говорила с братом по радиофону.

На следующий же день после прилета Гианэя сумела объяснить Марине, что хочет переменить одежду, — попросила изготовить такую же, какая была на ней, но белого цвета.

Ее желание было исполнено тотчас же.

С тех пор гостья неизменно ходила вся в белом. Ни разу не надела она своего золотого платья, но тщательно хранила его, всюду возя с собой.

Муратов занес этот факт в достаточно уже длинный список загадок, заданных Гианэей людям Земли.

В чем дело? Что могло послужить причиной? Почему гостья так внезапно и спешно рассталась с золотым одеянием? И случайно ли выбрала она белый цвет?

Не было ли тут связи с необъяснимой переменой, которая произошла с Гианэей, когда она вышла из корабля?

Становилось очевидным, что появление Гианэи на Гермесе в золотой одежде было не случайно. Это имело какой-то смысл. Какой? Этого нельзя было угадать, совершенно не зная обычаев и традиций, существовавших в неведомом мире, откуда явилась Гианэя.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

1

Муратов приехал в Полтаву утром, в день прилета Шестой лунной экспедиции, опоздав на один день против намеченного им срока.

Он хотел встретить экспедицию потому, что в ее составе находился Сергей, а Муратов давно не видел друга юности и соскучился по нему.

Верный своему обещанию, он тотчас же разыскал Болотникова, который очень обрадовался его приходу.

На вопрос, познакомился ли он с Гианэей, как хотел, профессор обиженно ответил, что Марина сделала попытку их познакомить, но Гианэя повернулась спиной и даже не ответила на приветствие. Оскорбленный Болотников тотчас же отошел от нее.

Он был очень маленького роста, и странная антипатия Гианэи проявилась во всем «блеске».

Такая упорная «невоспитанность» была трудно объяснима, тем более, что во всем остальном Гианэя держала себя скромно и вежливо. Она уже полтора года находилась на Земле и давно могла понять, что здесь нет ни «господ», ни «рабов». Для этого требовалась элементарная, самая поверхностная наблюдательность.

И тем не менее!..

Расставшись с Болотниковым, Муратов отправился к дому, в котором поселились Марина с Гианэей. Этот дом не трудно было найти, — весь город знал, где остановилась гостья из космоса.

Не без волнения подошел Муратов к двери. Как встретит его Гианэя? Может быть, ее обидело упорное нежелание Муратова увидеться с ней? И в самом деле, не было никаких причин, оправдывающих его упорство. Гианэя привыкла, что ее желания тотчас же исполнялись.

Он постучал, так как нигде не увидел кнопки звонка. Но ответа не последовало. Немного подождав, Муратов толкнул дверь и вошел.

В доме никого не было.

В столовой он увидел неубранные следы завтрака. Очевидно, обе девушки торопились. Тут же лежала записка,

написанная рукой Марины.

Муратов прочел:

«Милый Витя! Если ты зайдешь к нам и не застанешь, то мы уехали в Селену. Гианэя хочет осмотреть город. Увидимся на ракетодроме».

Подписи не было.

Муратов с досадой бросил записку. Ему хотелось, чтобы первый разговор с Гианэей состоялся без свидетелей, а на ракетодроме, в толпе…

— Если ты зайдешь, то мы уехали, — раздраженно повторил он слова записки. — Лингвистка, называется!

Хорошо знакомая манера сестры, писавшей письма, словно нарочно, вопреки правилам грамматики, сейчас почему-то разозлила его.

Он вышел из дома. Но, пройдя несколько шагов, остановился и… повернул обратно.

Как это часто бывает, он вдруг вспомнил, что видел там, на столе, не только записку сестры, но и какой-то рисунок, который тогда не привлек его внимания, а сейчас внезапно возник в памяти. Что-то очень знакомое было в этом рисунке.

Снова войдя в ту же комнату, Муратов подошел к с голу.

Память не обманула. Там лежал открытый альбом, видимо, принадлежавший Гианэе.

Муратов не счел себя вправе рассматривать весь альбом. Было неизвестно, понравится ли это Гианэе. Но открытую страницу он имел право посмотреть. Ведь Гианэя, конечно, знала, что он может зайти в их отсутствие.

На плотном листе карандашом был нанесен пейзаж Гермеса. Мрачные скалы, звездное небо и край диска обсерватории. На переднем плане человек в скафандре держал на руках другого человека. Судя по кубической форме шлема, этот другой была сама Гианэя. Был изображен момент, когда он, Муратов, вынес Гианэю из выходной камеры обсерватории, чтобы перенести ее на флагманский звездолет эскадрильи.

Рисунок был мастерски выполнен. Муратов узнал черты своего лица, видные сквозь «стекло» шлема.

«У нее прекрасная память, — подумал Муратов, — ведь прошло полтора года с тех пор».

Было очевидно, что Гианэя рисовала недавно, может быть, даже сегодня. Значит, она думала о нем, ожидала его прихода. И, вполне возможно, намеренно оставила альбом открытым на этой странице. Она хотела, чтобы он увидел рисунок.

«Я думаю о вас и хочу вас видеть» — так можно было по-

нять это, если бы речь шла о земной женщине. Но у Гианэи были иные представления, иные привычки. Мотивы ее поступков не всегда были понятны.

«Кто ее знает, — думал Муратов. — Может быть, это означает как раз обратное: «Не хочу вас видеть, не забыла нанесенного оскорбления». Или что-нибудь другое, о чем и догадаться нельзя».

Он в нерешительности держал в руках альбом. Если Гианэя нарисовала этот эпизод по памяти, то она могла вспомнить и запечатлеть другое. Больше половины альбома было заполнено. А что, если она рисовала виды своей родины?

У Муратова задрожали руки. Стоит перевернуть страницу, и, может быть, он увидит то, чего никогда не видели человеческие глаза.

Марина говорила, что Гианэя часто рисует, но никогда не показывает своих рисунков.

Искушение было велико.

Но все же Муратов поборол жгучее любопытство и положил альбом на прежнее место.

Это было бы недостойным поступком — воспользоваться доверием гостьи. Она, очевидно, была уверена, что никто без ее согласия не заглянет в альбом. Гианэя уже знала людей Земли и верила им.

«Может быть, она сама покажет рисунки, если попросить ее об этом».

Но робкая надежда была явно беспочвенной. Марина однажды попросила, но не получила даже вежливого отказа. Гианэя просто промолчала.

Муратов медленно вышел.

Его с огромной силой влекло назад. Вернуться, нарушить все законы морали, честности и гостеприимства. И потом всю жизнь презирать самого себя!

Он с ожесточением захлопнул за собой входную дверь.

Шестая должна была приземлиться в семь часов вечера. Сейчас было всего два. Что же ему делать все эти пять часов?

Ехать в Селену и попытаться найти в огромном городе Марину с ее спутницей? Это будет не так уж трудно. Где бы ни появлялась Гианэя, ее сразу замечали. Любой прохожий укажет ему, где искать. Но надо ли так явно показывать нетерпение? Не лучше ли увидеться именно на ракетодроме, как это указала Марина в записке?

Муратов зашел в столовую и заказал обед из четырех блюд, чтобы протянуть время.

В ожидании он раскрыл журнал, вышедший вчера.

Как он и предполагал, на одной из страниц был портрет Гианэи.

Оживленная, с улыбкой на губах, она стояла у какого-то памятника. Рядом была Марина.

Какой контраст с той Гианэей, которую помнил Муратов! Как изменилась гостья! Не осталось и следа от напряженной, ожидающей чего-то маски. Да, теперь он твердо знал, что лицо Гианэи тогда, на пути к Земле, было маской, трагической маской человека, убежденного, что его ожидает что-то, видимо, печальное, а быть может, и ужасное. Это что-то было неизвестное людям Земли, но для самой Гианэи — близкое и реальное!

Если бы не форма глаз и зеленый оттенок кожи, Гианэю можно было принять за сестру Марины, так сильно было сходство между ними. Обе с черными волосами, обе одеты в белое, обе стройные и высокие. Гианэя на полголовы была выше и казалась старше. Но сколько ей лет в действительности, никто еще не знал.

Скоро они встретятся. Теперь Муратов мог говорить с гостьей. Это сильно меняло их будущие отношения. Теперь он не будет столь беспомощным, как раньше, когда все приходилось объяснять жестами.

«Если только она не повернется ко мне спиной, как к Болотникову, — подумал он. — А это может произойти, если она обиделась на мое невнимание к ней».

Но в глубине души он не верил, что так будет. Ему казалось, что Гианэя нарисовала его в альбоме потому, что думала о предстоявшем свидании и хотела его.

«Интересно, какова будет реакция Гианэи, когда она узнает, что я брат Марины!»

Он просил сестру не говорить об этом и был уверен в том, что его просьба исполнена. Гианэя еще не знает об их родстве.

Мысли Муратова прервало появление «официанта». Механические руки быстро и ловко сервировали стол. Чуть слышный звенящий звук сопровождал каждое движение. Это была старая конструкция, модели последних выпусков не звенели.

— Спасибо! — машинально сказал Муратов, когда блюда были поставлены.

Робот «кивнул головой» и отошел.

Муратов усмехнулся. Даже это предусмотрели конструкторы.

Он ел быстро. С каждой минутой усиливалось нетерпение. Ему мучительно хотелось как можно скорее встретиться с Гианэей, выяснить самый главный вопрос: как она относится к нему? Если худшие опасения оправдаются, это будет тяжелым ударом. Слишком много надежд было связано с возобновлением старого знакомства, слишком многое и важное хотел он узнать, используя былую симпатию Гианэи.

А что Гианэя относилась к нему с симпатией, было несомненно. Достаточно вспомнить момент их расставания. Он зашел тогда, чтобы проститься с ней. Знаками объяснил, что уезжает. Гианэя сама, первая, протянула ему руку, чего прежде никогда не делала. В ее глазах он увидел грусть.

Очень велико было сходство этой девушки из другого мира с земными людьми. Разница была ничтожна. И нельзя было истолковывать ее жесты и выражение глаз иначе, как «по-земному».

А неоднократные просьбы Гианэи, чтобы Муратов приехал к ней! Это говорило о том же.

Обед был слишком обильным. Муратов сегодня еще ничего не ел, но сумел справиться только с половиной.

Нажав кнопку, дающую сигнал к уборке стола, он вышел на улицу.

«Убить» удалось всего полчаса. Оставалось четыре с половиной.

«Поеду в Селену, — решил он. — Кстати, я никогда там не был. Погуляю, посмотрю город».

Долететь можно было за пять минут. Но, все с той же целью — протянуть время, Муратов не поднялся к одной из многочисленных станций местного воздушного сообщения, находившейся рядом, а выбрал самый медлительный вид транспорта — городской вечебус.

Вскоре он пожалел о своем решении. Машина невыносимо часто останавливалась, входили и выходили пассажиры. Как правило, городским вечебусом пользовались только на небольшие расстояния, а Муратову нужно было пересечь весь город, раскинувшийся на многие десятки километров, проехать обширный район между Полтавой и Селеной, занятый автоматическими заводами, и только тогда он окажется у цели, да и то на окраине.

— Сколько времени займет путь до ракетодрома? — спросил он.

— Полтора часа, — ответил металлический голос водителя.

Несколько человек с удивлением взглянули на Муратова.

Он вздохнул и устроился поудобнее в мягком кресле.

Пусть удивляются люди его чудачеству. Им и в голову не может прийти, что он находится в нелепом положении человека, не знающего, куда девать время. С ним самим это случилось первый раз в жизни.

2

Люди, посвятившие себя изучению вопросов языковедения, обычно принадлежат к типу кабинетных ученых. Марина Муратова являлась исключением из этого правила. Она обладала большими способностями к лингвистике, прекрасной памятью, хорошо владела восемью языками и была склонна к исследовательской работе. Но она любила и многое другое. Живопись, музыка, спорт занимали не последнее место в ее жизни. Любовь к путешествиям и общительный покладистый характер так же сыграли заметную роль в том, что выбор ученого совета Института космонавтики, искавшего подругу для Гианэи, остановился на ней.

Марина согласилась сразу. Необычность и трудность предстоящей задачи увлекли ее. Она знала, что на долгое время, быть может на годы, будет оторвана от привычного дела, но это ее не испугало. Познакомиться с чужим языком, не имевшим ничего общего с земными (так она думала), или научить пришелицу из космоса земному языку, близко сойтись с существом чуждым Земле, родившимся и выросшим на другой планете, под светом другого солнца, — во всем этом было много привлекавшей ее романтики.

Марина не была тщеславна, и тот факт, что, став подругой Гианэи, она сама привлекла к себе внимание всего населения Земли, не повлиял на ее решение. Она об этом просто не думала.

Таинственность Гианэи, длинный ряд загадок, связанных с ней, интересовали Марину в последнюю очередь. Она была уверена, что все тайны раскроются сами собой, как только гостья освоится на Земле, привыкнет к людям и получит возможность свободно говорить с ними.

И свою задачу Муратова понимала именно так — помочь гостье освоиться.

Ни у кого не возникало сомнений в активной по» мощи Гианэи. Человек, явившийся на чужую планету, не мог вести

себя иначе.

Но оказалось не так.

Прошло немного времени, и всем стало ясно, что задача не столь проста. Гианэя отказалась изучать земной язык и не выражала особого желания знакомить Муратову со своим.

В первое время дело шло как будто гладко. Гостья сама нуждалась в том, чтобы ее понимали. Язык, на котором она говорила, был звучен, казался простым, слова запоминались легко. Группа сотрудников Института лингвистики и сама Муратова считали, что и в дальнейшем не будет никаких трудностей.

Но чем дальше, тем неохотнее Гианэя расширяла свой лексикон. Становилось очевидным, что она хочет ограничиться бытовым разговором, необходимым ей самой, но не больше.

Да и то, что люди уже знали, смущало лингвистов. Чувствовалось, что Гианэя упрощает фразы, а Муратова вынуждена произносить слова без грамматических связей. Такую речь Гианэя могла понимать, но это не было знакомством с языком.

Высокая культура народа, к которому принадлежала Гианэя, исключала возможность «бедности» речи. Ее язык безусловно был богат и обширен, а его кажущаяся простота — обманчивой.

Когда окончательно убедились, что на помощь Гианэи рассчитывать не приходится, было решено продолжать изучение без ведома Гианэи. Живя на Земле, общаясь с людьми, даже с одной только Муратовой, гостья невольно произносила новые слова и фразы. Их запоминали и расшифровывали. На помощь к прекрасной памяти Марины привлекли магнитофон. Маленький портативный аппарат, о существовании которого Гианэя не знала, сопровождал ее всюду. Записи поступали в Электронный Мозг Института лингвистики, и тайны чужого языка медленно, но систематически открывались.

Марина запоминала все. Но она крайне осторожна и в строгой постепенности расширяла намеченные Гианэей рамки их бесед. Она боялась «спугнуть» гостью. И девушка другого мира, казалось, не замечала, что ее подруга говорит с ней все более свободно и правильно.

Марина знала, что нравится Гианэе, что гостья симпатизирует ей. Было очень важно укрепить и развить дружеские отношения. Все надежды ученых — раскрыть загадки появления Гианэи — были основаны на этом.

Марине приходилось работать одной. Другая лингвистка, так же как и она «прикрепленная» к Гианэе, на следующий же день после прилета гостьи на Землю вынуждена была отстраниться.

Все постарались предусмотреть в ученом совете, вплоть до внешности, но никто не мог предположить, что небольшой рост окажется неприемлемым для Гианэи.

Привлечь к работе другую девушку оказалось невозможным — не было ни одной подходящей кандидатуры.

Но Муратова и одна хорошо справлялась.

За прошедшие полтора года она ни разу не пожалела о том, что связала себя с Гианэей, ни разу между ними не «пробегала черная кошка». У гостьи Земли был хороший характер, и с каждым днем он становился лучше. Исчезли, ушли в прошлое натянутость, холодность в обращении и какая-то непонятная, но несомненная настороженность, очень заметные в первые месяцы. Теперь Гианэя была «обычной» девушкой. Всегда оживленная, очень подвижная, любящая спорт и спортивные игры (которые она осваивала с поразительной легкостью), рисование и музыку, она в последнее время даже дурачилась, оставаясь наедине с подругой.

Что именно она рисовала в своих альбомах, оставалось тайной. Марине редко удавалось увидеть эти рисунки. А то, что Гианэя показывала, всегда было пейзажами Земли или портретами Марины. Несколько бюстов, вылепленных с большим мастерством, изображавших либо Марину, либо ее самою, Гианэя сразу же уничтожила.

Она даже не пыталась научиться играть на каком-нибудь музыкальном инструменте, но с удовольствием слушала, когда играла Марина.

Иногда гостья начинала петь странные для земного слуха мелодии без аккомпанемента, поражая всех, кто ее слышал, красотой звука и невероятной широтой диапазона своего голоса.

Эти песни, записанные магнитофоном, служили главной «пищей» Электронному Мозгу, в них было много новых слов и словосочетаний.

Марина была убеждена, что Гианэя очень молода, но выяснить этот простой вопрос никак не удавалось. С непонятным упорством Гианэя отмалчивалась, когда ее спрашивали об этом.

Манера гостьи игнорировать некоторые вопросы, будто не слыша их, никогда не раздражала Муратову и не вызывала желания во что бы то ни стало добиться ответа. Она всегда помнила, что, несмотря на поразительное сходство с людьми, перед ней человек иного мира, с иными привычками и понятиями. И она делала вид, что не видит в молчании Гианэи ничего особенного, а считает это естественным.

Такая тактика безусловно была правильной.

— Когда яблоко созревает, оно падает само, — говорили ученые. — Гианэе надо предоставить время «созреть». И тогда она заговорит.

И Гианэя заметно «созревала». Она все реже и реже отмалчивалась. Неохотно, но отвечала. Выполняя полученные указания, Марина никогда не задавала вопроса, на который Гианэя раньше не захотела ответить.

И между двумя девушками было полное согласие и, внешне, полное взаимопонимание.

Всем казалось, что Гианэя равнодушно относится к Земле, что жизнь Земли нисколько не интересует ее. Но Марина видела, и с каждым днем яснее, что это далеко не так.

Она уже хорошо разбиралась в оттенках выражения лица и особенно глаз гостьи. И постепенно убеждалась, что Гианэя просто прячет от людей свой интерес к Земле, по какой-то, ей одной известной, причине надевает на себя маску равнодушия.

За полтора года Гианэя объехала всю Землю. Она видела все, что было наиболее красивым, величественным и грандиозным на планете, природным или искусственным. И казалось, все это не производило на нее впечатления. Нигде она не задерживалась надолго, никогда не любовалась произведением искусства или красотой природы, так, как это делали люди. Смотрела минуту, много — две и отворачивалась.

Но когда, через несколько месяцев после поездки в северную Америку, Марина увидела нарисованный Гианэей вид Ниагарского водопада, она поняла, что мимолетного взгляда достаточно для ее подруги, чтобы навсегда запомнить виденное. Величественная картина падающей воды была передана на рисунке до мельчайших подробностей. Казалось, что в мозгу Гианэи запечатлелся фотографический снимок водопада.

И так было много раз. Гианэя все помнила, ничего не забывала.

Нет, это было не равнодушие!

Тогда, может быть, внешнее безразличие ко всему — свойство ее соплеменников, своеобразная традиция, обязательная форма поведения, диктуемая обычаем?

Могло быть и так, но Марина почему-то не хотела верить этому. Ей казалось, что Гианэя все же «напускает» на себя равнодушие, делает вид, что ее не интересует Земля.

Зачем ей это может быть нужно?

И постепенно в душе Марины появилось и крепло убеждение, что гостья из космоса склонна к притворству.

И вот совсем недавно произошел случай, глубоко взволновавший всех и еще больше укрепивший Муратову в мысли, что Гианэя притворяется.

Стоя у полотна шарэкса, по пути в Полтаву, Гианэя неожиданно задала вопрос, показавший с полной очевидностью, что она прячет от людей не только свое прошлое, но и настоящее.

Откуда могла узнать Гианэя, что у Марины есть брат? Больше того, она знала, что форма пути шарэкса — конструкция Виктора Муратова!

Гианэя разговаривала только с Мариной. Все, что она говорила другим и что ей говорили, переводила Марина. Если гостья не знала ни одного земного языка, она никак не могла знать о существовании Виктора Муратова вообще.

Но вдруг оказалось, что она об этом знает. И не только об этом.

Новость была очень важной и повлекла за собой совсем уже непредвиденные последствия.

Случайно ли проговорилась Гианэя? Или она намеренно захотела показать людям свою осведомленность?

Этот важнейший вопрос сразу встал перед ученым советом Института космонавтики, с самого начала взявшим на себя все, что касалось гостьи из космоса.

Гианэя, случайно или намеренно, но обнаружила знание одного из языков Земли. Из этого факта можно было сделать вывод, что старые подозрения справедливы, что Гианэя действительно принадлежит к тем, кто направил к Земле спутников-разведчиков. А если это так, то становилось очевидным и другое: ее соплеменники были на Земле. Но можно было объяснить все и проще: Гианэя сама, без чьей-либо помощи, изучила земной язык и могла читать на нем.

Было очень важно выяснить, какой именно язык знает Ги-

анэя.

С этим вопросом обратились к Муратовой.

На Земле существовало много языков. Общепланетный только начинал входить в обиход. Газеты и журналы, радио– и телепередачи сравнительно редко пользовались новым языком. В каждой местности (раньше они назывались странами) говорили на старом. Исчезли границы, постепенно стирались национальные различия, общей была культура и цивилизация, но до полного слияния человечества в единую семью, говорящую на одном языке, было еще далеко.

Гианэя любила рассматривать журналы, и ей доставляли их отовсюду, из всех местностей, на всех языках. Было хорошо, что девушка иного мира хотя бы в этом проявляла какой-то интерес к жизни Земли. Думали, что ее интересуют только иллюстрации, не имевшие языковых различий.

Теперь возник вопрос: какие именно журналы предпочитала Гианэя?

Муратова не смогла ответить. Она никогда не обращала внимания, какой журнал смотрит ее подруга ни, тем более, на каком языке этот журнал. А вспомнить сейчас? Нет, она этого не помнила.

Тогда решили получить ответ другим путем.

Гианэя знала, что человек, предложивший новую форму пути для шарэкса, брат ее спутницы. Значит, в одном из журналов, прошедших через ее руки, была напечатана соответствующая статья. Какие журналы доставлялись Гианэе, нетрудно было узнать.

И нужная статья очень скоро была найдена. В ней говорилось о шарэксе и упоминалось, что Виктор Муратов — родной брат Марины Муратовой, подруги и переводчицы Гианэи. Стало очевидно, что именно эту статью и прочла Гианэя.

Журнал оказался на испанском языке.

Новость облетела весь мир. Из осторожности, чтобы Гианэя не могла случайно прочесть об этом, испанские газеты и журналы промолчали. Если гостья из космоса просто проговорилась, сама того не заметив, не следовало показывать ей, что ее тайна открыта.

В Институте лингвистики облегченно вздохнули. В звучании слов, в построении фраз языка Гианэи давно уже заподозрили сходство с каким-то из романских языков Земли. Теперь отпали последние сомнения. Каким бы странным совпадением

это ни казалось, но люди неведомой планеты (может быть, не все, а только часть, к которой принадлежала Гианэя) говорили на языке, очень сходном с испанским.

Многое стало ясным. Не могла Гианэя «случайно» выучить именно тот язык, который больше всего походил на ее родной. Она знала его раньше, до того, как появилась среди людей!

А отсюда, естественно, вытекал другой вывод. Гианэя и те, кто были хозяевами спутников-разведчиков, принадлежали к одному и тому же народу! Догадка стала истиной.

Люди считали, что никогда еще существа иного мира не посещали Землю. Это оказалось ошибкой. Неизвестно когда, но соплеменники Гианэи были на Земле, и были довольно долгое время. Они успели узнать и выучить земной язык. Почему именно испанский? Да просто потому, что этот язык был самым легким для них.

Но могло быть и другое. По-испански говорили не только на Пиренейском полуострове. В Мексике, республиках Центральной Америки, на Антильских островах, во всей Южной Америке, за исключением Бразилии, говорили по-испански. Космический корабль пришельцев мог опуститься именно там. Тогда сходство их языка с языком «землян» оказалось счастливой случайностью.

С большой долей вероятности можно было предположить, что «гости» прилетали на Землю очень давно. Если бы это случилось в последние века, их прилет не остался бы незамеченным. А в период империи Карла Пятого, например, огромные пространства Южно-Американского континента были безлюдны. Легко было посадить корабль, скрыв его от взоров людей, смешаться с населением редких городов и поселков, узнать все, что было нужно, и так же незаметно покинуть Землю.

Чем могли привлечь к себе внимание люди, подобные Гианэе? Зеленым оттенком кожи? Его легко было скрыть, прибегнув к гриму или к сильному загару. Необычной формой глаз? Возможно, что на это обратили внимание, но это был не столь уж заметный признак, чтобы поразить воображение или возбудить какие-либо подозрения у людей, которым и в голову не могла прийти мысль о существах иного мира.

Так неожиданно открылась одна из тайн, окружавших Гианэю.

Марина Муратова хорошо знала испанский язык.

Велико было искушение внезапно заговорить с Гиа-нэей по-испански, застать ее врасплох, но Марине посоветовали не делать этого. Если гостья все же не намеренно задала свой вопрос, а проговорилась, то лучше всего было сделать вид, что этот случай прошел незамеченным. А если намеренно, то тем более не следовало форсировать события. Пусть Гианэя сама решает, когда надо заговорить «полным голосом». Раз начав, она должна была пойти и дальше. Марине вменили в обязанность внимательно следить за тем, какие статьи в испанских журналах читает Гианэя, выяснить, насколько хорошо владеет она этим языком, что ее больше всего интересует. А редакциям испанских журналов посоветовали как можно чаще помещать материалы о спутниках-разведчиках и еще раз повторить всю полемику, развернувшуюся три года тому назад по вопросу о их местонахождении в настоящее время.

Никто не сомневался, что Гианэя, даже если она это знает, все равно будет молчать. Но, может быть, она заинтересуется догадками людей Земли и случайно обмолвится какой-нибудь фразой, которая прольет хоть немного света в потемки тайны.

Кому могло прийти в голову, что все эти ухищрения не нужны и что вопрос, так сильно интересующий всех, очень скоро и неожиданно выяснится.

3

В эти дни Виктор Муратов был очень занят и ничего не знал о новости, взволновавшей Землю. Он был срочно вызван в один из вычислительных центров, связанный с экспедицией Жана Легерье и контролирующий движение Гермеса.

Возникло непредвиденное осложнение. На своем пути астероид встретился с крупным телом, еще не известной малой планетой. Локационные приборы и гравиометры своевременно предупредили о встрече, и катастрофического столкновения удалось избежать. Но траектория Гермеса изменилась. Нужно было дать указания Вестону, какие расстановки и на какое время пустить в ход, чтобы исправить курс.

Легерье и Вестон сами произвели расчеты и сообщили их на Землю. Они совпали с расчетами, произведенными в вычислительном центре. Теперь требовалась четвертая, окончательная, проверка. В подобных делах давно уже стало традицией, чтобы вычисления производились четырежды.

Как всегда, погрузившись в работу, Муратов выключил из сознания все остальное.

А когда работа была окончена (в четвертый раз был получен один и тот же результат), осталось мало времени, и Муратов спешно отправился в Полтаву.

Он мог бы узнать все от Болотникова, но их разговор сразу принял другое направление. И, уехав в Селену, чтобы встретиться там с Гианэей, Муратов даже не подозревал, что в его планы вошло новое и очень существенное обстоятельство.

И именно для него.

Испанский язык был почти что родным для Виктора. Его родители были русского происхождения, но много лет прожили в Испании, отец — работая в геологической экспедиции, а мать — архитектор — на строительстве гигантского детского города, на южном берегу Пиренейского полуострова.

Виктор родился и провел первые годы своей жизни в Альмерии. И там же окончил начальную школу.

Знай он о мировой сенсации, ему стало бы ясно, почему язык Гианэи казался знакомым. Всего четыре дня назад он говорил об этом Болотникову в вагоне шарэкса.

Но Муратов ничего не знал.

Селена поразила его своими размерами. Она была значительно больше Полтавы, хотя считалась пригородом. Город вырос со сказочной быстротой, на пустом месте, за пять лет. Дома, улицы, даже сады и парки казались какими-то особенно чистыми, свежими, «новенькими». Чувствовался единый архитектурный замысел всего города. Это производило сильное впечатление — грандиозности мысли и труда, вложенных в строительство.

Муратов, конечно, знал об огромном размахе работ, идущих всюду, на всей планете, о сотнях новых городов, тысячах мелких населенных пунктах, снабженных всеми удобствами, о бесчисленном количестве научных и технических станций. Человечество стремилось как можно скорее покончить со старой жизнью, приспособить свою планету к новым, постоянно возрастающим требованиям коммунистического строя.

Но как-то так случилось, что он сам жил всегда в старых городах, перестроенных, переконструированных, но все же старых, стоявших столетия.

Селена была чуть ли не первым новым, полностью современным городом, который он увидел вблизи, Он усмехнулся,

вспомнив свою уверенность, что первый же встречный укажет ему, где искать Гианэю. Попробуй найди в таком гиганте!

Селена имела форму кольца. В центре помещался огромный ракетодром.

Круговой вечебус провез Муратова через весь город. Он забыл о времени, о своем нетерпении, обо всем. Зрелище целиком поглотило его внимание. На каждом шагу, на каждом повороте открывались ансамбли зданий, один красивее и величественнее другого. Дома казались воздушными, обилие зелени подчеркивало легкость конструкций, огромные проемы окон насквозь пронизаны солнечным светом.

И люди, живущие в этом городе, невольно казались какими-то другими, не такими, как в других городах. Они сами как будто были пронизаны светом.

«Обязательно сделаю попытку переехать сюда, — думал Муратов. — Если только город не закрыт из-за перенаселения. Надо пожить среди этой красоты. Наверное, и работа пойдет здесь не так, как в других местах».

Но, видимо, не один только Муратов оценил Селену, в которой воплотился весь опыт, весь архитектурный и художественный гений Земли. На улицах было очень много людей.

Когда вечебус, замкнув кольцо, остановился там, где Муратов сел в него, он посмотрел на часы и вышел, хотя и был не прочь вторично совершить тот же путь. Времени оставалось совсем немного.

На ракетодром он перелетел на планелете.

На огромном бетонном поле жизнь шла обычным порядком. Возвращение Шестой лунной экспедиции не представляло собой ничего, что могло бы привлечь особое внимание. Чуть ли не каждый день здесь заканчивали свой полет космические корабли с Луны, Марса, Венеры, не считая внутренних, планетных, линий. И столько же улетали отсюда. Шестая интересовала только узкий круг лиц, связанных с космической службой, да еще таких, как Муратов, у которых в составе экспедиции были знакомые.

Озабоченно сновали по полю быстрые, верткие служебные машины, медленно, солидно ползли чудовищной величины заправочные цистерны, летали на маленьких планелетах дежурные механики и диспетчеры. Далеко в центре поля блестели на солнце корпуса кораблей внутренних, «земных», линий и посадочных ракет. Межпланетные корабли не опускались на

ракетодром. Они высаживали своих пассажиров или ожидали их за пределами атмосферы.

В здании космопорта Муратов увидел много людей. Видимо, сегодня отправлялся в путь корабль дальнего рейса, и это были покидающие Землю и те, кто их провожал.

Он сразу наткнулся на Стоуна. Председатель ученого совета обрадовался Муратову (они давно не виделись) и крепко пожал его руку.

— Итак, — сказал Муратов, — снова ничего!

— Да, к сожалению, снова, — со вздохом ответил Стоун.

Речь шла о Шестой. Оба уже знали, что экспедиция опять вернулась ни с чем. Никаких признаков присутствия на Луне спутников-разведчиков или их базы не удалось обнаружить.

— Это последняя, — прибавил Стоун. — Нет смысла продолжать поиски, пока мы не узнаем что-нибудь новое, например, от Гианэи.

— Внимание! — раздался негромкий отчетливый голос. — Отлетающим на Марс — пройти на посадку. Провожающие могут идти только до вечебуса.

Вестибюль заметно опустел. И тогда Муратов вдруг увидел Марину и Гианэю. Они стояли у одного из многочисленных киосков-автоматов, оживленно разговаривая. Проходившие мимо украдкой бросали любопытные взгляды на эту пару.

— Интересно, зачем она сюда явилась? — сказал Стоун, проследив за взглядом Муратова. — Похоже, что Гианэю очень интересуют наши поиски на Луне.

— Откуда она может знать о них?

Стоун изумленно посмотрел на собеседника.

— Как, — воскликнул он, — вы ничего не знаете?

— Что именно?

— Да вы читали газеты эти дни, слушали передачи?

— Нет, — ответил Муратов, — мне было некогда. Вы же знаете, чем я занимался.

— Ну, ну! — Стоун покачал головой. — И никто вам ничего не сказал? Вся планета только и говорит об этом, а вы даже не слышали.

— А в чем дело? — рассеянно спросил Муратов. Он думал о том, как ему подойти к Гианэе, чтобы это получилось естественнее. Обе девушки стояли спиной к ним.

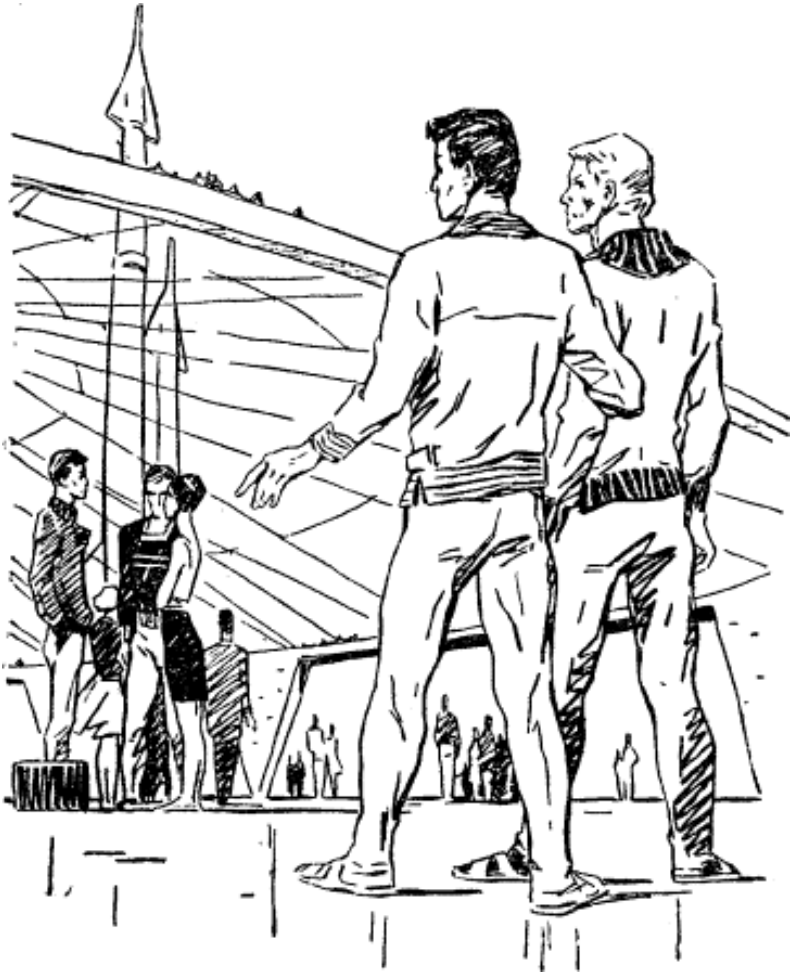
Но при первых же словах Стоуна рассеянность как рукой сняло. Он слушал в полном изумлении. Вот это новость! Гианэя

знает испанский язык? Невероятно!

— Теперь вы понимаете? — спросил Стоун.

— Еще бы! Именно понимаю, что весь мой план рухнул.

— Почему же? — Стоун знал о намерениях Муратова. — Скорей наоборот, это вам поможет. Но только надо быть очень и очень осторожным.



— Вот именно! А это как раз и означает, что нужен новый, совсем новый план.

— Гианэе не следует показывать, что нам известна ее тайна. Я посоветовал бы вам, как бы случайно, в удобный момент заговорить при ней по-испански с вашей сестрой. Выберите интересную для Гианэи тему. Интересно и важно проследить, как она будет реагировать на это.

Муратов опасливо посмотрел на Гианэю. Она находилась от них шагах в тридцати, не больше.

— Мы говорим слишком громко, — шепнул он Стоуну. — Гианэя слышит более чем хорошо.

— Мы же говорим не по-испански.

— А кто ее знает. Может быть, она понимает. После того, что вы рассказали, я ни за что не поручусь.

— Да, это, пожалуй, верно.

Толпа пассажиров, только что вошедших в вестибюль, отделила их от двух девушек. Очевидно, прибыла посадочная ракета с прилетевшего корабля или корабль внутренних рейсов. Муратов, поглощенный новостью, не расслышал сообщения диспетчера.

Стоун посмотрел на часы.

— Шестая должна прибыть минут через двенадцать, — сказал он. — Идите к ним.

— Опасаюсь немного. Гианэя, возможно, не захочет говорить со мной.

— Вряд ли. Ваша сестра сообщала, что Гианэя еще вчера енова спросила про вас.

«Я угадал, — подумал Муратов. — Она рисовала пейзаж Гермеса не случайно».

Но Марины и Гианэи не оказалось на прежнем месте. Они куда-то ушли.

Муратов отправился на поиски.

* * *

С самого утра Гианэя нервничала. Это было хорошо заметно по ее движениям, голосу, выражению лица. Марина видела, что какая-то неотвязчивая мысль не дает покоя ее подруге.

Как всегда, перед завтраком они отправились в ближайший плавательный бассейн.

В эту эпоху гимнастические залы и бассейны являлись непременной принадлежностью каждого населенного пункта, каждого крупного дома. Но небольшие домашние бассейны не

удовлетворяли Гианэю. Она любила не только освежаться, но и плавать.

В это утро, словно забыв о времени, Гианэя очень долго не выходила из воды. Марина давно уже оделась и, сидя в соломенном кресле, ожидала подругу.

Неутомимо и быстро Гианэя бессчетное число раз пересекала стометровую водную дорожку классически красивым кролем. И, как всегда, постепенно собралось довольно много зрителей. Редкий спортсмен Земли обладал таким отточенным стилем.

С равномерной правильностью, напоминавшей машину, выходили из воды и снова врезывались в нее зеленоватые руки Гианэи. Тяжелая масса черных волос колеблющимся плащом почти закрывала гибкую фигуру девушки.

В зеленой воде бассейна, ярко освещенной лучами солнца, свободно проходившими через прозрачную крышу, Гианэя выглядела как призрак.

Марина хорошо помнила первое посещение бассейна, вскоре после прилета гостьи на Землю. Помнила, как неохотно Гианэя согласилась надеть купальный костюм. Большого труда стоило тогда объяснить ей жеста ми, что нельзя закрыть доступ в бассейн другим людям. Вспоминая ответные жесты гостьи, Марина понимала теперь, что Гианэя хотела сказать, что не видит причин, почему она должна надевать костюм, если в бассейне кто-нибудь находится. Да и сейчас, спустя полтора года, она, видимо, не понимала этого.

Всем давно стало ясно, что Легерье неправильно понял поведение Гианэи в самом начале ее пребывания среди людей. Она разделась при всех не потому, что относилась к людям высокомерно или пренебрежительно, а просто потому, что так было принято среди ее соплеменников. Они не видели причин прятать свое тело от чужих взглядов.

Больше часа Марина ожидала. А когда Гианэя, наконец, вышла из бассейна, у нее не было заметно никакого утомления. Казалось, что она могла бы проплыть еще столько же.

Они вернулись домой.

За завтраком Гианэя неожиданно попросила показать ей Селену. До сих пор ни единым словом она не поясняла причин, побудивших ее приехать в Полтаву. Город ее явно не интересовал, все три дня она почти не выходила из дому.

Но просьба нисколько не удивила Марину. Она ждала ее,

давно не сомневаясь, что именно прилет Шестой лунной экспедиции заставил Гианэю явиться сюда. Теперь уже не приходилось удивляться, откуда она знает. Осведомленность гостьи в земных делах перестала быть тайной.

Но что могло заинтересовать ее в этой экспедиции?

И непонятной была нервозность Гианэи сегодня. Длительное плавание явно имело целью успокоить возбужденные нервы.

Что тревожило Гианэю.

«Ну хорошо, — рассуждала Марина. — Допустим, она хочет встретить Шестую. В составе экспедиции нет ни одного человека, которого она знает. Результаты? О них она могла прочитать или просто спросить. Незачем было приезжать сюда из-за этого. Если она читает испанские журналы, то должна знать, что пять предыдущих экспедиций вернулись ни с чем. У нее нет причин тревожиться, даже если она действительно принадлежит к тем, кто является хозяевами разведчиков. Найдут их или нет — это, конечно, может интересовать ее, но не может служить возбудительной причиной встречать экспедицию лично».

Вчера Гианэя удивила Марину внезапным вопросом, приедет ли ее брат в Полтаву? Она не прибавила:

«Встречать Шестую» — но было ясно, что спрашивала именно об этом.

Марина ответила, что да, Виктор приедет.

Гианэя никак не реагировала, ничем не показала, какое впечатление произвел на нее этот ответ. Можно было подумать, что она его вообще не слышала.

Уже несколько раз Гианэя просила Марину познакомить ее с Виктором, но до сих пор ничто не указывало, что она знает о тождестве брата Марины с человеком, доставившим ее с Гермеса на Землю. Теперь получалось — она и это знает!

А когда Гианэя тут же стала рисовать в альбоме пейзаж Гермеса, с Виктором на переднем плане, на этот раз не скрывая рисунка, Марина окончательно убедилась в осведомленности Гианэи.

Кого же хотела видеть девушка иного мира — брата подруги или спутника в полете? Хотела ли она познакомиться с близким Марине человеком или снова встретиться со старым знакомым? Если верно второе, то на это должна была существовать какая-то причина.

Может быть, не прилет лунной экспедиции, а именно предстоявшая встреча с Виктором так сильно взволновала Гианэю?

Марина немедленно сообщила обо всем Стоуну. В ученом совете с большим удовлетворением встретили это известие. Вопрос Гианэи давал все основания считать, что девушка решила «открыть карты», что у полотна шарэкса она не проговорилась, а намеренно дала понять, что знает многое, чего не могла бы знать, не владея земным языком.

Но тогда почему она прямо не сознается в этом? Было похоже, что Гианэя все еще чего-то опасается.

Марине рекомендовали отнестись ко второму случаю «откровенности» Гианэи так же, как к первому, — сделать вид, что она ничего не заметила.

4

В Селене Гианэя была задумчива и рассеянна. Она старалась показать интерес ко всему, что ей показывали, и это больше всего говорило о потере душевного равновесия. Было проще и естественнее держать себя как всегда, сохранять обычное выражение равнодушия, к которому все давно привыкли и на которое никто не обратил бы внимания.

Гианэя явно не владела сегодня своими нервами.

Следуя намеченной линии поведения, Марина предложила вернуться в Полтаву как раз тогда, когда, по времени, следовало отправиться на ракетодром, если Гианэя действительно хотела встретить Шестую.

Можно было ожидать, что тут уже Гианэя вынуждена будет ответить прямо.

Но гостья нашла естественно звучавший ответ.

— Вы говорили, — сказала она, — что город выстроен кольцом вокруг ракетодрома, а его самого мне не показали. Раз уж мы здесь, покажите и его.

«Вывернулась! — с досадой подумала Марина. — Что за странное упрямство!»

Они ездили по Селене в вечемобиле. Марина повернула руль, и машина направилась к центру.

Непонятная тревога Гианэи усиливалась. Щеки девушки пылали, глаза блестели лихорадочно. Несколько вопросов, заданных Мариной, остались без ответа. Казалось, что, погло-

щенная своими мыслями, Гианэя ничего не слышит.

Но когда они вошли в вестибюль вокзала космопорта, Гианэю точно подменили. Она оживилась и сама засыпала Марину вопросами. Ее лицо приняло обычную окраску, и только блеск глаз показывал, что тревога еще не покинула Гианэю.

И вдруг (Марина не поверила своим ушам) Гианэя спросила:

— Сколько человек участвовало в Шестой лунной экспедиции?

Слово «экспедиция», на языке Гианэи, впервые коснулось слуха Марины. Она догадалась о его значении по смыслу фразы.

«Что же теперь делать? — подумала она. — Продолжать прежнюю тактику уже невозможно. Гианэя в третий раз, и вполне открыто, сбрасывает маску. Не замечать этого и сейчас, значит, открыть ей мою игру. И нельзя же оставить ее вопрос без ответа. Надо принять вызов».

— Откуда вы знаете об этой экспедиции? — спросила Марина, пристально взглянув на подругу. Натренированная в языке память помогла точно повторить новое слово.

Гианэя нисколько не смутилась.

— Вы же сами говорили мне об этой экспедиции, — ответила она невозмутимо.

Это было явной ложью, такого разговора никогда не было, Марина помнила это точно.

«Так! — подумала она. — Гианэя способна не только к притворству, но и ко лжи. Выходит, что в их мире мораль находится не на высоком уровне».

— Я не помню, — сказала она вслух, — чтобы когда-нибудь говорила вам о Шестой лунной экспедиции. А почему она вас может интересовать?

Ответа не последовало. Гианэя предпочла прибегнуть к обычному молчанию.

Марина напряженно думала, как поступать дальше. Она хорошо знала, что бесполезно настаивать на ответе. Промолчав один раз, Гианэя уже не изменит своего решения — она будет молчать и дальше. Пожалуй, лучше всего замять этот разговор. По всем признакам, Гианэя собирается окончательно бросить притворяться ничего не знающей. Так пусть же все идет по ее инициативе!

— Мы будем ждать прилета Шестой экспедиции? — спросила Марина как ни в чем не бывало.

— Да, — ответила Гианэя.

Этим коротким словом она признавалась, что специально для встречи Шестой приехала в Полтаву. Не могла она не понимать, что смысл ее слов ясен для Марины.

И не боялась этого.

«Что ж, пора уже! — думала Марина. — Знать язык и не говорить на нем очень трудно. Гианэя, наверное, истосковалась по свободному разговору. Играть роль полтора года более чем достаточно».

— Здравствуйте! — раздалось позади них. Гианэя так стремительно обернулась, что не могло быть никакого сомнения, — она узнала голос, который слышала полтора года назад. Радость осветила ее лицо.

— Наконец-то! — сказала она с полной откровенностью, протягивая Муратову руку опять первой, как сделала это при расставании и чего никогда и ни с кем не делала. — Почему вы так долго не появлялись? Я просила Марину.

Четвертый раз!

В несколько дней Гианэя, словно вознаграждая людей Земли за свое долгое молчание, «раскрывалась» с ошеломляющей быстротой.

Муратов понял, что она сказала.

— У меня не было времени, — ответил он, с трудом подбирая слова. — Я очень рад видеть вас.

Марина улыбнулась его произношению.

Гианэя не улыбалась. Она не выпускала его руки и смотрела прямо в глаза тем же пристальным взглядом, как тогда, в выходной камере звездолета, точно собираясь что-то спросить или сказать.

И молчала.

Но она видела, что Муратов понимает ее язык. Что же мешало ей задать вопрос?

— Мне жаль, — сказал он, так и не дождавшись ни одного слова с ее стороны, — что я не мог раньше исполнить ваше желание.

Помня совет Стоуна и действительно испытывая затруднение в подборе слов, он, будто нечаянно, вставил в свою фразу несколько испанских.

Гианэя не переспрашивала. И по ее лицу нельзя было определить, удивил ли ее испанский язык в устах Муратова или нет.

— Вы были у нас?

Муратов понял, что она имеет в виду Полтаву. «Она хочет спросить, видел ли я ее рисунок в альбоме», — подумал он.

— Да, был.

Гианэя отпустила его руку. Ему показалось, что в ее темных глазах промелькнуло разочарование.

Чего же ожидала от него Гианэя?

Ему стало совершенно –ясно, что пейзаж Гермеса, эпизод, касавшийся их обоих, был нарисован и оставлен открыто на столе специально для того, чтобы он мог увидеть его. Это не только не было случайностью, но имело определенный смысл, должно было что-то сказать ему. И Гианэя ожидала ответа, которого не получила.

Он почувствовал досаду на самого себя за то, что не сумел догадаться, не понял ее мысли. Тот факт, что человеку одной планеты чрезвычайно трудно постичь мысли и намерения человека другой, не служил оправданием в его глазах. Он должен, обязан был более вдумчиво отнестись к рисунку, попытаться понять, что она хотела сказать. И, не сделав этого, он, возможно, испортил свои шансы на дружескую откровенность Гианэи.

— Я видел ваш рисунок, — сказал он, со смутной надеждой что-то поправить и еще чаще уснащая свою речь испанскими словами. — Вы замечательно рисуете, Гианэя.

Она отвернулась с таким откровенно пренебрежительным видом, что Муратов смутился и мысленно выругал сам себя.

Начало возобновления старого знакомства складывалось явно не в его пользу.

Голос диктора сообщил о приземлении посадочной ракеты с корабля, прибывшего с Луны. Это и был тот корабль, которого они ожидали, — Шестая лунная экспедиция.

Марина перевела сообщение Гианэе.

— Вы так и не ответили мне, — спросила гостья, — сколько человек участвовало в этой экспедиции?

— Восемнадцать.

— Прибыли только они? Других пассажиров нет в посадочной ракете?

Пятый раз!

Слова «посадочной ракете» Гианэя сказала по-испански.

Марина не решилась ответить на том же языке. Стоун рекомендовал ей сугубую осторожность. Гианэя могла произнести два испанских слова нечаянно, сама того не заметив. Она была

взволнована с самого утра, не владела собой.

— Не знаю, — ответила Марина на языке Гианэи. — Думаю, что других пассажиров нет. Это корабль особого назначения, только для экспедиции.

Настойчивость Гианэи все больше удивляла Марину. Зачем ей надо знать такие подробности?

Посадочная ракета опустилась недалеко от вокзала. Подали трап, и один за другим на землю спустились пассажиры. Их было хорошо видно.

— Я сейчас вернусь, — сказал Муратов. — Подождите меня на этом месте.

Он пошел навстречу Сергею.

Марина заметила, что Гианэя про себя считает выходящих из ракеты. Когда вышел последний, восемнадцатый, она вздохнула явно облегченно. Получилось, что девушку иного мира тревожил вопрос: все ли вернулись с Луны?

Странно! Неужели только для того, чтобы самой убедиться в этом, она приехала сюда?..

Муратов и Синицын встретились на половине дороги. Обнялись.

— Итак, — сказал Виктор, — снова ни с чем?

— Как видишь! — недовольным тоном ответил Сергей.

— Это что же, по выражению твоего лица я должен видеть?

— Знаешь ведь, — Синицын не улыбнулся шутке товарища. Его лицо оставалось хмурым.

Муратов внимательно посмотрел на друга.

— Стоун сказал, что эта экспедиция последняя.

— Знаю. И не согласен с их решением.

— Вас встречает Гианэя, — сказал Муратов, уверенный, что эти слова поразят Синицына.

Но он ошибся. На лице Сергея ничего не отразилось при этом известии.

— Зачем ей это понадобилось? — спросил он равнодушно, явно не интересуясь ответом.

— Загадочная история. — Муратов коротко рассказал о последних событиях, связанных с Гианэей. Синицын и тут остался равнодушным.

— Об этом стоит подумать, — только и сказал он. — Знаешь что, Витя, не говори со мной о Гианэе. Меня раздражает даже звук ее имени. Я не знаю причин ее молчания, но когда подумаю, что стоит ей захотеть…

К прибывшим подошел Стоун.

— Ты где остановился? — поспешно спросил Синицын. — Ага! Я приду к тебе сегодня вечером, часам к восьми. И тогда мы подробно поговорим обо всем. А сейчас, извини, некогда.

Муратов отошел.

Хотя он сам не участвовал ни в одной из шести экспедиций, неудача товарищей неприятно действовала на него. Ведь именно он вместе с Сергеем вычислял траектории спутников-разведчиков, именно они оба пришли к выводу, что спутники на Луне, в районе кратера Тихо. И вот шестая неудача подряд! Неужели произошла ошибка?

Нет, не может этого быть! Расчеты неоднократно проверялись другими людьми. Таких коллективных ошибок не бывает. Спутники на Луне!

Так почему же не удается найти их?

Муратов понимал раздраженное состояние Сергея и его антипатию к Гианэе. Она была человеком, который мог одним словом разрешить загадку. Она должна была знать! Она знала! И молчала, равнодушно наблюдая за тщетными усилиями людей Земли. Это действительно могло вызвать не только антипатию, но и ненависть у людей, годы затративших впустую.

Муратов понимал это, но сам не мог настроить себя против Гианэи. Она ему нравилась, была симпатична, несмотря ни на что. Он настойчиво заставлял себя думать, что причина молчания Гианэи кроется в ее воспитании, во взглядах и представлениях ее мира. Она просто не понимает, чего хотят от нее люди Земли.

Разговор между Мариной и Гианэей, который он несколько минут назад слышал, неопровержимо доказывал, что Гианэя интересуется результатами лунных экспедиций, что не случайно оказалась она в Селене именно сегодня.

Знает, все знает!

Он медленно подошел к обеим девушкам, стоявшим там же, где он их покинул, ожидавшим его, видимо, с согласия Гианэи.

И неожиданная мысль пришла ему в голову, заставив его на мгновение остановиться.

«А что, если спросить Гианэю прямо? Она обрадовалась моему появлению, относится ко мне явно не так, как относится к другим людям. Мои испанские слова она восприняла, как будто ожидала их от меня, и даже не пыталась притвориться непонимающей. Рискнуть?»

Он чувствовал, что напрасно задает себе этот вопрос, что решение им уже принято. Нет никаких сил сдерживаться и чего-то ждать. Стоун и ученый совет чрезмерно осторожны. Что плохого может произойти? Ну не ответит — и только.

«Э! Будь что будет!» — подумал он.

— Гианэя! Я очень прошу вас ответить мне на один вопрос. — От волнения Муратов не заметил, что говорит целиком по-испански. — Он очень важен для всех нас и особенно для меня лично. Вы должны ответить, если вы мне друг. Искусственные спутники, направленные к нам вашими соотечественниками, находятся сейчас на Луне?

Марина в полной растерянности, но с тайной радостью услышала этот неожиданный вопрос. Ее брат решительно и просто разрубал завязавшийся узел.

Гианэя опустила голову. Она поняла все, что сказал Виктор, и не скрывала, что поняла. Было видно, что в ней происходит какая-то мучительная борьба.

А когда, наконец, она подняла голову и посмотрела на Виктора, он увидел, что длинные темные глаза гостьи полны слез. Никто никогда не видел, чтобы Гианэя плакала.

— Да, — ответила она едва слышно.

Муратов перевел дыхание, волнение душило его.

— Почему вы молчали? — спросил он, с трудом справляясь с голосом. — Вы же знали, как это важно для нас.

Она ответила еще тише:

— Я боялась. Я хотела сказать давно, но вы все не появлялись. Но теперь я не боюсь больше. Я давно поняла, что Рийагейа был прав. Я погубила себя, но спасаю вас.

Гианэя говорила по-испански совершенно свободно. Но не только Марина, но и Виктор сразу поняли, что она знает не современный испанский язык.

«Очень важно выяснить, когда в Испании говорили так, как говорит Гианэя», — подумала Муратова.

5

Седьмая экспедиция на поиски таинственных спутников-разведчиков собралась быстро. Теперь, больше чем когда бы то ни было, следовало торопиться. Там же, на ракетодроме, после долгого и томительного молчания Гианэя прибавила несколько слов, имевших огромное значение для космической

службы.

Ответив, вероятно, неожиданно для самой себя, на вопрос Муратова, Гианэя заторопилась уехать. Она явно опасалась дальнейших вопросов с его стороны, быть может, жалела о своей откровенности, была расстроена и сильно взволнована.

Муратов проводил их до вечемобиля. Он понимал, что нельзя спрашивать Гианэю ни о чем, она не ответит больше ни на один вопрос. А ему хотелось, и было очень нужно, задать ей этот вопрос, единственный и чрезвычайно важный.

И вдруг Гианэя сказала сама, сказала именно то, что он хотел спросить.

Уже сидя в машине, она протянула ему руку, впервые ответила на пожатие, как-то робко и застенчиво улыбнулась.

— Я должна предупредить вас, — сказала она так тихо, что он едва расслышал. — Будьте очень осторожны. Наши — (она произнесла длинное слово на своем языке, очевидно означающее «спутники», или другое, более правильное, название разведчиков) — опасны, и к ним нельзя приближаться. Уничтожьте их. И торопитесь, торопитесь!

Она откинулась на сидении и закрыла глаза. Вздохнула так глубоко, что ему послышался звук, похожий на стон. Страдальческие складки легли у ее губ, и все лицо Гианэи показалось вдруг постаревшим.

— Поезжайте же! — шепнула она Марине.

Вечемобиль умчался.

Виктор остался один.

Он долго смотрел вслед машине. Сердце успокаивалось, билось ровней и медленней.

Итак, полный успех! Порыв, необдуманный и рискованный, дал неоценимый результат. Спутники на Луне, и Гианэя сама советует уничтожить их, не приближаясь к ним.

Уничтожить!

Только сейчас он вспомнил, что забыл спросить самое главное — где надо искать спутники, в каком месте расположена база. Но вряд ли Гианэя знает это. А если знает, то скажет потом. Она ответила на основной вопрос. Одно дело — искать, не имея уверенности, что спутники на Луне, и совсем другое, когда такая уверенность есть.

Муратов отправился искать Стоуна.

Председатель ученого совета и участники Шестой экспедиции еще не уехали из космопорта. Сообщение Муратова было

встречено всеми с удивлением и радостью.

— Вы правильно поступили, — сказал Стоун. — Видимо, мы переосторожничали. Надо было спросить раньше.

— Это верно, — ответил Муратов, — но спросить должен был именно я, а не кто-нибудь другой. Гианэя сказала такую фразу: «Я давно хотела сказать, но вы — (то есть я, — прибавил Муратов) — все не шли». Она почему-то хотела сказать именно мне.

— Подозрительная симпатия, — не удержался Сергей.

Муратов не удостоил друга даже взглядом.

— Как можно скорей надо начинать сначала, — сказал Стоун. — Теперь можно не разбрасываться, а искать только в кратере Тихо. Слова Гианэи подтверждают правильность вычислений. Будем им верить. Плохо, что мы не уничтожили спутники на их орбитах сразу, как хотели.

— По-моему, это не плохо, а как раз хорошо, — заметил Синицын. — Надо уничтожить не только спутники, но и их базу. А тогда мы даже не подозревали о ее существовании.

— Уничтожить просто, — сказал кто-то из состава Шестой экспедиции. — А как найти? Шесть раз пытались.

Стоун повернулся к Муратову.

— Может быть, — сказал он, — вы попробуете еще раз поговорить с Гианэей?

— Конечно, но думаю, что это бесполезно. Мне кажется, что Гианэя сказала все, что ей известно. И очень нелегко было ей сделать это. Я не могу забыть выражения ее лица. И меня очень тревожит ее фраза: «Я погубила себя, но спасаю вас».

— Да, эта фраза имеет смысл. Несомненно. Но у нас, на Земле, Гианэе ничто не угрожает. Видимо, она хотела сказать, что после ее слов ей закрыт путь на родину. Об этом мы еще подумаем. И подумаем крепко. Более тревожна вторая половина фразы: «Спасаю вас». Что она имела в виду?

— Это может означать только одно, — сказал Муратов. — Спутники таят в себе угрозу для человечества Земли. Если бы вы слышали, каким тоном она сказала:

«Уничтожьте их!» — у вас не было бы сомнений.

— У меня и так нет сомнений, — ответил Стоун. — Седьмая лунная отправится как можно скорее.

Несколько часов спустя Муратов долго разговаривал по радиофону с сестрой.

Марина рассказала, что Гианэя сразу по приезде домой легла

в постель и просила не тревожить ее.

— Она выглядит спокойной, но очень мрачной. Что-то угнетает ее, лишает покоя. Мне кажется, она раскаивается в том, что сбросила маску.

— На каком языке она разговаривает с тобой? — спросил Муратов.

— На своем, как всегда. А я не решаюсь заговорить с ней по-испански.

— И не надо. Она сама скоро перейдет на испанский язык. Вот увидишь!

— Гианэя хочет сегодня уехать.

— Куда?

— Я сама задала ей этот вопрос. Она ответила, что ей безразлично, лишь бы подальше отсюда. Такое впечатление, что она хочет убежать от самой себя, а может быть, и от тебя.

— Да, я понимаю. Это реакция. Гианэя не имела права сказать то, что она сказала. И мучится, нарушив закон своей родины. Но ведь ты сама слышала, как она сказала, что давно решила стать откровенной и что ей мешало мое отсутствие. Чем ты это объясняешь?

Марина ответила не сразу.

— Теперь ясно, — сказала она через минуту, — почему она так настойчиво хотела тебя видеть. Но почему она решила сказать именно тебе, я сама не понимаю. Может быть, здесь играет роль твое сходство с ней.

— Это слишком незначительное и чисто внешнее обстоятельство, чтобы оно могло сыграть заметную роль в столь важном деле. Так можно додуматься до того, что Гианэя любит меня, — Муратов улыбнулся, вспомнив реплику Сергея на ракетодроме.

— Возможно, что это и так, — совершенно серьезно ответила Марина.

— Чепуха! Когда-нибудь мы узнаем причину ее особого ко мне отношения. Это очередная загадка Гианэи. Значит, сегодня вы уезжаете?

— Да. Я предложила ей посетить японские острова, где она еще не была. И Гианэя впервые согласилась лететь. Ей, очевидно, не терпится поскорее удалиться отсюда.

— Следует ли мне проводить вас?

— Конечно, нет. Мне кажется, что Гианэя не хочет тебя видеть. Но может быть, я и ошибаюсь.

— Ты не ошибаешься, — сказал Муратов. — Я спросил машинально, не подумав. Счастливого пути! И еще два слова. Предсказываю тебе, что Гианея очень скоро снова обо мне вспомнит. Она заговорила и захочет, должна захотеть, сказать больше.

Он выключил радиофон.

События пошли быстрым темпом. Как жаль, что он раньше не исполнил желания Гианэи и так долго избегал встречи с ней. Шестая лунная могла бы вернуться не с пустыми руками, получи он ответ гостьи полгода назад.

Муратов был уверен, что правильно понимает состояние, в котором находится сейчас Гианэя. Что-то заставило ее нарушить свое молчание, она сделала это в тот момент, когда была сильно взволнована и чем-то обеспокоена, сделала, возможно, почти против воли. Теперь она жалеет об этом. А если и не жалеет, то мучится угрызениями совести, «выдав» своих соотечественников.

В чем выдав?

Когда-то высказанное им самим предположение, что спутники-разведчики посланы к Земле с враждебными целями, видимо, правильно. Они содержат какую-то опасность для Земли. Иначе нельзя понять слова Гианэи, что она «спасает» людей. И, посоветовав уничтожить эти спутники, Гианэя нарушила планы своей родины, выдала их людям.

Что же могло заставить ее это сделать?

Муратов и мысли не допускал, что Марина может быть права и особое отношение к нему со стороны Гианэи объясняется столь просто. Он знал, что чертами лица похож на ее соотечественника, допускал, что именно это может вызывать в ней чувство симпатии, но любовь, в том смысле, как она понимается на Земле, к существу другой планеты, бесконечно чуждому, казалась ему невозможной. Он сам никогда не смог бы полюбить Гианэю так, как земную женщину.

«Все это можно объяснить только одним, — думал Муратов, медленно шагая по комнате из угла в угол: — Они были на Земле давно, и вынесли плохое впечатление от людей Земли того времени. Особенно если это случилось во времена средневековья, среди мракобесия и костров инквизиции. Да еще в Испании[1]. Видимо, Гианэя явилась на Землю в уверенности, что

[1] Разгул деятельности инквизиции относится к XIV – XV векам. С

наше общество недалеко ушло от того, прежнего. И убедилась в своей ошибке, поняла, что мы лучше и благороднее, чем она думала. Хотя и тут есть противоречия. Ведь она пришла к нам на Гермесе, увидела людей Земли на астероиде, в искусственно созданной астрономической обсерватории, на внепланетной научной станции. Следовательно, ей сразу должно было стать ясным, что мы далеко ушли от дикости и варварства. А может быть, она поняла именно тогда? Почему же она молчала так долго, если так? Что означают ее слова: «Риагея был прав»? Она поняла это давно, как она сказала, но не с самого начала. Кто такой этот Риагея, или Рийагейа, как она его назвала? Видимо, прогрессивно мыслящий человек на ее родине. И Гианэя убедилась в его правоте. Значит, раньше сомневалась. Попробуй разберись в этой путанице. Но она расскажет все сама.».

Он верил, что не ошибся, сказав Марине, что Гианэя обязательно заговорит. Так должно быть, и так будет!

Но даже он, оптимистически настроенный по отношению к Гианэе, верящий в ее добрую волю, не мог предположить, что сделанное им предсказание сбудется так быстро, как это произошло в действительности.

В тот же вечер пришло письмо. Оно было от Гианэи.

Записка, вложенная в тот же конверт, поясняла, что письмо написано Гианэей перед самым отъездом в аэропорт.

«Она совсем успокоилась, — сообщала Марина. — Ведет себя как всегда, шутит и полностью перешла на испанский язык. Я не очень этим довольна, но Гианэя поняла и обещала ежедневно давать мне уроки своего языка. И, кажется, собирается делать это в полном объеме. Наконец-то!»

Письмо Гианэи было коротко, написано ровным, четким почерком и не имело ни одной грамматической ошибки.

Муратов даже не понял сразу содержания письма, так сильно поразил его самый факт. Гианэя могла уметь говорить по-испански, но писать… Это свидетельствовало о том, что она знала язык, как сами испанцы. Изучала на другой планете!

Кому и зачем это могло понадобиться?..

Больше, чем устная речь, письмо Гианэи говорило о знании ею старого испанского языка, а не современного. Муратов знал,

---

особой силой инквизиция свирепствовала в Испании. При одном только инквизиторе Торквемаде в Испании погибли на кострах более 10 тысяч человек.

что в Институте лингвистики не смогли прийти к определенному выводу. Гианэя говорила не чисто. Ее язык мог относиться к концу девятнадцатого века, но мог существовать и гораздо раньше как местное наречие. Загадка оставалась загадкой.

Ему пришлось прочесть письмо второй раз.

«Виктор! — писала Гианэя. — Вы заставили меня сказать больше, чем я хотела. Но я об этом не жалею. Люди Земли не заслуживают участи, которую им готовили. Я сказала и должна дополнить свои слова, иначе они будут для вас бесполезны. То, что вы хотите найти, невидимо для глаз человека Земли. Я знаю это со слов Рийагейи. Что надо делать — не знаю. Подумайте сами.

Гианэя».

Она подписала свое имя латинскими буквами так, как его произносили на Земле.

«Ну, теперь мы знаем все», — подумал Муратов.

Он перечитывал письмо в третий раз, когда приехал Сергей.

А еще через двадцать минут в комнате Муратова появился Стоун.

Ни он, ни Синицын не знали испанского языка. Муратов перевел письмо Гианэи.

— Это можно было предвидеть, — сказал Сергей. — Что спутники невидимы, мы знали и раньше. Выходит, что и сама их база также невидима.

— Возможно, этим и объясняется, что мы никак не можем найти эту базу,

— сказал Стоун. — Мы ищем в недрах, а она, может быть, расположена на поверхности, открыто. В районе кратера Тихо очень много глубоких и широких трещин, неприступных плато, горных долин. В любом из таких мест они и могли расположить свою базу.

— На Луне нет осадков, нет ветров, — добавил Сергей. — Ничто не могло повредить оборудованию, кроме метеоритов.

— А это значит только то, что база защищена, например, крышей, прозрачной или также невидимой. Ясно одно, — сказал Стоун, — искать надо там, где мы сами расположили бы такую базу, будь мы на их месте. Там, где как будто ничего нет, но место удобное.

— И еще одно соображение, — после непродолжительного

молчания сказал Муратов. — Спутники и база могут быть невидимыми для наших глаз, как пишет Гианэя, но они не могут быть абсолютно прозрачными. Вспомните, на «Титове» мы все видели, что спутник закрыл от нас звезды, находившиеся за ним. Он не прозрачен. И на Луне он должен закрывать то, что находится за ним. Отсюда я делаю логический вывод: база расположена так, что сзади нее находится место, никогда не освещаемое Солнцем.

— Правильно, Виктор! — одобрительно сказал Синицын. — Лунная тень — это полный мрак. Правда, мы освещали прожекторами подобные места на неприступных плато и в трещинах. Но мы делали это просто для порядка, так как считали, что база обязательно расположена в недрах Луны. Поэтому мы могли и не заметить. К тому же нам приходилось летать над горами на ракетах, а они слишком быстры.

— Так вот, друзья, — сказал Стоун, — Недра обследованы. Теперь будем искать исключительно на поверхности. Седьмая экспедиция отправится на Луну через два дня.

Муратов колебался всего несколько секунд.

— Если можно, возьмите и меня, — сказал он.

6

— Постойте! — сказала Марина.

Она подбежала к кусту и сорвала с него большую желтую розу. Вернувшись на террасу, воткнула цветок в волосы Гианэи.

— Вот теперь совсем хорошо. Вы настоящая японка, только высокого роста. Японки такими не бывают. Но вам замечательно идет этот костюм. Возьмите зонтик и пройдитесь по саду. А я сниму вас на пленку. То-то удивится Виктор, когда увидит!

Гианэя смущенно улыбнулась.

Длинное, до пят, кимоно, расшитое по желтому фону черными драконами, действительно очень шло ей… Темные глаза, кажущиеся из-за своей длины более узкими, чем они были на самом деле, дополняли сходство с японкой. Правда, зеленоватый оттенок кожи Гианэи подчеркивался желтым цветом костюма, но Марина старалась не замечать этого. И когда сказала, что кимоно идет ее подруге, говорила искренне.

Они поселились в маленьком, «игрушечном», как выразилась Гианэя, домике, у подножия знаменитой Фудзиямы, лю-

безно предоставленном в их распоряжение теми, кто жил в нем раньше, как только выяснилось, что место понравилось Гианэе.

Всегда и везде, люди Земли относились к гостье из космоса с исключительным вниманием. То же проявилось и в Японии. Стоило Гианэе сказать, что ей нравится национальный костюм японок, который она увидела в музее, как на следующее утро было прислано кимоно, сшитое специально для нее, по ее росту.

Гианэя тотчас же надела его.

Чувствовалось, что Гианэе нравится Япония. Все здесь было не таким, как в других странах, или, как говорили сейчас, местностях. И Марине казалось, что окружающее чем-то отвечает вкусам и привычкам Гианэи.

Гостья с видимой радостью приняла предложение поселиться в этом доме, одиноко стоявшем в стороне от других строений.

Искала ли она уединения? Это было возможно, учитывая состояние, в котором Гианэя прилетела сюда. Но Марина почему-то была уверена, что дело в другом. В чем? Этого она не знала, но никак не могла отделаться от впечатления, что Гианэя, впервые на Земле, чувствует себя здесь «как дома».

Несмотря на уединенное расположение и крохотные размеры, их домик отнюдь не был жилищем отшельника. Он был снабжен всеми удобствами, включая автоматическую доставку всего необходимого. Был и обязательный плавательный бассейн, правда, находившийся НС внутри дома, а под открытым небом.

Уютная терраса и традиционный для Японии вишневый сад создавали прекрасные условия для отдыха, к которому, видимо, стремилась Гианэя.

И Марина, которая сама была не прочь отдохнуть от непрерывных переездов последних полутора лет, с удовольствием готовилась провести в этом месте длительное время.

Сегодня был второй день.

Они говорили теперь только по-испански. Наконец-то Марина могла разговаривать с подругой свободно и обо всем.

И она твердо решила незаметно и исподволь расспросить Гианэю.

Имя своего брата Марина назвала сейчас отнюдь не случайно. Отношение Гианэи к Виктору ее очень интересовало, и, как женщина, она относилась к «идее любви» не столь скептически, как Виктор.

Гианэя, казалось, не обратила внимания на эту фразу.

— Правда? — спросила она. — Мне хорошо в этом платье?

Марина рассмеялась.

— Вы не то хотите спросить, — сказала она. — Сознайтесь, вас интересует, хороши ли вы в этом платье? Гианэя вздохнула.

— Я это и спросила, — ответила она откровенно. — Но забыла, что я не земная женщина. Хороша я или нет, здесь некому оценить меня. Я чужая.

— Совершенно ошибочный взгляд. Вы такая же, как все. Как я. Только вы красивее меня.

— Не в том дело. — Лицо Гианэи стало грустным. — И вы, Марина, говорите неправду. Я не такая. Внешние формы тела еще не всё. Мы совсем разные. Я это знаю. — И, помолчав, она прибавила: — Я обреченная. Вы должны понять. Как и у вас, в нашем мире существует любовь и женщина призвана иметь детей.

— Вы вернетесь к себе на родину. Расскажите все, и люди Земли помогут вам вернуться к своим.

— Я никогда не вернусь. Я сама отрезала себе путь к возвращению. Измена не может быть прощена. У нас ее не прощают никогда и никому. И это, конечно, правильно.

Она резко повернулась и скрылась в глубине сада. Но Марина не могла на этом прекратить разговор. И она возобновила его спустя час после купанья, когда они сидели на террасе за завтраком.

— Не сердитесь, Гианэя, — сказала она, ласково касаясь руки подруги,

— я снова хочу вернуться к той же теме. Вы сказали, что измена не прощается. Я согласна с вами, но не вижу измены с вашей стороны. Вы сказали, что спутники на Луне, и посоветовали уничтожить их. По-видимому, в этих спутниках есть опасность для нас. Ваш поступок вызван человеколюбием. Никакая мораль не может говорить против вас. Никакая, ни наша, ни ваша. Ведь и вы и мы одинаково разумные существа. В чем же измена? Если вы помешали осуществлению плана ваших соотечественников, то эти планы были жестоки и недостойны разумного существа. И у вас на родине не все думают одинаково. Вспомните Рийагейю.

Гианэя подняла голову.

— Рийагейа, — сказала она. — Что вы знаете о нем?

— Очень немного, но вполне достаточно. Вы поняли, что он был прав, и потому сказали. Разве не так? Гианэя долго молчала.

— Я знаю, — сказала она, — что поступила правильно и что

Рийагейа одобрил бы мой поступок. Но очень тяжело пойти против своей родины. Поймите это.

— Я хорошо понимаю, но вы поступили благородно. На вашем месте Рийагейа сделал бы то же. Тень прошла по лицу Гианэи.

— Нет, — произнесла она тихо. — Он поступил иначе. — Она долго сидела неподвижно, закрыв глаза, точно погрузившись в воспоминания. — Он поступил иначе, — повторила она. — И я считаю его поступок неверным. Я должна была сделать то, что сделала, но не то, что сделал он. Я женщина. — И после продолжительного молчания неожиданно сказала: — Ваш брат удивительно похож на Рийагейю. Меня поразило это сходство, как только я увидела Виктора. Да и сейчас поражает.

— И поэтому вы так хотели его видеть?

— Да, конечно. Почему же еще?

Этот ответ очень неприятно подействовал на Марину. Все ее мечты, что Гианэя полюбит Виктора и с этой любовью войдет в общество земных людей, рушились в одно мгновение.

— Я огорчила вас? — спросила Гианэя, в свою очередь дотрагиваясь до руки Марины. — Или, может быть, вас оскорбило это?

— Что могло меня оскорбить?

— Мои слова. Может быть, вам неприятно, что ваш брат похож на моего соотечественника?

Марине было совсем не до смеха, но она заставила себя рассмеяться.

— Здесь нет и не может быть ничего обидного или оскорбительного, — сказала она. — Вы же сравнили моего брата с человеком, а не обезьяной.

Улыбнулась и Гианэя.

— Я еще плохо знаю людей Земли, — сказала она. — Вы очень хорошие люди. Лучше нас.

— Тем более, — подхватила Марина, — вы не должны мучиться тем, что «спасли» нас.

Против воли, она сказала это слово чуть иронически. Но Гианэя сразу уловила разницу в тоне.

— Вы не верите, что я спасаю людей Земли? Марина почувствовала, что отвечать надо вполне откровенно.

— Да, — сказала она. — Этому я не верю. Я очень высоко ценю ваши добрые намерения, но не верю, что кто-нибудь может причинить нам вред. Вы нас недооцениваете. Не знаете нашей науки и нашей техники. Они способны справиться с любой опасностью.

— Если она известна.

— Но ведь именно этого вы и не хотите нам сказать.

— Потому, что сама не знаю, — ответила Гианэя.

* * *

Стоун сдержал слово. Трудная и сложная подготовка Седьмой лунной экспедиции была закончена ровно через два дня. Звездолет, под командованием Юрия Вересова, стоял на пиренейском ракетодроме, ожидая своих пассажиров. На его борту находились новые усовершенствованные вездеходы, оборудованные совсем иными, чем раньше, приборами и кибернетическими автоматами. Задача была иной. Первые шесть экспедиций ставили перед собой цель найти базу и детально обследовать как ее самое, так и спутников-разведчиков. Теперь, после того, что сказала Гианэя, нужно было найти и уничтожить базу. «К ним нельзя приближаться», — сказала Гианэя, и этим словам приходилось верить.

Люди хорошо помнили обстоятельства гибели робота-разведчика, запущенного с борта звездолета «Герман Титов». Базу иного мира надо было уничтожить на расстоянии.

Муратов прилетел накануне старта. Он был слабее всех участников Седьмой экспедиции подготовлен к предстоящей работе, а быть в ее составе безучастным зрителем, спрашивать на каждом шагу, что происходит, ему совсем не хотелось. С Вересовым он был давно знаком и надеялся, что командир корабля, принимавший участие во всех шести экспедициях, сумеет в один день основательно ознакомить его с техникой поисков и методами уничтожения базы.

Вересов приветливо встретил первого пассажира. Он сразу понял, что хочет получить от него Муратов, и с готовностью согласился помочь ему. Они засели с утра и до позднего вечера усердно занимались.

Было половина двенадцатого, когда Муратов, устало откинувшись на спинку кресла, сказал:

— Теперь я могу чем-то помочь в работе. Во всяком случае, буду понимать что к чему. Меня включили в состав экспедиции из внимания к прежним «заслугам», и это было немного неприятно. Спасибо, Юрий!

— Не стоит благодарности, ложись и выспись хорошенько. Ты еще не был на Луне, и полет к ней будет для тебя интересным. Спокойной ночи!

Вересов, ушел, чтобы вернуться на звездолет и провести на нем ночь.

Муратов остался один.

— Спать, так спать, — сказал он громко и сладко потянулся, довольный собой.

Неожиданно в дверь постучали. Стук был тихий, осторожный. Видимо, стоявший за дверью не был уверен, спит Муратов или нет.

— Войдите! — сказал он.

И тут же вскочил, изумленный, растерянный, ничего не понимающий.

В дверях стояла Гианэя.

Он знал, что она находится на японских островах, еще вчера вечером он говорил с Мариной по радиофону, спрашивал, как чувствует себя гостья, что она говорит и делает. Марина ни словом не упомянула о поездке на Пиренейский полуостров, наоборот, она сказала, что Гианэя собирается провести в Японии долгое время.

И вот!

Муратов быстро овладел собой и пригласил Гианэю войти.

Она протянула ему руку, снова ответила на пожатие, непринужденно села. Казалось, она не видела ничего удивительного в своем внезапном появлении, Она была одна, без Марины.

— Я прилетела сюда полчаса тому назад, — сказала Гианэя. — И легко узнала, где вы остановились. Она говорила по испански.

— Почему вы одна? — спросил Муратов.

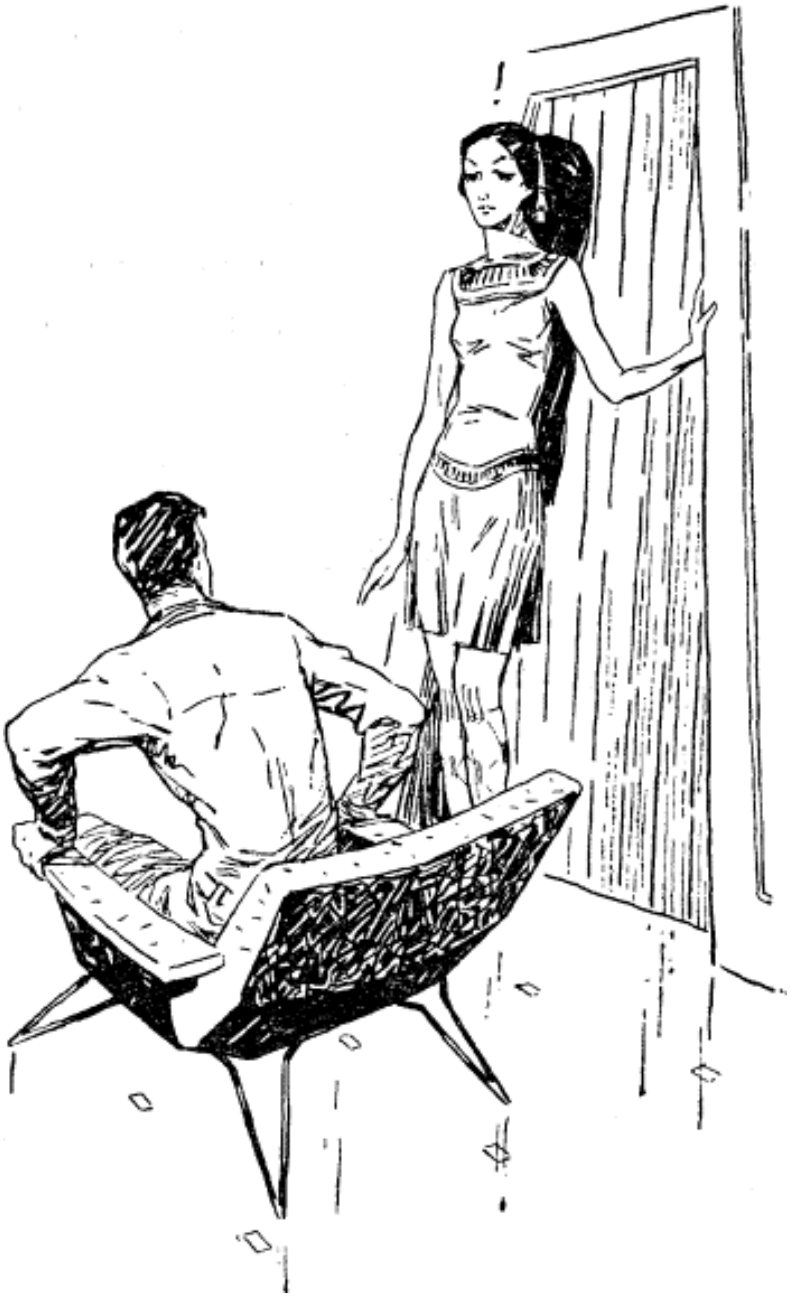
— Чтобы говорить с вами, мне не нужен переводчик, — просто ответила Гианэя. — Марина устала, и мне удалось уговорить ее отпустить меня одну. Надо же мне привыкать обходиться на Земле без проводника. Я всю жизнь проживу здесь.

Тень грусти прошла по ее лицу при этих словах. Гианэя энергично тряхнула головой.

— Я сейчас уйду, — сказала она. — Поздно, и вам надо отдохнуть перед полетом. А прилетела я сюда потому, что хочу лететь с вами на Луну.

— С нами? — воскликнул Муратов. — Зачем? Это вырвалось у него невольно, от удивления. Он сразу понял намерения Гианэи.

— Затем, что всегда и во всем надо быть последовательным, — ответила гостья. — Вы знаете, еще сегодня днем я и не думала о полете на Луну. В том, что такое желание у меня явилось, виновата ваша сестра.



— Она вам посоветовала?

Снова, как недавно на ракетодроме Селены, по лицу Гианэи скользнула пренебрежительная улыбка. И Муратов понял, что эта улыбка относится не к Марине, а к нему самому. Гианэя удивлялась его недогадливости.

«Положительно, я не умею говорить с ней, — подумал Муратов. — Забываю, что она не земная женщина, что у нее иные понятия. И сам же порчу се мнение о себе».

Ему захотелось тут же рассказать ей о мотивах ее поведения, доказать, что он ее хорошо понимает, но он удержался, зная, что этим только ухудшит положение. Она расценит его слова как хвастливое желание показать свой ум, и в ответ он получит новую пренебрежительную улыбку.

«Сам виноват, — думал он. — Это урок на будущее. Таких ошибок допускать нельзя».

— Меня никто не уговаривал, — сказала Гианэя. — И никто мне ничего не советовал. Для этого надо знать то, что знаю я и чего никто не может знать на Земле. Откуда могла знать Марина, что я могу принести пользу в вашей экспедиции? Это знаю только я.

— Вы хотите помочь нам найти спутников?

— Вы странно их называете. Но наше название непереводимо на ваш язык. Да, я хочу помочь вам и могу это сделать. Марина сумела доказать мне, что это мой долг. Надо быть последовательным, — повторила Гианэя. — То, что вы хотите найти и что надо найти как можно скорей, невидимо для вас, но видимо для меня. Наши глаза видят больше, чем ваши. Я это давно знаю, Так скажите, возьмут меня или нет?

— Конечно, возьмут. И даже с радостью. Я сейчас же сообщу о вашем желании Стоуну. Это начальник экспедиции, — пояснил Муратов.

— Я знаю.

Муратов воспользовался удобным случаем.

— Да, — сказал он, — я и забыл. Вы всегда точно знаете, кто у нас является старшим в данный момент.

Он видел, что Гианэя поняла его намек. Но она ответила «не отвечая»:

— Я прочла об этом. Вернее, мне прочла Марина. В Японии — (в первый раз, говоря по-испански, Гианэя немного запнулась на этом слове) — у нас не было ничего на языке, который я знаю.

Она встала.

— Спасибо, Гианэя, — сказал Муратов. — Спасибо от

имени всех. Я очень рад, что вы изменили свое отношение к нам.

— Это могло случиться раньше. Здесь ваша вина, Виктор. Не нужно было пренебрегать мной.

Он даже не нашелся, что ответить на такое заявление.

— Думаю, что у вас найдется костюм для меня. Мы с вами почти одного роста.

— Конечно найдется. Вы видели наши «космические» костюмы на Гермесе. Похожи они на ваши? — Муратов не мог удержаться от соблазна еще раз попытать счастье.

На этот раз ему удалось достичь цели.

— Не совсем, — ответила Гианэя. — Но в общем они похожи.

— А мы думали, что ваше платье золотого цвета — это и есть костюм для полетов.

— Нелепое предположение, — резко ответила Гианэя. — Разве можно быть так одетой в полете?

— Почему же вы явились к нам именно так? Ожидая ответа, он затаил дыхание. Откроется ли одна из загадок или нет?..

Его охватило глубокое разочарование, когда Гианэя вместо ответа сказала:

— До завтра! Не надо провожать меня. Я знаю, что у вас существует такой странный обычай. Здесь близко.

— Где вы остановились?

— Мне сразу указали, как только я прилетела. Не знаю, как называется эта улица, но дом рядом с вашим. — Она посмотрела на него знакомым уже пристальным взглядом. — Вы сказали, что рады изменению моего отношения к вам. Это неверно. Оно осталось прежним. Но я многое поняла. И не буду объяснять, что именно. Вы этого все равно не поймете.

В этот момент она напомнила Муратову прежнюю Гианэю, «гордую и высокомерную», какой она казалась всем на Гермесе.

— Попробуйте! — улыбнулся он. — Может быть, я способен понять вас.

— Вы? — она подчеркнула это слово. — Возможно. Я хочу думать, что это так, — прибавила она. — Я должна так думать. Но я хотела бы, чтобы меня поняли все. До свиданья!

Оставшись снова один, Муратов долго сидел в кресле в глубокой задумчивости. Он пытался понять, что хотела сказать Гианэя последней фразой.

Он понял это, но не сейчас, а много позже.

7

Глаз человека воспринимает сравнительно небольшой участок спектра лучистой энергии, ограниченный с одной стороны красными, а с другой — фиолетовыми волнами. Этот участок носит название «видимого». Инфракрасные и ультрафиолетовые лучи, отличающиеся от видимых только длиной волны, уже не раздражают зрительные нервы и не дают светового ощущения, хотя по своей природе они одинаковы с видимыми.

Глаз — чувствительный и достаточно точный орган, но считать его совершенным нельзя. Вполне могут существовать другие органы зрения, способные воспринимать как свет более широкую полосу частот. На Земле многие так называемые ночные животные, например совы или филины, видят инфракрасные излучения нагретых тел, что дает им возможность охотиться в темноте.

Было известно, что глаза Гианэи более дальнозорки, чем глаза людей Земли. Теперь, после того, что она сказала Муратову, стало очевидно, что не только этим она отличается от «землян», не только остротой зрения, но и тем, что способна видеть как свет лучистую энергию, не воспринимаемую глазами человека Земли.

В каких же пределах? Какой участок спектра доступен ее зрению? Что она видит, более длинные или более короткие волны? А может быть, и те и другие?

Пока это оставалось неизвестным. Но теперь, когда Гианэя ступила на путь откровенности, была надежда, что она согласится, чтобы ее зрение обследовали окулисты.

Участники Седьмой экспедиции с удовольствием приняли Гианэю в свой состав. Ее участие в поисках сильно повышало шансы на успех даже в том случае, если она не знает точного местонахождения базы. Ведь она сказала, что может увидеть ее — невидимую для людей.

Между разговором Муратова с Гианэей и стартом звездолета прошло немного времени — всего одна ночь, но «открытие» успело разнестись по всему миру. Уже утром стало известно мнение видных ученых относительно зрения Гианэи. Большинство склонялось к тому, что она видит как свет инфракрасный участок спектра.

Если догадка была верной, то Гианэя могла сыграть в экспедиции роль своеобразного живого инфракрасного экрана. Такой «экран» был, конечно, во много раз удобнее и надежнее любого прибора.

Марине Муратовой предложили сопровождать Гианэю.

— Я совершенно не нужна, — ответила она. — Гианэя может говорить с Виктором. Кроме него, еще три участника экспедиции владеют испанским языком. Мое присутствие не диктуется необходимостью. Зачем вам лишний и ненужный человек?

Из разговора с сестрой по радиофону Муратов узнал подробности той беседы, которая натолкнула Гианэю на мысль лично принять участие в полете на Луну.

— Мы говорили с ней о моральной стороне ее поступка, — сказала Марина. — Я старалась убедить ее в том, что она «выдала» планы своих соплеменников из чувства человеколюбия и из благородных побуждений. И, видимо, мне удалось этого добиться. Очень помогла ссылка на Рийагейю. Гианэя относится к нему с огромным уважением и считается с его мнением. Это совершенно очевидно. Нет, — ответила она на вопрос Муратова. — Гианэя не уговаривала меня лететь вместе. Она сказала, что ей надо привыкать к самостоятельности и что не век же мне опекать ее. Да, я действительно не хочу лететь с вами. И рада, что Гианэя не уговаривала меня. Я устала, хочу пожить несколько дней в полном покое.

Марина ни словом не упомянула о сделанном ею открытии, ничего не сказала о том, что загадка особого расположения Гианэи к Виктору перестала быть загадкой. Почему она не открыла брату этой тайны, было неясно ей самой. Но что-то ее удержало, возможно, чувство деликатности, боязнь огорчить Виктора, в чем-то испортить его дружеские отношения с гостьей.

Если бы не зеленый оттенок кожи Гианэи, мало заметный, впрочем, из-за приобретенного ею на Земле загара, если бы не форма глаз, ярко-зеленые ногти на пальцах рук, да еще волосы, слишком густые, тяжелые и отливающие изумрудом, Гианэя казалась бы обычной земной женщиной в ловко сидящем на ней коричневом комбинезоне.

В высокой гибкой фигуре гостьи было что-то напоминающее танцовщицу.

— Кастаньет не хватает, — шутили участники экспедиции. — Чистая испанка!

Внимание, оказываемое Гианэе населением земного шара, на этот раз проявилось в большом количестве желающих проводить ее.

Муратов, стоя рядом с Гианэей у нижней ступени трапа, напомнил ей о еще большей толпе, встретившей ее полтора года тому назад на этом же поле.

— Я тогда ничего не видела, — ответила Гианэя. — Все мои

мысли были заняты совсем другим.

— Чего вы тогда ожидали? — спросил Муратов, снова надеясь раскрыть одну из загадок.

Тщетно!

— Вы этого все равно не поймете, — повторила Гианэя вчерашние слова.

Муратов промолчал.

«Сама ты, милая, ничего не понимаешь, — хотелось ему сказать. — Но ничего, придет время, и поймешь».

Протяжный низкий гудок — сигнал отлета — пронесся над ракетодромом.

Гианэя ласково обняла Марину. (Марина не выдержала и прилетела на Пиренейский полуостров попрощаться с подругой.)

— Мы скоро увидимся, — сказала она. — Вы будете со мной, когда я вернусь на Землю?

— Конечно, — ответила Марина. — Я буду с вами, пока вы сами меня не прогоните.

— Этого никогда не будет.

— Тогда, значит, мы состаримся вместе, — засмеялась Муратова.

* * *

Научный городок кратера Тихо был выстроен у северного склона хребта, под защитой нависших скал. Здания, стоявшие открыто, как например астрономическая обсерватория, были окружены магнитными и антигравитационными полями. Все же наиболее крупные и быстрые метеориты пробивали иногда защитный слой, и был случай, когда довольно сильно повредили главный телескоп.

Пребывание на Луне не было вполне безопасным, но люди мирились с этим, учитывая огромную пользу, приносимую астрономии и службе космического излучения отсутствием атмосферы — этого бича земных наблюдателей.

Много очень ценных для науки открытий было сделано на Луне, и это вознаграждало людей за риск, которому они ежечасно подвергали свою жизнь.

На Земле полным ходом шли изыскания способов более надежной защиты, и близко было уже время, когда «селениты» будут находиться на Луне в такой же безопасности, как у себя дома.

Находясь в городке, было трудно поверить, что находишься внутри кратера. Противоположная сторона торного кольца

скрывалась за горизонтом, перед глазами была равнина, изрезанная трещинами и, как сыпью, покрытая маленькими кратерами. Позади высоко уходили в черное, усеянное звездами небо крутые обрывистые склоны, почти белые в лучах Солнца и совершенно черные в тени. Казалось, что их вершины должны скрываться в облаках, которых здесь, конечно, не могло быть. Горы закрывали диск Земли, и, чтобы увидеть родную планету, жителям городка нужно было отъехать далеко к югу.

Наполовину высеченные в скалах жилые здания были снабжены чуть ли не всеми удобствами земных домов, вплоть до радиофонов, телевизионных экранов и плавательных бассейнов.

Именно бассейны доставляли жителям Луны наибольшее удовольствие. Только плавая, люди могли не чувствовать шестикратного уменьшения веса и вспомнить обычное, нормальное ощущение своего тела.

Сотрудники обсерватории и научной станции могли видеть земные передачи, слушать радио и говорить с любым человеком на Земле с замедлением всего в одну-две секунды, что было, конечно, совершенно незаметно и не доставляло никаких неудобств.

Телевизионные и радиоантенны были установлены на вершине горы, хорошо «видели» Землю и соединялись с городком пятикилометровьгм кабелем. Ни разу еще как сами антенны, так и кабель не были повреждены случайным метеоритом.

Все, что происходило на Земле, тотчас же становилось известным на Луне. Люди не чувствовали себя оторванными от родной планеты, и многие жили здесь по несколько лет.

Вересов посадил свой корабль вплотную к зданиям, не опасаясь повредить их. Отсутствие атмосферы в этом случае играло положительную роль. Даже грохот тормозных двигателей не был слышен.

Одетые в лунные скафандры, двадцать человек — участников Седьмой экспедиции — перешли небольшое расстояние и укрылись в безопасном доме, где их с радостью встретили «селениты», ожидавшие их прилета и всегда радовавшиеся гостям.

— Наконец-то вы явились к нам сами, — сказал Стоуну руководитель научной станции кратера — профессор Токарев. — Пора уже кончать с этой загадкой.

— Именно для того, чтобы это сделать, мы и прилетели так скоро, — ответил Стоун.

Гианэю встретили так же, как и всех остальных, радушно и без видимого любопытства, хотя никто из теперешнего персонала станции еще не видел ее, разве что на экранах или на фо-

тографиях.

Здесь уже знали все, даже то, что стало известно на Земле сегодня утром. Перелет с Земли на Луну занижал немногим больше пяти часов.

— Завтра с утра, земного, конечно, примемся за работу, — сказал Стоун. — Времени терять нельзя.

— Мы и сами живем по земному времени, — улыбнулся его шутке Токарев.

— У вас все готово?

— Вы имеете в виду вездеходы? Они всегда готовы. С теми, которые были оставлены здесь Шестой экспедицией, в вашем распоряжении восемь машин и четыре лунные ракеты.

— Столько нам и не нужно. А ракеты вряд ли понадобятся вообще.

Токарев кивнул головой.

— Да, — сказал он, — знаю. Вы надеетесь на… — незаметным движением руки он указал на Гианэю.

— Вот именно, — сказал Муратов.

Гианэя стояла у окна. Казалось, ее заинтересовал лунный пейзаж, озаренный лучами высоко стоявшего Солнца. На меридиане станции был полдень.

Она обернулась как раз в тот момент, когда говорили о ней, взглядом нашла Муратова и знаком подозвала его.

Он тотчас же подошел к ней.

— Земля бывает видна отсюда? — спросила Гианэя.

— Нет, никогда.

— Это место далеко от Южного полюса?

— Не очень далеко. Это место находится с краю видимого с Земли лунного диска. Это кратер Тихо.

— Я не знаю названий, — нетерпеливо сказала Гианэя. — Меня интересует другое. Здесь, в этом месте, сошлись траектории, которые вы вычисляли?

— Да, здесь, — удивленно ответил Муратов. Он никак не ожидал таких вопросов от Гианэи. Она обнаруживала великолепное знакомство с испанским языком.

— Это место всегда видно с Земли?

— Всегда. Луна обращена к Земле всегда одной стороной.

Его охватило волнение, он начал подозревать, к чему клонятся ее вопросы.

Неужели?!..

Знавшие испанский язык участники экспедиции и двое из персонала станции подошли к ним. Затаив дыхание все ждали, что скажет Гианэя.

Она, казалось, никого не замечала, обращаясь только к одному Муратову.

— Тогда… — Гианэя на минуту задумалась, словно вспоминая что-то. — Был один разговор, который я слышала. Рийагейа — («Опять это имя», — подумал Муратов) — сказал, что спутники, — она произнесла это слово ироническим тоном, — находятся в месте, с которого никогда не видно Земли. Он прибавил, что оно расположено у подножия горного хребта, недалеко от Южного полюса. То, что я вижу, — она плавно повела рукой, — похоже на описанное им. Но здесь ли то, что вы хотите найти?

— Он сказал, что база расположена внутри горного кольца? — спросил Муратов.

— Я не поняла слова, которое вы сказали.

— База?

— Да.

— Ну, место, где находятся сейчас спутники.

— Что-то похожее было. Даже наверное было. Откуда иначе я могла знать, что на Луне кольцевые горы. А я это знала.

— Вы хорошо помните, что Рийагейа сказал именно так: «В месте, откуда не видно Земли»?

— Да, я помню это точно.

— Спасибо, Гианэя! Вы снова оказываете нам всем огромную услугу.

Она повела плечом.

— Я делаю то, что уже сделала. Ничего нового. И отвернулась, всем своим видом показывая, что не намерена продолжать разговор.

Но и так она сказала очень многое и чрезвычайно важное для дальнейших действий.

8

Стоун созвал всех на экстренное совещание.

Если Гианэя угадала, а было очень похоже, что это именно так, то база иного мира, которую искали на сотни километров вокруг центра кратера, могла находиться совсем близко от станции, в месте, открытом взору людей и где никому не приходило в голову искать ее.

По словам Гианэи, к базе нельзя было приближаться. Если она рядом с городком, то уже сотни раз люди могли приблизиться к ней. Что случилось бы в этом случае, было неизвестно,

но, вероятно, ничего хорошего.

— Счастливая случайность, — сказал Токарев.

Муратов сидел, погруженный в свои мысли и почти не слушал развернувшихся прений. Смутное подозрение, возбужденное в нем стремительным ростом откровенности Гианэи, постепенно превращалось почти в уверенность.

Он воспользовался наступившей паузой и сказал:

— Многое говорит за то, что соплеменники Гианэи были на Земле и на Луне очень давно. Видимо, тогда и была сооружена база для спутников и запущены они сами. Больше не может быть никаких сомнений в том, что это было сделано не с добрыми намерениями. Но создатели плана явно просчитались. Темпы развития человечества Земли, ее науки и техники опередили их предположения. Они думали, что Луна будет еще недоступна для нас, когда они вторично явятся к нам. Нет также никаких сомнений, что космический корабль, погибший возле Гермеса, направлялся именно на Луну. Это и был вторичный визит в Солнечную систему. Зачем они прилетали? Что хотели сделать, если бы не погибли? Это очень важно узнать, и Гианэя это знает. Да, конечно, то, что люди не наткнулись на невидимую базу, случайность, но не в этом самое главное. Меня смущает требование Гианэи, она советует, но по существу это требование, уничтожить базу. Действительно ли так опасно приближаться к ней? А может быть, она, я говорю о Гианэе, просто хочет помешать нам ознакомиться с оборудованием базы, узнать цель ее хозяев? Может быть, неожиданная и такая скоропалительная откровенность Гианэи — тактический маневр? Она поняла, что люди Земли рано или поздно найдут то, что хотят найти. И решила вмешаться, спутать нам карты. Этим хорошо объясняется ее интерес к Шестой экспедиции, все ее поведение в последнее время. Мы расцениваем его положительно по отношению к нам, но может оказаться другое. И ее желание участвовать в экспедиции может быть вызвано желанием лично убедиться в том, что база перестала существовать и ее тайны останутся не известными нам.

— Вы обвиняете Гианэю в вероломстве? — спросил Стоун.

Муратов взволнованно вскочил с кресла.

— Я ни в чем ее не обвиняю. Со своей точки зрения она, может быть, абсолютно права. Все во мне протестует против

моих же слов. Я высказываю одну из возможных версий. И только.

— Об этом стоит подумать, — сказал Токарев. — Очень заманчиво познакомиться с оборудованием базы и самими разведчиками. Но пренебрегать словами Гианэи было бы неосторожно.

— Вполне ясно, — сказал Стоун. — Давайте подумаем, нельзя ли, с помощью роботов, проверить степень опасности, которую представляет собой база.

Совещание приняло узкоспециальный характер, и Муратов вышел из комнаты.

В общем зале он увидел Гианэю. Она стояла у того же окна, в той же позе.

Он медленно подошел к ней, мучимый угрызениями совести, раскаиваясь уже в том подозрении, которое возбудил против нее. Но он должен был сказать, если ему в голову пришла такая мысль; ничем нельзя пренебрегать в таком деле…

Гианэя не обернулась. Казалось, она не видела, кто именно подошел к ней. Но, когда он остановился позади нее, она сказала:

— Посмотрите, Виктор. Я давно наблюдаю и ничего не могу понять. Тени не движутся. Можно подумать, что Луна не вращается.

— Нет, Гианэя, она вращается, — ответил Муратов, думая о том, как узнала его Гианэя, по шагам, что ли? — Луна вращается, как и все небесные тела, но только очень медленно. Один оборот за двадцать восемь земных суток. Поэтому движение теней очень трудно заметить.

— А зачем это нужно?

— Что нужно? Наблюдать за движением теней?

— Я говорю о другом. Зачем вам нужно, чтобы Луна вращалась так медленно? Или это более удобно для проводимой здесь научной работы?

— Скорость вращения Луны от нас не зависит. Гианэя бросила на него короткий взгляд. Но он не увидел в нем ожидаемой насмешки. Она, видимо, просто очень удивилась.

— Посмотрите! — Гианэя снова протянула руку к окну. — Как сильно нагреты освещенные скалы и какие они холодные в

тени. Разве это удобно для вас?

«Так! — подумал Муратов. — Она видит тепловое излучение. Температура тела ей так же ясна, как нам ясен его цвет. Она ее видит!»

В последние дни ему постоянно приходилось волноваться при разговорах с Гианэей. Так и сейчас. Он почувствовал сильное волнение. Видеть температуру! Что может быть более странным и фантастичным! Значит, глядя, например, на него, Гианэя видит не только черты его лица или цвет кожи, но и на сколько градусов нагрето его тело. Каким же он представляется ее глазам?

— Разве это удобно? — повторила Гианэя. «Но ведь и мы видим Гианэю не такой, какой видят ее соотечественники, да и она сама — в зеркале. Температура для них — внешний зрительный признак предметов, как форма или как цвет. С их точки зрения, это нормально и естественно. Наше восприятие мира, в суженном спектре, должно казаться Гианэе непонятным и странным, точно так же, как мне непонятно и странно ее восприятие окружающего», — думал Муратов. Гианэя слегка коснулась его руки.

— О чем вы так задумались? — спросила она и улыбнулась.

«Сказать? Нет, лучше не надо».

— Я думал о ваших словах, — ответил он. — Да, конечно, неравномерность нагрева лунной почвы не очень удобна, но что можно тут сделать?

— Ускорить вращение Луны.

— Вы думаете, это просто?

— А разве не так? — вопросом на вопрос ответила Гианэя.

— К сожалению, не так. Ускорить или замедлить движение небесного тела, изменить его вращение вокруг оси — все это мы можем проделать с небольшим небесным телом, но не таким, как Луна. Это задача будущей техники. А разве у вас, — спросил он, почти не надеясь, что Гианэя ответит, — это возможно?

— Кажется, да. — Гианэя сказала это неуверенным тоном. — Я читала, что на нашей родине «луна» тоже вращалась медленно, но, когда понадобилось, ее вращение ускорили.

— У вас одна «луна» или несколько? Ответ был очень

неожидан, очень странен и принес еще одну загадку.

— Не знаю, — сказала Гианэя. — Вернее, не помню, что было сказано об этом в книге, которую я читала.

У Муратова, как он говорил впоследствии, было такое впечатление, точно его неожиданно хватили обухом по голове. От изумления он на несколько секунд потерял способность сказать что-нибудь.

Вот так новость! Выходит, что Гианэя знает свою родину только по книгам. Она даже не помнит, сколько «лун» на небе ее планеты!

«Что же она, родилась на звездолете? — думал он. — Тогда, значит, ее родина чрезвычайно далеко, так далеко, что человек может родиться и вырасти за время пути? Но это никак не вяжется с нашим предположением, что они посетили нас вторично спустя даже четыреста или пятьсот лет после первого прилета. Такие рейсы не могут предприниматься столь часто».

— Видимо, здесь Рийагейа ошибся, — сказала Гианэя так тихо, что Муратов понял — она говорит не ему, а самой себе. — Он был убежден, что люди Земли уже достигли большего, — прибавила она громко.

— Кто — он? — Муратов обрел, наконец, дар речи. Он решил притвориться, что не слышал начала ее фразы, адресованной не ему.

— Рийагейа.

— Вы разочарованы?

— Нет, нисколько. Это же его мнение, а не мое. Я ожидала меньше, чем увидела.

— Тогда, значит, Рийагейа был о нас лучшего мнения, чем вы, Гианэя.

— Да, был.

— Вы имеете основание думать, что Рийагейа переменил свое мнение?.

— Нельзя переменить мнение, не видя объекта, — ответила Гианэя. — «Был» — потому что самого Рийагейи больше нет.

— Он умер?

Гианэя вздрогнула.

— Я забыла, — сказала она, — вы этого не знаете. Да и лучше вам не знать.

Догадка мелькнула в мозгу Муратова.

— Рийагейа был на погибшем корабле?

Гианэя молчала.

Муратов увидел, как две слезы медленно скатились по ее щекам. Его тронуло выражение ее лица. Большое и искреннее горе отразилось на нем.

И он понял, что угадал. Рийагейа погиб вместе с кораблем, с которого Гианэю высадили на астероид. И он был человеком, которого Гианэя не только уважала, как говорила Марина, но и любила.

«Он поступил иначе», — вспомнил Муратов слова Гианэи, переданные ему Мариной.

И смутная догадка, что есть какая-то связь между отношением Рийагейи к людям Земли и гибелью корабля, заставила его вздрогнуть.

Жутко было подумать, что огромный космический корабль мог не случайно погибнуть, а был намеренно уничтожен, после того как Гианэю высадили, именно высадили с него.

Но другая женщина, та, что была матерью Гианэи, почему она осталась на обреченном звездолете?

Он осторожно взял руку Гианэи. Она не противилась.

— Скажите мне, — его голос срывался от волнения, — вы родились на этом корабле?

Гнанэя изумленно подняла на него глаза.

— Откуда у вас могло возникнуть такое странное предположение? Если бы я родилась в полете, то моя мать была бы сейчас здесь, со мной.

Все! Этими словами Гианэя подтвердила догадку. Звездолет был намеренно уничтожен! И, очевидно, именно Рийагейей, Тайна появления Гианэи на Гермесе начала проясняться.

— Вы были единственной женщиной на корабле? — спросил он, желая убедиться окончательно.

— Какое это имеет для вас значение? — ответила Гианэя, отнимая свою руку, которую он все еще держал в своей. — Да, единственной.

Внезапно Муратов вспомнил другие слова Гианэи. Она как-то сказала, что отправилась в полет к Земле почти против воли. Значит, она и не могла родиться на корабле, как он подумал сначала. Это было явно ошибочное предположение. Но

и маленьких детей не берут в космос. Почему же она не помнит своей родины?

Снова загадка, еще более непонятная и запутанная!

Там, у Гермеса, в черной бездне космоса, произошла трагедия. И она связана с судьбой людей Земли!

Но ясно одно: Рийагейа уничтожил корабль, уничтожил, чтобы помешать осуществлению плана, направленного против Земли. И он заставил Гианэю покинуть звездолет, он хотел спасти ее как женщину, быть может, любимую. «А у вас, на Земле, я оказалась совсем уже против своей воли», — сказала она тогда же.

Да, все это случилось именно так!

И, не обдумывая своих слов, подчиняясь только чувству, Муратов сказал:

— Смерть Рийагейи прекрасна!

Несколько секунд Гианэя смотрела на него широко открытыми глазами, в них было смятение. Потом она резко повернулась и выбежала из зала.

* * *

Стоун и Токарев очень серьезно отнеслись к рассказу Муратова.

— Ситуация проясняется, — сказал Стоун. — Становится все более ясным, что спутников и базу надо уничтожить как можно скорее. Ваше предположение,

— обратился он к Муратову, — что Гианэя в чем-то хитрит, видимо, неверно. Она искренна. Против нас было задумано что-то скверное, и Гианэя действительно хочет спасти нас.

— Из чего вы это заключаете? — спросил Токарев.

— Из того, что нам рассказал Муратов. Мне кажется, что его догадка о намеренной катастрофе верна. Конечно, трудно сказать, что именно произошло на звездолете, но с очень большой долей вероятности мы можем считать, что он погиб не случайно.

— Вы полагаете, что между соплеменниками Гианэи возникли разногласия?

— Они должны были возникнуть. Вся история представляется мне теперь так. Очень давно, несколько веков тому назад, по нашему счету лет, был составлен план, направленный

против Земли и ее обитателей. Что именно было задумано, не столь важно. Ясно, что они просчитались, никакая угроза нам не страшна, мы справимся с любой опасностью. Не в этом дело. Расстояние между Землей и их планетой велико. От одного полета к нам до другого проходит много времени. А общество разумных существ, где бы оно ни существовало, не может стоять на месте. Оно развивается, прогрессирует, это закон жизни. То, что было задумано, видимо не слишком уж человечно, стало казаться многим, наиболее передовым людям их мира, немыслимой жестокостью. Из слов Гианэи видно, что некий Рийагейа, передовой человек, хорошо понимал, что человечество Земли далеко ушло вперед, уже не такое, каким оно было во времена их первого прилета. Вспомним слова Гианэи: «Люди Земли не заслуживают той участи, которую им готовили». Видимо, сама Гианэя раньше думала иначе, но на нее оказало большое влияние мнение Рийагейи, судя по всему, друга человечества Земли. И вот представим себе такую картину. К Земле вылетает корабль с задачей осуществить давно задуманное, претворить его в жизнь. Среди членов экипажа находится Рийагейа. Он всей душой против намерений своих спутников. Он считает, что надо во что бы то ни стало помешать им. Ведь он знал, что к следующему их прилету мы станем еще могущественнее. И если он был человек идейный, то ему ничего не оставалось, кроме того, что он и сделал. И вот Гианэя, единственная женщина на корабле, высажена на случайно подвернувшийся астероид, на котором, видимо, есть люди, а самый корабль уничтожен. Как раз то, что случилось с Гианэей, лучше всего рисует образ Рийагейи. Любой из нас на его месте поступил бы точно так же.

— Что ж, — после некоторого молчания сказал Токарев, — такая версия вполне возможна. И она хорошо согласуется с обстоятельствами появления Гианэи и последующим ее поведением. Но можно придумать и другие версии.

— Несомненно! Только сама Гианэя может открыть нам истину. Ясно одно: спутники и база опасны. И как бы мы ни были уверены в том, что сумеем ликвидировать любую опасность, их надо уничтожить. И не будем медлить.

— Значит, вы считаете, что не надо предварительно проверить, существует ли эта опасность?

— Нет, почему же, проверим. Все может быть.

9

Очень скоро Муратов понял, что «впал в немилость». Гианэя больше не обращалась к нему, она его не только избегала, но и просто игнорировала его присутствие. Если ей надо было что-нибудь, она спрашивала инженера экспедиции Рауля Гарсиа, а когда Муратов сам задал ей какой-то вопрос, она повернулась к нему спиной.

Он тщетно ломал голову над причиной столь крутой и внезапной перемены. Кажется, он ничего не сказал, что могло бы обидеть или оскорбить Гианэю.

Может быть, она рассердилась на его догадливость? Но ведь она сама сказала многое, и его догадка, если она верна, вызвана ее же словами.

Ни с кем Гианэя не разговаривала, держалась в стороне и вышла из предоставленной ей комнаты только к обеду, а затем к ужину. На дружный персонал станции она произвела неблагоприятное впечатление.

— Вы долго думаете пробыть здесь? — спросила она за ужином при всех, обращаясь к Гарсиа.

— Пока не найдем базу, — ответил инженер.

— Тогда надо найти ее скорее, — бесцеремонно заявила Гианэя. — Я хочу вернуться на Землю.

— Отчасти это зависит от вас.

Она только пренебрежительно улыбнулась и ничего не сказала.

На следующее утро, хорошо зная, что Стоун торопится, Гианэя задержала отъезд, больше часа плавая в бассейне. У нее не было купального костюма, и хотя она сама не придавала этому никакого значения, никто не решился войти туда и поторопить ее. На станции не было ни одной женщины.

Только в восемь часов (часы станции показывали время на меридиане Парижа) четыре машины, хорошо защищенные от метеоритной опасности, вышли из высеченного в скале гаража. Началась первая поисковая экспедиция.

Огромные металлические вездеходы быстро нагрелись солнечными лучами, и была включена охлаждающая установка. На сегодня было решено обследовать подножие горного хребта кратера Тихо с западной стороны от станции.

Гианэя находилась в машине Стоуна. Там же были Токарев, Гарсиа, Вересов и Муратов.

Виктор просил поместить его с Синицыным во втором вездеходе, но Стоун отказал ему.

— Не обращайте внимания на капризы Гианэи, — сказал он. — Вы мне нужны.

Но Муратов понимал, что начальник экспедиции просто, в деликатной форме, не считает нужным помещать его в других, рабочих, машинах потому, что там мало места и присутствие постороннего человека будет лишним.

Машина самого Стоуна была как бы штабной. Остальные три несли на себе все оборудование, и, если база будет найдена, именно они и предназначались для самого дела. Муратов считался гостем.

В случае необходимости можно было вызвать по радио еще четыре машины, которые остались на станции в полной готовности.

Найти базу именно сегодня, в первый же день, никто не надеялся. Слишком свежи были в памяти годы бесплодных поисков.

Гианэя по-прежнему не замечала Муратова, изредка обращаясь к Гарсиа. Она была задумчива и казалась рассеянной.

Круговые обзорные экраны (на вездеходах не было окон) создавали иллюзию сквозных отверстий, подробности окружающей местности выглядели вполне реально.

Перед креслом Стоуна помещался большой инфракрасный экран. Обычные, видимые, цвета не отражались на нем, и лунный пейзаж казался причудливым сочетанием черно-белых пятен, в которых только опытный глаз мог разобраться.

Стоун не слишком рассчитывал на этот экран. Он больше надеялся на живое инфракрасное зрение Гианэи. Перед самым отъездом он, через Гарсиа, спросил ее, уверена ли она в том, что сможет увидеть базу?

— Насколько я знаю, — был ответ, — она расположена открыто. Почему же я Могу не увидеть ее? Лишь бы вы оказались достаточно близко.

Она говорила равнодушным тоном, но Стоун верил ее словам. Кроме того, он помнил, что Гианэя хорошо видит на таком расстоянии, на каком человек Земли ничего не увидит без бинокля.

Она сидела рядом с ним, со скучающим видом рассматривая

скалы. Оба смотрели вперед. Немного дальше было место Гарсиа, он следил за северной стороной. Восточная была поручена Вересову, а южная — Токареву и Муратову.

Кроме Гианэи, никто не мог непосредственно увидеть базу, но ее и не стремились непременно увидеть. Искали удобное для базы место, такое, где сами люди поместили бы такую базу, будучи на месте соотечественников Гианэи.

Считалось наиболее вероятным, что если база находится здесь, то расположена у подножия скал, то есть с северной стороны.

Машины шли медленно, со скоростью пятнадцать — двадцать километров в час.

Внутри вездехода было просторно, прохладно и даже уютно. В шесть раз меньшая, чем на Земле, сила тяжести создавала впечатление легкости движений, какой-то необычайной силы, наполнявшей, казалось, все мускулы тела.

Муратову нравилось это ощущение. Не очень мягкое на ощупь кресло, в котором он сидел, было сделано словно из пуха. Никакая перина на Земле не могла быть столь мягкой, ведь его тело весило здесь в шесть раз меньше, чем на Земле.

Он внимательно рассматривал залитую солнечным светом и тем не менее очень мрачную на вид, словно перепаханную гигантским плугом, равнину. Он понимал, что ему и Токареву поручили смотреть в эту сторону именно потому, что здесь было меньше всего шансов найти искомое. Они оба были самыми неопытными наблюдателями. И поэтому он мало верил, что увидит подходящее место.

Было жаль, что на черном, густо усыпанном звездами небе не видно Земли. Стоун держался слишком близко к горам. А Муратову очень хотелось полюбоваться видом родной планеты. Он видел ее с борта звездолета, но это продолжалось короткое время, и он не насытился непривычным зрелищем.

Часа через полтора напряженное внимание несколько ослабло, и Муратов стал думать о другом. Он снова вернулся к мыслям о Гианэе и о причинах ее гнева.

Для него явно не было никаких причин.

«Но, может быть, — подумал он, — я ошибаюсь, и Гианэя вовсе не рассердилась на меня, а просто боится дальнейших вопросов с моей стороны. И избегает меня только потому, что не хочет отвечать мне».

Эта мысль была ему приятна. Неожиданная враждебность

Гианэи огорчала Муратова.

Как и чем исправить положение?..

Прошел еще час. Вездеходы находились уже более чем в пятидесяти километрах от станции. Постепенно всех участников экспедиции начала одолевать скука.

Стоун почувствовал это.

Вездеход остановился. За ним остановились и другие машины.

— Предлагаю позавтракать, — весело сказал Стоун. — Отдохнем и отправимся дальше.

— На какое расстояние вы думаете удалиться сегодня? — спросил Токарев.

— Не более, как на семьдесят километров. Если верить тому, что сказала Гианэя, то дальше искать бесполезно. Будет хорошо видна Земля. А Гианэя говорила, что база расположена в таком месте, откуда Земли не видно. Может быть, успеем сегодня же осмотреть и восточную сторону.

— Это будет утомительно.

— Не страшно. Медлить нельзя. Я вижу, что вы, жители Луны, обленились здесь, — пошутил Стоун. — Мы заставим вас потрудиться по-земному.

— Как будто на Земле работают целыми днями, — отпарировал Токарев.

— Если нужно, да, — серьезно ответил Стоун.

От завтрака все отказались, и, постояв минув десять, машины снова пошли вперед.

— Товарищи, не поддавайтесь рассеянности, — сказал Стоун, адресуя свои слова не только экипажу своей машины, но и всем остальным. — Смотрите внимательнее. Сюда мы не вернемся второй раз.

— Смотрим!.. Смотрим!.. — прозвучали ответы. — Смотрим, но ничего не видим, — узнал Муратов голос Синицына.

— Увидим, можете быть уверены, — ответил Стоун. — Если не сегодня, так завтра.

Труднее всего было бороться с усыпляющим однообразием лунного пейзажа. Казалось, вездеходы все еще находятся возле станции. Никакого изменения местности нельзя было заметить, особенно в той стороне, куда смотрели Муратов и Токарев. Все было точно таким же, как и раньше.

— Удивительно скучная планета, — сказал Токарев.

— Вы давно здесь? — спросил Муратов.

— Почти год.

— И ни разу не возвращались на Землю?

— Некогда, — ответил Токарев. — Сегодня я второй раз покинул станцию. У нас очень интересная и нужная работа, — прибавил он, как бы в пояснение.

«Всюду одно и то же, — подумал Муратов. — Все увлекаются своим делом и забывают о себе. Нет, интересно все-таки жить на свете!»

И вдруг он услышал, как Гианэя спросила Гарсиа:

— Скажите, как у вас, на Земле, относятся к смерти?

— Я думаю, так же, как и в любом другом населенном мире, — ответил инженер, видимо удивленный столь неожиданным вопросом.

— Это не ответ. — Муратову послышалось, что голос Гианэи звучит раздраженно. — Вы не могли бы ответить точнее?

Гарсиа долго молчал, обдумывая, что сказать. Муратов решил, что настал удобный момент снова заговорить с Гианэей.

— Смерть, — сказал он не оборачиваясь, — это грустный факт. Но, к сожалению, неизбежный и обязательный. Люди смертны, и тут ничего нельзя сделать. Когда умирает близкий человек, — это большое горе для тех, кто его знал. Умирает нужный человечеству, — это горе для всех. А когда умираешь сам, — жалеешь, что мало успел сделать. Мы относимся к смерти, как к неизбежному злу, и надеемся в будущем победить ее.

Он не знал, хочет ли Гианэя слушать его. Но она слушала и не перебивала, этого было пока достаточно.

Но оказалось, что его заключение было поспешно.

— Я жду ответа, — сказала Гианэя.

— Разве вы не слышали, что сказал Виктор? — спросил Гарсиа.

— Я спрашиваю у вас.

— Я полностью присоединяюсь к сказанному им.

Муратов едва удержался, чтобы не рассмеяться. Эта выходка была совсем ребячьей. Как все-таки наивна Гианэя! Видимо, она действительно молода, очень молода!

Он с интересом ждал, что она еще спросит. Если она промолчит, — значит, ее вопрос был совершенно случаен, а Муратов не допускал этого.

И через несколько минут молчания Гианэя действительно снова обратилась к Гарсиа.

— Оправдывается ли у вас на Земле самоубийство или убийство? — спросила она.

— Это совершенно разные вещи, — ответил Рауль, — и их нельзя соединять в одном вопросе. Убийство оправдать невозможно. Это самое тяжкое и самое отвратительное преступление, какое только можно вообразить. А что касается самоубийства, то все зависит от его причины. Но, как правило, мы считаем самоубийство актом слабости воли или проявлением трусости.

— Значит, и у вас нельзя называть этот акт «прекрасным»?

«Так вот оно что! — подумал Муратов. — Ее оскорбило, что я назвал смерть Рийагейи «прекрасной». Но ведь должна она была понять, какой смысл я вложил в это слово».

— Конечно, — ответил Гарсиа. — Самоубийство отнюдь не прекрасно.

— Я недавно слышала другое, — сказала Гианэя.

— От кого?

Муратов сидел спиной к Тианэе и не видел, указала она на него или нет. Но словесного ответа не последовало.

Здесь проявилась разница во взглядах и понятиях людей Земли и соотечественников Гианэи. Очевидно, на ее родине добровольная смерть от любой причины выглядела или считалась настолько некрасивой, что, услышав слова Муратова, Гианэя посчитала его «нравственным уродом» и не захотела общаться со столь «низким интеллектом».

Он едва не рассмеялся. Но весь этот разговор доставил ему большое удовольствие. Он показывал, что Гианэя все время думает об их ссоре, что размолвка ей так же неприятна, как и самому Муратову.

Но было и другое, гораздо более важное. Вопросы Гианэи окончательно подтверждали, что Рийагейа уничтожил корабль. Он покончил самоубийством и убил своих спутников. Не случайно, как полагал Гарсиа, Гианэя объединила оба вопроса в один.

«Надо оправдаться перед ней, — подумал Муратов. — Надо пояснить ей мои слова, если она сама их не может понять».

И он сказал:

— Самоубийство никогда не может быть прекрасным. Никогда! За исключением одного-единственного случая, когда оно совершается для блага других. Но в этом случае надо говорить не о самоубийстве, а о самопожертвовании. Это разные

вещи. Пожертвовать собой, чтобы спасти других, — это прекрасно!

Он повернулся, чтобы узнать, как отнеслась Гианэя к его словам, какое они произвели на нее впечатление.

Она смотрела прямо перед собой, на обзорный экран. У нее был такой вид, будто она ничего не слышала. Но Муратов был уверен — Гианэя не только слышала, но и задумалась над его словами.

И он не ошибся. Через некоторое время она сказала:

— Хорошо, я согласна. Но какое право он имел жертвовать другими?

У Муратова мелькнула мысль, что слезы, которые он тогда видел на лице Гианэи, могли относиться не к смерти Рийагейи, а к смерти другого человека, убитого Рийагейей. Тогда становилось понятным тяжелое впечатление, произведенное на нее словом «прекрасна».

— О чем вы говорите? — спросил Токарев.

В вездеходе Стоуна только Муратов и, конечно, Гарсиа владели испанским языком. Остальные ни слова непоняли.

— Подождите! — сказал Муратов. — Я потом расскажу. Мне нужно ответить ей. — Он продолжал по-испански: — Все зависит от обстоятельств, Гианэя. Бывают случаи, когда человек, убежденный в правоте своего дела, вынужден жертвовать не только собой, но и другими, считая, что иного выхода нет. Цель, которую он перед собой ставит, оправдывает в его глазах его действия. Мы не знаем причин, побудивших Рийагейю поступить так, как он поступил. Но вы знаете эти причины. И даже если вы сами не разделяете его взглядов, вы можете объективно ответить самой себе на вопрос, прав ли он. Я назвал смерть Рийагейи прекрасной потому, что понял вас так, что он сделал это, пожертвовал собой, для нас, для людей Земли. С нашей точки зрения, это прекрасный поступок.

Гианэя повернула к нему голову. И вдруг улыбнулась немного смущенно.

— Простите меня, Виктор. Я тогда вас не поняла и напрасно осудила.

— Я нисколько не обиделся, — ответил Муратов. — Потому что понял вас. Мы, я подразумеваю ваше и наше человечество, имеем разум. А разумные существа всегда могут понять друг друга при наличии доброй воли к этому. Хотя иногда это бывает и нелегко.

— Да, иногда это труднее, чем кажется, — вздохнула Гианэя, снова поворачиваясь к экрану.

«Ну вот и все, — подумал Муратов. — Марина права, у Гианэи хороший характер».

10

Еще час вездеходы шли по прежнему направлению. Вид горного хребта изменился. Крутые, обрывистые склоны постепенно сменились пологими. Чаще попадались отдельно стоящие скалы и беспорядочные груды огромных камней, когда-то скатившихся с гор. Продвигаться вперед становилось труднее. Машины сильно накренялись, часто приходилось объезжать препятствия.

По-прежнему не попадалось ни одного места, удобного для расположения невидимой базы. Очередная неудача становилась ясной для всех.

И, хотя никто и не рассчитывал на столь быстрый успех, невольно появилось чувство разочарования. Присутствие Гианэи заставляло людей на что-то надеяться.

Часы показывали ровно двенадцать, когда Стоун остановил свою машину.

— Дальше искать бесполезно, — сказал он.

— А местность как раз становится все более подходящей, — отозвался Синицын из второй машины.

— Да, но мы должны верить словам Гианэи. Муратов, — прибавил Стоун, — вы хотели видеть Землю. Посмотрите назад!

В той стороне, где находилась станция, низко над вершинами почти наполовину опустившегося за горизонт горного хребта висел в небе ярко сверкающий полумесяц. В сравнении с привычным полумесяцем Луны на небе Земли он выглядел огромным. Багровое кольцо атмосферы, освещенной Солнцем, позволяло отчетливо различать темную, ночную, половину земного шара. Диск Солнца висел недалеко, немного выше.

«Луна», звезды и Солнце одновременно!

— Такой удивительной картины не увидишь на Земле, — сказал Муратов.

— Неужели? — услышал он голос Сергея. — Почему бы это?

— Потому что на Луне нет атмосферы. Разве ты этого не знаешь?

— Теперь знаю, — ответил Синицын под общий смех.

— Спросите у нее, — сказал Стоун, — надо ли нам искать дальше?

Гианэя удивилась, выслушав перевод вопроса.

— Почему вы спрашиваете об этом у меня? — ответила она. — Вы сами должны знать, что делать и как поступать.

— Мы спрашиваем вас потому, — объяснил Муратов, — что основываемся на ваших словах, вернее, на словах Рийагейи. Он, кажется, говорил, что база расположена в таком месте, откуда никогда не видно Земли.

— Почему «кажется»?

— Не обращайте внимания. Это просто неудачный оборот фразы. Он говорил так?

— Да. И все же я не понимаю, почему вы спрашиваете у меня, — упрямо повторила Гианэя.

Муратов почувствовал, что логика на ее стороне.

— Мы хотим, чтобы вы вспомнили точнее, — сказал он, — это для нас крайне важно.

— Я ничего не могу прибавить к тому, что уже сказала.

Стоуну передали содержание разговора.

— Если мы будем искать дальше, — сказал он, — то нет никаких оснований не искать и во всех других местах, как мы это делали раньше. Мне кажется, что следует принять слова Рииагейи как истину и основываться только на них. Каково мнение остальных?

Все согласились со Стоуном.

— Тогда, — резюмировал он, — поворачиваем обратно. Будем опять с прежней внимательностью осматривать все, что попадется на пути, чтобы у нас была полная уверенность: в этой стороне базы нет.

Обратный путь не принес ничего нового.

Когда вернулись на станцию, было уже три часа дня. И как ни хотелось Стоуну продолжать поиски, он вынужден был согласиться с Токаревым и отложить вторую экспедицию на завтра.

— Внимание ослаблено утомлением, — сказал профессор. — Толку не будет.

Но еще до решения Стоуна Муратов уже знал, что поиски на сегодня закончены. Гианэя сказала ему, что устала и никуда не поедет.

. — Это очень скучное занятие, — сказала она. — Я сожа-

лею, что прилетела сюда.

— Но завтра вы поедете?

— Конечно. И завтра и в следующие дни. Надо быть последовательным, — повторила она полюбившееся ей слово. — Я давно так не уставала, — прибавила она, помолчав, — хотя ничего не делала.

— Безделье утомляет иногда больше, чем работа, — сказал Муратов. — Идите в бассейн. Купанье вас освежит.

— Идемте вместе, — неожиданно предложила Гианэя.

Муратов смутился.

— Это не совсем удобно, — сказал он.

— Но почему? — Гианэя казалась искренне удивленной. — Я не могу понять этого. Давно уже. Марина говорила, что у вас не принято совместное купанье мужчин и женщин. Но я сама видела, как на море купаются вместе. И когда я надеваю купальный костюм, Марина разрешает мне плавать в бассейне при всех. В чем тут дело? Объясните мне, Виктор! Я очень хочу понять вас.

В который раз за последние дни Муратов почувствовал, что стоит на пороге одной из загадок, связанных с Гианэей. Эта была незначительна по сравнению с другими, но все же загадка. И поскольку Гианэя спрашивала сама, была надежда разрешить ее.

Он собрался с мыслями, чтобы разъяснить ей земную точку зрения.

— Это объясняется многими причинами, Гианэя, — сказал он. — Я думаю, что основная в том, что люди привыкли закрывать свое тело одеждой. Постоянное ношение одежды постепенно привело к тому, что мужчины и женщины стали стесняться друг друга. Конечно, я понимаю вашу точку зрения. И считаю ее даже более нравственной, чем наша. Но укоренившийся в сознании обычай — большая сила. Теперь, — прибавил он, — вам понятнее?

Он думал, что вполне удовлетворительно разрешил ее недоумение.

— Вы мне ничего не объяснили, — сказала Гианэя неожиданно для него. — Но, кажется, я сама догадалась, в чем тут дело. По-вашему, купальный костюм закрывает тело, и его не видно. Так?

И внезапно Муратов все понял сам. Ее вопрос открыл ему истину.

Вот оно что! Он забыл о тепловом излучении всех живых тел,

излучении, которое Гианэя и люди ее планеты воспринимают как свет, которое они видят.

Предрассудок — цепкая вещь. И наряду с удовлетворением, что загадка раскрылась, Муратов почувствовал сильное смущение. Костюм не скрывал его тела от глаз Гианэи.

И она думала до сих пор, что и люди Земли видят ее тело, одета она или нет.

Отсюда и вытекало непонятное отсутствие у Гианэи женской стыдливости. В их мире одежда служила только для защиты от холода и пыли.

Легерье ошибся. Поведение Гианэи в первый день встречи ее с земными людьми не имело ничего общего с его предположениями. Она просто не видела разницы, быть одетой или нет.

И покрой ее платьев, который все расценивали, как проявление кокетливости, был вызван обычаем, в котором не было никакого желания быть красивой или привлекательной.

И в то же время платье играло какую-то роль в ее понимании. Об этом свидетельствовал случай, когда Гианэя надела подаренное ей в Японии кимоно и явно интересовалась, идет оно ей или не идет.

«Трудно разобраться в мировоззрении существа другого мира, — подумал Муратов. — Между нами только внешнее сходство, но внутренне мы совсем разные».

Он был уверен, что теперь, после того, что она узнала, Гианэя уже не предложит ему идти с ней в бассейн.

Но он не учел, что сознание человека не может измениться мгновенно. Самая мысль, что тела можно стыдиться, никак не могла возникнуть у Гианэи. Он понял это, когда она сказала:

— И все же я не понимаю, почему вы не можете пойти со мной.

— Идемте! — сказал он.

Гианэя обрадовалась совсем по-детски.

— Я очень не люблю быть одна, — сказала она, опровергая этими словами еще одно ошибочное мнение. Все считали, что Гианэя как раз любит одиночество и терпит присутствие возле себя Марины Муратовой в силу необходимости. — Тем более когда плаваю. Одной скучно. Мы будем перегонять друг друга, хорошо?

Она уже забыла о только что состоявшемся разговоре, забыла потому, что не придавала ему никакого значения.

— Вряд ли мне удастся перегнать вас, — сказал Муратов. —

Я неважный пловец.

— Жаль, что нет мяча. — Гианэя произнесла слово «мяч» с очевидным трудом. — Мне нравится игра с этим предметом, особенно в воде. Мы играли с Мариной.

— Почему же, — ответил Муратов, — наверное, здесь найдется мяч. Я сейчас узнаю. Можно пригласить еще кого-нибудь и сыграть в водное поло.

Мяч для игры в поло, конечно, нашелся на станции. Нашлись и любители древней игры.

Но никто не согласился с мнением Муратова.

«Гианэя может делать что ей угодно, — ответили ему, — а мы будем поступать по-своему, как привыкли».

И семь человек вошли в воду бассейна в традиционном наряде пловцов — плавках и шапочках.

И Гианэя не только не обратила никакого внимания на «отсталость» своих партнеров, но даже просто не заметила ничего. И если бы Муратов подумал как следует, он понял бы, что она и не могла этого заметить.

Игра продолжалась долго и закончилась полным разгромом партии, в которой находился Муратов, игравший против Гианэи.

Ее ловкости и силе бросков никто не мог противостоять.

На Луне не было хороших спортсменов. И в ворота, охраняемые Виктором, влетело восемнадцать мячей, посланных рукой Гианэи. Ее партнеры, сразу увидевшие, какого мастера они имеют в своих рядах, всю игру строили в расчете на Гианэю, выводили ее вперед, и каждый прорыв заканчивался голом.

— С вами невозможно играть, — с досадой сказал Виктор, когда, возбужденные и усталые, они вышли из воды, — Эта игра существует на вашей родине?

— Нет, у нас не может ее быть, потому что –у нас нет мячей.

После ужина Муратов снова сидел в комнате Гиа-нэи и беседовал с ней. Она сама попросила его прийти; Казалось, после ссоры она испытывала к Виктору особую симпатию.

Он успел уже рассказать всем о своем очередном открытии, и новость никого не удивила.

— Так и должно быть, — сказал Токарев. — Тепловое инфракрасное излучение проходит сквозь ткани, и Гианэя конечно видит то, что скрыто от наших глаз. Но видит иначе, чем при отсутствии покровов. Было бы очень интересно, если бы Гианэя нарисовала в красках человека так, как она его видит.

— Да, но у нас нет красок для передачи инфракрасного

цвета, — сказал Стоун. — Вполне возможно, что он воспринимается Гианэей не таким, каким мы видим его на инфракрасном экране.

В беседе Муратов попытался выяснить этот вопрос.

— Право не знаю, как вам объяснить, — ответила Гианэя. — Этот цвет смешивается с другими, и его трудно выделить. Потому я и рисую только карандашом. У вас нет нужных красок. Именно это и натолкнуло меня на мысль, что вы видите не так, как мы. А объяснить, как выглядит цвет, которого вы никогда не видели, невозможно.

— Значит, — сказал Муратов, — вы сразу определяете температуру тела, с одного взгляда?

— У нас нет слова «температура», и степень нагретости мы никогда не измеряем. Зачем? Это и так видно.

«Вот почему она оттолкнула термометр Янсена, — подумал Муратов. — Она не поняла, что он хочет делать».

— Скажите, когда вы подлетели к Гермесу, вы увидели, что астероид обитаем?

— Да, небесные тела таких размеров холодны. Мы заметили, что от искусственного сооружения — мы тогда не знали, что это такое, — исходит свет двух видов. Искусственный — холодный и живой — теплый. Мы поняли, что там есть живые существа, — конечно, люди.

— С вашей стороны, — сказал Муратов, обрадованный подвернувшейся возможностью выяснить еще что-нибудь, — было все же рискованно высаживаться из корабля без запаса воздуха.

— Это была ошибка. Но мы очень нервничали.

— Зачем вы покинули корабль? — в упор спросил Муратов.

Гианэя долго молчала, словно обдумывая, что ответить.

— Не сердитесь, — сказала она наконец. — Но мне не хотелось бы отвечать вам на этот вопрос.

Муратов был глубоко разочарован, но ничем не показал этого.

— Тогда, конечно, не надо, — сказал он. — Я спросил случайно.

— Зачем вы говорите неправду? — мягко сказала Гианэя, дотрагиваясь до его руки. — Вы очень хотите это узнать и спросили не случайно. Но поверьте, Виктор, вы это узнаете. Но не сейчас. Я не могу.

Она произнесла «не могу» с таким очевидным отчаянием,

что Муратову стало жаль ее.

— Не думайте об этом, Гианэя, — сказал он. — Вас никто ни к чему не принуждает. Поступайте, как находите нужным. Конечно, вы правы, и нам очень интересно многое узнать у вас. Скажете, когда захотите. И простите меня за нескромное любопытство.

Снова он увидел слезы на ее глазах.

— Вы очень хорошие люди, — тихо сказала Гианэя. — И я начинаю любить вас.

«Начинает через полтора года», — невольно подумал Муратов.

* * *

На следующее утро те же четыре вездехода, с тем же экипажем, снова вышли из гаража и направились на этот раз в восточную сторону.

Уверенность в успехе сильно возросла. Муратову удалось накануне перевести беседу на Рийагейю. И Гианэя вспомнила подробности слышанного ею на борту звездолета разговора. Из этих подробностей вытекало, что база может находиться только внутри кратера Тихо, у подножия горного хребта, с северной стороны.

Муратов не пытался, а Гианэя не проявляла инициативы говорить о самом Рийагейе как о человеке, и речь шла только о его высказываниях о Луне.

А личность Рийагейи очень интересовала «землян». Этот человек, которого никто уже никогда не увидит, играл огромную роль в событиях, связанных с Гианэей и спутниками-разведчиками. Его воля изменила весь ход этих событий.

— Нарисуйте его портрет, — попросил Муратов. — Мы хотим видеть черты его лица.

— Лично вам, — с улыбкой ответила Гианэя, — для этого достаточно посмотреть в зеркало.

Так Муратов узнал о своем сходстве с Рийагейей, человеком другого мира, судя по всему, искренне и самоотверженно любившим людей Земли.

Муратов многое понял в эту минуту…

Поисковая экспедиция второго дня началась почти с уверенностью, что будет успех. И надежда не обманула.

Не успели отъехать и пятнадцати километров от станции, как Гианэя резко наклонилась вперед, протянула руку и сказала:

— Вот то, что вы ищете.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

1

Здание стояло на вершине холма.

Огромный город раскинулся у его подножия. Он был так велик, что даже из окон верхних этажей, с высоты двухсот метров, не было видно окраин.

Со всех сторон тянулись до горизонта и исчезали за ним бесконечные квадраты разноцветных крыш. Казалось, что холм с одиноким зданием находится в самом центре города, хотя в действительности это было не так.

Случайно, а может быть и по замыслу архитекторов, ближайшие к холму здания были не высоки, не доходя до его вершины. Высотные, превосходившие по размерам весь холм, выстроились гигантским кольцом в отдалении. А еще дальше, поднимаясь над линией горизонта, виднелись верхние части еще более высоких домов.

Здание, стоявшее на холме, было видно отовсюду, с любого места в городе.

Оно было совсем не похоже на другие.

Больше всего оно напоминало памятник, выстроенный как будто из одного стекла двух оттенков голубого цвета. Более темные, синеватые полосы составляли каркас, более светлые, казавшиеся кое-где почти белыми, — проемы окон. И те и другие были расположены наклонно, и все здание в целом словно ввинчивалось в темно-синее небо.

А над куполом крыши, хорошо видная отовсюду, «парила» в воздухе гигантская белая статуя.

Женщина в коротком платье, с развевающимися волосами, с закинутой назад головой протягивала руки к небу. Ее облик выражал страстный призыв, направленный к кому-то находящемуся за синей завесой неба, в безднах вселенной.

Здание было очень велико, но снизу, из города, казалось небольшим и узким, точно скрученная в спираль игла.

Люди Земли сказали бы, что оно похоже на штопор.

Город был одной из древних, насчитывающих тысячи лет своей истории столиц этой планеты, хотя теперь, в эту эпоху, само слово «столица» было давно забыто.

А странное здание на холме действительно было памятником

тем, кто проник в космос и не вернулся оттуда. Одновременно оно служило пантеоном ушедших из жизни космонавтов и штабом космической службы планеты.

В этот день в нижнем этаже здания, в огромном зале, залитом лучами высоко стоявшего оранжевого солнца, происходило большое собрание.

Вокруг огромного стола, стоявшего посередине зала, сидело более ста человек мужчин и женщин.

Их одежда была очень похожа. Женщины носили платья, мужчины — короткие туники. Ноги женщин были обвиты до колен перекрещивающимися лентами, а колени прикрыты пряжками в форме листка. Ноги мужчин оставались обнаженными. У женщин были длинные и густые волосы, головы мужчин — обриты.

Все были в белом, кроме одного.

Различной густоты зеленый оттенок их кожи, косо посаженные глаза, приподнятые у переносицы, высокий рост как мужчин, так и женщин — все было бы знакомо человеку Земли, и он безошибочно угадал бы в этих людях соотечественников Гианэи.

А если бы здесь могла оказаться Марина Муратова, то она узнала бы и язык, на котором говорили все эти люди.

Но узнав, поняла бы, что этот язык не совсем тот, на котором говорит Гианэя, что он чем-то отличен, хотя в основе и тот же.

И человек, отличающийся от других своей одеждой, так же, видимо, затруднялся в понимании этого языка и иногда переспрашивал.

Тогда поднимался один из мужчин и повторял сказанное, но уже на точно таком же языке, на котором говорила Гианэя.

Посередине, на высоком стуле, возвышаясь над всеми, сидел совсем еще молодой человек с очень узкими, словно прищуренными глазами, одетый так же, как и все остальные.

Он не мигая пристально смотрел на стоявшего напротив него иначе одетого человека, того, кто не всегда понимал, что ему говорили, и который сам говорил на чистом языке Гианэи.

Этот человек имел все отличительные черты соплеменников Гианэи, но был немного ниже ростом, чем остальные. Зеленый оттенок кожи был мало заметен, скрытый сильным загаром. На нем была не туника, а что-то вроде широкого плаща, сверкающего в оранжевых солнечных лучах червонным золотом. Его голова не была обрита, и черные волосы, отливающие изумру-

дом, спускались ниже плеч.

Молодой человек с узкими глазами, очевидно, председательствовал на этом собрании.

Его неотступный взгляд смущал человека в золотом плаще,

который часто не выдерживал и отводил глаза, но каждый раз, точно притягиваемый магнитом, снова поворачивался к нему.

В эти мгновения все видели, как в темных глазах человека в плаще вспыхивали искры не то вызова, не то тщательно скрываемого страха.

И каждый раз, заметив эту искру, молодой председатель улыбался.

В его улыбке было презрение, насмешка, гнев, но не было ненависти. И казалось, что именно это — отсутствие ненависти — больше всего смущало человека в плаще.

Он все время стоял. Видимо, так было и нужно, потому что возле него не было стула. Стоял уже долго, в то время как все остальные сидели.

Это походило на суд.

И действительно, это было судом, но только не в том смысле, как принято понимать это слово на Земле.

Судили не этого человека, а других, к числу которых он принадлежал и которых не было сейчас в этом зале.

Судили не людей, а дело, которое хотели совершить люди.

— Итак, — сказал председатель, по-прежнему пристально глядя в лицо «подсудимого», — ты все рассказал нам, Лийагейа, ничего не утаивая?

— Да, все! Больше мне нечего прибавить. И я готов принять смерть.

Улыбка, на этот раз выражавшая только презрение, встретила его слова.

— Мы это видим. — Молодой председатель жестом указал на одежду Лийагейи. — Но ты поторопился. Три дня ты на родине. Неужели ты не заметил, что находишься в ином мире?

Тот ничего не ответил.

— Неужели, — продолжал председатель, — ты не понял ничего из того, что увидели твои глаза? Или, может быть, ты не хочешь ничего понять?

Снова не последовало ответа.

— Но ты поймешь, Лийагейа. Мы не убьем тебя, как сделали бы это вы на нашем месте. Давно уже погасли и исчезли из памяти людей ваши костры. Ты будешь жить среди нас.

— Значит, вы не отпустите меня обратно?

— Нет. Ты останешься здесь навсегда. Космос не место для таких, как ты. Туда надо отправляться с чистыми мыслями и незапятнанными руками. Тебе придется трудиться, Лийагейа.

Вероятно, в первый раз в жизни, — тоном величайшего презрения прибавил он. — И от тебя самого будет зависеть, чтобы люди забыли, кто ты и какое черное дело пытались вы осуществить.

— Пытались? — По губам Лийагейи, в первый раз за это утро, скользнула улыбка.

— Ты хочешь сказать, что ваше дело уже сделано? Ты снова ошибаешься, Лийагейя. Ты забыл, что за время твоего отсутствия на нашей планете сменилось десять поколений. Они жили не зря. С нашей точки зрения ваши корабли космоса — неуклюжие лодки. Мы будем на этой планете… как ты ее назвал?

— Лиа.

— Мы будем на Лиа очень скоро. И зло не осуществится. А если мы опоздаем, — глаза молодого председателя сверкнули и на мгновение полностью раскрылись; они были огромны, темны и глубоки, — вы ответите за это. Нам не долго вспомнить обычаи вашей эпохи.

— Это означает, что вы сожжете меня не сейчас, а немного позже, вот и все.

— Я сказал, ты будешь жить. Мы не меняем своих решений и не лжем, как вы. Лийагейа опустил голову.

— Я сказал вам только правду.

— Мы это знаем.

— Откуда вы можете это знать?

— Откуда? — Председатель указал на сидевшего рядом с ним пожилого человека. — Специально для тебя мы пригласили медика, так как хорошо знали, с кем имеем дело. Ты отстал от науки, Лийагейа, и это не удивительно. Твое счастье, что ты был правдив.

— А если бы это оказалось не так? — с вызовом:

спросил Лийагейа.

— Тогда нам пришлось бы заставить тебя говорить правду.

— Пыткой? Этим меня не испугаешь.

Председатель несколько минут сидел молча, видимо пораженный этими словами. Потом он обвел взглядом всех сидевших за столом. Почти все смеялись.

— Видишь? — спросил он. — Это наш ответ, Лийагейа. Трудно тебе будет у нас. Ты первобытный зверь. И так будут смотреть на тебя все, пока ты не изменишь своих взглядов. Советую тебе сделать это как можно скорей. Мы поняли, что ты сказал, но большинство людей на планете совсем не поняли бы.

Ты в другом мире, Лийагейа, пойми это.

— А что вы сделаете с нами, если не опоздаете? — вместо ответа спросил Лийагейа.

— Мы вернем вас всех обратно. И все, улетевшие когда-то, и их дети, родившиеся за это время, все будут жить на родине. И трудиться. Привилегированное положение твоей касты придется забыть.

Глаза Лийагейи блеснули ненавистью.

Председательствующий рассмеялся.

— Если бы я жил во времена вашего отлета, — сказал он, — ты, вероятно, не стал бы и говорить со мной. Времена изменились. И вы сами знали, что они должны измениться. Зачем иначе было вам улетать на поиски других планет?

— Мы сделали это для того, чтобы спасти будущие поколения, — гордо ответил Лийагейа.

— Лжет или говорит не то, что думает, — сказал тот, кто был медиком.

— Видишь, Лийагейа. Стоило тебе уклониться от правды, и это сразу обнаружилось. Я скажу за тебя правду. Вы улетели для того, чтобы сохранить свою касту, в предвидении неизбежной расплаты. Вы знали, что дни вашего господства над планетой сочтены. И вы решили переселиться на другую планету, где вы снова могли стать господами, могли жить за счет других. Колонизация — дело длительное.

Лийагейа поднял голову.

— А вы, — с силой ненависти сказал он, — вы, благородные и правдивые, не терпящие зла, что делаете вы? Обрекаете население планеты на гибель? Вы знаете, что на планете нет места для увеличивающегося населения, и отталкиваете руку помощи, которую мы протягиваем вам. Если бы ты был прав, Вийайя, так, кажется, тебя зовут, зачем мне было возвращаться сюда?

— Неискренен, — спокойно сказал медик.

— Знаю. — Председатель насмешливо улыбался. — И все это знают. Нет, Лийагейа, — сказал он, — ты вернулся не потому, тебя послали за людьми. Вы нашли дикую планету. Она требует много труда. И это вам не по вкусу. Тогда вы отправились на поиски другой. Вы нашли Лиа. Там все готово, есть города, дороги, заводы. Вам это больше понравилось. Но население Лиа уже не дикое, и оно вам не подчинится. Тогда вы решили уничтожить население планеты. Решение вполне соот-

ветствующее вашему моральному облику. Но что бы вы стали делать там одни? Вам нужны люди. И ты прилетел только для того, чтобы обмануть нас, увлечь за собой тысячи людей, которым предстояло бы работать на вас. Но вы ошиблись, Лийагейа. Мы не хотим избавиться от перенаселения такой ценой. Да мы и не нуждаемся больше в спасении. Иди, попробуй позвать. Ты не найдешь ни одного человека, который не повернется к тебе спиной, услышав твои слова. Ни одного на всей планете. Люди не те, какими были во времена вашего отлета. Вы не ожидали этого?

Лийагейа молчал. Его лицо пылало, но глаза как-то сразу потускнели, потухли.

Потом он сказал без ненависти, тоном усталости:

— Вы хорошо использовали время. Мне жаль, что мы не придавали значения словам Рийагейи.

— Рийагейа, — удивленно сказал председатель, — я помню это имя. Он был командиром вашей эскадрильи и вашим сообщником.

— Времена меняются, — ироническим тоном повторил Лийагейа слова самого Вийайи. — Что еще вы хотите от меня?

— Ничего. Ты свободен, Лийагейа.

— Тогда я сам задам тебе один только вопрос. Почему ты сказал, что вы не нуждаетесь в спасении? Или население планеты стало уменьшаться под вашим правлением?

— Нет, оно увеличивается, и быстрее, чем это было в твое время, под вашим правлением, — ответил Вийайя. — Но я тебе уже сказал, что десять поколений, проживших без ига вашей касты, прожили не зря. Ты знаешь, Лийагейа, как тщательно хранили вы секреты вашей власти, в том числе и технику космических полетов. Вы все увезли с собой. И были уверены, что «низшие существа» никогда не откроют этих секретов. Немного времени понадобилось, чтобы превзойти вашу технику. Чьими руками строили вы свои корабли? Эти руки остались на планете. А разум вы считали своей привилегией. Самая большая ошибка, Лийагейа. Отвечаю на твой вопрос. Проблема перенаселения, которая вас нисколько не интересовала, хотя ты и сделал попытку убедить нас в обратном, заставила наших предков предпринять то, что ты хотел поставить в заслугу вам. Мы сами отправились в космос, случайно — в другую сторону, чем вы. Ведь мы не знали, куда вы направились. И мы нашли братьев по разуму, которые поняли нас и предложили нам свою помощь. Те-

перь уже близко время массовой эмиграции на новую родину, подготовленную совместными усилиями двух планет.

— Значит, вы все-таки собираетесь заселять чужую планету?

— Необитаемую, Лийагейа. Я вижу по выражению твоего лица, что ты не видишь здесь разницы. По-твоему, низшие существа, населяющие Лиа, не заслуживают ни жалости, ни снисхождения, если затронуты интересы таких «высших» существ, как ты. Но, с нашей точки зрения, низшие существа — это ты сам и твои сообщники. И я не верю твоим словам, что обитатели Лиа дикари. Твои рассказы об этой планете опровергают эго утверждение. Пройдет немного дней, и наш корабль улетит туда. Я знаю, что мы встретим там братьев, которые, так же как мы, сочтут тебя и вас всех двуногими зверями.

Лийагейа вскинул голову. Мрачный огонь загорелся в его темных глазах.

— Ты не стесняешься, Вийайа, — сказал он, — осыпать оскорблениями того, кто не в силах противиться тебе. Я один здесь. Но если ты считаешь меня зверем, то зачем же ты приглашаешь зверя жить среди вас? Не лучше ли его уничтожить?

— Может быть, ты и прав, Лийагейа, — ответил Вийайа, — но мы не привыкли убивать людей. И мы не приглашаем тебя жить с нами, а заставляем, в виде наказания.

2

Долог путь по дорогам вселенной.

Луч света годами летит от одной звезды к другой. А создание рук человеческих не может лететь со скоростью света.

Долог и томителен путь!

А если экипаж корабля снедает тревога и нетерпение, он кажется еще длиннее.

Они не могли провести большую часть пути во сне. Они жили в обычном режиме дня: половину — бодрствовали, половину — спали, и нечем было заполнить пустоту времени.

Их было четверо.

Идея влекла их вперед, к далекой цели. Идее жертвовали они собой. У них не было надежды вернуться обратно. Они улетели с родной планеты навсегда. Вернуться они не могли потому, что не знали, как управлять кораблем, как найти путь в безграничной пустоте.

Корабль вели автоматы.

Умные, осторожные, чуткие, они вели корабль по намеченной трассе, проложенной не теми, кто был на борту сейчас, а другими. Теми, кто построил корабль, умел управлять им, знал, как находить дорогу в космосе.

Никого из таких людей не было на борту звездолета, Автоматы были надежны. Они знали больше своих теперешних хозяев, и с равнодушием машины изменили прежним.

Корабль летел по точно рассчитанному курсу. Что бы ни случилось, какие бы препятствия ни возникли на пути, «командир» корабля в доли секунды примет решение и избежит любой опасности.

Четыре человека, составлявшие теперь экипаж корабля, хорошо это знали. И они боялись даже подойти к двери отсека управления. Дверь была плотно закрыта, и желтой краской на ней был нарисован косой крест.

Для того, чтобы никто не мог случайно проникнуть в запретную зону.

Все зависело от «командира». Его механический мозг был единственной надеждой на успех, единственной гарантией достижения цели, единственным шансом на жизнь.

Четверо не были уверены, что посадка произойдет так же благополучно, как взлет. Они не знали, умеет ли «командир» опускать корабль на планету. Они только надеялись на это.

И они часто бросали взгляды на большой, герметически закрытый ящик, окрашенный в ярко-желтый цвет, стоявший посередине центрального помещения исполинского корабля.

В этом помещении четверо проводили все время, только изредка покидая его. Здесь они жили, питались, спали и беседовали, хотя это помещение и не было жилым.

Но они «жались» друг к другу, стремились всегда быть вместе, помогая один другому преодолевать невольный страх перед окружающим их со всех сторон бесконечным простором вселенной.

Каюты корабля, предназначенные для членов экипажа, все были одиночными, рассчитанными на одного человека.

Утонченный комфорт этих кают не привлекал новых хозяев. Все было им чуждо, непривычно и глубоко ненавистно.

Они ненавидели каждый предмет на корабле и самый корабль. Все, кроме желтого ящика. Это было единственное, что принадлежало не прежним хозяевам, а им самим, было сделано ими, заключало в себе известную им цель.

Желтый ящик — это были «они сами». Потому что, если им не суждено будет живыми достигнуть цели, содержимое ящика сделает все за них.

В любом случае задача должна быть выполнена.

Ящик был тяжел, массивен и очень крепок. Если корабль разобьется, он уцелеет.

Это было главнее.

И за долгие годы пути они привыкли смотреть на ящик, как на пятого члена экипажа. И называли его ласково — «Григо», что было человеческим именем.

На корабле было все. Длинные аллеи, полные растительности, приглашали к прогулкам. Уютные салоны, игральные и спортивные залы, бассейны для купанья, читальни и зрелищные установки звали к развлечению и отдыху. Астрономические пункты, кабинеты и лаборатории предоставляли все удобства для научной работы. И возле каждой каюты находилось голубое помещение с продолговатым бассейном, сейчас пустым.

Четверо пользовались только аллеями. Им необходимо было двигаться, и они бегали по аллее каждый «день», в определенное время.

До всего остального они не дотрагивались — мешала ненависть.

Но они охотно воспользовались бы голубыми помещениями и стоявшими в них бассейнами. Время полета было пыткой. Но бассейны были пусты. А если и были бы заполнены, то все равно не могли ничем помочь. Четверо не знали, как вызвать анабиосон и как из него выйти. Эта техника была им совершенно неизвестна.

Четверо были первыми людьми своего народа, проникшими в космос. Ненависть вела их и руководила их поступками.

Ненависть и любовь.

Бывшие хозяева корабля — это было то, что они ненавидели. Свобода и прежняя жизнь — это было то, что они любили.

Но существовало еще и третье — неведомые люди неведомой планеты. Им угрожали те, кого ненавидели четверо. И четверо спешили на помощь неведомым людям и невольно, не зная, любили их, как братьев, попавших в такую же беду, как они сами.

Но главным была для четверых все-таки не любовь, а

ненависть.

Их родина была теперь свободна и могла жить, как жила прежде, до появления «ненавистных».

Сорок три врага избежали справедливой кары. Их надо было настигнуть и уничтожить.

Если они вернутся и узнают, что произошло в их отсутствие, они отомстят за смерть своих собратьев.

Сорок три не должны были вернуться.

Четвертых не смущало, что их всего четверо. Будь их в десять, в сто раз больше, они все равно не смогли бы справиться с могучими пришельцами. «Ненавистные» были сильнее. Им подчинялись силы, еще неизвестные и недоступные народу, к которому принадлежали четверо.

И они надеялись только на помощь тех, к кому спешили на помощь сами.

Совсем недавно на родной планете четверых никто не думал о существовании иных планет, иных человечеств. Никто не задумывался еще о тайнах мироздания. Они были дети природы, добрые и доверчивые. Их техника была примитивна, знания ограничены, жизнь проста.

Три поколения прожили под игом, под жестоким и беспощадным террором, работая на пришельцев.

Природа планеты была богата и разнообразна. Она щедро давала своим детям все, в чем они нуждались. Люди не испытывали ни голода, ни жажды, ни холода. Не было хищных животных, не от кого было защищаться. И почти полное отсутствие борьбы за существование сослужило им плохую службу. Их разум застыл, не было могучего импульса для движения вперед.

Видимо, так было не всегда, иначе вообще не появился бы человек. Но в эту эпоху было так. И никто из них не помнил другого времени, других условий.

Они не знали, есть ли на планете другие люди, кроме них. Время исследования планеты еще не наступило. Огромный остров, на котором с незапамятных времен жили несколько десятков тысяч людей их народа со всех сторон был окружен океаном.

Поколение за поколением нежилось в колыбели природы. Разум дремал, и ему нужен был внешний толчок, чтобы пробудиться.

Таким толчком явились пришельцы.

Три поколения прожили под игом.

«Ненавистные» относились к коренному населению с холодной жестокостью. Они заставили выстроить для себя целый город. Тех, кто противился, уничтожали.

Они были сильны знанием и техникой. Их было мало, и они управляли страхом.

Чтобы сохранить жизнь, надо было приспособляться. Появилась борьба за существование.

И всего за три поколения обитатели острова неузнаваемо изменились. Они многое поняли и многое узнали. Их развитие сделало резкий скачок.

Пришельцы не собирались учить покоренных. Но они нуждались в их труде и вынуждены были немного ознакомить их со своей наукой и техникой.

С глубоким презрением относясь к жителям острова, пришельцы недооценили природную остроту ума, сообразительность и способности своих рабов. Они не дали себе труда задуматься.

И поплатились за это.

Проснувшийся разум не может мириться с насилием. И случилось то, что неизбежно должно было случиться.

Пришельцы исчезли с лица планеты.

Но сорок три из них были еще живы. Они должны были также исчезнуть!

Никто не знал, откуда явились пришельцы, что им надо здесь, какую цель они преследовали.

Их нетрудно было уничтожить сразу. Но жители острова радушно встретили неведомых существ, совсем не похожих на них самих, когда восемь гигантских кораблей опустились на острове. А потом было уже поздно. Понадобилось много времени, чтобы научиться настолько, что стало возможным обратить технику пришельцев против них самих.

«Ненавистные» — так прозвало пришельцев первое поколение, оказавшееся в их власти. Так же называло их и нынешнее, четвертое поколение островитян.

Три поколения сошло в могилу. А пришельцы были все те же. Казалось, они властвовали и над смертью. Ни один из них не умер за время пребывания на острове. Наоборот, их число увеличилось — рождались дети.

Но пришельцы не были бессмертны. В этом убедились островитяне, когда долго накапливающийся гнев вылился в

восстание и все, кроме сорока трех улетевших, были поголовно уничтожены.

Сорок три ускользнули случайно. Они покинули планету, ничего не зная о готовящемся восстании.

Один из пришельцев улетел еще раньше.

Из восьми кораблей на острове оставались шесть.

Пришельцы очень берегли свои корабли и заботились о них. Собирались ли они все улететь с планеты? Этого никто не знал. Островитяне давно потеряли надежду.

…Четверо летели в неведомую даль.

Но они знали, с какой целью улетели сорок три, которых они хотели настигнуть.

«Ненавистным» мало было одной планеты, они готовились покорить вторую. Островитяне считали свой остров «всей» планетой.

Среди пришельцев были разные люди. Некоторые из них хорошо относились к местному населению, снисходили до разговора, отвечали на вопросы.

Был один из пришельцев, которого островитяне даже любили, но он улетел вместе с сорока тремя.

Его звали Рийагейа.

Если бы он остался, его пощадили бы.

Он часто говорил с людьми и многое открыл им.

С какой целью? Они не знали.

Четверо были убеждены, что не известная им планета подобна их собственной, что обитатели этой планеты окажутся под игом «ненавистных».

Им надо все рассказать, предупредить их о грозящей участи.

Четверо могли это сделать.

Давно, еще при жизни второго поколения, три корабля пришельцев покинули остров и потом вернулись. Вернулись с тем же экипажем.

Среди них был один, которого звали Дейа. У него была дочь, по имени Гийанейа.

Отец привез из экспедиции новый, никогда ранее никем не слышанный язык.

Пришельцы заставляли островитян не только работать на своих стройках, но и обслуживать себя. В каждом доме были слуги из местного населения.

В доме Дейа таким слугой работал Мериго, молодой чело-

век с прекрасной памятью, один из тех четверых, кто летел сейчас к неведомой цели. Но теперь он был уже не молод.

Дейа обучал свою дочь новому языку. В его доме этот язык слышался чаще, чем язык «ненавистных», на котором говорили все.

Зачем это было нужно, Мериго не знал, но он невольно сам выучил этот язык.

Дейа называл его «испанским». И Мериго вскоре узнал, что это язык той планеты, куда летали Дейа и его спутники.

А когда выросшая Гийанейа улетела в числе сорока трех, Мериго понял, зачем обучали ее чужому языку. Она должна была говорить с местными жителями.

Он видел, что Гийанейа не хотела улетать с острова. Она плакала, но пришельцы были жестоки не только к покоренным островитянам, но и друг к другу. Даже отец к дочери.

Много раз пришлось Мериго и другим слугам Дейа испытать на себе жестокость хозяев. За малейшую провинность их избивали, а трое заплатили даже жизнью за ничтожную вину. Их сожгли живыми.

Так погибла сестра Мериго. И он остро ненавидел пришельцев и все, что было с ними связано.

Мериго первым узнал об отлете «ненавистных» к другой планете.

Лететь должны были два корабля. Но потом почему-то улетел только один.

Второй остался, полностью подготовленный. Видимо, он должен был стартовать несколько позднее.

Но не успел. Произошло восстание.

«Ненавистные» ничего не делали сами. И к подготовке обоих кораблей они привлекли рабов. Самых развитых и образованных.

Техника была им, конечно, неизвестна и непонятна. Куда улетел корабль, они не знали. Но им было известно, что экипажи будут в пути спать, а управлять кораблем предстояло загадочному механизму, который «ненавистные» называли «мозг навигации».

Этот мозг сам доведет корабль до цели.

Оба корабля готовились одинаково и одновременно.

А когда один улетел, а второй остался, когда было покончено с пришельцами, возник план воспользоваться этим кораблем.

У долго угнетаемого народа развилось чувство солидарности. Они хотели помочь другим избежать собственной участи и хорошо понимали, что нельзя оставить в живых сорок три.

Вернее, сорок два, так как ни у кого не поднялась бы рука на Рийагейю.

Как пустить в ход механизмы корабля, они знали. Но больше не знали ничего. И даже не думали о безумии своего плана.

Четверо улетели.

Мериго должен был рассказать все тем, неведомым. И помочь трем своим спутникам говорить и понимать ответы тех людей.

Он уже сейчас учил их говорить по-испански. Ведь если удастся живыми достигнуть цели, четверым всю жизнь придется провести на чужой планете. Кто мог указать им дорогу обратно?

Только Рийагейа.

Но захочет ли он это сделать? Они не знали, как подействует на него известие об уничтожении всех его соотечественников.

Четверо были готовы никогда не вернуться на родину.

— Я снова встречусь там с Гийанейей, — говорил Мериго. — Она не ждет такой встречи. И я сам, своими руками, убью ее.

Сколько оставалось еще лететь? Они этого не знали.

3

— Вот! — сказала Гианэя. — То, что вы ищете. Радиосвязь между четырьмя вездеходами была включена все время. Ее слова, тут же повторенные Муратовым, услышали одновременно все. И можно было уверенно сказать, что все участники поисковой экспедиции, на всех четырех машинах, радостно и взволнованно встрепенулись, так же, как сделал это Стоун.

— Где? — спросил он на языке Гианэи. Найти на второй день поисков! Какая удача! После почти трех лет систематических неудач.

— Прямо перед вами. И близко.

Муратов перевел ответ. Вездеходы остановились.

Ничего не было видно впереди. Те же мрачные коричнево-серые скалы, изрезанные трещинами, чуть желтоватая

пыль, толстым слоем покрывавшая почву. Высоко в небо уходили крутые отроги гор.

Нигде, ничего!

Так казалось людям Земли. Но Гианэя видела другое.

В таком месте никому не пришло бы в голову искать базу. Здесь никогда ничего не нашли бы.

Прямо впереди, метрах в двухстах, горный хребет изгибался, заканчиваясь острым выступом, с огромным нагромождением хаотически наваленных друг на друга камней — следами когда-то рухнувшей большой лавины. Глубина изгиба скрывалась в непроглядно-черной тени.

Сколько таких изгибов уже попадалось во время поисков!

Прямо туда, в эту тень, указывала рука Гианэи.

— Там, — спросил Стоун, — в тени?

— Да, в самой глубине.

— Прожекторы! — приказал Стоун.

С четырех машин четыре сильных луча рассеяли черный мрак.

Ничего! Те же скалы, то же подножие гор. Как везде.

— Здесь мы никак не могли ничего найти, — сказал Вересов. — И так близко от станции.

— Вы уверены? — спросил Стоун.

— Я вижу, — просто ответила Гианэя.

Как выяснилось позднее, у всех мелькнула в этот момент одна и та же мысль:

«Здесь вечная тень. Никогда это место не освещается Солнцем. Горные породы охлаждены почти до абсолютного нуля. Никакого инфракрасного излучения здесь не может быть. Как же Гианэя может что-нибудь видеть? Значит, не только инфракрасная часть спектра доступна ее зрению».

В том, что Гианэя действительно видела загадочную базу, невозможно было сомневаться.

— Какую примерно площадь занимает база? — спросил Стоун.

Выслушав перевод вопроса, Гианэя задумалась. Муратов решил было, что она не знает земных мер длины и площади, но оказалось, что Гианэя молчала по другой причине. Она просто хотела ответить точнее.

— Мне трудно определить на глаз, — сказала она наконец, — но мне кажется, что ее площадь около шести тысяч квадратных метров.

«Однако! — подумал Муратов. — Она знает испанский язык, как настоящая испанка. Даже арифметика ей доступна. Совершенно непонятно».

Сейчас некогда было думать о посторонних вещах. Муратов перевел ответ Гианэи нетерпеливо ждущему Стоуну.

— Значит, — сказал начальник экспедиции, — примерно восемьдесят на восемьдесят метров. Такую небольшую площадь мы сможем обработать четырьмя рабочими машинами.

Он тут же отдал распоряжение, чтобы к этому месту вышел еще один вездеход с оборудованием.

— Полным ходом по нашим следам, — приказал он в микрофон. — Скрытых трещин нет, дорога безопасна. Предупредите Сабо. Жду через пятнадцать минут.

Прожекторы ярко освещали горные уступы в глубине изгиба. Отчетливо виднелись тени от впервые проникшего сюда света. Но по-прежнему ничего постороннего не было видно.

Тревожная мысль мелькнула у Стоуна.

— Спросите ее, — сказал он, — безопасно ли освещать эту базу?

Гианэя ответила, что этого она не знает. Из осторожности, правда, несколько запоздалой, Стоун приказал погасить прожекторы.

— Когда будет нужно, снова зажжем их.

— Странно, — заметил Муратов. — Спутники не прозрачны. Почему же они не заслоняют скалы, находящиеся за ними? Почему от спутников нет теней?

— Может быть, они уже не здесь? — высказал предположение Токарев. — Может быть, тут только одна покинутая база?

— Спросите об этом Гианэю, — сказал Стоун. Муратов объяснил, как мог лучше, что именно смущает его и остальных участников экспедиции.

— Мне немного странно, — ответила Гианэя, — что вы не видите этого сами. Но я понимаю, отчего это происходит. Мы — (она имела в виду своих соплеменников) — не подозревали такой особенности вашего зрения. Я узнала об этом только на Земле. — Гианэя словно забыла вчерашний разговор. — Вы ничего не видите, когда нет света. Я хотела сказать, такого света, который вы воспринимаете. Мы видим гораздо больше, Темные, по-вашему, предметы, для нас освещены. Странно, не правда ли, Виктор? Ведь вы так похожи на нас.

Он подумал, что она неудачно выбрала время для подобной беседы. И не смог скрыть нетерпения, когда попросил ее ответить на заданный вопрос.

— Почему вы говорите со мной в таком резком тоне? — как ни в чем не бывало, спросила Гианэя. — Я не привыкла, чтобы со мной так разговаривали.

— Простите! Но мы очень взволнованы.

— Нет причин волноваться. То, что вы искали, найдено. Чего же вам еще нужно?

В ее тоне ясно слышалось: «Я выполнила то, что вы хотели. Оставьте меня теперь в покое».

— Вы видите, Гианэя, — сказал Муратов, — а мы нет. Так помогите нам еще раз.

Она повела плечом — характерный жест, свойственный только ей одной.

— Опустите прожекторы ниже, — сказала она так, как мог бы сказать учитель бестолковому ученику. — База — (она впервые четко произнесла это слово) — расположена в углублении. Кажется, оно искусственное, потому что имеет ровные границы. Лучи света проходят выше, и потому вы ничего не видите.

Она понимала разницу их зрения, но только умом. Понять ее до конца так, чтобы почувствовать, Гианэя не могла.

— Подождем, — сказал Стоун, когда Муратов перевел ему все, что сказала Гианэя. — Неизвестно, как подействует свет на установки этой базы. Мы и так сильно рисковали, когда зажгли прожекторы, не подумав хорошенько. Но это моя вина.

Точно через пятнадцать минут подошла пятая машина. Наступил долгожданный момент операции.

Стоун отвел свой вездеход немного назад и в сторону. Четыре рабочие машины выстроились в одну линию. От них до границы невидимой пока базы было, таким образом, больше ста метров — расстояние вполне достаточное из соображений безопасности и удобства работы. Даже если произойдет взрыв любой силы, вплоть до аннигиляции, то он не причинит никакого вреда. Сотрясения воздуха не приходилось опасаться здесь, где не было никакого воздуха. Оставалась только теоретическая возможность, что база взорвется, как ядерная бомба, с огромным повышением температуры. Но вездеходы, сконструированные специально для поисков базы, были рассчитаны на такой случай и должны были остаться невреди-

мыми, так же как и их экипажи. Какая-то степень риска, конечно, оставалась, но с этим приходилось мириться. Отвести машины еще дальше, на абсолютно безопасное расстояние, было никак нельзя. Тогда очень бы затруднилось управление роботами.

Никто из участников экспедиции и не думал о какой-либо опасности. Они знали одно: база найдена, и надо ее уничтожить.

Надо! Этого слова было совершенно достаточно.

В машине Стоуна появился прибывший на пятом вездеходе руководитель технической части всех шести предыдущих экспедиций — инженер Ласло Сабо. Это был плотный широкоплечий человек небольшого роста и неопределенного возраста. Его лицо с резкими волевыми чертами оттеняла небольшая клинообразная бородка, украшение, очень редко встречающееся в эту эпоху.

Муратов, еще в пути с Земли на Луну, заметил явную неприязнь Гианэи к этому человеку. И дело заключалось не только в том, что Сабо был небольшого роста. В последнее время Гианэя стала заметно терпимее относиться к подобным людям. Видимо, она поняла или начинала понимать, что люди Земли одинаковы, независимо от их роста. Рецидив прежних взглядов произошел при ее встрече с Болотниковым. Антипатия Гианэи имела еще какие-то, пока неизвестные, причины.

Она вздрогнула, когда Сабо, проходя по вездеходу на свое место, кивнул ей головой в знак привета. Муратов видел, какого труда стоило Гианэе ответить ему таким же кивком.

В руки Сабо перешло руководство всей операцией.

— Внимание! — сказал он, едва успев снять лунный скафандр. — Приступаем к выполнению первой части программы — разведке. Выпустить робот номер один!

Из машины, в которой находился Синицын, выполз ярко блеснувший под лучами Солнца металлический шар на гусеничном ходу.

Вересов накануне отлета подробно описывал Муратову его устройство. Это была очень сложная и совершенная машина, плод конструкторского и технического труда многих людей, теперь, по всей вероятности, обреченная на гибелв.

Робот отполз от вездехода метров на десять и остановился.

Он ждал команды.

Сабо произвел переключение на пульте радиосвязи.

— Вперед! — сказал он, раздельно произнося каждый слог. — Первый поиск!

Робот покачнулся и быстро пополз к горному изгибу.

Гарсиа пересел к пеленгатору. Нужно было проследить, не появится ли какой-нибудь радиосигнал. Стоун склонился к инфракрасному экрану.

Они не принимали никаких мер защиты против возможной вспышки, подобной той, которая появилась при аннигиляции робота-разведчика три года тому назад, во время экспедиции на «Титове».

Экраны не пропускали чрезмерно сильных световых лучей, глаза людей были в полной безопасности, что бы ни произошло.

Было хорошо видно, что по мере приближения к границе черной тени робот замедлял движение. Точно живое и разумное существо, он подходил к цели очень осторожно. Машина не была живой, но обладала высокоразвитым «мозгом».

Потом робот остановился. Его передняя часть погрузилась в тень и сразу исчезла из глаз. Задняя продолжала блестеть на солнце. Было такое впечатление, что чьей-то невидимой рукой машина была внезапно разрезана пополам.

Щелкнул контакт приемного аппарата, и раздался отчетливый металлический голос:

— Трещина. Два метра глубины. Расстояние девятнадцать метров. Видимость нуль.

— Это не трещина, — сказал Стоун. — Это искусственная выемка, в которой находится база. Что будем делать, Ласло? Включать свет рискованно.

— А в чем риск? — возразил Сабо. — Взорвется? Ну и пусть взрывается. Мы же сами хотим уничтожить эту базу. — Он слегка наклонился вперед, к микрофону, и произнес, так же как раньше, разделяя слоги: — Свет! Те-ле-пе-ре-да-ча.

На всех вездеходах люди поспешно повернули переключатели. Нижняя часть обзорных экранов чуть потемнела. Теперь эта нижняя половина превратилась в телеэкран. Верхняя оставалась прежней, для визуального наблюдения.

В черной мгле, где скрылась передняя часть робота, вспыхнул сильный луч света. Было видно, что робот направил свет прожектора вниз. На телеэкранах появилась ровная, как по линейке проведенная, линия обрыва. От робота она находилась метрах в двадцати, как казалось людям, а по опреде-

лению самого робота — в девятнадцати.

— Подойти ближе! — скомандовал Сабо. Робот совсем исчез. Только свет его прожектора указывал место, где он находился.

Линия обрыва приблизилась. Не могло быть никакого сомнения, что она искусственная.

— Шире свет! — последовала команда.

Было хорошо слышно, как там, внутри шара, защелкали контакты переключателей. Луч света разошелся в стороны. Его яркость усилилась.

Теперь хорошо была видна вся выемка, вырубленная в скалистом грунте. Она была правильной квадратной формы, глубиной в два метра, с ровным, гладким дном.

Вот она наконец, таинственная база чужого мира, три года тщетно разыскиваемая людьми!

В первый момент всем показалось, что база пуста. Ни спутников-разведчиков, ни каких-либо аппаратов. Но потом люди заметили тени, отбрасываемые как будто пустым местом. Абсолютно невидимые агрегаты базы не были прозрачны, как и предполагалось, они поглощали свет полностью, не отражая его.

Теней было много, и они находили друг на друга. Ничего нельзя было определить. Робот стоял теперь у самого края выемки, совсем близко от спутников, которые безусловно находились здесь. Но ничего не происходило, робот оставался цел. Ожидаемая всеми вспышка аннигиляции не появлялась. Может быть, защитные установки сейчас выключены? Может быть, они действуют только в полете?

— Подойдем сами, — предложил Стоун. — Или пошлем разведчиков-людей.

— Рано! — отрывисто ответил Сабо. — Внимание! Выпустить роботов номера восемь, девять, одиннадцать и двенадцать.

Четыре машины вышли на лунную почву. В отличие от первой, они были длинной, сигарообразной формы. На носу каждой далеко выдавался вперед конический выступ.

— Вперед! Фронтом!

Как хорошо вымуштрованные солдаты былых времен, роботы выстроились в одну линию и быстро исчезли во мраке изгиба. Свет прожектора первой машины не освещал их, и на экранах их не было видно.

— Они понимают все, что им говорят? — спросила Гианэя.

— Нет, — ответил Гарсиа. — У них определенный запас слов, которые они понимают и могут произносить сами.

— У вас есть такие машины? — спросил Муратов. Гианэя поморщилась, точно вопрос был ей неприятен, но ответила:

— Я не видела. Но у нас есть думающие машины. Металлический голос робота номер один сообщил, что четыре вспомогательные машины на месте и готовы к работе.

— Пыль! — скомандовал Сабо. — Вторая программа! Муратов с особым интересом смотрел на экран. Сейчас осуществлялась его идея.

Было хорошо видно, как в ярко освещенную прожектором выемку с огромной силой влетела веерообразная струя черной краски. За ней последовала вторая — красного цвета. Третья — желтого. И наконец последняя — зеленого. Разноцветная дымка закрыла всю выемку.

А когда закончилась работа пульверизаторов, рассеялась дымка, глазам людей предстала замечательная картина.

4

Давно уже люди Земли познакомились со своими небесными соседями — планетами Солнечной системы, давно уже земные глаза привыкли наблюдать картины чужой природы, изучать растительный, а кое-где и животный мир других миров.

Недалеко было время, когда могучие звездолеты Земли оправдают свое название и устремятся не к планетам, а к звездам, чтобы у других солнц, в других планетных системах найти разумную жизнь, найти братьев по разуму.

Никому уже не приходило в голову сомневаться в их существовании во вселенной. И никто не воспринял появление Гианэи как доказательство, потому что никакого доказательства бесспорной истины не требовалось.

Но если исключить одежду Гианэи, в которой она явилась людям на Гермесе, никто еще не видел ничего, что было бы сделано руками разумных существ иного мира.

И вот перед небольшой группой людей, среди которых, словно нарочно, находилась представительница чужого разума, самым своим присутствием подтверждающая реальность виденного, появился целый комплекс предметов, сделанных не на Земле, и не отдельные, не связанные друг с другом предметы, а

именно комплекс, объединенный одной целью, единым замыслом, общей для них всех научной и технической мыслью.

Мыслью чужого, чуждого Земле мира.

Момент был настолько волнующим, что те из участников экспедиции, кому было поручено заснять базу, когда она будет найдена и сделана видимой, не сразу вспомнили о своих обязанностях.

Но они вспомнили о них, когда началась операция, и все, что произошло, было навеки запечатлено на пленках.

Не меньше десяти минут экипажи всех пяти вездеходов молча смотрели на то, что появилось перед ними. Каждый хотел навсегда запомнить это зрелище.

Пестрые, как детские игрушки, стояли два огромных яйцеобразных тела. Они были совершенно гладкие, без выступов раструбов, без чего-либо, напоминающего дюзы, каждый сорока метров в длину.

Это и были таинственные спутники-разведчики, так долго занимавшие мысли ученых, доставившие столько беспокойства и хлопот космической службе.

Со всех сторон, от небольших возвышений, имевших форму куполов, поднимавшихся над землей не больше, как на двадцать сантиметров, к каждому «яйцу» подходили длинные шланги. Было ясно, что это верхняя часть, а все остальное упрятано в лунную почву, и для того чтобы узнать, что оно собой представляет, нужны раскопки.

В глубине выемки, у противоположного ее края, виднелся какой-то длинный предмет в форме ромба.

Затаив дыхание люди рассматривали, словно из небытия возникшую базу спутников и их самих.

Все было неподвижное, застывшее, будто скованное ужасающим морозом лунной тени.

Краска почти не затронула почвы, и все, что подверглось ее действию, выделялось очень рельефно. Ромб, купола, шланги и сами спутники-разведчики казались металлическими, но были ли они таковыми в действительности, мешала определить та же краска, сделавшая их видимыми.

Долгую тишину нарушил Сабо.

— Убрать распылители! — Его голос звучал так же спокойно и ровно, как и раньше. — Внимание! Выпустить роботы номера второй и третий!

Теперь появились механизмы, ничем не напоминающие

первые. Это были роботы-«люди», с ногами, руками и круглыми стеклянными «головами». Немного неуклюже, но быстро, они зашагали к выемке.

Четыре сигарообразные машины вернулись, каждый к своему вездеходу, и были убраны внутрь.

Наступил наиболее ответственный и самый интересный момент операции.

Кибернетические автоматы могли произвести полное и детальное исследование любого предмета как снаружи, так и внутри, не вскрывая наружной оболочки. Быстро и очень точно они определяли размеры, материал, химический состав, «видели» все, что находилось внутри, могли разобраться в любой схеме, даже такой же сложной, как их собственная.

Подобные роботы применялись часто для самых разнообразных целей и обычно хранили полученную информацию в своей «памяти», выдавая ее по требованию. На этот раз было внесено изменение в их конструкцию. Приходилось считаться с возможностью уничтожения роботов защитными установками базы или спутников. Все, что им удастся узнать, роботы немедленно передадут на пульт штабного вездехода.

Сабо приготовился к приему сообщений.

Но удастся ли узнать что-нибудь? «Допустят» ли это спутники и их база?

Многие сомневались в успехе.

Робот номер два, подойдя к краю отвесного обрыва, ловко спустился на площадку. Номер третий почему-то замешкался, но потом спустился и он.

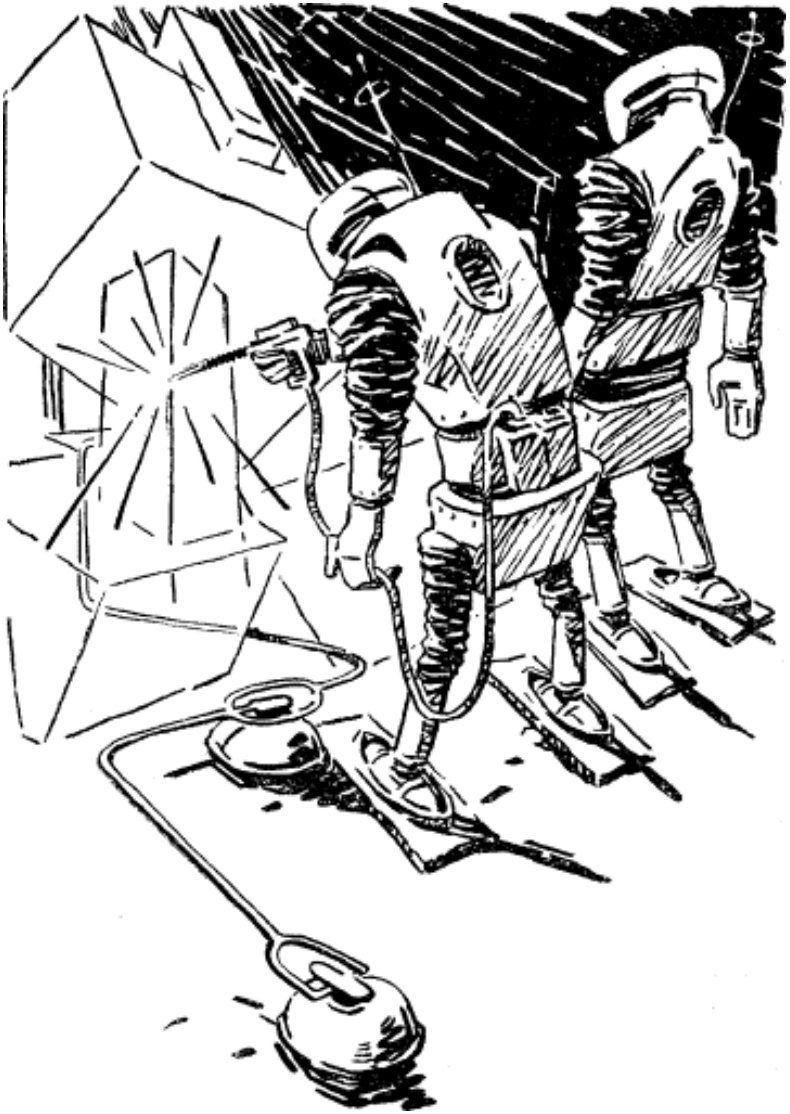
— Номер первый! — сказал Сабо. — Передаю управление! Второй поиск!

— Второй поиск, — равнодушно повторил невидимый на экранах шар.

Муратов помнил объяснения Вересова. Оба робота-«человека» поступили под команду электронного мозга, заключенного в шаре, и теперь будут выполнять только его приказы. Шар находился ближе к месту действия и имел прямую «зрительную» связь с исполнителями:

И у него хватит «сообразительности», чтобы при любой неожиданности гораздо быстрее, чем мог бы это сделать человек, принять правильное решение.

Роботы разошлись. Один направился к ближайшему спутнику, другой — к ромбу.



База не реагировала. Создавалось впечатление, что никаких защитных установок против вторжения посторонних тел здесь нет. Но было хорошо известно, что спутники имеют такую защиту.

Почему же она бездействует?

Муратов посмотрел на Гнанэю. Она с видимым интересом наблюдала за происходящим. Никакой тревоги не было на ее лице.

О чем она думала сейчас? Что чувствовала?

Люди Земли готовились проникнуть в тайну, которую соотечественники Гианэи хотели скрыть от них. Она не могла относиться к этому с полным равнодушием, но внешне это выглядело именно так.

Робот номер три вдруг остановился и, повернувшись, пошел обратно, к шару.

— Видимо, он решил, что обследование нужно производить по очереди, — сказал Стоун, имея в виду электронный мозг. — Он опасается путаницы одновременной информации.

— Да, видимо, так, — согласился Сабо.

Робот номер два беспрепятственно подошел к ромбу.

Загорелась зеленая точка сигнальной лампочки на панели приемного аппарата, с легким шелестом поползла за стеклом узкого «окошка» лента записи.

Робот приступил к работе.

Он действовал по порядку, с хладнокровием машины. Сообщил размеры ромба, указал, что большая его часть заключена в скале, и приступил к материалу, из которого была сделана наружная поверхность.

Сначала все шло гладко. На ленте быстро отпечатывались символы химических элементов. Железо, алюминий, марганец, кальций.

Но вот появился вопросительный знак. Это означало, что роботу встретился не известный ему элемент или сплав из нескольких, который он не мог разложить.

Второй вопросительный знак… третий!

— Плохо! — сказал Сабо. — Конструкция не продумана до конца. Он не умеет производить незнакомый анализ.

— Ничего подобного, — раздался из динамика чей-то голос из другого вездехода. — В него заложена программа любого анализа, который когда-либо производился на Земле. А то, чего не могут или пока не умеют делать люди, естественно, не может уметь и он.

— Адвокат не нужен, — пошутил Сабо. — Эта профессия давно исчезла.

— Догадается ли он отрезать кусочек от ромба — для ана-

лиза на Земле? — спросил Стоун.

Сабо не пришлось отвечать на этот вопрос. За него ответил шар.

Они увидели, как робот достал какой-то инструмент. Видимо, это был резак. Посыпались искры.

— Материал не поддается, — холодно сообщил электронный мозг. — Пришлите другого.

— Более совершенного нет, — ответил Сабо.

— Прекращаю, — сказал шар.

И тотчас же робот номер два убрал электрический резак.

Муратов никогда не видел работу таких машин. Ему было немного странно слушать обмен фразами и сознавать, что говорят не два человека, а человек с машиной.

— Плохо! — повторил Сабо. — Именно в том, чего не сумел понять наш разведчик, заключена тайна невидимости.

— Может быть, попробовать отрезать кусочек купола? — предложил Стоун.

Электронный мозг шара сам пришел к такому же решению. Робот направился к ближайшему куполу.

Но и здесь ничего не вышло. Материал, из которого были сделаны агрегаты базы, не поддавался.

Робот вернулся к ромбу.

Он поднял руки и положил их на его поверхность.

И снова ничего не случилось.

Резким скачком изменилась окраска экранов. Они стали чуть зеленоватыми. Ромб и стоявший возле него робот приблизились и заняли всю площадь экрана.

Потом все увидели, как потускнела, расплылась поверхность ромба и стали видны какие-то провода, рычаги, острые выступы неизвестных приборов.

Открылась внутренность ромба.

— Если это и есть электронный мозг базы, — сказал Токарев, — то при чем здесь рычаги?

— Может, это вовсе и не рычаги, — отозвался Сабо, — а только что-то похожее на них. Не забывайте, что перед вами не земная конструкция.

— Об этом забыть никак нельзя.

Робот застыл в неподвижности. Лента приемного аппарата продолжала двигаться, что указывало на продолжающуюся работу «мысли» в стеклянной «голове» кибернета.

— Схема не поддается, пришлите другого, — раздался ме-

таллический голос шара.

— Более совершенного нет, — теми же словами ответил Сабо.

Но слова «прекращаю» не последовало. Очевидно, шар не терял надежды, что его помощнику удастся все же разобраться в схеме электронного мозга базы, видимо, более сложной, чем его.

Внутренность ромба все так же держалась на экране телесвязи.

А на визуальном экране было видно, как робот номер три снова направился к спутнику. Шар не желал терять время. Поскольку от робота номер два передача информации временно прекратилась, он приказал номеру третьему начать работу.

— Похоже, что нам все же удастся исследовать базу и основательно познакомиться с ее агрегатами, — сказал Стоун. — Где же та опасность, о которой говорила нам Гианэя?

Она услышала свое имя и вопросительно посмотрела на Муратова.

Он перевел ей слова начальника экспедиции, стараясь не возбудить в ней чувство обиды на то, что ей как будто не верят.

Выслушав, Гианэя повела плечом.

— Я не знаю, в чем заключается опасность, — сказала она, — но хорошо помню слова Рийагейи. Он сказал, что если люди Земли попытаются подойти к базе, то вызовут этим катастрофу. Вот и все. Я считала своим долгом предупредить вас.

Ее слова смутили всех.

— Может быть… — начал Токарев, но Стоун перебил его.

— Гианэя могла неправильно понять Рийагейю, — сказал он. — Или, сама того не подозревая, придать его словам другой смысл. Нельзя из-за ни на чем не основанного страха упускать единственную возможность.

— Ни на чем не основанного! — сказал Токарев. — Разве так?

— Все равно! — Стоун досадливо махнул рукой. Он явно был сильно раздражен.

«Не потому ли, что чувствует свою неправоту», — подумал Муратов.

— Я согласен с Генри, — сказал Сабо. — Раз начали, надо продолжать.

Остальные промолчали.

Пока шел этот разговор, робот номер три вплотную приблизился к спутнику.

— Товарищи, смотрите! — воскликнул Муратов, указывая на телеэкран.

Но все уже увидели, одновременно с ним.

Внутри ромба возникло движение. Короткие вспышки, как стая искр, побежали по проводам, или по тому, что люди принимали за провода.

— Сигналы! — сказал Гарсиа, сидевший за пеленгатором. — Ультракороткие волны.

Едва успели прозвучать его слова, как сильная вспышка света залила экраны. Она была очень ярка и только благодаря смягчающему действию экранов не ослепила людей.

— Так и знал! — сказал Стоун.

Аннигиляция?!

Экраны продолжали светиться. Это означало, что робот номер один не пострадал. И не только не пострадал, но и продолжал руководить операцией.

Изображение, передаваемое им на телеэкран, отодвинулось. Снова стала видна вся база.

Робот номер два по-прежнему стоял возле ромба.

Робота номер три нигде не было видно.

Его судьба была ясна. Он подошел вплотную к спутнику, тот «сообщил» об этом ромбу. Последовала команда, и робот был тут же уничтожен.

Точно так же, как был уничтожен робот-разведчик, посланный три года тому назад с борта «Титова».

Видимо, и тогда спутник получил приказ от этого же ромба.

— А вы говорили! — сказал Токарев.

— Не изменяю своего мнения и сейчас, — ответил Стоун. — База для нас безопасна. Защиту имеют только спутники.

— Внимание! — сказал Сабо. — Выпустить робот номер четыре!

Слово «внимание» произносилось специально для того, чтобы роботы, находившиеся в действии, знали: это к ним не относится.

— С самого начала надо было послать четвертый номер, — проворчал Сабо. — Зря погубили машину!

— Вы сами согласились, что надо испытать степень опасности, — сказал Стоун.

Муратов знал, что робот номер четыре — это такая же

машина, как номера два и три, но снабженная противоаннигиляционной защитой. Он понял, что Сабо решил испытать ее, послав к тому же спутнику.

Третий «человек», гораздо выше и массивнее первых двух, зашагал к выемке, Но он не успел пройти и половины пути, когда случилось то, чего никто не мог предвидеть и ожидать.

Ближайший спутник-разведчик вдруг покачнулся и быстро поднялся, встав вертикально.

За первым последовал второй.

Что-то блеснуло в нижней части аппаратов…

И оба «яйца» взлетели над выемкой, на секунду остановились… снова сверкнули две молнии… и спутники-разведчики исчезли в черной бездне лунного неба.

5

Сабо выругался грубо и зло.

— Доигрались! — раздался из динамика голос Синицына.

Стоун нахмурился, но ничего не сказал, хотя замечание Синицына явно относилось к нему.

— Не об этом ли говорил Рийагейа, — сказал Муратов. — Не это ли подразумевал он под словом «катастрофа».

— Не вижу катастрофы, — сказал Стоун. — Спутники отправились в полет. Мы достанем их там. База осталась в нашем распоряжении.

— Сомнительно! — заметил Вересов.

— Именно так!

На площадке базы все было по-прежнему спокойно. Но вот возникло движение. Многочисленные шланги стали быстро укорачиваться, пока не скрылись внутри куполов.

И снова все замерло.

Внезапно раздался смех — смеялась Гианэя

— Что же вы наделали? — сказала она.

— Откуда мы могли знать? — ответил Муратов. — Вы же нас не предупредили.

— Я сама этого не ожидала,

— Тем более мы.

Неожиданный поворот событий смутил всех участников экспедиции. Слова Муратова заставили призадуматься. Выходило, что команда на взлет была подана ромбом, и именно потому, что на базе появились люди, потому, что база была ими

увидена. Такой случай предвидели ее строители и заранее приняли меры. Видимо, они ничего не имели против того, чтобы «земляне» познакомились с базой, но отнюдь не со спутниками. И, выполняя их волю, оба «яйца» улетели от нежелательного соседства.

Но только ли улетели? Только ли отправились во внеочередной полет вокруг Земли? Рийагейа вряд ли назвал бы простое бегство катастрофой.

Но гадать было совершенно бесполезно.

— Вы не знаете, — спросил Гианэю Гарсиа, — через какой промежуток времени эти спутники возвращаются сюда?

— Не знаю. Но они летают долго.

— Придется доставать их в небе, — сказал Сабо. — Это труднее и более сложно. Жаль, что так получилось. Уничтожить их здесь было просто. Но нет худа без добра. Теперь мы можем основательно ознакомиться с оборудованием базы. И нет смысла уничтожать ее вообще.

— Как сказать, — возразил Токарев. — Может быть, как раз наоборот: надо уничтожить базу и тем лишить спутников возможности заряжаться. И, вернувшись, когда придет время, они окажутся в наших руках.

— Совсем уже невероятно, — сказал Вересов. — Во-первых, они могут защищаться неопределенно долго, даже потеряв способность летать. А во-вторых, вряд ли они смогут вернуться на базу, если будет уничтожен ромб.

Стоун долго молчал.

— Я кое в чем ошибся, — сказал он. — Вот мое решение. Базу уничтожим, но после того, как детально ее обследуем. Спутников тоже уничтожим, в небе. Есть возражения?

— Обследование надо производить крайне осторожно, — сказал Синицын. — Кто может знать, какие сюрпризы здесь заготовлены.

— Мы будем осторожны.

Предложение Стоуна было принято.

Робот номер два все еще неподвижно стоял у ромба. Четвертый оставался там, где застал его неожиданный отлет спутников. Видимо, приказ остановиться он получил от шара.

Но вот оба робота зашевелились. Электронный мозг шара разобрался в обстановке и принял решение продолжить работу. Второй номер снова поднял «руки» и положил их на поверхность ромба, четвертый двинулся вперед.

— В сущности, он уже не нужен, — сказал Сабо.

— Неважно, — ответил Стоун. — Противоаннигиляционная защита ему не помешает. Гианэя повернулась к Муратову.

— Зачем вы продолжаете совершать ошибку? — сказала она. — Или вы хотите погубить ваши машины? Мне жаль их, они выглядят очень умными.

— Разве им угрожает опасность, когда нет спутников?

— Я вам говорила — уничтожьте!

— Объясните яснее, Гианэя.

— Разве я это знаю, — сказала она, как показалось Муратову, с грустью в голосе. — Я мало знаю.

— Так почему же вы так настойчиво рекомендуете уничтожить, и притом скорее?

— Потому что я слышала. Рийагейа сказал кому-то из наших, что никогда люди Земли не смогут узнать устройство ни спутников, ни базы, даже если найдут их. Он прибавил: «Такая попытка дорого им обойдется». Он хорошо знал.

Муратов поспешно передал ее слова остальным.

— Мне теперь кажется, — прибавил он, — что этот Рийагейа имел в виду, что, тронув базу, мы приведем в действие что-то относящееся к спутникам и, видимо, опасное.

— Да, вы правы, — с тревогой согласился Стоун. — Мы совсем упустили из виду, — как только была обнаружена база, спутники улетели. Может последовать команда действовать.

— И даже наверное, — раздался голос Синицына. — Они, безусловно, должны были предусмотреть возможность нахождения нами этой базы и отлично понимали, что в этом случае она будет нами уничтожена.

— Номер первый! — На этот раз голос Сабо не был так невозмутимо спокоен. — Прекратить поиск! Назад! — Он повернулся к Стоуну. — Риск действительно очень велик. Лучше не искушать судьбу.

— Как ни жаль, но, по-видимому, это будет самое лучшее.

— Уничтожаем?

— Да, — твердо ответил Стоун.

Решение было принято.

Но оно опоздало.

Хозяева базы решили все раньше.

На Луне нет звуков. И первый взрыв люди увидели. Робот номер один еще не погасил своего прожектора, ожидая, пока выйдут из выемки оба его помощника. Они как раз показались

на краю площадки, когда один из куполов вдруг точно раскрылся, изнутри его вырвался сноп огня, и через мгновение на этом месте осталась только глубокая яма.

И тотчас же взорвался второй, потом третий…

Четвертый взрыв произошел уже в темноте. Шар быстро полз к вездеходам. Впереди его «бежали» оба робота-«человека».

А там, в черной мгле тени, с методической аккуратностью, через равные промежутки времени взлетали столбы огня, уничтожая не известные людям сложные установки базы, доставленные сюда соотечественниками Гианэи с другой планеты, — сгусток технической мысли неведомого народа.

Люди Земли были бессильны. Ничто не могло остановить разрушение. Никто никогда уже не узнает, что представляли собой купола и ромб. Об этом оставалось только догадываться.

«Прогремел» беззвучно последний взрыв, самый мощный.

И наступила прежняя «тишина».

Пять прожекторов без чьей-либо команды, но одновременно, осветили изрытую ямами площадку.

Все обратилось в пыль. Там, где стоял ромб, сила взрыва обрушила часть скалы, обломки гранита засыпали половину выемки.

И только ровные линии ее границ указывали, что здесь находилось искусственное сооружение.

И это было все, что осталось людям на память о пришельцах из космоса.

Нет, не все!

Оставались еще два спутника!

Где-то в пространстве они снова кружились возле Земли, неся на себе неизвестную опасность.

Нельзя было сомневаться, что «команда действовать», как говорил Стоун, уже отдана. Это логически вытекало из того факта, что база перестала существовать. Ромб должен был выполнить и, конечно, выполнил свое последнее назначение.

Что же грозит Земле в ближайшие часы, а может быть, и минуты?

И на Земле ничего не знают!

Штабной вездеход полным ходом помчался обратно к станции. Волнение и тревога были настолько сильны, что об остальных машинах вспомнили только в пути и по радио объяснили причину такого стремительного отъезда.

Через десять минут Сабо и Стоун уже были в радиорубке. Прямая связь с Институтом космонавтики была установлена меньше чем за минуту, и Сабо, внешне спокойный, передал тревожное сообщение.

— Вы должны немедленно вылететь, — сказал Стоун Вересову, — нагнать эти спутники и уничтожить их. Ах, да, — воскликнул он с отчаянием, — я и забыл, на вашем корабле нет антигазовых катапульт!

— Они есть на «Титове», — спокойно сказал Вересов. — Неужели вы думаете, что на Земле не догадаются, что надо делать?

— Вы правы, — ответил Стоун. — Я потерял голову.

Гианэя сразу по приезде на станцию отправилась в бассейн. Она до странности любила воду.

Муратову нужно было задать ей несколько вопросов. Не раздумывая, он пошел туда же.

Гианэя плавала, как всегда, быстро. Он подождал, когда она приблизилась к нему, и окликнул ее.

Она остановилась и стояла в воде почти не двигаясь. Плавучесть ее тела была поразительна. Мокрые волосы черным шлейфом слегка колыхались за ее спиной.

— Извините, — сказал Муратов. — Я вам помешал.

— Это ничего, — улыбнулась Гианэя.

— Мы просим вас припомнить, не говорил ли Рийагейа, в чем именно заключается опасность спутников для людей Земли.

— Я не слышала.

— Но вы знали, зачем летели к Земле?

— Мы знали это.

— Зачем же?

— Чтобы осуществить давно задуманный план.

— Какой?

Гианэя засмеялась.

— Вы не последовательны, Виктор, — сказала она насмешливо. — Если бы я могла ответить на этот вопрос, то могла бы и на первый. Это одно и то же. Я знала, что мы хотели осуществить наш план. А какой? Об этом знали Рийагейа и еще трое.

Марина говорила брату, что Гианэя способна на ложь. И он был совершенно уверен в том, что и сейчас она лжет. Его уверенность в этом подкреплялась ее же фразой: «Люди Земли не

заслуживают той участи, которую им готовили». Чтобы так сказать, надо знать, что готовилось.

— Вы знаете, Гианэя, — сказал он тихо. Снова раздался ее мелодичный смех.

— Допустим, — сказала она, нимало не смущаясь. — Но вам этого знать не нужно. Муратова взорвало.

— После того, что вы нам уже сообщили, — сказал он резко, — вы обязаны сказать все.

— Вы меня упрекаете?

Муратов понял, что надо изменить тон. Огонек в глазах Гианэи был опасен.

— Я ни в чем вас не упрекаю, Гианэя, — сказал он. — Наоборот, я восхищаюсь вашим благородным поступком. Вы оказали нам огромную услугу. Но будьте же последовательны. Нас очень тревожит неизвестность.

— Конечно, она должна вас тревожить. Но, если бы я и сказала, вы этого не поймете. — Гианэя в третий раз повторила эту фразу.

Муратов силой воли заставил себя не реагировать.

— Попробуйте, — сказал он только. — Может быть, мы способны вас понять.

Она взялась руками за край бассейна, легко поднялась из воды (ее движения всегда были легки, а здесь, на Луне, в особенности) и непринужденно села рядом с ним. Электрический свет бликами играл на ее влажном зеленоватом теле.

— Для этого вам надо знать, что послужило причиной возникновения нашего плана.

— Так расскажите это.

— Я расскажу.

— Когда?

— Когда-нибудь потом. Здесь не место для столь длинного разговора.

— Но пока вы будете собираться, — снова не выдержал Муратов, — может произойти непоправимое.

— Это возможно. Но теперь уже ничего нельзя исправить или изменить. Не говорите со мной резко, я этого не люблю. Наш план уже осуществляется помимо нас. Так случилось по вашей вине. Я вас предупреждала.

Ее хладнокровное спокойствие и необъяснимое упрямство способно было довести до бешенства. Муратов сдерживался с трудом. Ведь она сама сказала когда-то, что «спасает» людей. А

теперь ни единым словом даже не пытается помочь тем же людям.

Может быть, одного ее слова было бы достаточно!

Он почувствовал что-то вроде ненависти к этой женщине чужого мира, так равнодушно говорившей об опасности, угрожавшей человечеству.

«Она сама помирилась со своей участью никогда не вернуться на Родину,

— думал он. — А наша участь ее нисколько не интересует. Может, она даже радуется».

Он понимал, что не справедлив к Гианэе. Ее поразительное, до тождества, внешнее сходство с людьми часто заставляло забывать о том, что это человек иного мира, рассуждающий иначе, думающий иначе, ведущий себя иначе. Ее поведение продиктовано другими взглядами, представлениями, понятиями, совсем иным воспитанием. В чем же можно было обвинять Гианэю? В том, что она не такая, как люди Земли? Она и не могла быть такой.

Был момент, еще на Земле, когда Муратов подумал, что слова Гианэи «спасаю вас» вызваны не опасением за судьбу людей, а инстинктом самосохранения. Ведь, живя на Земле, Гианэя разделяла любую участь человечества Земли. Но сейчас он понял, что она была тогда искренна. Ее собственная участь ей безразлична. Если бы это было не так, Гианэя сказала бы все немедленно.

— То, что сделал Рийагейа, оказалось напрасным, — задумчиво произнесла Гианэя, очевидно думая вслух. — Но так и должно было случиться.

Муратов расслышал эти слова, хотя они и были сказаны очень тихо.

Он не задал напрашивающегося вопроса, — она говорила не ему, а самой себе.

И вдруг он осознал, что Гианэя сказала эту фразу по-испански.

Он еще не успел до конца понять все значение этого факта, когда Гианэя резким движением бросилась в воду. Брызги окатили его с головы до ног.

— Вам нет причин волноваться, — крикнула она, уплывая. — Марина говорила мне, что вы справитесь с любой опасностью.

6

Несколько минут Муратов машинально следил за Гианэей. Он первый раз видел, как она плыла, и невольно залюбовался красотой ее движений. Играя в поло, Гианэя плавала иначе.

Но его мысли были далеко.

Она сказала самой себе, подумала вслух — и сделала это на земном языке!

Люди иногда произносят свои мысли вслух, когда глубоко задумываются. И в самом факте, что Гианэя, очевидно, не заметив этого, выразила свои мысли словами, не было ничего удивительного. Но почему она «подумала» на испанском языке? Было гораздо естественнее, если бы она сказала эту фразу на своем. Человек всегда думает на своем, а не на чужом языке.

Муратов чувствовал, что стоит на пороге какого-то очень важного открытия.

«Выходит, — думал он, — что испанский язык знаком Гианэе очень давно, может быть, с детства. Она его так хорошо знает, так привыкла к нему, что даже может на нем думать. Это странно и необъяснимо. Но примем это как факт. Гианэя явно не разбирается в технических вопросах, плохо знает цель их прилета в Солнечную систему. План ее соплеменников известен ей только в общих чертах. Почему это так? В космический полет не возьмут ненужного члена экипажа. Зачем-то она была им нужна. Зачем? Только одно могло сделать ее полезной — знание ею языка Земли, испанского языка. Гианэя должна была служить им переводчицей! Но тогда получается, что экипаж погибшего корабля намеревался высадиться на Земле, а не только на Луне, где, по их мнению, людей еще не было. Чрезвычайно важный вывод!»

Муратов чуть не бегом бросился на поиски Стоуна. Он нашел начальника экспедиции в обществе Сабо, Токарева и Вересова.

— Послушайте, товарищи! — В своем волнении Муратов даже не заметил, что прервал что-то говорившего Стоуна на полуслове. — Я могу сообщить вам очень важную новость.

Он передал подробно весь свой разговор с Гианэей и свои мысли.

— Получается, — закончил он, — что они не только намеревались осуществить свой план, но и какое-то время провести

на Земле. Как же это согласовать?

Сообщение Муратова произвело большой эффект. Стоун в волнении вскочил с кресла.

— Вы правы, тысячу раз правы, — сказал он. — Мы глупцы, что не поняли этого раньше. Вся ситуация меняется. Если Земле грозит опасность, то, как бы она ни была страшна, это не катастрофа. Их план осуществится не мгновенно, для него нужно время. И достаточно длительное. А тогда и страшного ничего нет. Мы справимся с любой опасностью — (Стоун, не зная этого, повторил только что сказанные Гианэей слова). — Спутники будут уничтожены в ближайшие часы. Вы трижды молодец, Муратов! Другой бы не обратил внимания на то, что Гианея думает по-испански. Она явно знает этот язык с детства, это совершенно очевидно. И, значит, с детства предназначалась для роли переводчицы. Вспомните, она как-то сказала, что прилетела на Землю почти против воли.

— Если все это так, — сказал Токарев, — то зачем было Рийагейе уничтожать корабль и самого себя? Если он был друг Земли, логичнее было явиться к нам и предупредить об опасности.

— Да, если он мог это сделать, — отозвался Сабо. — Мы ничего не знаем, вот в чем горе.

— При этом нельзя забывать и о том, что все наши предположения могут оказаться совершенно ошибочными, — сказал Стоун. — Возможно, что корабль не был уничтожен, а все же погиб по несчастной случайности.

— Нет, невозможно, — возразил Муратов, немного подумав. — Гианэя сказала: «То, что сделал Рийагейа, было напрасным». Почему напрасным? Да потому, что спутники все равно получили приказ действовать. Это опять-таки вытекает из ее же слов.

— Она может и сама ошибаться, — с обычной упрямой манерой сказал Стоун.

Но, как выяснилось очень скоро, Гианэя не ошибалась.

* * *

Сообщение Седьмой лунной экспедиции было встречено на Земле с вниманием, но без особой тревоги. Те, кому это полагалось, обсудили полученное известие и пришли к выводу, что самой Земле, то есть тому, что было построено на ней людьми, никакая опасность угрожать не может. Что могли сделать

огромной планете два маленьких «яйца» по сорок метров в длину, чем бы они ни были начинены. Даже взрыв обоих спутников, в сотни раз превосходящий по мощности их полную аннигиляцию, на том расстоянии, на котором оба спутника держались от поверхности Земли, не причинил бы ни малейшего разрушения. Речь могла идти только о том, что на спутниках заложено что-то вредное для населения Земли, скорей всего, источники какого-то мощного излучения, действующего на живые организмы. Да и то только в том случае, если действительно было задумано причинить людям вред, в чем многие все еще сильно сомневались.

Но словам Гианэи не было оснований не верить. Тревожный сигнал был получен, и надо было принять меры защиты.

Они были приняты быстро и оперативно.

Космическая служба получила приказ немедленно отправить звездолет «Герман Титов» в погоню за спутниками и уничтожить их. Только на этом корабле давно уже были установлены антигазовые катапульты. Оборудовать еще один корабль в помощь «Титову» не было времени.

Радиообсерватории и станции космических лучей усилили наблюдение за всеми излучениями, идущими к Земле из космоса.

И буквально через считанные минуты после получения радиограммы о вылете с Луны обоих спутников-разведчиков (их продолжали так называть по старой привычке) они были «схвачены» зоркими лучами локаторов, объективами визуальных телескопов, мощными щупальцами гравиометров, размещенных на многочисленных искусственных спутниках Земли.

И, вылетев со своей лунной базы, оба «яйца», пестрые с одной стороны и по-прежнему невидимые с другой, смогли летать всего несколько часов.

В этом отношении Седьмая лунная экспедиция «спугнувшая» спутников, оказалась очень полезной. «Яйца» не успели даже разойтись в пространстве, а были настигнуты «Титовым» почти в одном и том же месте — над меридианом Гавайских островов.

В этот момент над Тихим океаном стояла глубокая ночь. И очень немногие люди увидели ярко блеснувшие молнии аннигиляции, возвестившие, что оба спутника иного мира перестали существовать.

Успели ли они выполнить в какой-то мере свое назначение? Или погибли бесполезно для своих хозяев?

Ответ на этот вопрос был получен через два часа после их уничтожения.

И на оба вопроса пришлось дать положительный ответ.

Спутники успели причинить, хотя и небольшой, но вред. Пришлось принять меры к очищению атмосферы и прибегнуть к медицинскому вмешательству по отношению к тем, кто оказался затронутым излучением со спутников. Смонтированные на них установки, видимо, начали действовать сразу же после вылета с Луны.

Но спутники не выполнили своего назначения в полном объеме. В этом смысле они погибли бесцельно.

Скорей, чем ожидалось, люди узнали, что им грозило, чем хотели поразить население Земли соплеменники Гианэи.

И ясной стала их цель.

Те, кто был в курсе событий, а таких пока еще было немного — ведущие ученые, сотрудники космической службы, персоналы обсерваторий, — невольно улыбнулись.

Слишком очевиден был грубейший просчет, слишком низко оценивали науку и технику Земли соплеменники Гианэи. Если даже они были в первый раз на Земле в средние века, они должны были принять во внимание законы развития общества, которые не могли быть им неизвестными.

Но они ничего не предвидели и потому просчитались.

— Было бы совсем не до смеха, — сказала одна из крупнейших ученых-физиков Земли — профессор Марлен Фрезер, — если бы они осуществили свой замысел несколько веков тому назад. Да и в последние века, когда люди были разобщены эксплуататорским строем, их акция могла привести к гибели многие существовавшие тогда малоразвитые народы. Но сейчас, у нас… Что может причинить вред объединенному человечеству?

— Приходится сделать вывод, — дополнил ее слова другой ученый, — что мы ошибаемся относительно сроков запуска спутников-разведчиков. Видимо, они появились возле Земли не так уже давно. Но тогда и те, кто запустил их, были на Земле недавно. И еще более непонятным становится их просчет. Чтобы так ошибиться, надо обладать исключительно развитым самомнением, высокомерием по отношению к другим и глубоким презрением ко всем, кого считаешь ниже себя.

Никто на Земле и не подозревал, как близок к истине был этот ученый.

Всякая опасность миновала.

Сейчас! А в будущем?

Можно ли ждать нового нападения?

Оно могло произойти. Но, судя по тому, что среди народа Гианэи появились люди, подобные Рийагейе, этого не приходилось опасаться. Неизвестное человечество, очевидно, достигло такого уровня развития, когда становятся невозможным враждебные акты в отношении других человечеств.

Оставалось загадкой, как могли существа, обладавшие столь могучей наукой и техникой, задумать и пытаться осуществить бесчеловечный план — заставить население земного шара исчезнуть с лица планеты, исчезнуть «естественно», в силу прекращения рождаемости, и самим заселить освободившееся место.

Это свидетельствовало, во-первых, о перенаселении их собственной планеты, а во-вторых, — о низком моральном уровне.

Но низкий моральный уровень и высочайшее развитие техники, с земной точки зрения, были несовместимы.

Немного спустя после всех этих событий известный историк и философ Андрей Первенцев выступил со статьей, где излагал свою точку зрения на весь комплекс этих загадок.

По его мнению, единственное объяснение надо было искать в аналогии с земной историей.

Законы развития общества разумных существ всюду примерно одинаковы. Но природа бесконечно разнообразна, и бесконечно разнообразны пути развития мыслящих существ. Тем более в таких масштабах, как вселенная.

Всего немногим более ста лет тому назад одна из самых развитых стран Земли — Германия — ввергла мир в опустошительную войну, проводя доктрину уничтожения других народов. А разве владение термоядерными силами — не высокая техника? И разве не было времени, когда люди, владевшие этой техникой, готовили ядерную катастрофу, грозившую тем, кто уцелеет, той же участью, которой грозили соотечественники Гианэи?

«Природа эксплуататоров, — делал вывод Первенцев, — всегда и всюду одинакова. Для меня нет сомнений, что на планете Гианэи существовал резко выраженный эксплуата-

торский строй в то время, когда был задуман их план. Теперь, по всей вероятности, такого строя там уже нет. Или он доживает последние дни своего существования. В этом убеждает нас все, что сделал Рийагейа».

Первенцев был еще ближе к истине. Но пока этого еще не знали.

Одно было ясно: такой враждебный акт, с каким пришлось столкнуться людям Земли, — редчайшее исключение. И не было оснований думать, что это исключение может когда-нибудь повториться.

Как правильно сказала Фрезер, космическая интервенция могла иметь успех в пору младенчества человеческого общества. Но не тогда, когда люди объединились и могли совместно защищаться от любой опасности?

Общество, живущее дружной, сплоченной семьей, достигшее высоких вершин науки и техники, уже непобедимо.

7

— Это начинает меня беспокоить, — сказала Марина.

Она встала и, козырьком ладони защищая глаза, всматривалась в сверкающую мириадами искр водную даль.

Изумрудно-сапфировые волны Черного моря лениво набегали на берег. Перламутровая дымка скрывала линию горизонта. Там, где только угадывалась эта линия, словно висело в воздухе белое судно. Оно было далеко и казалось неподвижным. День был почти безветренным, изредка чувствовалось легкое дуновение, приносившее не прохладу, а еще больший зной.

Черной головки Гианэи нигде не было видно.

— Она прекрасно плавает, — лениво сказал Виктор Муратов.

— Но прошло больше часа.

— Что ж из того.

— Я все-таки беспокоюсь.

Рауль Гарсиа приподнялся на локте.

— Поехали на поиски, — предложил он.

— На чем?

— На любом катере. Если мы объясним, в чем дело, каждый уступит нам лодку.

— Подождем еще немного.

Беспокойство сестры передалось и Виктору. Он вскочил и подошел к воде.

Они все много плавали в этот день. Гианэя все время была с ними. А когда все устали, она уплыла одна. И вот прошел целый час, а Гианэи все не было.

Уже месяц, как Седьмая лунная экспедиция вернулась на Землю. Большинство людей почти забыло тревоги и волнения тех дней. И только присутствие на Земле Гианэи невольно напоминало о необычайных событиях.

Участники Седьмой экспедиции решили предоставить себе месячный отдых и в полном составе поселились на Кавказском побережье.

В первое время Гианэи с ними не было — она вернулась в Японию, к Марине.

Многое прояснилось за этот месяц. Гианэя стала заметно откровеннее. Окончательно было выяснено, что где-то существует мир, обитатели которого остро нуждаются в планете для заселения. Перестало быть загадкой, что Гианэя не помнит своей родины, обстоятельство, так сильно поразившее в свое время Виктора Муратова. Она родилась на другой планете, найденной ее соотечественниками и признанной ими не годной для колонизации. Своей настоящей родины Гианэя никогда не видела.

Яснее стала и личность Рийагейи. Ученый, инженер (по-земному), технический руководитель космической экспедиции, этот человек, по-видимому, был совсем не похож на других соплеменников Гианэи. Он всегда возражал против плана своих товарищей относительно Земли, считал этот план бесчеловечным. Он настаивал на том, чтобы остаться на первой планете, застроить ее и заселить. Почему с ним не соглашались, осталось неясным. Гианэя чего-то недоговаривала.

И хотя была вполне ясной цель прилета корабля, с которого высадилась Гианэя, к самой Гианэе никто на Земле не испытывал неприязненных чувств.

Ясной была пассивная роль этой девушки, а ее словам, что она полетела на Землю против воли, все верили, и это служило оправданием той симпатии, которую все чувствовали к Гианэе.

По словам Марины Муратовой, после возвращения с Луны Гианэя поразительно изменилась. Если раньше у нее иногда чувствовался скрываемый страх, то сейчас от него и следа не осталось. Если раньше Гианэя старалась избегать людей, то

теперь она искала их общества. И по ее желанию, по ее инициативе Марина и Гианэя вскоре присоединились к участникам Седьмой экспедиции.

Причина этой перемены угадывалась всеми. Гианэя знала о грозящей людям Земли опасности, она ожидала осуществления преступного плана и боялась возмездия. Было очевидно, что она судила о людях по обычаям и представлениям своих соплеменников, которые, видимо, были суровы и жестоки. Недаром, после того как она стала откровенной, Гианэя заявила, что путь на родину ей закрыт.

А теперь, когда ничего не случилось, когда план был в корне ликвидирован и никакая опасность не висела больше над людьми, Гианэя перестала бояться за себя.

Все это было достаточно правдоподобно, чтобы считаться истиной.

Конечно, никто не тронул бы Гианэю, даже осуществись их план. Но ее тревога была понятной.

На вопрос, могут ли ее соотечественники направить к Земле новых спутников-разведчиков, Гианэя решительно и твердо ответила: «Нет!». И отказалась подробнее обосновать этот ответ.

— Я не хочу, — сказала она Марине, — чтобы у вас сложилось слишком плохое мнение о нас. И так уже оно нелестно. Понимаю, что с вашей стороны это не простое любопытство, но верьте моим словам. Никогда больше никаких попыток повредить людям Земли не будет. Я говорю это от имени Рийагейи, хотя он и умер. Если бы это было не так, он не сделал бы то, что сделал.

Эти слова, сообщенные Мариной, убедили всех. Личность Рийагейи, которого никто не видел и не увидит, продолжала влиять на события и после его смерти. Ему верили, а в том, что сказала Гианэя от его имени, была несомненная логика. Не было никакого смысла жертвовать собой и своими товарищами, если возможно было направить к Земле новые спутники с той же целью. Тогда, как сказал как-то Токарев, было логичнее явиться к людям и предупредить, об опасности.

Правда, оставалось неясным, почему Рийагейа предпочел уничтожить себя и корабль. Он мог бы и в этом случае явиться к людям. Ведь корабль намеревался опуститься на Землю, что подтвердила и Гианэя.

Она стала гораздо откровеннее, но не до конца. О многом

она умалчивала, а то, что становилось известным от нее, приходилось дополнять воображением.

Но можно было надеяться, что рано или поздно Гианэя все расскажет.

Как и раньше, было решено предоставить ей поступать как она хочет и не форсировать событий.

Гианэю окружали прежним вниманием и заботой.

Многих удивляло, что девушка иного мира нисколько не тяготится безделием. Скоро два года, как Гианэя находится на Земле, она объездила весь земной шар, видела все и, по понятиям людей Земли, давно должна была испытать потребность в каком-то труде. Но никаких признаков того, что Гианэя чувствует такую потребность, не замечалось.

Было уже известно, что Гианэя очень молода. Марина получила наконец ответ на вопрос о возрасте гостьи из космоса. Гианэя сумела даже высчитать свои годы по-земному времени. Оказалось, что если считать по земным годам, то Гианэе всего только семнадцать лет.

Это отчасти объясняло очевидную привычку не трудиться. Гианэя еще не успела привыкнуть к труду.

На естественный вопрос, сколько лет живут, в среднем, ее соотечественники, последовал ответ, который очень многим показался невероятным. Гианэя назвала чудовищную цифру — 500. Выходило, что, по земным годам, ее соплеменники жили в шесть раз дольше людей Земли.

Причины такого долголетия, было ли так всегда или только в последние века, разумеется, очень интересовали ученых, но ответ Гианэи был прост и принес разочарование:

— Я не знаю, — сказала она.

Мало было надежды узнать то, чего не знала Гианэя. Где находится ее первоначальная родина, было ей неизвестно.

— Но там-то знают, куда улетели ваши корабли? — спросили Гианэю.

— Нет, — был более чем странный ответ. Многое оставалось загадочным. И, по-видимому, навсегда. Если на родине Гианэи не знают о существовании Земли, не было никакой надежды на прилет оттуда космического корабля. В просторах вселенной случайное нахождение планеты, и притом той, которая была нужна, исключалось. Шансы на такую случайность были равны нулю.

Это огорчало и раздражало. Невольно хотелось, чтобы

вместо Гианэи на Земле находился более осведомленный человек.

— Эх! — говорили ученые. — Если бы Рийагейа был здесь!

Тогда, конечно, связь двух миров не оборвалась бы, как сейчас.

Но изменить или исправить ничего нельзя было. Так случилось, и с этим приходилось мириться.

Вековая мечта — установить, наконец, связь с другими обитаемыми мирами — грозила остаться на неопределенное время, как и раньше, мечтой.

— Хорошо, что хоть смотреть на эту представительницу иного разума приятно, — шутили на Земле. — Она могла оказаться уродом.

Но это было слабое утешение.

* * *

Прошло еще десять минут.

Уже несколько десятков человек с тревогой всматривались в море, ища биноклями исчезнувшую Гианэю. Муратов и Гарсиа уже получили прогулочный катер и готовились отправиться на розыски девушки.

— Вот она! — облегченно сказала Марина, первой заметившая беглянку.

Черный шлейф волос, колеблясь в такт движениям пловца, быстро приближался к берегу. Гианэя плыла в своем обычном стиле. В ней не чувствовалось утомления после почти полуторачасового заплыва. Зеленоватые руки равномерно и сильно рассекали воду.

А когда она вышла на берег, в огненно-оранжевом купальном костюме, никто не заметил и затрудненного дыхания. Гианэя выглядела совсем свежей.

— Ну можно ли так волновать нас! — сказала Марина.

Гианэя улыбнулась.

— Я далеко заплыла, — сказала она ровным и свободным голосом. — Хотела догнать белое судно. Но мне это не удалось. А потом я задумалась и забыла, что вы меня ждете. Простите!

Она опустилась на мелкую гальку, вперемежку с песком покрывавшую пляж.

В этом движении так же не было заметно утомления.

— О чем же вы так задумались? — спросил Гарсиа. Молодой инженер с особой симпатией относился к Гианэе. Эта

симпатия очень походила на влюбленность, что, конечно, служило поводом частых шуток.

Гианэя повернулась к Муратову.

— Мне стало грустно, — сказала она, и Виктор сразу уловил в ее тоне новую нотку. Он посмотрел в ее глаза. Нет, в них не было слез, но они чувствовались в ее словах. — Я вспомнила своих родителей, сестер, братьев. И так мучительно захотелось увидеть их.

Она не ответила на вопрос самому Гарсиа. Но он не обиделся. Все хорошо знали, что Гианэя, когда вопрос казался ей важным, всегда обращалась только к Муратову.

— Но этого никогда не будет, — прибавила Гианэя.

— Боюсь, что это так, — мягко ответил Муратов. — Мы сделали бы все, чтобы дать вам возможность вернуться, но вы сами не знаете, где находится ваша вторая родина. Но, может быть, оттуда прилетит к нам еще один корабль.

— Он должен был прилететь, — неожиданно сказала Ги-

анэя — Но в последний момент было решено не посылать его.

— Ваши люди могут еще передумать. Скажите, Гианэя, — Муратову хотелось отвлечь ее от тяжелых мыс-леи, — почему именно вы были выбраны на роль переводчицы? Разве только вы знали испанский язык?

— Его хорошо знает мой отец, — ответила Гианэя, — но он уже стар, чтобы вторично лететь на Землю. А я лучше всех училась у него.

— Ваш отец был у нас?

— Он участвовал в первом! полете. Именно тогда была найдена ваша Земля.

— Они долго были на Земле?

— Точно не знаю, но, кажется, долго. Отец успел хорошо выучить язык.

— Когда это было?

Рауль и Марина насторожились, услышав этот вопрос, давно интересовавший всех. Ответит ли Гианэя?

— Вам покажется странным, — сказала Гианэя, — но я не знаю этого. Очень путается время в космических полетах. Во всяком случае, по вашему счету лет, это должно было произойти около полувека тому назад.

— Что? — Муратов в сильном волнении приподнялся. — Вы не ошибаетесь, Гианэя?

— Думаю, что не ошибаюсь. А что вас удивляет?

— Нет, ничего. Мы думали, что это было более давно.

Ответ Гианэи в одно мгновение разрушил все здание догадок и гипотез, построенное людьми. Казалось несомненным, что соотечественники Гианэи были на Земле в средние века. Трудно было допустить, что их никто не заметил в более позднее время. Полвека! Это означало, что чужой корабль опустился на Землю в последней четверти двадцатого века, в эпоху социализма и бурного расцвета космонавтики. Невероятно!

— Давайте разберемся, — сказал Муратов, стараясь скрыть от Гианэи возраставшее волнение. — Нам нечего делать, и можно заняться немного математикой. Сколько вам было лет, когда ваш отец улетел на Землю?

— Нисколько, — улыбнулась Гианэя. — Я еще не успела родиться.

Это затрудняло задачу.

— Ну хорошо, а сколько лет было ему самому?

— Не знаю.

— Но ваша мать, например, должна была помнить, сколько времени он отсутствовал.

— Наверное, она это помнит, но я ее никогда не спрашивала.

План Муратова рухнул.

И все же он не мог поверить ее словам!. Полвека! Нет, Гианэя ошибается. Еще можно было поверить в начало девятнадцатого века, но в конец двадцатого… Гианэю путает разница во времени для людей, находящихся на планете, и для тех, кто летит в космосе с субсветовой скоростью. Все дело в этом.

Но Гианэя могла ошибиться на век, на полтора века, никак не больше. Гипотезу о средних веках земной истории приходилось сдавать в архив.

Это меняло всю картину, составленную учеными Земли при непосредственном и активном участии самого Муратова.

«Да, очень, очень плохо, что вместо Гианэи, — думал он, — здесь нет самого Рийагейи. Откроется ли когда-нибудь истина, или она навеки останется неизвестной?»

Муратов так задумался, что не ответил на какой-то вопрос, заданный Гианэей.

Она повела плечом и повернулась к Марине.

— Смотрите, товарищи, — сказал Гарсиа, — к нас бежит Стоун.

— Бежит? — удивилась Марина.

Все обернулись.

Стоун действительно не шел, а бежал. Это было совсем на него не похоже. Видимо, что-то случилось.

Даже не поздоровавшись, что также было совсем на него не похоже, Стоун сказал задыхаясь:

– Переведите ей! Возле Земли появился космический корабль, и несомненно, этот корабль принадлежит ее соплеменникам.

8

Приближение к Земле невидимого корабля первыми обнаружили гравиометры лунных станций.

Уже одна только невидимость наводила на мысль, что этот корабль принадлежит тем, кто прилетел полтора года назад. Да и не могло так случиться, что за короткое время Землю посетили обитатели двух разных планет. Это была бы чересчур невероятная случайность, после того как подобного посещения

ни разу не произошло на протяжении тысячелетий, если не считать визита тех же соотечественников Гианэи.

Конечно, это были они.

Но зачем! С какой целью они явились так скоро?

План соплеменников Гианэи был совершенно ясен, и это давало возможность предвидеть дальнейшие их действия.

Прилет на Землю второго корабля был преждевременен.

Сколь ни мало времени действовали излучатели спутников-разведчиков, это излучение было поймано приборами, изучено и расшифровано. Оно было родственно радиации от ядерных взрывов, и влияние его на человеческий организм должно было привести к полному прекращению рождаемости. Человечество Земли должно было «естественно» вымереть.

На осуществление такого плана требовалось, как минимум, восемьдесят-девяносто лет. Только по истечении этого срока ожидался вторичный прилет.

Экипаж первого корабля был уничтожен Рийагейей. Оставшиеся на месте не могли знать, что план провалился.

Но вот они явились спустя всего полтора года.

Безусловно, они должны были думать, что установки на спутниках включены их товарищами с первого корабля. Что случилось в действительности, они не знали и не могли знать.

Зачем же они прилетели?

Было три объяснения.

Первое, самое неправдоподобное, заключалось в том, что корабль Рийагейи не вернулся. Неправдоподобным оно было потому, что экипаж корабля должен был провести какое-то время на Земле, что вытекало из факта участия в экспедиции переводчицы. Полтора года — это слишком небольшой срок, чтобы успеть преодолеть расстояние от Земли до любой из близких звезд, да еще провести на Земле хотя бы один месяц.

Второе, казавшееся более вероятным, подсказывало мысль, что появившийся корабль прилетел для проверки И, наконец, что являлось самым неприятным, он мог прилететь с целью усилить действие спутников, ускорить его, обрушить на Землю новые, более мощные порции дьявольского излучения.

Последнее как будто опровергалось поступком Рийагейи и тем, что сказала от его имени Гианэя. Но она могла и ошибиться.

И тут пришлось задуматься — как встречать незваных гостей?

Человечество Земли имело все нравственные права попросту уничтожить прилетевший корабль. Это было бы законным, как говорили в старину, актом самозащиты.

Сделать это было легко.

Но такое решение никому не пришло в голову.

Ученые и инженеры испытывали сильно досаждающее чувство разочарования: и база и спутники исчезли бесследно. Никто так и не узнал их устройства и принципов работы. А ведь это была, техника иного мира, и, естественно, желание изучить ее было очень сильно.

Уничтожить и этот корабль! Это означало бы окончательно и навсегда отказаться от мысли познакомиться с этой техникой.

Научное любопытство — сильное чувство, и с ним трудно, почти невозможно бороться. Оно сделало человека тем, чем он был, оно всегда было свойством человека!

Уничтожить корабль! Нет, никогда! Только в крайнем случае, если не останется ничего другого.

Могучая техника Земли подсказала другой путь.

Стоило сделать попытку. Ну, а если она окончится неудачей, в любую минуту можно было развеять прилетевший корабль на атомы.

От момента его появления «в поле зрения» гравиометров и до принятия решения прошло немного времени. И через два часа Земля была уже готова к встрече в любом ее варианте.

Корабль «держали» лучи локаторов. Был уже известен его объем и размеры. Планета окуталась защитным слоем — антирадиационным излучением. Четыре звездолета уже приблизились к гостю и неотступно следовали за ним.

Все было готово.

Пришелец, обреченный и беспомощный, находился в полной власти людей Земли.

Знал ли об этом его экипаж? Они должны были заметить «почетный» эскорт и понять его смысл.

И сделать для себя выводы.

Что же они предпримут?

На Земле спокойно ждали. В Институте космонавтики, превращенном в штаб встречи, Ласло Сабо держал руку на кнопке. Одно нажатие — и, получив сигнал к атаке, четыре звездолета выпустят четыре смертоносных ракеты. Ничего не останется от пришельца.

Он вел себя очень странно.

Видимо, уже давно на нем были включены тормозные двигатели, корабль подлетал очень медленно. И все время замедлял движение — больше, чем это было нужно.

Наконец его скорость упала почти до нуля.

На Луну пришелец, очевидно, не думал опускаться. Чтобы выйти на круговую орбиту возле Земли, по примеру спутников-разведчиков, нужна была большая скорость. Опускаться на самую Землю так медленно казалось бессмысленным.

Создавалось такое впечатление, что командир корабля не знает, что ему делать.

Может быть, он увидел все и понял, что попал в ловушку. Тогда корабль мог внезапно повернуть обратно и исчезнуть в космосе.

Сабо твердо решил не допустить этого. «Живым» пришелец не уйдет от Земли!

Кому могло прийти в голову, что кораблем никто не управляет, что четыре существа, находившиеся в нем, даже не знают, что их путь окончен, что автоматы ждут команды, которую некому было им дать.

Самого пылкого воображения не хватило бы, чтобы заподозрить истину.

На Земле недоумевали.

Исполинский корабль — его длина достигала полукилометра — «топтался» возле Земли, бессмысленно тратил время и энергию. Никакого излучения с него не появлялось.

Но корабль не падал на Землю. Это свидетельствовало о работе тормозных установок. Вблизи такого огромного небесного тела, как Земля, удерживать на одном месте такого гиганта стоило колоссального расхода энергии.

И как-то сама собой появилась мысль о новой трагедии. Экипаж корабля мертв.

Что же могло привести к такому финалу межзвездного полета? Второй Рийагейа?!

Срочно обратились к Гианэе. Она подтвердила свои слова, что второй корабль, точно такой же, как первый, действительно готовился к вылету, но потом! было решено отправить один. Что могло изменить это решение, она не знает.

Теперь появились еще большие основания осуществить намеченный план.

Но для этого следовало сперва убедиться, что приближение к кораблю безопасно, что на нем нет защитных установок,

подобных тем, какие были на спутниках.

Звездолеты, сопровождавшие «гостя», получили указание произвести такую проверку.

Четыре робота-разведчика с разных сторон приблизились к пришельцу из космоса и беспрепятственно коснулись его поверхности.

Аннигиляции не произошло. Защитных установок на корабле не было!

На экранах в рубках управления звездолетов возникли неясные контуры того, что находилось внутри «гостя»…

И новая неожиданность!

Передача с одного из роботов, находившегося у средней части космического корабля, ясно показала, что внутри что-то движется.

Это «что-то» очень напоминало живые существа, напоминало людей!

Выходило, что предположение неверно, экипаж жив!

В Институте космонавтики окончательно стали в тупик. Что же означает нелепое поведение пришельцев? Нельзя же было допустить, что кораблем, совершившим межзвездный полет, управляют люди, не имеющие понятия о законах небесной механики, не отдающие себе отчета в своих действиях.

А получалось именно так!

Никаких колебаний не возникло.

Защитных установок нет, приближение вплотную к кораблю безопасно!

— Поможем! им принять решение, — сказал Сабо.

С Земли вылетела та самая эскадрилья, которой когда-то руководил Муратов. Она была давно подготовлена, с целью превратить еще один астероид в научную космическую станцию. Тратить ее энергию на непредвиденную цель очень не хотелось, но другого выхода не было.

Мощи эскадрильи, которой хватило на изменение орбиты Гермеса, было более чем достаточно.

Корабли казались очень маленькими в сравнении с гигантским пришельцем, но их было восемь. С четырех сторон они подошли к «гостю», по два с каждой, и плотно прилипли к борту, невидимому даже с близкого расстояния, но хорошо различимому, как темный «провал» в космос, на фоне звезд.

Могучие магниты связали пришельца и корабли эскадрильи в одно целое.

Корабль был схвачен и не мог уже вырваться.

Сразу стало ясно, что двигатели пришельца противодействуют притяжению Земли.

Первая часть задуманной операции была выполнена, но встал вопрос, как поступать дальше?

Сила восьми звездолетов, вне всякого сомнения, могла справиться с силой двигателей гостя. Но что произойдет на Земле, после приземления?

Остановятся ли двигатели корабля гостей или будут продолжать так же бессмысленно работать?

Ведь все поведение «гостя» возле Земли было достаточно бессмысленным, чтобы такой вопрос не выглядел праздным.

Нельзя же было приковать корабль к ракетодрому цепями. Да и какие цепи могли удержать космический корабль таких исполинских размеров?

Командир эскадрильи сообщил о своих сомнениях в штаб операции.

Там не долго думали.

Автоматы гостей — а было ясно, что в данный момент кораблем управляют не люди, а именно автоматы — казались «разумными». Правда, соответствовавшие им земные аппараты были «умнее» и не допустили бы бесцельной траты энергии, но все же они действовали с какой-то логикой, если в них была заложена программа ожидать команды при подходе к планете.

Значит, «почувствовав» землю, они должны были остановить двигатели.

В этом смысле Сабо и ответил командиру эскадрильи.

Восемь кораблей перестроились. Зачем было противодействовать двигателям «гостя», если можно было их использовать.

Заодно людям Земли хотелось проверить, насколько «разумны» автоматы пришельцев.

Прилетевший корабль можно было вести к Земле кормой вперед. Тогда его двигатели, если они будут работать по-прежнему, не помешают, а, наоборот, помогут. Ну, а если они начнут работать в противоположном направлении, тогда придется применить силу, хотя и жаль было тратить столько энергии. Оказалось, что «разум» на корабле гостей более совершенен, чем предполагали.

Едва началась буксировка, двигатели гостя перестали работать совсем. Центральный агрегат, видимо, почувствовал и

«понял», что корабль управляется извне.

А может быть, и ничего не понял, но такая посадка была обычной.

Учитывая чудовищные размеры корабля, это было вполне возможно.

Как бы там ни было, это не имело уже большого значения; «гость» не противился, и через полтора часа на освобожденном от всех ракет пиренейском ракетодроме опустились восемь кораблей эскадрильи.

Между ними находилось что-то похожее на призрак.

Исполинское тело закрывало все, что находилось за ним, но было абсолютно невидимо, казалось непрозрачной пустотой.

Люди Земли впервые наблюдали подобное зрелище.

Пришельца встречали только работники космической службы. Элементарная осторожность заставила объявить ракетодром закрытым для посторонних.

Исключение было сделано только для двух человек — Муратова и Гианэи.

Вспомогательные корабли отделились и отлетели к краю ракетодрома.

Гость остался один.

Его надо было сделать видимым!. «Призрак» во многих отношениях был очень неудобен.

Никто не выходил из корабля. Акустические аппараты не воспринимали никаких звуков внутри него. Автоматы телерентгены, сразу подошедшие к нему, не обнаружили никакого движения.

Но ведь на экранах эскадрильи движение видели. Почему же оно теперь прекратилось?

Те, кто находился внутри космического пришельца, словно затаились.

Люди Земли не боялись никаких угроз. Здесь, на Земле, корабль гостей не мог причинить большого вреда: он находился в полной власти хозяев планеты.

Но отсутствие движения невольно наводило на мысль о какой-то угрозе.

Экипаж корабля должен понимать, что попал в плен. Как поступит командир?

Если он вздумает подняться и улететь, — это не спасет. Четыре звездолета эскорта не опустились на землю, они ожидали высоко в небе, над ракетодромом, пристально наблюдая за

гостем. При попытке к бегству корабль будет тут же уничтожен.

Люди тщетно старались догадаться, что происходит сейчас внутри корабля.

Как и раньше, никто, в том числе и Гианэя, не мог даже заподозрить истинное положение вещей.

9

Мериго и его три товарища не заметили и не почувствовали замедления полета. Они не знали, что происходит с их кораблем, не подозревали, что долгий мучительный путь закончен, что они благополучно достигли цели.

Безумная попытка, на которую никогда не смог бы решиться технически и научно грамотный человек, увенчалась успехом благодаря целому ряду случайностей… Но и этого они не знали.

Случайностью было, что четверо остались вообще живы. Наивные, они были уверены, что путь до другой планеты короток. И если бы звездолеты «ненавистных» не служили им складом продовольствия, если бы на этом корабле, готовившемся лететь вслед за первым, произвели выгрузку, четверо умерли бы от голода.

Если бы с корабля, когда было решено отменить его полет, убрали воду, приготовленную для бассейнов, четверо умерли бы от жажды.

Если бы вспыхнули тревожные сигналы малейшей неисправности в агрегате управления, четверо не смогли бы ничего исправить, не поняли бы даже значения этих сигналов и навсегда остались бы в космосе.

И много других «если бы» подстерегало их в пути.

Четверо совершили космический полет, который безусловно был единственным и неповторимым в истории любой планеты.

Они могли бы гордиться, но для этого надо было понять значение их подвига. А они ничего не понимали и даже не думали о том, что совершили подвиг — мужества, самоотверженности и человеколюбия.

Они не знали, что путь окончен. И, ощутив небольшой толчок при посадке, не поняли значения этого толчка.

Сила тяжести на корабле за все время полета оставалась обычной. Никакого изменения веса они не почувствовали и сейчас.

Ничто не могло указать им, что корабль больше не летит, а неподвижно стоит на планете.

И они долго находились бы в этом заблуждении, вероятно, до тех пор, пока люди Земли сами не явились бы к ним.

Но «ненавистные» позаботились о них сами.

Неожиданно для четверых словно исчезли вдруг стены центрального помещения, где они находились. Открылась непонятная и удивительная картина.

Они ожидали увидеть на планете, куда летели, густые леса, хижины обитателей, мир, подобный их собственному.

Корабль стоял среди огромного ноля, лишенного растительности и странно гладкого, как горное плато. На горизонте поднимались причудливые здания, отдаленно напоминавшие четверым постройки, возведенные «ненавистными» на их планете. Какие-то машины приближались со всех сторон. Они также походили на машины «ненавистных», но были иной формы.

В машинах виднелись люди. Их можно было хорошо рассмотреть.

Четверо в отчаянии упали на пол.

«Ненавистные»!..

Корабль доставил их не туда, куда они стремились. Он оказался на планете «ненавистных», на их родине!

Все погибло, все планы рухнули!

Четверо лежали не двигаясь, покорившиеся своей участи, примирившиеся с роковой неудачей. Пусть входят и делают что хотят.

Для четверых жизнь не имела больше никакой цены.

Первым пришел в себя Вего, самый старший из четверых.

— Нам надо уничтожить содержимое желтого ящика, — сказал он, — пока «ненавистные» не явились сюда. Они обманули нас. Корабль должен был лететь совсем не туда, куда улетел первый. Но здесь ничего не знают. Молчите же, что бы с вами ни сделали.

— Мы будем молчать, что бы с нами ни сделали, — ответили ему трое.

* * *

Окраска невидимого корпуса в серый цвет не заняла много времени. Мощные пульверизаторы справились за полчаса.

Колоссальное тело космического исполина пятисотметровой длины возвышалось перед глазами людей, как гора. Оно было

продольно ребристое, с утолщениями на обоих концах. Не видно было ничего, что можно принять за дюзы. Видимо, корабль был не реактивный.

— Это тот самый, — сказала Гианэя, — который должен был лететь вслед за нами. Но его решили не посылать. Странно! Зачем он здесь?

— Ваш был такой же? — спросил Муратов.

— Оба совершенно одинаковы. Больше часа терпеливо ждали. Но из корабля никто не показывался.

— Вход можно открыть снаружи? — спросил Стоун.

— Да.

Обе фразы перевел Муратов.

— Надо войти самим, — предложил Сабо. — Возможно, что экипаж корабля нуждается в помощи.

— Откроем вход, — сказал Метьюз, — и подождем. Состав воздуха внутри корабля может все же отличаться от земного. Надо произвести дезинфекцию.

— Разумеется, — согласился Стоун. — Но можно ли открыть обе двери? Ведь там наверняка есть выходная камера.

Гианэя подтвердила, что выходная камера действительно существует и обе двери, наружная и внутренняя, не могут быть открытыми одновременно.

— Но защита, — прибавила она, — автоматическая. — Ни в корабль, ни из него не может проникнуть ничто вредное. При входе и выходе производится обезвреживание. Вы можете не опасаться. Воздух внутри ничем не отличается от вашего.

— Как же быть? — спросил Метьюз. Слова Гианэи никого не убедили.

— Можно впустить в корабль роботов-дезинфекторов, — сказал Стоун. — Но их надо много. Придется долго ждать, пока их сюда доставят.

— На космических кораблях воздух обычно дистиллированный, — заметил Лещинский.

— Да, но у нас нет уверенности, что у них тоже так.

Положение казалось затруднительным. Войти в корабль, даже в скафандрах, полагаясь на защиту, о которой говорила Гианэя, было рискованно. Микробы в атмосфере корабля могли оказаться опасными для людей. Кто знает, поможет ли вторичная обработка при выходе. Стоило очутиться в атмосфере Земли хотя бы единичным микробам чужой планеты, и дело могло закончиться эпидемией неизвестной болезни.

Но тем, кто находился внутри корабля, опасность не угрожала. Доказательством этого служила Гианэя — она ничем не заболела на Земле.

Но они не могли этого знать. И, может быть, именно потому и не выходили.

— Производят анализ нашей атмосферы, — предположил Муратов. — Это может продлиться очень долго. Остается одно. Надо показать им Гианэю. Они, конечно, видят, что происходит снаружи. Пусть Гианэя напишет на большом листе крупными буквами: «Выходите! Опасности нет!» — и подойдет с этим листом близко к иллюминаторам. Наверное, она знает, где они расположены.

Мысль Муратова понравилась.

— Предложите ей это, — сказал Стоун. Гианэя сразу и, видимо, охотно согласилась.

Кто-то отправился в космопорт за листом и красками.

— Но их выход, — сказал Сабо, — тоже опасен для нас, если дезинфекция выходной камеры несовершенна.

— Трудно допустить, — ответил ему Стоун. — Судя по кораблю, техника на высоком уровне. Они умеют с ней обращаться. В этом разница.

— У нас нет иллюминаторов, — сказала Гианэя, обращаясь к Муратову. — Наружные объективы передают изображение на внутренние экраны. Вроде ваших телевизоров.

— Вам придется писать очень крупно, — сказал Гарсиа. — И подойти вплотную. Экипаж может находится в середине корабля, а это далеко от борта. Или экраны могут приближать наружные объекты?

— Они дают естественное изображение, — ответила Гианэя. — Но я подойду к передней части, к пульту управления. Там должен кто-нибудь находиться.

— Где находится вход, — спросил Стоун, — с какой стороны?

— С левой, обращенной сейчас к нам.

Неожиданно ее слова получили практическое подтверждение.

Все увидели, как в борту звездолета образовалось отверстие. Сверкнув на солнце, упала металлическая лестница.

Она была отчетливо видна. И стало очевидным, что свойством невидимости обладал только материал наружной обшивки.

Группа людей находилась далеко от корабля. Увидев, что экипаж решил выйти, все кинулись к вечемобилям.

Ни у кого не возникла мысль об опасности. Враждебные акты были бессмысленны в том положении, в котором находились гости.

Машины помчались полным ходом, и в несколько секунд одолели четыреста метров.

Экипаж корабля действительно вышел. Он состоял всего из четырех человек. Но, может быть, остальные остались?

Внезапно Гианэя вскрикнула. Обернувшийся Муратов увидел на ее лице величайшее удивление.

Но удивиться пришлось не только Гианэе, но и всем.

Космическим кораблям соплеменников Гианэи суждено было каждый раз приносить сюрпризы. Из первого явилась Гианэя, в золотом платье, одетая отнюдь не по космически. А сейчас…

Четыре маленькие фигурки стояли у трапа.

Они были одеты даже не странно, а просто нелепо. Короткие рубашки, перетянутые поясом, даже не достигали колен. Ноги и руки были обнажены и покрыты густыми волосами. На ногах не было обуви. Головы также заросли волосами, густыми и спутанными. У всех были длинные бороды.

Все четверо были приземисты и коренасты, ростом метра в полтора, не больше. Они стояли тесно прижавшись друг к другу и казались очень испуганными. Черты их лиц были человеческими, но сильно отличались не только от земных лиц, но и от лица Гианэи. Не было никакого зеленого оттенка, глаза были совершенно круглые, без бровей и ресниц, носы приплюснуты. Узкие губы открывали желтоватые десны и два ряда мелких зубов, тоже желтого оттенка.

Пассажиры вечемобиля молча рассматривали удивительных космонавтов. Никто ничего не понимал.

— В чем дело? — спросил наконец Муратов. — Это не ваши люди, Гианэя?

Она молчала, не спуская глаз с прилетевших. Потом вздрогнула, и ее глаза сверкнули.

— Мериго! — сказала она, изумленно и растерянно. Тот, очевидно, услышал. Поднял голову и увидел Гианэю.

В следующую секунду он стремительно кинулся к вечемобилю.

— Убейте ее! — вскричал он, к удивлению всех, на почти

правильном испанском языке. — Ее и всех! Это враги, прилетевшие мучить вас!

У него был такой вид, что он намеревается сам тут же задушить Гианэю.

Она не шевельнулась. Все бывшие в машине невольно посмотрели на нее, и все увидели, как губы Гианэи искривились улыбкой невыразимого презрения. Ее прищуренные глаза только секунду смотрели на космонавта. Потом она пренебрежительно отвернулась.

— Так! — сказал Стоун. — Очень интересно!

Гарсиа уже успел перевести ему слова прилетевшего.

— Успокойтесь, мой друг — ласково сказал Муратов. — Зачем нам убивать нашу гостью? Она одна и не может ничем мучить нас.

— Почему одна? — Незнакомец говорил уже спокойно. — Их сорок три. — Он прибавил какое-то слово, видимо на своем языке, с глубокой, очевидной ненавистью.

— Их было сорок три, — ответил Муратов, догадавшийся уже, о чем говорит странный незнакомец. — Но сорок два погибли. Она одна осталась в живых.

— Вы уверены?

— Совершенно уверены. Это так! У вас нет причин беспокоиться.

— Вы знаете, что они хотели сделать с вами?

— Конечно, знаем. Но нам никто не может причинить зла. Скажите лучше, откуда вы прилетели? Сколько вас?

— Нас четверо. Мы прилетели с нашей родины.

— Где она находится?

— Там! — незнакомец показал на небо.

— Сколько времени вы летели? По вашему счету лет.

— Не понял.

— Долго вы летели?

— Очень долго. Мы думали, что никогда не достигнем цели.

— Кто из вас старший? Кто управлял кораблем?

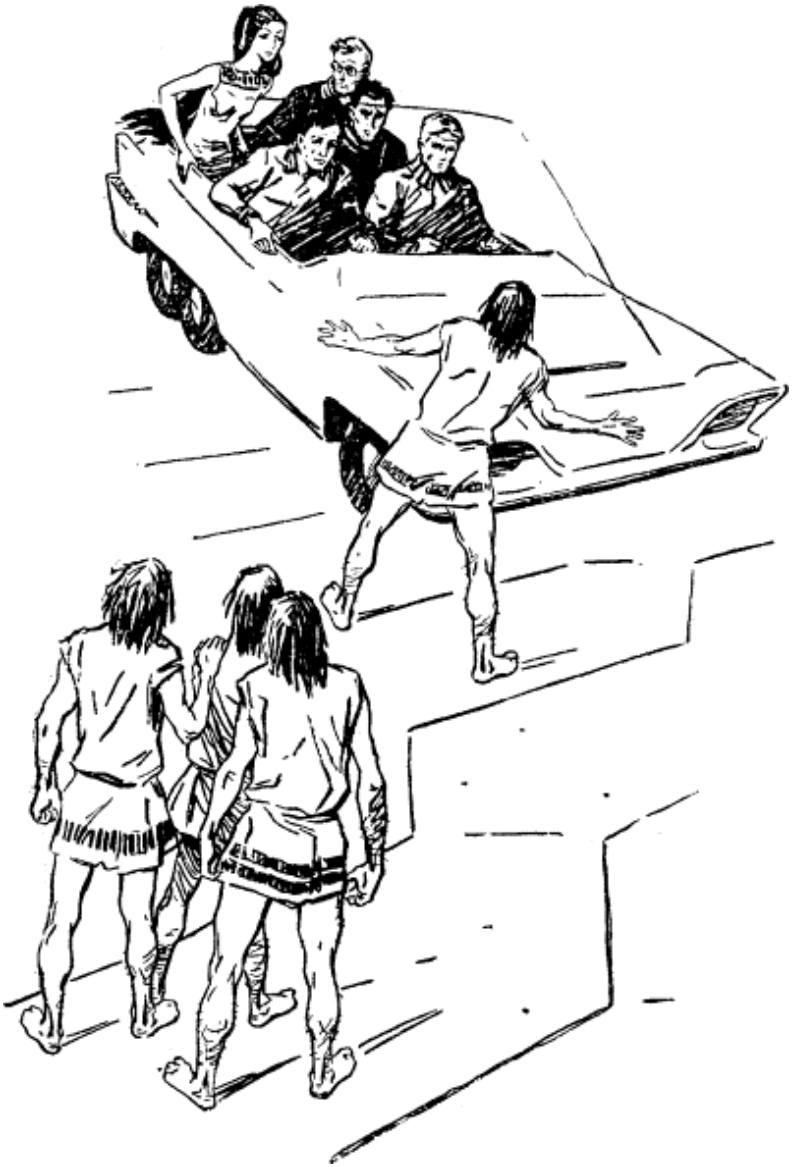
— Старший Вего. А кораблем никто не управлял. Мы не умеем этого делать.

— Что?!

Муратов повернулся к Стоуну и вкратце передал ему содержание разговора.

— Я ничего не понимаю, — закончил он.

— Да, трудно понять. На космонавтов они, во всяком случае,



совсем не похожи. Загадка.

Серебристый смех Гианэи прервал его слова.

— Они, — Гианэя пренебрежительно, через плечо, указала на пришельцев, — украли корабль. И полетели на нем, сами не зная куда. Удивительно, что они остались живы!

— Из его слов получается не совсем так, — ответил Метьюз. — Видимо, у них была цель. Но как удалось им достигнуть Земли, не умея управлять кораблем?

— Потому, что осталась прежняя программа полета. Этот корабль должен был лететь за нами.

— Ну вот и все ясно, — сказал Стоун, выслушав перевод. — Звездолетом управлял электронный мозг. И возле Земли он ожидал указаний, которых не последовало. Удивительный и беспримерный случай! С их стороны это безумная смелость — пуститься в такой полет.

Муратов снова обратился к «космонавту».

— Вы слышали, что сказала эта девушка? — спросил он.

— Слышал.

— Вы действительно взяли чужой корабль?

— Теперь он наш.

Гианэя повернулась к пришельцу. Она немного наклонилась к нему и что-то спросила на своем языке.

Круглые глаза блеснули свирепой радостью. Пришелец произнес длинную фразу.

Гианэя страшно побледнела.

Несколько секунд она смотрела в лицо Мериго широко открытыми глазами. Потом со стоном закрыла их и внезапно без чувств упала к ногам Метьюза, не успевшего подхватить ее.

10

Казалось, не было больше ни одной загадки. Все стало ясным.

Инженеры Земли легко разобрались в конструкции звездолета и его двигателей, работавших на принципе взаимодействия гравитонных и антигравитонных полей. Техника Земли уже подходила к решению подобной задачи, и для «открытий» оказалось мало материала.

Это никого не удивило. Судя по оборудованию звездолета, развитие техники на родине Гианэи находилось примерно на том же уровне, что и техника Земли.

Путь, проделанный кораблем, заключенный в программе электронного мозга, расшифровали даже без помощи Гианэи. И на звездных картах пометили звезду — солнце планеты, откуда прилетели четверо.

Они были в пути почти семь лет по земному времени. Скорость была велика, и на родине «звездоплавателей» прошло в несколько раз большее время.

Не составляло никакой трудности отправить четверых обратно. В программу легко было внести приказ совершить посадку.

Но ученые Земли решили иначе. Они не хотели упускать счастливого случая.

Четверым сообщили, что они могут вернуться. И прибавили, что они полетят не одни, что с ними отправятся люди Земли. Путь покажется гораздо короче, не придется больше мучиться семь лет. Анабиозные ванны были в полной исправности. Семь лет пролетят, как один месяц.

Законы относительности были недоступны пониманию Мериго и его спутников. И они не поверили, что, вернувшись, не застанут тех, кого оставили. Но лететь обратно на родину согласились с радостью.

— Мы были уверены, что навсегда останемся здесь, — сказал Мериго, единственный из четверых, с кем можно было свободно разговаривать.

Трое других могли с трудом произносить всего несколько испанских фраз. Правда, и с ними могли говорить те, кто владел языком Гианэи.

— Вы говорите, что мы не увидим больше своих родных, — прибавил Мериго. — Мы уже свыклись с этой мыслью. И простились с ними навсегда, когда покидали родину.

Величие самоотверженного подвига четверых восхищало землян. Оно только подчеркивалось тем, что сами четверо не сознавали, что совершили. И хотя их поступок был совершенно не нужен, люди готовы были на все, чтобы отблагодарить четверых за их доброе намерение.

Присутствие на Земле Гианэи доказало Мериго и его друзьям, что они прилетели именно туда, куда стремились. Но поверить этому было все же очень трудно. Слишком не похожа была эта планета на то, что они ожидали увидеть.

Тогда, на корабле, они скоро поняли, что первое впечатление обмануло их, что люди, находившиеся возле корабля, не

«ненавистные», а только похожие на них. И, поняв это, они вышли из корабля.

И все, что их окружало, самый прием, который им оказали, внимание к ним быстро убедили их, что они среди друзей, не менее могущественных, чем «ненавистные», даже более могущественных.

Инстинкт не обманул — это были братья.

Четверо освоились удивительно быстро.

Мернго и его товарищи родились под властью «ненавистных».

Они с детства прошли школу «ненавистных», которым не нужны были «дикие» и необразованные слуги и рабочие.

Между Мериго и его предками, не знавшими еще нашествия пришельцев из космоса, была уже огромная разница в развитии.

Это стало вполне ясно, когда Мериго рассказал обо всем, что произошло на его родине.

Его рассказ слушали с исключительным вниманием, но и с ужасом. Свирепая колонизация мирного острова, грубый захват чужой земли, жестокость поработителей — все это напоминало о худших временах эпохи колониализма на Земле.

И кто осуществлял насилие? Люди, владевшие высочайшей техникой, существа, свободно перелетавшие в одной планеты на другую!

Это казалось немыслимым, невозможным, но это было фактом!

— Здесь что-то не то! — сказала все та же Марлен Фрезер. — Ни Гианэя, ни Мериго не знают всех причин. Насилие одного человечества над другим абсолютно невозможно на том уровне, на котором стоит человечество Гианэи. Это исключено. Видимо, здесь проявилась злая воля сравнительно небольшой группы. Не следует делать поспешных выводов и судить обо всем народе Гианэи по поведению такой небольшой группы, оторванной от своего человечества. Мне кажется, Первенцев прав: мы столкнулись с высокоразумными существами, стоящими на тех же позициях, на которых стояли американские капиталисты в середине двадцатого века, готовившие гибель человечества в термоядерной войне. Моральный уровень один и тот же. В данном случае это были конквистадоры, не более, направившиеся на поиски новых планет и ожесточившиеся в разлуке с родиной. А может быть, у этих людей с самого начала не было уже ничего общего с их народом в целом. Это могли быть люди,

изгнанные со своей планеты. Но даже среди них, что мы видим на примере Рийагейи, появились уже прогрессивные веяния.

Гианэя не знала, где находится первоначальная родина. Тем более этого не знали четверо. Но можно было надеяться, что в архивах «ненавистных» остались указания. Мериго говорил, что, уничтожив пришельцев, его соплеменники не тронули ничего, что принадлежало «ненавистным».

Неожиданно представившаяся возможность завязать сношения с двумя человечествами иных планет не могла быть упущена. И люди деятельно готовились к первому этапу — полету на родину четверых.

Лететь должны были три корабля: тот, на котором прилетели четверо, и два, спешно строившихся на Земле.

Старт был намечен ровно через год.

Гианэя почему-то не любила радиофонов. И Муратов нисколько не удивился, получив от нее письмо, хотя она и жила сейчас в том же городе, что и он.

В этом письме Гианэя просила Виктора прийти к ней сегодня вечером.

Она и раньше часто приглашала его, и в этом также не было ничего необычного.

Тогда, после неожиданного обморока, Гианэя сразу покинула Пиренейский полуостров. С тех пор Муратов ее не видел, да и прошло только полторы недели.

Причина обморока стала ясна после рассказа Мериго. Погибли все, кого знала Гианэя, в том числе ее родители, братья и сестры.

Люди Земли жалели Гианэю, но оправдывали образ действий народа четверых. Жестокое насилие требовало отомщения, нельзя было ожидать великодушия от столь долго угнетаемого народа. Расправа справедлива и была вызвана самими «ненавистными». Само это название говорило о многом.

Но горю Гианэи все сочувствовали. Гостью любили, в ней было много хорошего. Теперь ясно было, что Гианэя испорчена воспитанием, жизнью с момента рождения среди убежденных колонизаторов. Очевидное влияние на Гианэю личности Рийагейи доказывало, что в этой девушке существует бессознательное стремление к благородству и справедливости. И было ясно, что она сильно изменилась за полтора года, живя в коммунистическом обществе Земли.

Мериго требовал смерти Гианэи. Он настойчиво просил,

чтобы «ненавистную» отдали ему и его трем товарищам, очевидно для расправы. Приговор был вынесен его народом, и он видел свои долг в том, чтобы выполнить этот приговор.

Люди не согласились с таким требованием. Мериго рассказали о поступке Рийагейи, постарались убедить четверых, что Гианэя больше не враг.

Они настаивали на своем.

Гианэя была нужна, ее хотели убедить лететь на родину четверых, где она родилась, и помочь найти путь к настоящей родине — планете, которую она не знала.

В споре с Мериго людьми руководили иные чувства, но и этих соображений было достаточно, чтобы не отдавать ее Мериго.

Ему сказали и об этом. И снова он не согласился: ненависть была сильнее голоса разума.

Обе стороны так и остались при своем мнении.

За безопасность Гианэи на планете четверых не беспокоились, ее сумеют защитить в любом случае, но в согласии гостьи многие сомневались.

Муратов решил выяснить этот вопрос, воспользовавшись приглашением Гианэи.

Он пришел точно в назначенное ею время.

Гианэя была одна.

Первое, что бросилось в глаза Муратову, была необычная одежда девушки. На ней снова оказалось золотое платье, в котором она впервые явилась людям на Гермесе.

Он увидел небольшой столик, сервированный на двоих. Два бокала были наполнены золотистым напитком.

Марины не было, и, видимо, Гианэя и не ждала ее прихода.

— Я попросила ее оставить меня одну на весь вечер, — ответила Гианэя на вопрос Виктора. — О том, что вы придете, она не знала.

Он не спросил ее о причине.

Гианэя жестом пригласила его сесть напротив нее. И Муратов вдруг почувствовал, что предстоящий разговор будет необычным.

— Вот, — сказала Гианэя, протягивая ему два толстых альбома. — Здесь мои рисунки, относящиеся к планете, откуда я прилетела к вам. Возьмите их и передайте тем, кто полетит туда. Пусть они узнают, как выглядит природа и люди этой планеты.

— Значит, вы сами не полетите? — спросил Муратов.

— Нет, — со странным ожесточением ответила Гианэя, — я навсегда останусь здесь.

— Может быть, вы перемените решение, если узнаете, что мы собираемся отыскать путь на вашу первую родину?

— Что в ней? Я ее никогда не видала, не знаю и буду там чужой. Рийагейа говорил, что на родине все изменилось, все стало другим.

— Он был там?

— Нет. Но Рийагейа все знал. Он был большой ученый. Я рада теперь, что он умер.

Муратов положил руку на руку Гианэи, лежавшую на столе. Она вздрогнула, но не отстранилась.

— Поверьте, — сказал он, — меня очень огорчает ваше несчастье. Всей душой я сочувствую вам. Глаза Гианэи блеснули ненавистью.

— Не смейте говорить так, — сказала она резко. — Вы оправдали зверскую расправу этих дикарей. Вы не казнили их. Впрочем, — Гианэя неожиданно рассмеялась. Муратов содрогнулся — сколько затаенной боли было в этом смехе, — вы не казнили и меня, хотя имели все основания это сделать. Отправляя меня на астероид, Рийагейа был уверен, что я иду на смерть.

— Он?

— Что же вас удивляет? Мы не знали, какими стали люди Земли. Книги, привезенные первыми, кто посетил вас, говорили о другом. Я все их прочла.

— Но если Рийагейа был уверен, что вы идете на смерть, то зачем же он высадил вас на Гермесе?

— Потому, что не мог убить своей рукой. — Гианэя наклонилась в сторону Муратова. Ее глаза затуманились, и она долго молчала, видимо вспоминая «прошлое. Потом заговорила отрывисто, не думая о связи своих слов, часто непонятно: — Все спали. Рийагейа не будил экипаж, хотя было давно пора. Он очень мучился. Жалость, но не колебания. Он решил твердо. Второй корабль не летел за нами. И не было третьего. Прошло бы много времени. Он разбудил меня. Я еще ничего не подозревала. Не думала. И он сказал мне. Никогда не забуду его лица. Нет, я его не отговаривала. Я понимала, что это бесполезно. Его убеждения были всем известны. И он сказал мне, что остальные члены экипажа решили казнить его, как только корабль опустится на Землю. Они ему не доверяли. Он просил меня уйти.

Уйти? Мне стало смешно. Куда можно уйти с корабля в космосе. Мы долго летели, совершая круги. Я смотрела на него, спокойного, решившегося бесповоротно. Я знала, что если он не найдет того, что ищет, он все равно выполнит то, что решил. Но ему очень трудно было убить меня. Я давно знала, что Рийагейа любит меня как дочь. Он не мог убить меня своей рукой. Не мог.

И сам же послал на смерть. Он был уверен. Мне пришлось подчиниться. Он сказал мне: «Я знаю, что спасаю человечество Лиа. Но не надо, чтобы они знали об этом. Молчи, если останешься живой. Молчи и перед лицом смерти». Я обещала молчать. В тот момент я готова была исполнить любое его желание. Последнее перед страшной смертью.

Она закрыла глаза рукой.

— Вы любили его? — спросил Муратов после долгого молчания.

— Не знаю. Я была слишком молода. А сейчас я стара. Я старше всех. Ведь никого не осталось из моих современников. Всех убили эти… — она низко опустила голову, Муратов знал, чтобы скрыть слезы.

Всеми чувствами Муратов был на стороне Мериго и его народа. Но в этот момент он понял, что можно ненавидеть тех, кому сочувствуешь. Его наполняла острая жалость к Гианэе, ни в чем не повинной, несущей на себе последствия поведения других, в среде которых родилась.

— Вы очень похожи на него, Виктор, — сказала Гианэя, — потому я попросила вас прийти сегодня.

— Я рад, если могу хоть этим облегчить ваше горе, — ответил он.

То, что она рассказала, побуждало его задать ей много вопросов, но он понимал, что они будут неуместны. Пусть говорит сама.

Гианэя подняла голову. Слез не было в ее глазах, она улыбалась даже, но он знал, что это только маска.

— Вы хотите что-то спросить у меня?

— Если вы не возражаете.

— Спрашивайте.

— Почему Рииагейа был так непоследователен? Из ваших слов ясно, что он понимал: люди Земли ушли вперед, они не такие, как прежде. Почему же он думал, что вы идете на смерть?

— Объяснение этому надо искать в нашей истории, — ответила Гианэя совсем спокойно. — Когда-нибудь вы ее узнаете. Я верю, что вы достигнете нашей родины. Ваше развитие шло быстрее, чем это было у нас, и даже Рииагейа не предвидел этого. Я поняла это на Земле. Я не буду рассказывать, Виктор. Сейчас я не могу это сделать. Я так же, как Рииагейа, была убеждена, что люди Земли убьют меня. И, отправляясь на астероид, оделась на смерть.

— Значит, это платье?..

— Погребальный наряд. В золотой цвет одевают умерших и осужденных на смерть.

— Зачем же вы надели его сегодня?

— Я хороню свою молодость. Ему почудилось, что она говорит неискренне. Неясная тревога медленно поднималась в нем.

Он заставил себя непринужденно улыбнуться.

— Но, оказавшись среди нас, вы поняли, что вам ничто не грозит?

— Не сразу. Слишком сильны были понятия, привитые с детства, и отчасти влияние прочитанного о Земле. Может быть, книги были неудачно выбраны. Не знаю. Когда вы перенесли меня на свой корабль, я подумала: «Странное совпадение».

— В чем?

— У нас есть обычай. Когда мужчина берет себе жену, он переносит ее в свой дом на руках. Я подумала:

«Рииагейа мог бы это сделать для жизни, а этот, столь похожий на него лицом, делает то же, но для смерти». — Она замолчала, потом сказала: — Мне самой странно теперь, но я была уверена в смерти на Земле. И готовилась спуститься с вашего корабля прямо на костер. Меня пугала такая смерть.

— Почему на костер?

— У нас такая казнь. И я читала, что на Земле тоже была такая. Потом я поняла, что даже Рииагейа ошибся; вы лучше нас, ваша жизнь светла и прекрасна, что я должна закончить начатое Рийагейей, что он освободил бы меня от данного слова, если бы знал. — Взгляд Гианэи остановился на часах, стоявших в углу комнаты. Муратов навсегда запомнил, что они показывали ровно десять. — Поздно, пора кончать нашу беседу, — Гианэя протянула руку и взяла свой бокал. Муратов не шевельнулся. — Я пью, Виктор, за вашу родину, за ее счастливую жизнь. Одно время я думала, что она станет и моей третьей родиной.

— А разве это не так?

— Нет. Между мною и вами легла пропасть. Может быть, я рассуждаю неверно и вы правы. Но я ничего не могу поделать с собой. Я боролась, Виктор, иначе я позвала бы вас раньше. Простите меня.

Тревога и смутное подозрение превратились в уверенность. Муратов отчетливо понял, что должно сейчас произойти, что означает золотое платье Гианэи.

Он вскочил, опрокидывая кресло.

— Остановитесь!

Его рука, протянувшаяся, чтобы схватить руку Гианэи, опоздала на долю секунды.

Гианэя проглотила содержимое бокала.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

1

На веранде, увитой зеленью дикого винограда, за небольшим круглым столиком сидели два человека.

Один, высокого роста, с зеленым оттенком кожи, с очень узкими, словно прищуренными глазами, явно был соотечественником Гианэи. Другим был Виктор Муратов.

Разговор шел на языке Гианэи.

— Жаль, что мы опоздали, — говорил человек с узкими глазами. — На несколько часов раньше, и в отношении здоровья Гийанейи не было бы сомнений, вернее их было бы меньше.

— Вы явились удивительно вовремя, — сказал Муратов. — Все произошло, как в сказке. Мне и сейчас иногда кажется, что это сон — и корабль и вы, Вийайа. — Он улыбнулся, позволив себе эту шутку. Чувство неловкости не покидало его.

Странные глаза Вийайи взглянули на него пристально.

— Почему вы стесняетесь меня? — спросил он. — И не только вы. И почему не хотите обращаться ко мне на «ты»? У нас уже давно нет иного обращения.

— Нас приучила к этому Гианэя, — ответил Муратов. — До вашего прилета мы и не знали местоимения «ты» на вашем языке.

— Но теперь вы его знаете.

Муратов смущенно молчал.

Он мог бы многое сказать своему собеседнику, но понимал, что для Вийайи его объяснения покажутся странными и даже просто бессмысленными.

Посещение Вийайи было неожиданным для Муратова, хотя он и знал, что все прилетевшие на удивительном корабле испытывают к нему особую симпатию, и понимал, отчего эта симпатия возникла. Причиной было все то же внешнее сходство Муратова с ними, то, что притягивало к нему Гианэю.

Приди к нему кто-нибудь другой из экипажа корабля, Му-

ратов бы не смутился, но Вийайа…

Гости находились на Земле уже вторую неделю. Стали известны причины, побудившие их прилететь, имена и биографии космонавтов, история их родины. Люди Земли знали не только то, где находится планета, но и как она выглядит. Космонавты привезли с собой все, чтобы как можно полнее и подробнее рассказать о себе.

И земляне знали, что Вийайа, даже на той планете, опередившей Землю в науке и технике, считался величайшим ученым. Не удивительно, что Муратов чувствовал смущение в обществе такого человека.

Но Вийайа не понимал его состояния. Он сказал, первым переходя на «ты»:

— Я приехал провести с тобой вечер. Неужели ты хочешь, чтобы я пожалел об этом?

— Пусть будет по-твоему, — согласился Муратов.

Но согласиться — это еще не значит сразу перейти к делу. Муратов мучительно искал какой-нибудь естественный вопрос, но ничего не приходило в голову, Вийайа заговорил сам.

— Странно получилось, — сказал он. — С двух планет люди спешили на помощь Лиа, Земле, я хотел сказать. И не знали, что никакая помощь вам не нужна.

Муратов обрадовался теме разговора. Здесь он многое мог спросить у Вийайи.

. — Нас очень удивляет, — сказал он, — что сообщники Лийагейи не сразу пустили в ход излучение. Зачем им понадобилось оставлять спутники возле Земли, строить лунную базу и только при вторичном прилете осуществлять свой план?

— Об этом меня уже спрашивали, — ответил Вийайа. — Это объясняется несколькими причинами — техническими и психологическими. Они искали планету для колонизации. Но не знали, удастся ли такую найти. И, улетая на поиски, не согласовали своих действий с теми, кто остался. В вашем эксплуататорском обществе властвовал индивидуализм. Коллективные действия были по самой своей сущности чужды господствующим классам. Это во многом способствовало их гибели. — («Когда он успел узнать все это», — подумал Муратов.) У нас, как это ни странно покажется тебе, коллективизм был свойствен касте господ. Они привыкли согласовывать свои действия между собой. Это, в совокупности с другими причинами, затрудняло у нас освобождение. Решив применить к че-

ловечеству Земли излучение, как вы это удачно назвали, они должны были вернуться и получить согласие остальных. Это первая причина. Вторая — чисто техническая. Убегая с нашей планеты, они захватили с собой все имевшиеся в то время космические корабли. На одном из них находились те две ракеты, которые вы нашли и уничтожили. Других у них не было, и сделать их на промежуточной планете, где не существовало никаких заводов, было невозможно. — («Гианэя сказала правду», — подумал Муратов.)

— Эти ракеты предназначались для других целей. И естественно, на них не было никаких излучателей. И на корабле их также не было. Тогда они смонтировали эти излучатели на Луне. Но не было вещества, являвшегося основой излучения. Нужно было вернуться за ним. Они нашли выход в том, что оборудовали базу на Луне. Вы ошибаетесь, думая, что эта база служила для зарядки двигателей. На базе синтезировалось вещество, нужное для излучателей. И по мере изготовления погружалось на ракеты. Но синтез требовал длительного времени.

— Сколько?

— Не могу точно сказать, но не меньше ста ваших лет. В общем, для них все сложилось удачно. Задумав свой план, они имели время вернуться и сообщить о нем остальным.

— Значит, они были у нас сто лет тому назад?

— Приблизительно.

Муратов вспомнил все предположения и гипотезы относительно времени, когда появились возле Земли спутники-разведчики. Сначала их появление относили к 1927 году, потом к временам империи Карла Пятого. По словам Гианэи, они появились в конце двадцатого века. Получалось, что наиболее правильным было первое предположение.

— Почему же их никто не заметил? — спросил Муратов.

— Сам корабль невидим для ваших глаз, — ответил Вийайа. — А люди? Немного надо, чтобы скрыть разницу.

«Да, он прав, — думал Муратов. — Земная одежда, сильный загар, очки, и никто ничего не заподозрит».

— А язык? — спросил он. — Ступив на землю, они не могли ни с кем говорить.

Лицо Вийайи омрачилось.

— Это одно из темных пятен, — сказал он. — Но ты, Виктор, уже знаешь нравственный облик этих людей. И это не должно удивить тебя. Они захватили в плен человека Земли. От

него узнали язык и все, что было им нужно знать. Кто он был, этот первый, увидевший пришельцев иного мира? Вряд ли вам удастся установить теперь его имя. Но знакомство дорого обошлось этому человеку. Они не могли допустить, чтобы он оказался на свободе и мог рассказать о них.

Муратов не задал вопроса. Все было ясно.

— Как согласовать, — спросил он, меняя тему разговора, — высокую технику на вашей планете ко времени отлета эскадрильи Рийагейи с существованием касты господ?

— Видимо, дело в том, — ответил Вийайа, — что продолжительность жизни человека различна на наших планетах. Мы живем в шесть раз дольше вас. Это ускоряет технический прогресс и замедляет общественный. С возрастом люди становятся консервативнее.

— Понимаю, — сказал Муратов.

Давно уже стемнело. На безоблачном небе мерцали созвездия, с детских лет хорошо знакомые Виктору, привычные для него сочетания блестящих точек. Но для Вийайи и его товарищей эти созвездия были чужды. Они только полторы недели назад впервые их увидели. Впервые, потому, что вид звездного неба с борта космического корабля и с поверхности планеты, сквозь ее атмосферу, различен.

Вийайа встал и подошел к перилам веранды.

— Посмотри, Виктор, — сказал он, — вот солнце нашей планеты!

Муратов увидел тусклую оранжевую звездочку, затерянную среди других. Он даже с трудом нашел ее по указаниям Вийайи. Но его нисколько не удивила легкость, с которой сам Вийайа отыскал эту крохотную точку на чужом ему небе. Экипаж корабля не мог «потерять» свое солнце. Солнце иного мира!

— Я знаю, — сказал Вийайа, — вы будете у нас. И может быть, очень скоро. Наши планеты рука об руку пойдут по бесконечному пути жизни и разума.

Муратов подумал о Гианэе. Эта звездочка, слабо мерцающая на небе Земли, была и ее солнцем, которого она никогда еще не видела.

— Интересно, как воспримет Гианэя ваш мир? — задумчиво спросил он.

— Этот вопрос ясен, — ответил Вийайа. — Гийанейа подготовлена к нашей жизни длительным пребыванием в вашем мире. Если Лииагейа никогда не войдет в нашу жизнь полно-

правным ее членом, то Гийанейа сделает это легко. Она подготовлена! И, кроме того, очень молода.

— А если нет?

— Ты имеешь в виду моральную старость?

— Она прошла через смерть, — уклончиво ответил Муратов.

Вийайа внимательно посмотрел на него.

— Я понимаю, — сказал он, — что заставляет тебя и вообще вас всех беспокоиться о Гийанейе. Но поверь мне, Виктор, придет время, когда Гийанейа будет благодарна вам за то, что вы не дали ей совершить великую ошибку.

Муратов ничего не ответил. Воспоминания о трагическом вечере снова овладели им. Он знал, что никогда не забудет ни одной подробности. И за несколько секунд молчания вновь пережил все…

Гианэю спасли две случайности. Вернее, три, если учесть, что принятый ею яд действовал не мгновенно. Первой случайностью было то, что о намерении Гианэи догадалась Марина Муратова. И, подчинившись желанию гостьи, оставив ее одну, тут же сообщила обо всем Стоуну. Помешать Гианэе не успели, да этого и нельзя было сделать, но успели ее спасти. Роковой исход был приостановлен, смерть временно отступила.

И тогда явилась на сцену вторая случайность: как раз в этот вечер к Земле подлетел корабль Вийайи!..

Муратов тряхнул головой, отгоняя воспоминания.

— Когда вы думаете разбудить ее? — спросил он.

— Только на нашей родине. Так лучше. Гийанейа быстро освоится у нас. И станет такой же, как все наши женщины. Вы хорошо подготовили ее, — повторил он еще раз.

Муратов задумался. Он верил в мудрость и опыт своего собеседника и радовался за науку Земли, сумевшую, пусть на время, закрыть перед Гианэей двери смерти.

Со всеми противоречиями своей сложной натуры эта девушка была ярким доказательством, что нет врожденных пороков, врожденных ненависти и зла. Все зависит от того, где и когда живет человек, зависит от среды, формирующей его взгляды и характер.

— Я до сих пор не знаю, как вы называете свою планету, — сказал Муратов, всматриваясь в звездное небо. — Мы зовем ее Гийанейа, — ответил Вийайа.

* * *

Звездолет гаиаиейцев появился на небе Земли, когда на востоке Европы приближался вечер. Он был замечен сперва локаторами лунных станций и искусственных спутников, бесстрастно сообщивших о приближении металлического тела более трех тысяч метров длиною. Потом его рассмотрели в телескопы и убедились, что это не астероид, а космический корабль неведомой на Земле конструкции.

Тревоги, сопутствующей совсем недавно появлению корабля Мериго, на этот раз не возникло. Все сразу поняли, что приближается корабль соотечественников Гианэи.

На Земле знали о миссии, возложенной на Лийагейю, знали, что он вернулся на свою родину. Нетрудно было заключить, что именно он и указал своим соотечественникам путь к Земле.

И почти у всех мелькнула правильная догадка о причине прилета этого корабля.

Он приближался к Земле быстро и уверенно. Еще не начало темнеть, когда на территории местности, прежде называвшейся Западной Украиной и Польшей, его увидели невооруженным глазом.

Тонкая, длинная полоска с заостренным концом появилась на небе. Ее форма могла бы походить на остро очиненный карандаш, если бы корабль был короче. Но его длина настолько превосходила толщину, что гость из космоса выглядел просто чертой, проведенной в небе острием рейсфедера.

На расстоянии двухсот километров от поверхности Земли «черта» остановилась. К этому времени ее размеры были установлены точно — три тысячи триста двадцать метров в длину и только пятнадцать метров в поперечнике. Корпус корабля был круглым.

Летающая игла! Очень тонкая игла!

От нее отделилась крохотная, видная только в оптические инструменты «черточка» посадочного аппарата. Отделилась сразу, как только корабль замер неподвижно.

Это производило впечатление, что экипаж корабля почему-то очень торопится. И еще это говорило о том, что космонавты хорошо знают, куда они прилетели, знают, что на Земле их не ждет опасность. В противном случае они облетели бы Землю, рассмотрели ее с высоты, как-то подготовились к высадке.

Ничего этого они не сделали. Стремительно подлетели к

Земле и так же стремительно послали на нее десант.

Так могли поступить только соотечественники Гианэи, заранее информированные о физических свойствах планеты. Догадка была верной.

Навстречу посадочному аппарату вылетели два планелета. Ближайший ракетодром находился в Киеве, и гостей надо было проводить к месту посадки. Одновременно со всех сторон к Киеву устремились скоростные планелеты с встречающими и, конечно, с работниками Института космонавтики.

Небо быстро темнело. Прилетевший корабль исчез из глаз, но ненадолго. Там, где не было облаков, увидели, как он вспыхнул, превратившись в огненную черту. Так же ярко засветился и спускавшийся аппарат.

Земные планелеты не обладали светящимися корпусами. Посланные навстречу гостям включили бортовые огни. Но этого оказалось достаточно. Было ясно видно, как посадочный аппарат повернул в их сторону. Три аппарата, два земных и один чужепланетный, совместно устремились к ракетодрому.

А дальше все произошло совсем просто и даже буднично, Посадочная «ракета» гостей казалась точкой рядом с самим кораблем, но в действительности она была гораздо больше планелетов дальних рейсов Земли. Опустилась она не вертикально, как можно было ожидать, судя по ее конструкции, а плашмя. Быстро, точно и совершенно беззвучно легла на бетонную полосу как раз там, где и намеревались люди посадить ее. Точно экипажу было дано указание по радио.

Из открывшегося люка вышли семь человек…

Странно произошла эта долгожданная встреча! Не только внешность гостей была заранее известна, но и цель их прилета (пока предполагаемая), место (приблизительно), откуда они прилетели, их язык.

Не так представлялась она фантазии землян в течение веков!

Совсем не так!

Из примчавшегося к месту посадки вечемобиля вышло также семь человек. Это были Стоун, пятеро членов Совета и Гарсиа.

Земляне и гийанейцы (люди тогда еще не знали, как называют себя гости) встретились словно давно были знакомы. Приветственное поднятие руки ладонью вперед со стороны прибывших и дружески протянутые руки встречающих — вот и

вся церемония первой встречи представителей двух планет. Для Вийайи и его спутников эта встреча была действительно первой.

Вийайа сразу нарушил секундное молчание.

— Люди Лиа! — сказал он, к удивлению встречающих, на испанском языке.

— Появились ли возле вашей планеты неизвестные вам космические тела?

Единственным, кто его понял, был Рауль Гарсиа. И он сразу подумал, что ничего удивительного нет, испанский язык прибывший узнал от Лийагейи, и что догадка о цели прилета этих людей верна. Они явились предупредить об опасности, а может быть, и для того, чтобы помочь землянам справиться с этой опасностью.

Поспешность, с которой был задан вопрос, показывала, — мысль о том, что они могут опоздать, не давала покоя прилетевшим и что именно этим объясняется поспешная высадка, невзирая на наступающую ночь.

Спасти незнакомых обитателей чужой планеты, спасти во что бы то ни стало было их единственной целью. Ведь они не знали научного и технического уровня, до стегнутого человечеством Лиа, не могли знать, что люди Земли справились и без них.

Молодой инженер был глубоко тронут благородством гостей. Он подошел к Вийайе, движимый чувством благодарности, крепко обнял и поцеловал его, хотя и знал, что смысл этого поступка останется непонятным прилетевшему.

— Нам все ясно! — сказал он. — Космические тела появились и уже уничтожены. Никакая опасность нам не угрожает. Но мы признательны вам за намерение помочь человечеству Земли.

Что-то в выражении лица Вийайи подсказало Гарсиа, что его маленькая речь не совсем понята, и он тут же повторил ее на языке Гианэи.

Удивление гостей, услышавших родной язык из уст землянина, было столь очевидно, что встречающие сразу поняли — прилетевшие даже не подозревают о присутствии на Земле их соотечественницы.

Но эта соотечественница находилась при смерти — и об этом надо немедленно сообщить.

Гарсиа так и сделал.

— У нас, — сказал он, — находится дочь одного из тех, кто покинул когда-то вашу планету. Ее зовут Гийа-нейа, и она умирает.

— От чего? — резко спросил Вийайа.

— Приняла яд, неизвестный у нас. Мы смогли замедлить смертельный исход, но, чтобы ее спасти, вам надо торопиться.

— Когда это произошло?

— Сегодня, несколько часов назад.

И тут в полной мере проявился высокий моральный уровень прилетевших. Ни один из них не задал больше ни одного вопроса, они все поняли и сразу начали действовать. Гианэя была им чужда почти так же, как люди Земли, они имели право считать ее единомышленницей Лийагейи, существом враждебным, но сочли своим долгом немедленно прийти к ней на помощь.

Один из них кинулся обратно внутрь посадочного аппарата и вскоре появился с каким-то предметом, похожим на сумку. Вийайа назвал два имени, и двое выступили вперед.

— Как можно скорее доставьте их к Гийанейе, — сказал он.

2

Звездолет гийанейцев так и остался висеть над Землей, на высоте двухсот километров. Он был неподвижен и не участвовал в этом вращении планеты. Благодаря этому его могли наблюдать на всей Земле. Опустить его на поверхность было нельзя, потому что корабль не смог бы тогда подняться без сложной и громоздкой пусковой установки.

Гийанейцы назначили старт в обратный путь через два месяца.

Одновременно должен был стартовать и корабль, доставивший на Землю четырех. С ними первоначально были намерены послать земной космолет, спешно строящийся специально для этого рейса, первого за пределы Солнечной системы.

Прилет корабля Вийайи изменил все планы. Теперь с Земли отправлялись две группы землян. Одна с гийанейцами на их родину, а другая — на родину Мериго. Поскольку отпала цель найти путь на Гийанейю, не было смысла ожидать готовности земного космолета. Чтобы проводить Мериго и его

товарищей на родину и ознакомиться с планетой, можно было ограничиться их кораблем, который по комфортабельности даже превосходил корабль Вийайи. Правда, скорость обоих звездолетов была несоизмерима, но этот недостаток корабля Мериго компенсировался наличием анабиозных ванн, в которых на корабле Вийайи не было никакой нужды.

Космолету же, строящемуся на Земле, теперь предназначалась иная роль. Через полтора года, после полной реконструкции, вызванной тем новым, что узнали от гийанейцев, он должен был отправиться вслед за кораблем Мериго, взять с планеты земных исследователей, а затем посетить и Гийанейю. Расстояние от нее до родины Мериго оказалось совсем незначительным по масштабам космоса, во много раз меньшим, чем от Земли.

По просьбе гийанейцев на их корабле должна была вылететь и Марина, так как Вийайа считал ее присутствие при пробуждении Гианэи необходимым. После непродолжительного колебания Муратова согласилась. Она понимала, что для девушки, потерявшей всех своих родных, осталась самым близким человеком.

Требования к участникам экспедиций были различны. Если на Гийанейе нужны были только инженеры и ученые, которые могли бы детально ознакомиться с наукой и техникой планеты, то для полета на родину Мериго, где еще не существовало, по сути дела, никакой науки и никакой техники, выбор диктовался иными соображениями. Нужно было ознакомиться с населением, наметить пути быстрейшего развития, определить, чем и как Земля может оказать помощь. Нужно будет обследовать всю планету, а не только остров, на котором жили Мериго и его сородичи. Не мог этот остров быть единственным населенным местом планеты. А какими окажутся другие народы, или племена, никто не знал. Средства передвижения, в виде морского и воздушного транспорта, приходилось брать с собой. В разобранном виде все это могло легко поместиться на гигантском корабле. Включение в эту группу специалистов-языковедов и оснащение ее электронными «лингвистами» было необходимо. Нужны были механики, пилоты, навигаторы, географы, топографы для составления карты планеты, строители и, разумеется, медики, так

как лечение больных туземцев рассматривалось, как наилучшее средство вызвать доверие и любовь к незваным пришельцам. Впоследствии предстояло отправить на планету, даже не имеющую еще названия (пока ее называли «Планета Мериго»), представителей других специальностей, так как было решено, что именно Земля возьмет на себя главное «шефство» над планетой.

В результате на Гийанейю отправлялось одиннадцать человек, а на планету Мериго пятьдесят. Часть из них останется там до прилета смены, которая будет подготовленной только через пять лет. В составе этой смены оказались Синицын и Гарсиа.

Виктору Муратову было предложено принять участие в подготовке первого земного космолета и лететь на нем, но Виктор, согласившись на первое, отказался от второго.

В хлопотах подготовки незаметно шло время. И как-то невольно забывалось, что приближавшиеся старты были первыми стартами землян в большой космос. Возможно, это происходило потому, что стартовали не земные звездолеты, а просто гости, посетившие Землю, возвращались обратно.

Внимание человечества Земли сосредоточилось на строящемся корабле. Именно он, земной космолет с земным экипажем, олицетворял собой первый вылет за пределы Солнечной системы. Только он!

Экипаж был уже сформирован и, пользуясь присутствием гийанейцев, тщательно изучал навигационные материалы обоих кораблей — Мериго и Вийайи.

Все улетающие с Земли, как через два месяца, так и через полтора года, были заняты «выше головы». Одна только Марина Муратова не готовилась совсем, если не считать усиленного чтения гийанейских книг из библиотеки корабля Вийайи, которым она занималась в часы дежурства у постели Гианэи для усовершенствования в языке.

Гианэя лежала в отдельной палате одной из крупнейших больниц Ленинграда, у ее постели непрерывно дежурили медики. Марина буквально выпросила разрешение участвовать в этих дежурствах. Учитывая ее особые отношения с Гианэей, разрешение было получено.

Искусственный сон, в который погрузили Гианэю врачи

корабля Вийайи, был не глубок (глубокий сон они считали вредным) и мог в любую минуту внезапно прерваться. А проснувшейся Гианэе Марина была бы необходима, как единственный близкий ей человек на Земле. Да и не только на Земле. Одна Марина могла предотвратить очень тяжелую психическую травму от сознания вернувшейся жизни, с которой Гианэя рассталась, не видя смысла и сил для дальнейшего существования.

Все знали, что Гианэя любит Муратову. То, что она удалила ее в вечер самоубийства и пригласила к себе Виктора, только лишний раз подтверждало эту любовь. Она хорошо понимала, каким тяжелым было бы для ее подруги присутствие при ее смерти. А Виктор был мужчиной и, по понятиям Гианэи, не должен был обладать особой чувствительностью. Ведь все ее родственники мужчины были суровы и жестоки. Она к этому привыкла.

На Виктора трагический вечер произвел очень тяжелое впечатление. Почти две недели он даже не мог ничем заниматься, не мог прийти в себя от нервного потрясения. Он знал, что никогда не забудет этого вечера и того мгновения, когда Гианэя упала к его ногам, казалось, бездыханная. Только в этот момент он внезапно понял, что любит эту девушку иного мира не только как «гостью Земли».

Это открытие поразило его потому, что он сам не подозревал о незаметно возникшем чувстве. Когда выяснилось, что Гианэя не умерла, он понял, что никогда не сможет вырвать из сердца эту любовь.

Решение Вийайи отправить Гианэю на родину показалось Муратову наилучшим выходом для него. Часто видеть ее было бы пыткой. Но по мере приближения дня старта корабля его все сильнее охватывала тоска, Не видеть Гианэю тоже означало не меньшую пытку.

И все же он думал: «Пусть не скоро, пусть через годы, но после ее отлета станет легче. Время излечивает все!»

Может быть, он был и прав, но сейчас ему не становилось легче от таких мыслей.

Он думал, что никто не подозревает о его переживаниях и старался не дать повода догадаться о них. Но Марина догадалась давно, в тот момент, когда со Стоуном и двумя врачами

вбежала в комнату и увидела лицо брата, стоявшего на коленях у тела Гианэи.

* * *

Приближалось двадцатое сентября — день старта. Первым должен был вылететь корабль Вийайи. Такой порядок диктовался соображениями безопасности.

В космическом пространстве два звездолета, как бы они ни были велики, выглядят песчинками среди обширной пустыни, и их столкновение так же маловероятно, как и столкновение двух песчинок, поднятых ветром с разных мест. Но все же такой возможностью нельзя было пренебрегать в данном случае.

Направление полета обоих кораблей в течение нескольких земных лет совпадало. А корабль Вийайи летел быстрее…

К пятнадцатому числу вся подготовка была закончена. Вийайа и его товарищи жалели, что их время столь ограничено, но о том, чтобы задержаться хотя бы на месяц, два, даже не думали. Сделать это не позволяло состояние Гианэи. Врачи даже опасались, удается ли оставить ее погруженной в сон на все время пути и не придется ли разбудить в космосе.

Никто не сомневался в том, что принятые медициной Земли и Гийанейи меры предотвратили опасность. Гианэя спокойно спит, и длительный сон не принесет ей ничего, кроме пользы.

Но разумным существам любой планеты свойственно ошибаться.

Девятнадцатого сентября все улетающие с Земли собрались в Киеве. Весь этот день и в ночь на двадцатое непрерывно прибывали планелеты с провожающими. Еще никогда ракетодром не был так загружен.

Все шло нормально. Ничто не предвещало грозы. Гианэю с величайшими предосторожностями на специальном планелете доставили в Киев еще семнадцатого и поместили в клинику, расположенную рядом с ракетодромом. Гианэя продолжала спать так же, как спала в Ленинграде. Переезд не создал опасности пробуждения.

Все было спокойно.

В ночь на двадцатое сентября дежурил земной врач. В два

часа тридцать минут в состоянии Гианэи внезапно наступило резкое изменение. Лицо спящей покрылось темными пятнами, она зашевелилась, словно пытаясь сбросить с себя сон. Ритм сердцебиения стал прерывистым.

Поднялась тревога.

Через несколько минут у постели Гианэи собрались несколько земных врачей и три гийанейца. Им не понадобилось много времени, чтобы понять, что все это симптомы внезапно наступившей агонии, что Гианэя умирает.

Что же случилось?

Единственное объяснение было в том, что принятый ею яд не полностью нейтрализован, что он только «затаился». Перелет в Киев не прошел безнаказанно для спящей. Враг «очнулся» и набросился на свою жертву, стремясь закончить дело, начатое два месяца тому назад. Кто был виноват в этом? Земные врачи сделали, что могли. Они не знали, чем именно отравилась Гианэя, и приняли только общие при отравлениях меры. Гийанейцы знали состав яда, но у них не было противоядия.

Никто не был виноват.

Короткий консилиум вынес не менее короткий приговор: смерть наступит через несколько часов, сделать нельзя ничего!

Это был тяжелый удар как для землян, так и для гийанейцев.

— Мы не могли предвидеть такой случай, улетая к вам, — сказал Гиймайа, старший врач корабля гийанейцев, — а то, что мы ей дали, очевидно, оказалось недостаточным.

— Значит, конец! — сказал профессор Гипслис, главный врач ленинградской клиники, где лежала Гианэя, приехавший в Киев проводить свою пациентку.

— У нас нет консервированной крови, — продолжал Гиймайа. — В ней не было необходимости в полете. Если взять кровь у членов нашего экипажа, ее не хватит.

— К чему все это, — прошептал Гипслис, наклоняясь над Гианэей.

— Этот яд, — счел нужным пояснить Гиймайа, — разлагает кровь, и ее надо полностью удалить из тела и несколько раз промыть сосуды свежей. Только так можно было бы ее

спасти.

Марина Муратова, прибежавшая, как только началась тревога (за нею послали, как за переводчицей), стояла словно парализованная. Все, что произошло, казалось ей кошмарным сном. Она машинально исполняла свои обязанности по переводу, не сознавая, что слышит и что говорит.

Но вот слова Гиймайи дошли до ее сознания, и Марина очнулась.

— Почему нельзя промыть сосуды нашей кровью? — спросила она. — Гианэя полтора года жила на Земле, дышала нашим воздухом, ела нашу пищу, пила нашу воду. Разве это не должно было как-то сказаться? Попробуйте! Вы ничем не рискуете, если она все равно должна умереть.

Она тут же повторила сказанное на языке Гианэи.

Она видела, как сдвинул брови Гипслис, как пожал плечами другой врач. Видела, как обменялись быстрыми взглядами врачи-гийанейцы.

С сильно бьющимся сердцем она ждала.

И вдруг Гиймайа сказал:

— И она загорала под лучами вашего солнца! Загорала много. Друзья! Майрийна права!

Все гийанейцы всегда называли Марину «Майрийной».

Гипслис, видимо, колебался.

У людей Земли кровь разных групп. Кровь одного человека бывает смертельна для другого. Переливание крови не всегда возможно. А здесь предстояло заменить кровь человека одной планеты кровью, взятой у человека другой. Или искусственной, но синтезированной на Земле.

Опасность заключалась в старой проблеме несовместимости тканей, все еще существующей, хотя и потерявшей за последние десятилетия прежнюю остроту.

Гипслис понимал, что риск очень велик, но одновременно он не мог не сознавать, что этот риск — единственная возможная попытка спасти Гианэю. Он колебался недолго.

— Другого выбора нет, — сказал он. — Но, чтобы увеличить шансы на успех, прибегнем к облучению и введем Гианэе в спинной мозг вытяжку из спинного мозга земной женщины.

— Это очень разумно, — согласился Гиймайа. — О каком

облучении вы говорите?

— Объясню потом. Это относится к последним открытиям нашей медицинской науки. — Профессор повернулся к Марине. — Вы готовы? — спросил он, даже не спрашивая, согласна ли она.

— Конечно! — радостно ответила Муратова.

Она готова была отдать Гианэе не только какую-то неизвестную ей «вытяжку», но и всю себя целиком.

Операции подобного рода производились быстро и безболезненно. Через десять минут Муратову вынесли из операционной и уложили в одной из палат.

Ее место в должности переводчика занял один из участников будущего полета на Гийанейю, испанский ученый Асанья, хорошо владевший гийанейским языком.

— Какой кровью наполним ее тело после промывания? — спросил Гипслис.

Он волновался, и только этим можно было объяснить вопрос, ответ на который был очевиден.

— А что мы можем сделать? — ответил Гиймайа, казалось не замечая странной «наивности» земного врача. — Чтобы вызвать членов нашего экипажа и взять кровь для Гийанейи, нужно время, которого у нас очень мало. Кроме того, нежелательно кровь смешивать. А хотя бы для одной промывки нашей крови уже не хватит. — Он помолчал и закончил заметно дрогнувшим голосом: — Она будет жить с вашей кровью в жилах или умрет. Третьего не дано!

Никто в городе еще не знал о случившемся. Никто из знавших здесь, в клинике, не догадался сообщить Стоуну.

Виктор Муратов должен был прилететь на проводы завтра утром.

Когда Марина очнулась, первое, о чем она вспомнила, было как раз отсутствие ее брата и первое, что она почувствовала, была радость, что его здесь нет.

— Долго я была без сознания? — спросила она у врача, сидевшего возле постели.

— Нет, не долго. Минут пятнадцать, — Могу я встать?

— Лучше полежите.

— Нет, не могу! — Марина села в постели. — Как с Гианэей?

Врач помедлил с ответом.

— Вы сами должны понимать, что шансов мало, — сказал он наконец.

— Пусть так. Но что сейчас?

— Идет подготовка к операции.

— Я пойду туда. — Она встала, но тут же покачнулась. Слабость разливалась по телу. — Дайте мне укрепляющего.

— Лучше бы вам полежать, — повторил врач.

— Они не поймут друг друга.

— Вызвали Асанью. Вы им не нужны.

— Прошу вас!

Он понимал, что ей будет легче находиться возле Гианэи, чем лежать здесь, не зная, что происходит. Пусть идет!

Марина проглотила таблетку и выпила рюмку какого-то лекарства. Потом врач помог ей дойти до двери операционной.

Но оказалось, что операция уже началась и на осторожный стук чей-то резкий голос ответил: — Не входить!

Марина опустилась на стул возле двери. Врач ушел. Она удивлялась тому, что ее сердце бьется очень спокойно, и не смогла догадаться, что это действует принятое ею лекарство. Напряжение росло с каждой секундой. Обострившийся слух улавливал шорох за дверью, но не было слышно голосов.

Молчание в операционной почему-то казалось ей угрожающим. Она чувствовала, что долго не выдержит ожидания и неизвестности. Потерять Гианэю казалось ей нестерпимым. Она всегда ее любила, а сейчас, когда каждое мгновение могло стать последним, девушка с другой планеты стала ей дорога, как родная сестра.

Через полчаса выбежавший из операционной врач бросил ей на бегу:

— Она еще жива!

И Марине показалось, что в нее вдохнули новую жизнь. Ничего не означающая фраза повлияла, как обещание: Гианэя будет жить!

В это время в операционной настроение все еще оставалось тревожным.

Операцию производил Гипслис. Гийанейские врачи не были знакомы с земными аппаратами и инструментами. Удаление испорченной крови и постепенная замена ее земной

пока что шли нормально. Угрожающих симптомов не появлялось. Но они могли появиться в любую секунду.

Врачи с замиранием сердца следили за приборами. Сердце Гианэи работало пока без перебоев. Земная кровь проходила через сосуды и ткани ее тела, покидала его, заменяясь все новой и новой. Уже не осталось зараженной ядом гийанейской крови, а сердце работало. Оно словно не замечало, что наполняющая его кровь чужая — кровь чужой планеты!

Гипслис работал сосредоточенно, спокойно и четко. Он совершенно забыл, какую операцию производит. Гианэя была сейчас для него обычной пациенткой, такой же, как многие, многие другие, прошедшие через его руки.

Но иначе и не могло быть, иначе он вообще не смог бы

работать.

Минуты бежали, и лица врачей постепенно светлели. Гианэя дышала глубоко и ровно. Темные пятна на ее лице исчезли.

Долгое молчание нарушил Гиймайа.

— Случайно, — сказал он, — мы произвели решающий опыт. Нужный и даже необходимый для науки. И можем поздравить человечество наших планет с успехом.

— Рано еще! — сказал Гипслис. Операция продолжалась.

Гиймайа вполголоса поговорил со своими товарищами.

— Нам кажется, — сказал он громко, — хватит!

— Нет! — ответил Гипслис. — Я буду продолжать. Столько, сколько найду нужным. В теле Гианэи не должно остаться ни единой капли зараженной крови.

Перевод прозвучал, как обычная фраза, но резкость тона не могла остаться незамеченной гийанейцами. Они поняли, что ученый Земли как бы отстраняет их, берет всю ответственность на себя. И они подчинились.

Гиймайа подошел ближе и слегка дотронулся до плеча хирурга. Этим жестом он благодарил его и соглашался с его решением.

Операция продолжалась.

Гипслис все так же стоял, слегка наклонившись над Гианэей, хотя процесс шел сейчас автоматически.

Многочисленные приборы, следящие за состоянием всех внутренних органов оперируемой, перестали отмечать малейшие нарушения. Они работали «спокойно», словно следили за здоровым человеком Земли, погруженным в обычный сон.

— Кто-нибудь, — сказал Гипслис, — выйдите и сообщите Муратовой. Она где-то тут, близко.

Один из врачей поспешно вышел. Очевидно, он не ограничился тем, что успокоил Марину. Когда через два часа Гипслис наконец решил, что цель достигнута, и прекратил операцию, в здании клиники уже собрались все гийанейцы и большое число землян.

Гианэю перенесли на ее постель. Она спокойно спала.

Что будет дальше?

На этот вопрос никто не отважился бы ответить.

Гианэя не умерла. Столь резко проявившиеся симптомы отравления исчезли, казалось, окончательно. Ритм сердцебиения, дыхание, деятельность желез внутренней секреции, печень — все было нормально. Под действием анестезии она спала так же спокойно, как спала до операции.

Но что происходит сейчас с тканями ее тела, клетки которых омываются земной кровью? Может быть, именно сейчас идет процесс более глубокого отравления всего организма, чем это было до операции? Более глубокого, но более медленного.

— Это выяснится через несколько часов, — сказал Гипслис.

3

Кровь человека непрерывно обновляется. Пища обогащает ее питательными веществами, дыхание — кислородом Все это она отдает клеткам тела. Но плазма крови в основе остается той же долгие годы.

Питаясь земной пищей, дыша земным воздухом, впитывая в себя излучение земного солнца, Гианэя за полтора года пребывания на Земле физически изменилась. Составные части ее крови стали аналогичны крови землян. Но плазма осталась прежней. И прежней осталась лимфатическая система.

Как выяснилось из беседы с Гиймайей, яд, принятый Гианэей, должен был подействовать, то есть привести к летальному исходу, не позже чем через десять минут. Врачебная помощь явилась раньше, но принятые меры не смогли бы задержать наступление смерти, если бы сам организм Гианэи не создал этой задержки.

Что же спасло гостью Земли?

Ученые, обсудившие вопрос совместно с гийанейцами, пришли к единственному выводу: Гианэю спасло Солнце. Под действием его лучей лейкоциты в ее организме приобрели новые свойства, которыми не обладали лейкоциты гийанейцев. И они смогли на какой-то срок нейтрализовать смертельные свойства яда. Если бы Гианэя не любила загорать на Солнце, ее не удалось бы спасти…

Сказать, что остаток ночи прошел спокойно, значило бы допустить большое преувеличение. Не только не было покоя, но тревога возрастала с каждой минутой. В клинике никто не

спал. Толпа у входа непрерывно росла. Радиофоны работали не переставая.

В состоянии Гианэи все еще не происходило никаких изменений. Но она продолжала спать, а это было уже непонятно. Наркоз должен был уже прекратить действие.

— Она должна проснуться сама, — сказал Гиймайа, — без нашего вмешательства.

— Будете ли вы снова усыплять ее?

— Нет! Ей нужен длительный отдых. Брать ее в полет сейчас нельзя. А нам необходимы ее собственные показания о том, как она себя чувствует.

Стоун, присутствовавший при этом разговоре, тотчас же сообщил на ракетодром, что старт гийанейского корабля отменяется. Слово «нам», произнесенное Гиймайей, показало, что улетать без Гианэи они не собираются. Вийайа подтвердил это.

— Мы торопились только из-за Гийанейи, — сказал он. — Раз так случилось, мы рады задержаться на Земле.

Прошел еще час, и Гианэя проснулась. Вернее, она только очнулась, так как было ясно, что ее мозг еще затуманен и она не отдает себе отчета в том, что с ней произошло. На заданные вопросы она не ответила и снова закрыла глаза.

Но это уже не было сном.

Гианэю тщательно исследовали. Второй консилиум вынес такое же короткое решение, как и первый:

— Опасности для жизни нет!

Подсказанная в порыве отчаяния Мариной Муратовой и поддержанная Гиймайей попытка переливания крови увенчалась успехом!

Было уже утро, и радио всюду разнесло сообщение о событиях ночи и их финале.

Опасности нет! Гианэя спасена! Солнце Земли не позволило умереть своей гостье! Против ее воли!

Но никто не сомневался в том, что Гианэя не только примирится со своей судьбой, но и будет, в конце концов, благодарна тем, кто ее спас…

Знала ли она, что ее обследуют врачи? Это осталось неизвестным. Но Гианэя ничем не помешала произвести обследование.

При ней не вели никаких разговоров, ничто не могло ей подсказать, что здесь присутствуют ее соотечественники. В тот

момент, когда она открыла глаза, очнувшись от наркоза, в палате не было ни одного врача-гийанейца. Но когда обследование закончилось, Гианэя прошептала на гийанейском языке:

— Уйдите и позовите ко мне Виктора.

— Его здесь нет, — ответил ей Асанья. Гианэя повторила тем же тихим шепотом:

— Уйдите и позовите ко мне Марину.

Марина находилась тут же. Все остальные вышли.

Гианэя не открывала глаз. Протянув руку, она дотронулась до плеча присевшей на край постели Марины и, словно этого легкого прикосновения было достаточно, чтобы убедиться в том, что ее желание исполнено, удовлетворенно вздохнула.

— Зачем он это сделал? — прошептала она по-испански.

Марина поняла, что Гианэя говорит о Викторе. Видимо, она считала, что именно Виктор помешал ей умереть. И было очевидно, что она попросила по звать его для того, чтобы задать тот же вопрос ему самому.

— Он тут ни при чем, — ответила Марина. — Это сделала я.

— Зачем ты это сделала?

Впервые Гианэя обратилась на «ты». Это обрадовало Марину. Перемена обращения со стороны Гианэи показывала, что она считает Муратову близким человеком, а не только подругой. Обычаи Земли были ей хорошо известны.

— Посуди сама, — Марина ласково погладила руку Гианэи, — могла ли я позволить тебе совершить непоправимую ошибку?

— Ошибку?

— Конечно, ошибку. Огромную, бессмысленную и… несправедливую.

— Почему несправедливую?

Гианэя говорила очень тихо, но совершенно спокойно. Казалось, ее интересовал только вопрос о причинах, заставивших людей Земли помешать ей распорядиться своей жизнью так, как она хотела.

— Несправедливую, — ответила Марина, — по отношению к тем, кто тебя любит.

— Кто может меня любить?

— Все, кто тебя знает. Я, Виктор, все люди на Земле. Твоя попытка умереть доставила нам большое горе.

— Говори тише!

— Мы одни.

— Они близко. И они слышат, как я.

— Кто «они»?

— Те, которые прилетели за мной. «Она знает о присутствии на Земле гийанейцев, — подумала Марина. — Но откуда могла она узнать это?» Словно услышав ее мысль, Гианэя сказала:

— Я и сейчас слышу голос одного из них. — Она внезапно приподняла голову. В ее теперь открытых глазах Марина увидела страх. — Не отдавайте меня! Не отдавайте меня им! Они сожгут меня. Я не хочу этого! Я хочу жить на Земле, с вами! — Ее голова снова упала на подушку. — Они возьмут меня силой! — В голосе Гианэи прозвучала глубокая убежденность, что так именно и произойдет.

Эта девушка, едва вышедшая из детского возраста, с молоком матери впитала в себя понятие о жестокости и беспощадности своих соплеменников. Недаром она всегда говорила, что путь на родину ей закрыт после того, что она сделала на Земле. По ее представлениям, за измену могло быть только одно наказание. И она боялась этого наказания, боялась теперь, после полутора лет жизни в совершенно других условиях. А ведь в пути от Гермеса на Землю Гианэя была убеждена, что ее ждет костер, и не боялась его!

Она не могла знать, что прилетевшие на Землю гийанейцы не имеют ничего общего с теми, кого она знала прежде, к которым привыкла с момента рождения. Не знала и боялась их, как боялась бы тех, других, уже не существующих гийанейцев. Кроме одного только Рийагейи…

Марина хорошо понимала душевное состояние подруги. Гианэя умоляет оставить ее на Земле, единственном месте, «где ей ничто не угрожает»… А ведь она могла проснуться в космосе, далеко от Земли, не имея возможности вернуться…

Только сейчас Марина в полной мере оценила просьбу Вийайи сопровождать Гианэю. Да, только она, Марина, могла бы тогда успокоить девушку и убедить ее в том, что она находится среди друзей, а не врагов. Мудрый гийанейец хорошо знал, что делает…

— Никто не возьмет тебя силой, — сказала она, нежно обнимая Гианэю, — и нам нет нужды защищать тебя от твоих соотечественников и друзей. Друзей, как и мы! Они желают тебе только добра. Ты их не знаешь, Гианэя! Они такие же, каким был Рийагейа, даже лучше, чем он.

Последние слова вырвались нечаянно, и Марина тотчас же почувствовала, что совершила ошибку. Гианэя резко выпрямилась и отстранила ее от себя. Ее глаза гневно блеснули.

— Разве ты знала Рийагейю? Разве ты, все вы, знаете моих соотечественников? Разве вам известны их лицемерие и умение притворяться? Вы им поверили…

— Успокойся! — властно сказала Марина. — Не говори так! Мы не столь наивны и не столь доверчивы. Но люди, прилетевшие к нам, действительно добры и великодушны. Я могу доказать тебе, что это так. Про Рийагейю я сказала, не подумав. Прости меня за это.

Я его знаю только по твоим рассказам. Я хотела сказать, что эти рассуждают, как рассуждал Рийагейа. Они прилетели на Землю, чтобы предупредить нас и помочь нам справиться с опасностью. О твоем присутствии они не знали. Узнали только здесь и сразу же поспешили к тебе на помощь. Они, только они спасли тебя от смерти.

— Конечно! — Гианэя улыбнулась знакомой Марине гордой и пренебрежительной улыбкой. — Они и должны были так поступить. Не дать мне умереть добровольно.

— Не дать тебе вообще умереть!

— Ты их не знаешь!

— Знаю достаточно.

— Нет. И все вы их не знаете. Не могут они желать мне добра.

— Глубокое заблуждение! Ну, хорошо! Пусть будет по-твоему! Что они могут тебе сделать у нас, на Земле? Мериго требовал, чтобы тебя отдали им. Мы отказались это сделать. Не отдадим и теперь. Ты можешь быть совершенно спокойна.

— Они возьмут меня силой.

— Это уже наивно, Гианэя. Как могут они взять тебя силой? Семь человек…

— Как ты сказала? Их семеро?

— Семеро на земле. И один остался на звездолете. Всего прилетело восемь.

Казалось, что это сообщение, непонятным образом, совершенно успокоило Гианэю. Она посмотрела на Марину без страха или гнева в глазах.

— Это меняет дело, — сказала она. — Тогда они ничего не могут мне сделать. Ни плохого, ни хорошего. Совсем ничего! — Она засмеялась тихо и насмешливо. — Они не знали, что

я здесь. Представляю, как они злы на себя.

Марина понимала, что эти странные слова объясняются неизвестными ей обычаями соплеменников Гианэи, Видимо, она считала, что эти обычаи свято соблюдаются и теми, кто прилетел теперь. И почему-то количество прилетевших играет в глазах Гианэи огромную роль, гарантируя ее от каких-либо посягательств с их стороны.

— Ну вот видишь! — сказала Марина, как будто слова Гианэи были ей понятны. — Тебе не о чем беспокоиться. Никто и ничто тебе не угрожает. Если ты хочешь остаться на Земле — останешься. Если хочешь лететь на Гийанейю — полетишь туда. Ты свободна в выборе!

— На Гийанейю? Никогда!

— Повторяю, как хочешь!

Марина решила не убеждать Гианэю. Пройдет немного времени, и она сама убедится, что в оценке новых своих соотечественников ошибается.

— Ну, а теперь, — сказала Гианэя, уже не сдерживая голоса (она явно не боялась больше, что ее могут услышать за стенами палаты), — расскажи мне, как вам удалось меня спасти.

Последнее слово прозвучало иронически.

— А ты не устала? Как ты себя чувствуешь?

— Как всегда. Немного хочется спать, но сначала расскажи.

Марина не стала спорить. Она подробно рассказала обо всем, включая и сегодняшний день, вернее ночь. Может быть, хоть это убедит Гианэю.

Закончив рассказ и видя, что Гианэя никак на него не реагирует, Марина добавила подробности прилета корабля Вийайи и коротко обрисовала облик семерых прилетевших на нем гийанейцев.

— Восьмого мы так и не видели, — сказала она в заключение. — Он почему-то ни разу не появился на Земле до сих пор.

Гианэя молчала. Можно было подумать, что она заснула, но Марина видела, что это не сон, а глубокая задумчивость.

— Ты твердо уверена в том, что они хотели отдать мне свою кровь? — спросила наконец Гианэя.

— В этом не может быть никакого сомнения. Но сделать это не удалось. Гиймайа сожалел об этом.

— Странно! — прошептала Гианэя.

На этот раз она молчала так долго, что Марина заподозрила

сон, овладевший Гианэей против ее воли. Но девушка снова открыла глаза.

— Я испытываю странное чувство, — сказала она, беря руку Марины. — Я так хотела смерти, а теперь не хочу. Я хотела стать женщиной Земли и стала ею наполовину. Но как могли они согласиться перелить мне вашу кровь? Ведь это грозило мне смертью.

— Не было другого выхода. Без этого ты умерла бы несколько часов тому назад.

— Я не про то! У них было время! Ах да, я забыла, что их только восемь. Но все равно странно!

Это можно было принять за бред, но это не было бредом, а все тем же непонятным для человека Земли воспоминанием о неизвестных обычаях, которые Гианэя считала обязательными и для прилетевших.

Марина это понимала.

— Я очень рада, что мне помешали умереть, — сказала Гианэя. — Теперь я женщина Земли и у меня есть смысл в жизни.

— Значит, все хорошо! — Марина снова не поняла, что хотела сказать Гианэя, но не подала и виду. Расспрашивать сейчас не время. — Самое лучшее для тебя — заснуть.

— Я сама хочу спать.

— Ну так спи! — Марина встала.

— Погоди! — Гианэя приподнялась и обняла ее. — Спасибо тебе! Ведь это ты спасла меня.

— Я счастлива.

— Теперь ты моя сестра.

— Я давно считаю тебя сестрою.

— Исполни мою просьбу… — Гианэя замолчала, словно борясь с собой. Было похоже, что ей трудно произнести конец фразы. — Я хочу поговорить с Вийайей.

— Сейчас?

— Да! Он здесь?

— Здесь. Я скажу ему.

— Если он придет…

Фраза осталась незаконченной, но Марине показалось, что она поняла ее смысл.

— Придет! — сказала она уверенно.

Гианэя улыбнулась и, будто сразу потеряв силы, опустила голову на подушку.

Марина вышла.

Никто из находящихся в соседнем помещении не покинул его за это время. Муратову встретили тревожными взглядами.

— Не входите! — сказала она, видя, что профессор Гипслис направился к двери палаты Гианэи. — Она хочет заснуть.

— Это очень хорошо. Но скажите нам…

— Только одно, — перебила Марина. — Гианэя рада, что ее спасли. Она будет жить.

В сущности это и было тем главным, что беспокоило всех и о чем собирался спросить Гипслис. Помещение стало быстро пустеть.

Марина подошла к Вийайе.

— Гианэя просит вас посетить ее. Она хочет что-то сказать вам.

— Я рад этому, — коротко ответил гийанейец.

Он пробыл в палате больше часу. О чем они говорили, осталось неизвестным, но Марина заметила волнение на лице Вийайи, когда он вышел.

— Гийанейа спит, — сказал он. И прибавил, понизив голос: — Мне очень жаль эту несчастную девушку. Марина дотронулась до его руки.

— Все будет хорошо, — сказала она.

— Вы уверены?

— Уверена! И у меня есть для этого основания.

— Я хочу верить вам. — На серьезном, своеобразно красивом лице Вийайи словно застыла печальная улыбка. — Переход из одного мира в другой — тяжелый процесс.

— Она уже прошла более половины этого перехода. Марина опустилась в кресло, приглашая Вийайю занять второе, стоявшее рядом. Он понял и сел.

— Майрийна! Случилось так, что именно вы оказались связующим звеном между нашими мирами. Гийанейю спасли вы. Вы ее любите и хотите ей добра. Мы тоже любим ее и тоже хотим, чтобы она была счастлива. Расскажите мне, о чем вы с ней говорили. Это нужно!

— Я понимаю, — ответила Марина. — Но мы, в сущности, ни о чем не говорили. Я рассказала ей о том, как ее спасли, а она

поблагодарила меня. Вот и все!

Узкие глаза Вийайи с явным недоверием смотрели на Марину.

— Вы не хотите передавать то, что считаете неважным для меня, — сказал гийанейец. — Вы думаете, что предубеждение Гийанейи против нас покажется мне обидным. Вы ошибаетесь. Все это естественно и так должно быть. А спрашиваю я потому, что нам важно знать, что побуждает Гийанейю отказываться от полета на родину.

— По-моему, вы это знаете.

— Если бы знал, не спрашивал.

Противоречивые чувства терзали Марину. Она понимала, что ее спрашивают с серьезным намерением помочь Гианэе, но не могла заставить себя выдать переживания сестры и подруги.

— Не мучайте меня! — сказала она. — Если вы не знаете, — догадайтесь! Вам хорошо известна история вашего общества.

— Теперь я понял, — сказал Вийайа. Он замолчал, а затем произнес совсем тихо: — Как она еще юна! И телом и разумом! — Он снова задумался о чем-то. Потом сказал другим тоном: — Вы хотели о чем-то спросить меня. Спрашивайте!

Марина обрадовалась, что он перестал добиваться от нее ответа, которого она не хотела дать.

— Во время разговора с Гианэей, — сказала она, — меня удивили две ее фразы. Объясните мне их. Она почему-то очень обрадовалась, когда узнала, что прилетели восемь человек…

— Только восемь, — поправил Вийайа, — а не пятнадцать. Это относится к очень древнему закону нашей планеты. Судьбу человека может решить только совет, состоящий не менее как из пятнадцати членов. Так было прежде. Теперь мы считаем, что этого числа недостаточно для объективного решения. А второе, видимо, относится к намерению перелить ей нашу кровь?

— Совершенно верно! — удивленно воскликнула Марина, Она на мгновение подумала, что Вийайа подслушал ее разговор с Гианэей.

— Это тоже древний обычай. Если бы в теле Гийанейи оказалась наша кровь, мы стали бы ей родными братьями. А братья не могут казнить сестру.

4

Проснувшись на следующее утро, Гианэя сразу заговорила о возвращении в Японию.

— Я очень хочу пожить там еще немного, — сказала она.

Накануне Марина узнала у Гипслиса, что Гианэя не нуждается в постоянном наблюдении медиков. Поэтому она ответила:

— К этому нет никаких препятствий. Я сама буду рада вернуться в наш домик.

— Сегодня!

— Пусть будет сегодня. Тебя хочет видеть Виктор, — прибавила Марина как бы между прочим.

Гианэя явно колебалась, прежде чем ответить.

— Не сердись на меня, — сказала она, — но я не хочу сейчас с ним встречаться. Пусть он прилетит к нам через несколько дней.

— Хорошо, я скажу ему.

Как оказалось, Гианэя не хотела встречаться не только с Виктором. Узнав о ее отъезде, Вийайа выразил желание еще раз поговорить с ней, но Гианэя решительно и твердо заявила, что ни с кем разговаривать не будет.

— Потом! — сказала она.

Учитывая настроение гостьи Земли, обеим девушкам был предоставлен отдельный небольшой планелет.

Прощаясь с Мариной, Гипслис подробно ее инструктировал.

— Гианэя, — сказал он, — будет нам нужна, но не так уж скоро. Подготовьте ее к длительному исследованию, которому ей неизбежно придется подвергнуться. Срок мы уточним с Гиймайей. Следите за состоянием ее здоровья и при малейшем тревожном симптоме вызывайте из Токио профессора Кимуру. Я с ним сегодня поговорю. А симптомы могут появиться следующие…

Марина внимательно выслушала и обещала все точно исполнить.

Виктор помрачнел, узнав, что Гианэя не хочет его видеть.

— Все равно, — сказал он, — я приеду на ракетодром.

— Только постарайся, чтобы она тебя не заметила.

— А как ты думаешь, почему она на меня рассердилась?

Марина только рассмеялась в ответ.

— Ты стал совсем как мальчик, — сказала она. — Подумай и поймешь сам. Она не захотела видеть и Вийайю.

Маленький домик у подножия Фудзиямы встретил их, как будто они никуда и не уезжали. Он не только не был никем занят, но чьи-то заботливые руки явно ухаживали за ним все это время. Нигде не было ни пылинки, мелкие вещи, оставленные при поспешном отъезде, стояли и лежали на прежних местах. Даже любимое кимоно Гианэи, забытое на спинке кресла, находилось там же. Видимо, кто-то был уверен, что гостья Земли вернется сюда, и хотел, чтобы она застала все в том же виде, в каком оставила.

Обе девушки точно вернулись с прогулки.

Гианэя сразу отправилась в бассейн, но пробыла в нем, против обыкновения, недолго. За это время Марина успела заказать и получить ужин.

Одетая в кимоно Гианэя уселась в кресло, удовлетворенно вздохнула и сказала:

— Наконец-то я дома!

— Тебе всегда здесь нравилось, — отозвалась Марина.

Несколько раз прежде она пыталась выяснить, почему Гианэе так нравится именно Япония, но Гианэя не захотела удовлетворить ее любопытство.

— Здесь все напоминает мне планету, на которой я родилась и выросла,

— сказала Гианэя. — Мы жили в очень похожем домике, правда, у подножия холма, а не горы. Но все же здесь совсем, как там. Только… теперь я одна.

— Ты могла заметить, что у нас все человечество — единая семья. Ты член этой семьи.

— Да, я знаю, — сказала Гианэя. — Я давно это поняла. — Она посмотрела на Марину ясными глазами, в) них не было слез. — И все же я одна. У меня нет семьи.

— Она будет!

— Мне не хватает уверенности в этом. Скажи мне, — неожиданно спросила Гианэя, — меня держат под гипнозом?

— Почему ты так думаешь? Конечно, нет!

— Ты в этом уверена?

— Совершенно. Гипслис сказал бы мне.

— А Вийайа?

— Зачем бы он стал делать это?

— Потому что он очень хороший человек. Я убедилась, что это так, после его беседы со мной. Ты была права. — Она помолчала. — Меня удивляет, что я совсем спокойно думаю о гибели моих родных, даже матери и Лийайи…

— Кто это — Лийайа?

— Моя сестра. Когда я улетала на Землю, она была еще девочкой. Самой младшей во всей нашей колонии. Я ее очень любила. Если бы она была здесь, со мной…

Марина по-прежнему не видела слез в глазах Гианэи. И она невольно подумала, что, может быть, Вийайа действительно внушил Гианэе спокойствие при воспоминаниях. Если так, он поступил хорошо. То, что, не будучи медиком, Вийайа мог обладать способностью гипноза такой силы, не казалось ей странным. От столь могучего интеллекта можно было всего ожидать.

— А отца ты не жалеешь?

— Он поступил со мной очень жестоко, — ответила Гианэя. — Я вообще не жалею никого из мужчин. Они получили то, что заслужили. Нельзя безнаказанно мучить других.

Эти слова почти убедили Марину в том, что Гианэя правильно угадала причину своего спокойствия. Невозможно так изменить свои взгляды за столь короткий срок естественным путем.

«Но ей не надо этого знать», — подумала Марина.

— Мне кажется, — сказала она, — что никакое внушение здесь ни при чем. Ты многое пережила, можно сказать, прошла через смерть. Это отдалило от тебя горе. А твои взгляды на возмездие, поразившее твоих соотечественников,

— это результат бесед с Рийагейей, его влияние.

Гианэя с сомнением покачала головой.

— Я так не думала, когда узнала обо всем от Мериго. А горе от гибели родных было очень сильно. Спроси Виктора, он знает. Ну, все равно! — сказала она. — Пусть так. Я спокойна и рада этому спокойствию, что бы ни было причиной. Ведь ничего нельзя изменить.

Они в молчании закончили ужин и прошли в сад. Гианэя

опустилась на скамью под вишневым деревом. Она всегда любила эту скамью. Марина села рядом.

— Одно мне тяжело, — сказала Гианэя. — Сознание, что моя мать и Лийайа зарыты в земле.

— Прости, я не понимаю.

— Зарыты в земле, — повторила Гианэя. — Их закопали.

— Но…

— Так оставлять нельзя! Их надо сжечь. Нельзя, — с силой сказала она,

— чтобы человек после смерти где-то существовал.

— Об этом, по-моему, не спрашивали у Мериго. Но, может быть, они сожгли…

— Нет. У них закапывают умерших.

— Мы попросим тех, кто полетит на эту планету, вырыть тела и сжечь их. Они это сделают. Но вряд ли что-нибудь осталось за это время.

— Все равно. Очень прошу, не забудь сказать им.

— Ты можешь сама это сделать.

— Хорошо, я сама.

Разговор прекратился. Через несколько минут Гианэя сказала, что хочет спать.

В последующие дни они много гуляли и даже, по инициативе Гианэи, попытались совершить восхождение на Фудзияму. Говорили обо всем, но ни разу о прошлом. Казалось, что Гианэю больше всего интересует, где и когда она сможет учиться и получить специальность.

— Я хотела бы стать медиком, — сказала она однажды.

К неудовольствию Марины, которое она, однако, ничем не показывала, Гианэя не вспоминала о Викторе, словно забыв о его существовании.

Так прошла почти неделя.

А потом, совершенно неожиданно, Гианэя сказала:

— Меня удивляет, что твой брат, который, по твоим словам, хотел меня видеть, забыл о нас.

— Он ждет, когда ты его позовешь.

— А разве, — удивленно спросила Гианэя, — я могу это сделать?

— А почему нет? Ты же позвала его в тот вечер.

— Это было другое. Я думала, что умру тогда. Это другое.

А сейчас я умирать не собираюсь. Марина рассмеялась.

— Ты глупая, — сказала она весело. — Но если ты считаешь, что женщина не может позвать мужчину, то позову его я.

— А разве ты можешь?.. — Гианэя вдруг улыбнулась. — Я все время забываю, что на Земле другие по нятия.

— А у вас, — спросила Марина, — сестра не может позвать к себе брата?

— Нет. Женщина не может звать мужчину, кто бы, он ей ни был, отец, брат, все равно.

— Совсем недавно ты позвала Вийайю.

— Я звала его не в гости, звала, как позвала бы врача. Это другое дело.

— Мне кажется странным все это.

— Мне тоже. Теперь странно. Я очень изменилась, живя у вас. Меня не узнали бы теперь.

— Вернее, не поняли бы.

— Я сама позову Виктора.

— Ну и прекрасно. Иди к радиофону!

— А он не удивится?

— Обрадуется!

И все же Гианэя долго колебалась, прежде чем вызвать Виктора к аппарату. А решившись, говорила с ним так сухо, что Марина, когда Гианэя была в саду, вызвала брата еще раз и кратко объяснила причину этой сухости.

— Она так изменилась, что я только диву даюсь, — сказала Марина. — Совершенно другой человек. И это, в сущности, за несколько дней.

— Да, — задумчиво сказал Виктор. — Странно!

— Она сама удивляется, что спокойно вспоминает своих погибших родных, и подозревает внушение со стороны Вийайи. Ты его не увидишь, перед тем как лететь к нам?

— Вы обе превратились в отшельниц. Вся Земля знает, что Вийайи нет на планете.

— А где же он?

— На Луне. Гийанейцы решили осмотреть место, где находилась база, а заодно ознакомиться с лунными поселениями.

— Они полетели на своем корабле?

— Нет, на рейсовом. И знаешь кто их сопровождает? Сер-

гей! Этот хитрец умудрился выучить язык, да так, что не нуждается в переводчике. И никому ни слова!

— Узнаю его! Когда тебя ждать?

— Сегодня. Во второй половине дня.

— Ждем!

Виктор прилетел даже раньше, чем они его ждали… Гианэя встретила его сдержанно, очевидно находясь под свежим впечатлением своего утреннего «недозволенного» поступка. Но по выражению ее глаз было видно, что она обрадована.

— Я уже подумала, что вы не хотите меня видеть, — сказала она, просто и естественно подавая ему руку, словно с юных лет привыкла к земному способу здороваться.

— Давайте договоримся, — весело сказал Виктор. — Вы считаете Марину своей сестрой и говорите ей «ты». Я ее брат и, следовательно, брат и вам.

— Я была бы рада, — ответила Гианэя. — Но у нас так нельзя.

— Вы на Земле и, насколько я знаю, не собираетесь покидать ее. Привыкайте к нашим обычаям.

— Я постараюсь, — сказала она смущенно.

Он пробыл с ними три дня, его ждали на верфи, где строился космолет, и в Совете космонавтики. Стоун просил не задерживаться.

Гианэя держалась просто и непринужденно. Уже на второй день она окончательно перешла с ним на «ты», но выглядела чем-то озабоченной.

Вечером, накануне его отлета, она попросила его пройти с нею в сад.

— Мне очень нужно поговорить с тобой, — сказала она, давая этим понять, что Марине идти с ними не следует.

Они медленно шли по дорожке, вдыхая ароматный воздух, напоенный свежестью наступающей ночи. Полная луна заливала сад ярким светом.

Виктор видел, что Гианэя взволнована, и у него явилось сильное искушение тут же, сейчас покончить со всеми сомнениями, проверить слова Марины, что Гианэя готова ответить на его чувство. Совсем недавно, перед самым отъездом в Японию, сестра сказала ему, что советует не откладывать объяснения.

Но он удержался, понимая, что если ошибается и шедшая

рядом с ним девушка взволнована по другой причине, то попадет в нелепое положение и все испортит.

Гианэя долго молчала. Казалось, что она никак не может решиться сказать то, ради чего пригласила Виктора на эту прогулку. Он терпеливо ждал, не решаясь первым нарушить томительную паузу.

На секунду у него мелькнула мысль, что, может быть, Гианэя тоже ждет, ждет первого слова от него, но он тотчас же отбросил эту мысль. Ведь она сама сказала, что ей надо поговорить с ним. Нужно ей!..

Так прошло минут десять.

И вдруг Гианэя непринужденным движением положила руку на его плечо. А потом… на то же место легла ее голова. Он почувствовал на щеке прикосновение ее густых волос, от которых шел едва уловимый, незнакомый ему запах.

Всем было известно, что Гианэя не терпит никаких приприкосновений. Даже простое рукопожатие она усвоила спустя долгое время после своего появления и пользовалась им крайне редко.

И вот…

Он замер, теряясь в догадках. Чем это объяснить? Что это должно означать по понятиям Гианэи?

Будь на ее месте земная девушка, в смысле такого поступка нельзя было бы сомневаться.

Поза Гианэи была очень неудобна. Она положила голову не на плечо Виктора, а на свою руку, лежавшую на его плече. Они были почти одного роста, и идти в таком положении трудно. Он остановился, выжидая. Опять-таки, будь на ее месте землянка, он обнял бы ее за талию, восстанавливая этим равновесие, но с Гианэей не осмелился этого сделать. Она выражала какие-то свои чувства, выражала по-гийанейски, и, чтобы не оказаться в глупом положении, а тем более чтобы не оскорбить ее, нужно было ответить по обычаям, которых Виктор не знал.

Он стоял неподвижно, не будучи в состоянии на что-нибудь решиться или что-нибудь сказать, с сильно бьющимся сердцем.

Прошла минута.

Гианэя выпрямилась и сняла руку с его плеча. В лунном свете ее лицо было темно-коричневым, и Виктору показалось, что в узких глазах, устремленных на него, мелькнуло то самое выражение, которое он видел в них на Гермесе, когда в выходной камере звездолета она сняла пустолазный костюм и посмотрела на него, только что принесшего ее туда на руках.

В вечер самоубийства он понял значение того взгляда. Но что должен он означать теперь?

Она улыбнулась, и он услышал вздох.

— Я опять забыла, — очень тихо сказала Гианэя.

— Что ты забыла? — так же тихо спросил Виктор.

— Что ты меня не поймешь.

— Так объясни мне.

Ему казалось, что поступить так самое простое и естественное. Должна же она понимать, что он не может знать обычаев и способов выражения чувств ее народа.

Гианэя молча пошла вперед. Он шел рядом, начиная негодовать на нее за это упорное и непонятное нежелание объяснить свои поступки.

— Виктор, — спросила Гианэя, — ты помнишь тот вечер?

— Конечно, — ответил он, понимая, что она говорит о их последнем свидании, два месяца тому назад.

— Ты помнишь все, что я тогда говорила?

— Все!

— Ты спросил меня, любила ли я Рийагейю.

— Да. И я помню твой ответ.

Они были в этот момент в тени дерева, но он ясно увидел, как она вздрогнула.

— А тогда… когда мы встретились в Пол… Пол…

— Полтаве, — подсказал он.

— Да, в Полтаве. Я знала, что ты придешь к нам, и оставила на столе свой альбом с рисунком. Ты его помнишь?

— Хорошо помню.

Она снова вздохнула и произнесла едва слышно:

— И все же…

Было очевидно, что она хотела сказать: «И все же он ничего не понимает».

Виктор действительно не мог понять ничего. Он отчетливо вспомнил тот день, ракетодром в Селене, вопрос Гианэи, был ли он у них, и ее разочарование, когда он просто ответил, что да, был. Она и тогда ждала от него чего-то, о чем он ни тогда, ни теперь не мог догадаться.

Все, что она говорила тогда и сегодня, было как-то связано между собой, но он не видел этой связи.

Знакомое чувство усталости от загадок, мучивших его полтора года, снова проснулось в нем.

— Милая Гианэя! — сказал он. — Пойми же, наконец, что мы, люди Земли, не можем знать того, что кажется тебе совсем простым. Я так хочу понимать тебя до конца, но ты ничем не хочешь помочь мне в этом. Почему? Будь со мной откровенна! Объясни, что означал твой рисунок? Я чувствую, что он был нужен и важен, но никак не могу догадаться…

Она заставила его замолчать отталкивающим жестом.

Опять!..

— Пусть так, — сказала она дрожащим от гнева голосом. — Но и мы не знаем ваших обычаев. Почему же я понимаю тебя? Потому, что мы по-разному относимся друг к другу.

Он был настолько взволнован, что не заметил ясного намека, прозвучавшего в этих словах.

— Не знаю, — ответил он уныло. — Может быть, потому, что ты прочла много наших книг.

— Может быть, — неожиданно согласилась Гианэя, сказав эти два слова прежним дружеским тоном. — Пора вернуться к Марине. Я позвала тебя для того, чтобы попросить. Забудь мой

ответ на вопрос о Рийагейе. Ты меня не понял, как не понимаешь всегда.

— Хорошо, я забуду, — покорно согласился он, не сомневаясь, что она и на этот раз ничего не объяснит ему. — Уже забыл. Это не трудно.

По выражению ее лица он сразу понял, что снова, в который раз, совершил ошибку; нельзя было так говорить, ведь сама Гианэя, очевидно, придавала этому ответу большое значение.

Как тогда, на Луне, при разговоре о том же Рийагейе, Гианэя несколько секунд смотрела на него в явном смятении. А потом, так же как и тогда, резко повернулась и бегом направилась к дому. Виктор остался один…

Утром, когда он собрался уезжать на ракетодром, Гианэя не вышла проводить его, ссылаясь на нездоровье. Марина была мрачна и простилась сухо.

Когда он уже сидел в вечемобиле, она неожиданно сказала:

— Сегодня ночью Гианэя была у меня. Ты ведешь себя, как мальчишка!

И, ничего больше не прибавив, ушла в дом.

5

Подготовка к отлету шла полным ходом. Было принято решение, что корабль Мериго все же стартует первым. После того как Гианэя решительно отказалась лететь с гийанейцами, они больше не торопились и хотели основательно познакомиться с Землей. И не только с Землей, но и с другими планетами Солнечной системы. На это требовалось много времени.

Вторая, и главная, причина заключалась в самом Мериго и трех его товарищах. Пребывание на Земле с каждым днем становилось для них тягостнее. Полудикие, они никак не могли привыкнуть к окружающей их всюду технике, всего боялись и очень редко отваживались выходить из дома, где их поселили.

В этом доме намеренно была создана самая простая обстановка, лишенная комфорта, в современном понимании этого слова. Даже пища доставлялась им старинным способом, в корзинах, так как сразу же выяснилось, что появление блюд в шкафу, где только что ничего не было, вызывает страх и четверо не только не осмеливаются есть, но боятся даже подойти к этой пище.

Нечего было и думать приучить их к радиофонам, экранам телесвязи и вечемобилям. Но планелетов они не боялись: свет, исходивший неизвестно откуда, также не путал их. К этому они привыкли.

Полная неспособность освоиться с окружающим привела к постоянному страху, который заметно усилился после появления на Земле гийанейцев.

Вийайа лично попытался поговорить с четырьмя, доказать им, что он и его товарищи ничего общего с «ненавистными» не имеют, но потерпел полную неудачу. Один только его внешний вид вызывал в четверых ужас и отвращение. Они не хотели его слушать, ни слова не отвечали, а жались друг к другу, стараясь держаться от гийанейца как можно дальше. Взгляды, устремленные на землян, присутствовавших при беседе, просили и умоляли увести поскорее страшного посетителя.

Вийайа посоветовал отправить четверых на их родину как можно скорее.

Корабль был готов, задерживаться не было никаких причин. Пятьдесят человек, которые должны были на нем лететь, так же были давно готовы и могли отправиться в любой день.

В их составе произошло только одно изменение. Вместо Синицына, неожиданно ставшего главным переводчиком при гийанейцах, в экспедицию зачислили другого астронома.

Сергей близко сошелся с членами экипажа игловидного звездолета. Вийайа дал понять, что они все были бы очень рады, если Синицын, которого они называли «Сейгейа», заменит в полете Марину Муратову, которая сама заявила, что хочет остаться на Земле с Гианэей.

Старт на планету Мериго был назначен на пятнадцатое октября.

* * *

Виктор Муратов с нетерпением ожидал возвращения гийанейцев с Луны. Ему необходимо было поговорить с Вийайей. Только этот человек выдающегося ума и большого жизненного опыта мог помочь Виктору распутать клубок загадок и противоречий, в которых он один не мог разобраться, помочь восстановить с Гианэей прежние отношения.

А они испортились, вернее — совершенно прекратились с

того злосчастного вечера. Марина сообщала брату, что Гианэя не упоминает его имени и не позволяет говорить о нем. Судя по всему, она глубоко обижена или оскорблена, стала опять замкнутой и заметно мрачнеет.

— Тебе надо помириться с нею, — сказала Марина, и поскорее.

— Но как?

— Посоветуйся с Вийайей. Меня беспокоит ее состояние.

— Что я ему скажу?

— Все! Другого выхода нет.

— Хорошо, я это сделаю.

Как только посадочная ракета опустилась и из нее вышли гийанейцы, Виктор, специально для этого прилетевший на ракетодром, подошел к Вийайе и попросил разрешения поговорить с ним.

— Я всегда рад, — ответил гийанейец, — всегда к твоим услугам. Видимо, — прибавил он, — разговор будет о Гийанейе?

Муратов нисколько не удивился этому вопросу. Проницательность Вийайи давно уже была всем известна. Казалось, что гийанейский ученый читает мысли.

— Да, — ответил Виктор, — мне надо поговорить о ней.

— Поезжай со мной!

Он не отложил беседы, что было бы естественно после утомительного полета, и Виктор подумал, что не только предмет предстоящего разговора, но и его содержание каким-то образом известно Вийайе, и что гийанейец считает этот разговор нужным и спешным.

В вечемобиле он молчал. Уверенно управляя машиной, точно всю жизнь пользовался ими, Вийайа о чем-то думал. Он жил за городом, в небольшом домике дачного типа, но, как везде и всюду, оборудованном всеми удобствами века, предоставленном в его распоряжение по личной просьбе самого Вийайи.

Остальные гийанейцы жили в городе.

Поставив вечемобиль в гараж, Вийайа извинился перед Муратовым и оставил его одного на обширной террасе. Вернулся он минут через десять, свежий после купанья и переодетый в домашний костюм земного покроя.

Они прошли в столовую, где уже был сервирован завтрак на двоих, и сели за стол.

— Я слушаю, — просто сказал Вийайа.

И Виктор, никогда не отличавшийся откровенностью в личных делах, рассказал все. Он начал с эпизода в выходной камере звездолета на Гермесе, подробно описал поведение Гианэи при встречах с ним на Земле, остановился на случае с альбомом, стараясь ничего не упустить, передал внимательно слушавшему Вийайе содержание разговоров с Гианэей на Луне и после возвращения с нее. Понимая, что ничего скрывать нельзя, он откровенно признался в своих чувствах и точно повторил две последние беседы — в вечер самоубийства и в саду у подножия Фудзиямы.

— Что думает обо всем этом твоя сестра? — спросил Вийайа.

Муратов ответил так же подробно, не утаив и последних слов Марины, сказанных при прощании, когда он уезжал из Японии.

— Да, в этих вопросах женщины всегда более чутки, чем мы, — сказал Вийайа. — Гианэя еще ребенок по возрасту. Ее понятия вырабатывались под влиянием людей, которые, с нашей точки зрения, являлись представителями древнего мира. Обычаи этого мира стали достоянием истории. Много времени пройдет, пока Гианэя привыкнет к новому. Но она обязательно привыкнет и станет современной во всем. И именно потому, что она юна и восприимчива. За полтора года жизни на Земле она уже изменилась к лучшему, как тебе известно. Этот процесс будет продолжаться, хотя для нее лично и не так уж легко.

Муратов слушал не перебивая.

— Для меня, — продолжал Вийайа, — не столь просто объяснить поступки Гианэи. Они вызваны чуждым мне отношением к вопросам личного плана. Но свое мнение я скажу и думаю, что оно верно. Гианэя тебя любит, и первым толчком к возникновению этого чувства послужило твое поразительное сходство с привычным ей обликом мужчины. Возможно, сыграло роль твое особое сходство с Рийагейей, которого Гианэя любила, как отца (он подчеркнул это слово). Обычая переносить женщину, которую берешь в жены, на руках теперь не существует, но для Гианэи он современный. Нельзя забывать

об этом. На Земле равенство полов установилось сравнительно недавно, и пережитки прошлого сказываются, в частности, в том, что предложение брака должно исходить со стороны мужчины. Это чуждо и непонятно Гианэе. Несмотря на то, что в обществе, в котором она родилась и выросла, женщина не имела никаких прав, у нее было право выбора мужа. Это происходило потому, что род шел по женской линии и женщины несли моральную ответственность за будущее поколение. Ты упомянул о том, что Гианэя не считала себя вправе самой вызвать тебя. Это характерно для ее воспитания. Но она имела не только право, но должна была сама, первая, предложить тебе вступить с нею в брак. И с ее точки зрения она это сделала.

— Каким образом? — спросил Виктор, уже догадываясь, какой последует ответ.

— Своим рисунком, оставленным на столе, чтобы ты его увидел. Что это именно так, доказывает ее последний разговор с тобой. Чтобы ты лучше понял, я скажу о другом обычае, существовавшем в их обществе. Девушка должна сама предлагать брак, но это предложение должно быть у нее первым. Получить отказ считалось позорным, и вторично она не имела права предложения.

— При том отношении к мужчинам, которое было у них, это кажется нелогичным и странным, — сказал Виктор.

— Но это было так. Гиансзя автоматически переносит на тебя свойства психики своих современников и боится, что ты можешь подумать, что она любила Рийагейю как будущего мужа. Тем более, что она в разговоре сказала такую фразу: «Рийагейа мог бы это сделать для жизни». А потом на твой вопрос, любила ли она Рийагейю, она ответила: «Не знаю». Обе эти фразы были следствием ее состояния в тот вечер, ведь она была уверена, что умрет через несколько минут. А вернувшись к жизни, Гианэя ужаснулась тому, что сказала. Она убеждена, что ты понял ее так, что ты не первый, которого она любит. С ее точки зрения, это конец. А теперь суди сам, какое впечатление произвело на нее твое заявление, что забыть ее слова тебе не трудно.

— Да, теперь я все понимаю, — печально сказал Муратов.

— Гианэя не обижена и не оскорблена. Она просто решила, что ты ей отказываешь, а следовательно, ее жизнь становится

бесцельной. Я забыл сказать, что в их обществе женщина, оставшаяся бездетной, никому была не нужна.

— Я это знаю. Она говорила об этом Марине. Виктор вскочил и в волнении заходил по комнате, — Как поправить? — сказал он. — Она не хочет меня видеть и говорить со мной. Как ее убедить, что она глубоко ошибается?

— Очень просто. Написать ей письмо.

— Ты думаешь, что она его прочтет?

— Обязательно. Я уверен в этом. Посоветуй Майрийне заговорить с Гианэей об обычаях Земли. А в письме сам предложи ей стать твоей женой.

Муратов подошел к Вийайе и обнял его.

— Спасибо! — сказал он.

— Я буду рад, если это случится.

— С научной точки зрения?

— Нет, с общечеловеческой. А теперь выслушай мой совет.

— Заранее могу сказать, что выполню его.

— Увидим! Я советую немедленно принять меры, чтобы тебя зачислили в состав экспедиции на планету Мейрийго.

Виктор ожидал чего угодно, но не такого совета. Он с изумлением посмотрел на Вийайю.

Гийанейец улыбнулся.

— Для Гианэи, — сказал он, — очень важно, чтобы тела ее родных были сожжены.

— Но разлука на годы…

— Подождем несколько дней, — загадочно сказал Вийайа. — Я ничего больше не скажу.

Уважение к собеседнику не позволило Виктору просить объяснения.

— Я хотел бы задать еще один вопрос, — сказал он, видя, что Вийайа поднялся с кресла.

— Слушаю.

— Что означало, когда Гианэя положила голову на мое плечо?

— Прощание. Она прощалась с тобой, как думала, навсегда.

Муратов вспомнил слова Гианэи: «Мы по-разному относимся друг к другу». Как он был слеп!

— Могу посоветовать еще одно, — сказал Вийайа. — Относись более доверчиво к тому, что тебе говорит Майрийна.

Она знает Гианэю лучше. И не старайся вести себя по-гийанейски. Будь самим собой!

В этих словах Муратову послышался оттенок осуждения.

Он обратил внимание, что Вийайа произносит имя Гианэи так, как ее называли на Земле. Но почему он стал так говорить, Виктор не мог догадаться, хотя и был уверен, что на это у Вийайи есть причины.

Вечемобиль, вызванный для гостя, ждал его у выхода из сада. Это была одна из конструкций автоматических рейсовых машин. Ею нельзя было управлять, она сама доставит пассажира туда, откуда пришла.

Когда Муратов уже сидел в ней, Вийайа, вышедший его проводить, сказал на прощание:

— Все было бы иначе, если бы ты вел себя с Гианэей по-земному с самого начала.

«Да, он меня осуждает, — думал Виктор, с огромной скоростью мчась к городу. — И Марина совершенно права. Но теперь все будет иначе!»

Его доверие к Вийайе было столь велико, что он, не раздумывая, выполнил непонятный совет гийанейца, в тот же вечер поговорив по радиофону со Стоуном.

— Я этого ожидал, — ответил председатель совета. — Никаких препятствий нет.

— Как вы могли ожидать, что я захочу лететь на планету Мериго? — удивленный его ответом, спросил Виктор. — До сих пор речь шла о моем полете на Гийанейю.

— Об этом нам сказал Вийайа.

— Когда?

— Перед отлетом на Луну.

— Он сказал, что я буду просить об этом?

— Нет, он посоветовал нам предложить это. И прибавил, что в согласии не сомневается.

— Ну и ну! — только и смог сказать Виктор, Понять, что побудило Вийайю предпринять подобный шаг без ведома самого Муратова, было действительно очень трудно.

— А почему же вы мне не предложили?

— Он посоветовал сделать это за десять дней до старта. Мы так и решили.

— Ну и ну! — повторил Виктор.

Он закончил разговор, думая о том, что это все должно означать? Что каждый поступок Вийайи имеет основание, сомневаться не приходилось. В чем же дело?

И вдруг он вспомнил слова: «Для Гианэи очень важно, чтобы тела ее родных были сожжены».

Он не спросил тогда, почему важно, как не спросил и многого другого, было не до того. Но сейчас он был уверен, что ключ к разгадке лежит именно в этой фразе.

Казавшееся естественным объяснение, что Гианэя доверяет ему, Виктору, больше, чем кому-либо другому, выглядело натянутым. Вряд ли она сама согласилась бы на долголетнюю разлуку только ради уверенности, что ее желание исполнено.

Ведь сам же Вийайа сказал, что Гианэя любит Виктора.

Второе, еще более естественное объяснение заключалось в том, что Вийайа убежден — Гианэя лично хочет выполнить свой долг и намерена отправиться на планету Мериго сама.

Но это объяснение упиралось в решительный отказ Гианэи покинуть Землю.

Третьего объяснения Виктор найти не мог.

В этот вечер он так и не пришел ни к какой разгадке, Наступило первое октября. До старта оставалось всего две недели. В этот день Муратов рано утром вызвал Марину к радиофону и рассказал о беседе с Вийайей.

— Я завтра отправлю Гианэе письмо, а ты поговори с ней сегодня, — сказал он в заключение. Ответ был неожиданным.

— Никакого письма не надо, — сказала Марина. — Ты ее завтра увидишь. Мы возвращаемся в Киев.

— Зачем?

— Гианэя говорила с Гипслисом и потребовала об-следования сейчас. Он согласился. Гиймайа также согласен. Так что встречай нас на ракетодроме.

— Почему она так торопится?

— Не знаю. Но она не попросила, а именно потребовала. Заявив при этом, что иначе не согласится вообще.

— А Гипслис не говорил, сколько времени продлится это обследование? — спросил Виктор, пораженный внезапной мыслью.

— Три дня, — ответила Марина.

Этот ответ сразу прояснил для Виктора все загадки. Когда

обследование закончится, до старта останется десять дней, то есть ровно тот срок, который был указан Вийайей.

Гианэя хочет лететь, и гийанейский друг заранее позаботился, чтобы Виктор полетел с нею!

Но как мог он так точно предвидеть события?..

— Что ты молчишь? — спросила Марина. — Приедешь на ракетодром?

— Конечно, приеду, но боюсь, что Гианэя повернется ко мне спиной.

Марина засмеялась.

— Ты только что просил, чтобы я поговорила с Гианэей об обычаях Земли. А я сама об этом догадалась.

— И?..

— И сделала это несколько дней назад.

— И?.. — повторил Виктор.

— Что «и»? Она все поняла и ждет от тебя подтверждения моих слов.

— Ты умница! — сказал он, чувствуя, что с него спал тяжелый груз.

— А ты думал!

— Значит, полетим вместе? — спросил Виктор.

— Куда полетим?

— На планету Мериго.

— Вот тебе раз! Чего ради?

— Значит, ты не все поняла и не обо всем догадалась. Я уже зачислен в состав экспедиции.

— Но Гианэя не собирается никуда лететь.

— Ошибаешься, она летит с нами. Можешь ее спросить.

Через несколько часов состоялся второй разговор между ними. Он был короток.

— Ты прав! — сказала Марина.

— Не я, а Вийайа.

— Это было очень неожиданно для меня. Она сказала, что хочет проститься с планетой, на которой родилась, и навсегда вернуться на Землю.

— Значит, летим втроем?

— Нет, вдвоем. Ты и Гианэя.

— Но почему?

— Потому, что я остаюсь. Надо немного подумать и о

наших родных.

Только при этих словах Виктор, к своему стыду, вспомнил о матери и отце, которых не увидит много лет.

Реконструированный и усовершенствованный корабль, на котором прилетели четверо, мог развить теперь гораздо большую скорость, но все же значительно уступающую скорости корабля Вийайи. Полет до родины Мериго займет не семь лет, собственного времени корабля, а только четыре года. Но на Земле пройдет пятнадцать. И столько же времени займет обратный путь. Предстояла разлука на тридцать лет.

Если для Гианэи этот срок был незначителен, то для Виктора он составлял треть жизни. И нельзя было поручиться, что по возвращении он застанет родителей в живых.

Виктор не колебался. Если он останется, то потеряет Гианэю навсегда. Она вернется такой же молодой, а он станет почти стариком, ведь гийанейцы живут в среднем до пятисот лет.

Время до прилета Гианэи прошло для него в тревожном ожидании. Почему она приняла это решение? От ответа зависело многое.

Гианэя знала, что полет продлится тридцать земных лет. Она могла решиться на него потому, что потеряла надежду найти на Земле свое счастье. И она могла изменить это решение, убедившись в своей ошибке.

Все зависело от того, прав или не прав Вийайа, сказавший, что Гианэя не обижена и не оскорблена. Фраза Марины: «Она ждет от тебя подтверждение моих слов» — как будто говорила в пользу первого.

И все же Виктор не был уверен в результате разговора с Гианэей, который он решил не откладывать ни на час.

6

Огромный корабль казался неподвижным.

Его скорость еще не достигла той величины, за которой начинают тускнеть и исчезать звезды. За бортами в таинственной бесконечности раскинулась величественная картина Вселенной.

Виктор Муратов не уставал любоваться ею.

Не столь давно он видел такое же зрелище с Гермеса и с

борта своего флагманского корабля вспомогательной эскадрильи. Но тогда панорама космоса производила на него совершенно другое впечатление, казалась неприятной, чуждой всему его существу, и он с нетерпением ожидал возвращения на родную Землю.

Сейчас все было иначе. О Земле он не думал, цель пути — планета Мериго

— была далеко, обратный путь еще дальше. Панорама космоса казалась прекрасной.

Отчего это происходило? Он знал ответ. Вместе с ним, рядом, всегда рядом, находилась Гианэя.

И прошлое и будущее одинаково исчезли для него, Он жил настоящим, и каждое мгновение было до краев наполнено настоящим.

Он никогда не думал, что способен полюбить с такой всепоглощающей силой. Это было похоже на вихрь, ворвавшийся в его жизнь.

Ему было тридцать шесть лет, и он никогда еще не любил. И совсем недавно, осознав, что незаметно и против воли им овладело чувство любви к девушке иного мира, он, про себя, назвал эту любовь нелепой и невозможной. Теперь она казалась ему единственно возможной и естественной.

А она?..

Гианэя никогда не говорила о любви. Только на прямой вопрос отвечала коротким «да». Она оставалась такой же спокойной и замкнутой, какой была всегда. Внешне ее чувства не выражались ничем…

Он хорошо помнил «объяснение в любви», состоявшееся в день ее приезда в Киев.

Взаимного объяснения не было. Был монолог с его стороны и молча протянутая рука с ее.

Выполняя совет Вийайи, он говорил так, как говорил бы земной девушке. А получив ее руку, как знак согласия, обнял и поцеловал ее также по-земному.

И это было все. Она не ответила на его поцелуй, хотя, он знал это, несколько раз отвечала Марине.

Гианэя сразу заговорила о полете на планету Мериго.

— Я знаю, — сказала она, — тебе будет тяжело покинуть Землю на тридцать лет. Сделай это для меня. — Она заметила,

что он хочет что-то сказать, и поспешно прибавила: — Я должна выполнить свой долг по отношению ко всем моим родным. И еще раз, последний, побывать на месте, где прошло мое детство.

— Все будет так, как хочешь ты, — ответил Виктор.

Он чувствовал разочарование и легкую досаду. Совсем не так мечтал он объясниться с нею. Но непонятная робость помешала ему еще раз обнять ее.

Она сама подошла к нему и, положив руки на его плечи, сказала ласково и чуть смущенно:

— Возьми меня на руки, на одну минуту.

А потом она ушла и в тот же день легла в клинику. Три дня он ни разу ее не видел.

Марина говорила, что Гианэя очень волнуется в ожидании, ответит ли обследование на тот единственный вопрос, который был для нее самым главным.

Получила ли она его, осталось неизвестным. Гипслис и Гиймайа сказали, что Гианэя взяла с них слово молчать. Но было заметно, что, выйдя из клиники, Гианэя стала оживленнее, чем прежде.

Стало известно, что ее организм полностью ассимилировался с земной кровью. Все органы работали и действовали абсолютно нормально. Гостья Земли находилась вне какой-либо опасности. Впрочем, она уже перестала быть «гостьей», и ее называли так все реже и реже.

Решение Гианэи лететь на планету Мериго, чтобы проститься с родиной и навсегда вернуться на Землю, было неожиданно, но не удивило никого. Ей охотно разрешили полет. Это привело только к тому, что корабль, который должен был остаться на планете Мериго, теперь вернется назад.

Десять дней на Земле промелькнули, как один…

И вот они на гигантском корабле, несущем их к далекой планете, где родилась и выросла Гианэя. Восемь лет жизни пройдут для них здесь.

Звездолет казался не только неподвижным, но и пустынным. Пятьдесят шесть пассажиров и восемь человек команды терялись в его просторах. Виктор и Гианэя часами гуляли по аллеям, не встречая никого.

Они должны были находиться в обществе своих спутников

по крайней мере три раза в день, когда экипаж собирался в кают-компании для завтрака, обеда и ужина. Но Гианэя наотрез отказалась переступить порог этого помещения, пока в нем могли оказаться Мериго и его товарищи. Она ненавидела их столь сильно, что один только вид этих людей приводил ее в содрогание.

И они питались у себя, в обширной каюте, состоявшей из трех помещений, предоставленной им.

На гийанейском корабле все каюты были одиночными. Очевидно, прежние хозяева стремились к уединению. Но люди Земли все переделали по-своему. Теперь на корабле были помещения всех размеров, от одиночных до рассчитанных на пятерых. Каждый поселился по своему вкусу.

Виктору было неприятно отшельничество, на которое обрекала их ненависть Гианэи к четверым, но оно скоро должно было прекратиться.

Экипаж готовился к длительному пути. Командир корабля Юрий Вересов распорядился, чтобы все, кто не принимал участия в дежурствах на пульте или в научных наблюдениях, легли в анабиозные ванны на все четыре года. Остальные должны были погружаться в сои поочередно, сменяясь через каждые шесть месяцев. Таких было восемнадцать человек. Их разбили на три равноценные группы.

Мериго и его товарищей решили уложить в ванны первыми.

Таким образом, и без того пустынный корабль должен был стать и вовсе «необитаемым».

Гианэя отказалась от сна.

— Поручите мне какое-нибудь дело, — попросила она.

— И мне тоже, — добавил Виктор.

— Дела для вас у меня нет, — ответил Вересов, — но вы пассажиры и находитесь на особом положении. — Он улыбнулся. На корабле шутили, что никто еще не проводил медового месяца в космическом полете. — Вы вольны поступать, как хотите. Но вам будет очень скучно.

— О нет! — сказала Гианэя.

Виктор благодарно сжал ее руку. Ее восклицание было ему более чем приятно. Вересов засмеялся.

— Бодрствуйте! — сказал он. — В конце концов, придумаем для вас занятие. Например, наблюдение за анабиозными

ваннами. Или что-нибудь другое. Там посмотрим!

Сам он должен был дежурить в первой смене.

Звездолет удалялся от Земли под прямым углом к плоскости эклиптики. Позади оставалось не только Солнце, но и вся Солнечная система одновременно. Звездный рейс начался сразу.

Никто не хотел ложиться в анабиоз раньше, чем родное светило превратится для глаз в рядовую звезду.

Но четверым не было причины ожидать этого момента. И они охотно согласились заснуть до появления «на горизонте» родного солнца. Их «усыпили» через восемь дней после старта.

Виктор и Гианэя получили возможность включиться в общий ритм жизни звездолета. Ее появление в кают-компании встретили с радостью.

— Наконец-то вы среди нас, — сказал Вересов, приглашая Гианэю занять место во главе стола, рядом с ним.

Она весело улыбнулась, выслушав перевод этой фразы. Казалось, что отсутствие четверых сразу изменило ее настроение.

А вечером Гианэя спросила Виктора:

— От сна в анабиозных ваннах всегда просыпаются?

— Конечно! — ответил он. — Иначе ими нельзя было бы пользоваться.

Она помолчала, хмуря брови.

— Жаль, что здесь нет ни одного гийанейца-мужчины.

— Почему жаль?

— Потому что тогда они не проснулись бы. Я сожалею сейчас, что я женщина.

— Неужели ты думаешь, что Вийайа…

— Нет, я говорю не о них. Они такие же, как вы. Да, очень жаль, женщина не может убить. Но, может быть, мой долг…

— Замолчи! — испуганно воскликнул Виктор, пораженный мрачным огнем, вспыхнувшим в темных глазах Гианэи. — Перестань даже думать об этом. Как тебе не стыдно!

— Нет, мне не стыдно.

— Ты сама говорила, что твои соплеменники получили то, что заслужили.

— Да, мужчины. Но за что они убили мою мать и Лийайю? Ни одна наша женщина не причинила им ни малейшего вреда.

За что они требовали, чтобы меня отдали им на расправу? Молчи! Я знаю, что ты скажешь. Вы все считаете, что они имели право поступить так. Почему же ты отказываешь мне в этом праве?

— Именно потому, что такого права у тебя нет!

Гианэя положила голову ему на грудь. Но она не заплакала, как он ожидал.

Первым побуждением Виктора было рассказать обо всем Вересову и попросить его надежно запереть помещения, где находились ванны с Мериго и остальными тремя. Но он не сделал этого. Было неприятно посвящать постороннего человека в то, что даже на него, при всей любви к Гианэе, производило плохое впечатление.

Он понимал, что винить Гианэю нельзя. Она была женщиной Гийанейи, со всеми чертами характера, присущими женщинам ее эпохи, которую современные гийанейцы называли уже «древней». Судить Гианэю по земным понятиям было нелепо.

Виктор был уверен, что у Гианэи не хватит решимости совершить преступление, что все это только минутная вспышка, которая не повторится.

Она сама сказала тоном безнадежного сожаления:

— Женщина убить не может!

* * *

В одном из старых романов Виктор как-то прочел, что нигде время не идет так быстро, как в тюрьме. Он задумался тогда над смыслом этой фразы, на первый взгляд казавшейся очень странной, и пришел к выводу, что автор, видимо, прав. Однообразие и неизменный, изо дня в день повторяющийся режим скрадывают время.

Теперь он смог убедиться, что это действительно так, на собственном опыте.

Звездолет не был тюрьмой, но по существу мало от нее отличался. Как там, так и здесь люди были заперты в замкнутом помещении и не могли покинуть его по своей воле. Срок «заключения» был известен. Как там, так и здесь жизнь подчинялась раз навсегда установленному распорядку.

И время шло удивительно быстро.

Давно уже скрылось, затерялось в массе других звезд покинутое Солнце. Чтобы его увидеть, надо было обращаться к помощи астрономов, которые одни только могли точно указать, какая из блестящих и казавшихся одинаковыми точек является Солнцем.

Давно уже почти весь экипаж спал в анабиозных ваннах. Те, кто бодрствовал, привыкли к безлюдности, постоянной тишине и одиночеству в безграничных просторах, всюду окружающих корабль.

Кончалось первое дежурство. Вересов, руководитель будущей научной работы на планете Мериго профессор Фогель и четверо их товарищей по смене готовились к шестимесячному отдыху.

Радиосвязь с Землей прекратилась. Вернее, она стала односторонней и очень редкой. Время от времени станция звездолета принимала догоняющие его сообщения, посланные месяцы тому назад. Передачи стали невозможны. Слишком велико было расстояние и слишком маломощны были для такого расстояния генераторы корабля.

Гианэя и Виктор все еще не помышляли о сне в анабиозе. Они были вполне счастливы и не хотели «расставаться» друг с другом. Правда, Виктор как-то предложил сократить время полета, но Гианэя удивленно на него посмотрела и спросила:

— Разве тебе скучно?

Он поспешил уверить ее, что беспокоился только о ней.

— Мне хорошо, — сказала Гианэя.

Они оба уже дежурили на пульте. Это была заслуга Вересова, научившего их разбираться в бесчисленных приборах, записывать их показания и обрабатывать записи с помощью вычислительных машин. Последнее, правда, мог производить только Виктор. Но они всегда были вместе, и этот недостаток Гианэи, как дежурного, не сказывался на результатах ее дежурств. Когда на ступала ее очередь, Виктор все время находился на пульте и наоборот.

Сперва Вересов намеревался поручить им наблюдения за анабиозными ваннами, что было значительно проще, но Виктор, не объясняя истиной причины, попросил его сделать из них «навигаторов».

— Это больше интересует Гианэю, — сказал он.

А Вересову было безразлично. Он думал только о том, чтобы у них была работа. Не вдаваясь в психологические детали, он старался выполнить закон космических полетов.

Безделие опасно!

Решение Виктора и Гианэи бодрствовать еще одну смену он принял без возражений.

Фогель также не возражал, с медицинской точки зрения.

Бежали дни. Точнее сказать, сутки, отмечаемые по часам. Только по ним можно было отличить «день» от «ночи».

Расстояние от Земли выражалось уже труднопроизносимой цифрой.

Гианэя и тут не изменила своей страсти к воде. Ежедневно по несколько часов она проводила в бассейне. И Виктор постепенно привык к тому же, хотя на Земле не очень любил плавание.

7

Наступило тридцатое марта. По собственному времени звездолета прошло ровно пять с половиной месяцев после старта с Земли.

Часы показывали без пяти восемь утра. Виктор Муратов направлялся на пульт, чтобы приступить к дежурству. Гианэя шла с ним.

Прежде, до реконструкции, пульт управления размещался в передней части корабля. Земным инженерам это было непривычно, и они перенесли его в корму, поближе к автоматам и «Мозгу навигации», за которым сохранили это название.

Экраны наружного обзора работали, одинаково как в передней, так и в задней части корабля, а там, где был пульт, теперь находилась астрономическая обсерватория.

Каюта Виктора и Гианэи была расположена в передней части, непосредственно за обсерваторией. Они прошли стометровую аллею, окаймленную густыми зарослями гийанейских растений. Такая же аллея шла с другой стороны, а между ними находился плавательный бассейн.

Корабль был разделен на пять отсеков, по сто метров длинны каждый. Глухие стены отделяли их друг от друга. Проникнуть в соседний отсек можно было только через трубу двух метров в диаметре, проходящую сквозь стену и снабженную с обоих концов герметическими дверями, вернее лю-

ками, открывавшимися поочередно.

Такое устройство было неудобно, но необходимо, и на Земле не стали его изменять. Оно вполне соответствовало своему назначению и гарантировало безопасность корабля в целом при встрече с метеоритными потоками, всегда возможной в космосе.

Управление люками осуществлялось одной из секций «Мозга навигации».

Виктор привычно нажал на кнопку сбоку от люка.

Обычно он открывался сразу. А второй, с другой стороны трубы; оставался закрытым до тех пор, пока первый, пропустив тех, кому нужно было пройти из одного отсека в другой, не закрывался за ними.

На этот раз люк не открылся.

Виктор подождал немного и вторично нажал на кнопку.

Люк опять не открылся.

Это могло означать, что соседний отсек пробит и из него уходит воздух.

Но ни Виктор, ни Гианэя не слышали удара, как не слышали и сигнала тревоги, который должен был сопутствовать нарушению герметичности корабля. Трудно было допустить, что сигнальная система неисправна.

Виктор почувствовал беспокойство. Что-то случилось!

Все пять отсеков имели радиофонную и телевизионную связь. Они вернулись в каюту и вызвали пульт.

Радиофон молчал, экран оставался темным.

Это было уже совсем непонятно.

Любая пробоина должна была автоматически заделаться. На это требовалось не более пяти минут. И так же автоматически в отсеке восстанавливалось нормальное давление воздуха.

Они подождали десять минут и снова попытались открыть люк.

Результат был прежним.

— Пойдем на обсерваторию, — предложил Виктор, — Может быть, связь испортилась в нашей каюте.

На обсерватории никого не было. Но и там они не добились связи с пультом.

Виктор почувствовал уже серьезную тревогу.

Крупный аэролит был бы замечен локаторными установками на безопасном расстоянии, и его не допустили бы до

столкновения со звездолетом. А мелкий, даже если он оказался в состоянии пробить борт, не мог повредить связь. Она могла выйти из строя только при повреждении управлявшего ею автомата на самом пульте. В этом случае тотчас же должен был включиться второй, резервный. Одновременная порча обоих автоматов практически невозможна.

Выход из строя всех линий связи, управления люками и сигнальной системы сразу означал разрушение всего пульта, а такого разрушения нельзя было даже вообразить.

Кроме того, «Мозг навигации» находился в другом помещении, и катастрофа на пульте не могла вывести из строя и его.

— Раз мы не можем пройти, — сказал Виктор, стараясь говорить как можно спокойнее, — остается ждать, пока кто-нибудь придет к нам.

— Это очень странно, — сказала Гианэя. Она хорошо знала корабль, так как два года назад совершила космический полет на точно таком же.

— Странно или не странно, а ничего другого мы сделать не можем. Дежурный на пульте уже знает о том, что произошло. Кстати, дежурит сам Вересов.

Он всегда называл командира Юрием, но сейчас почему-то назвал его по фамилии. Наверное, от волнения.

Их окружала глубокая тишина. Мягкий, чуть желтоватый свет лился с полукруглого потолка от скрытых в нем «солнечных» ламп. Спектр этого света в точности воспроизводил свет звезды, солнца Гийанейи, необходимый для нормальной жизнедеятельности растений. Воздух был чист, с едва заметным запахом озона.

Точно такие же оранжереи размещались еще в двух местах, посередине корпуса корабля и на корме. Только в двух отсеках, втором и четвертом, воздух очищался системой вентиляции.

Прошло полчаса, потом час. Никто не приходил.

Несколько раз Виктор пытался восстановить связь, но безуспешно. Тревога возрастала.

Гианэя неподвижно сидела в одном из шезлонгов, расставленных вдоль аллеи. Она о чем-то сосредоточенно думала. Виктор ходил взад и вперед, не замечая, что все больше и больше ускоряет шаги.

Прошел еще час.

— Что же могло случиться? — спросил он.

Гианэя ничего не ответила, точно не слышала вопроса.

«Где остальные? — думал Виктор. — Одни ли мы оказались отрезанными от пульта?»

Обычно на астрономической обсерватории кто-нибудь находился. Но как раз сегодня за завтраком астроном Куницкий говорил, что чувствует себя усталым, так как вчера поздно лег. А навигатор Тартини, часто помогавший ему в наблюдениях, ушел на пульт, зачем-то вызванный Вересовым. Остальным нечего было делать в первом отсеке.

Прошел еще час. Виктор уже не сомневался, что произошла очень серьезная авария.

Но насколько она серьезна? Живы ли шесть человек, бодрствующих в первой смене? Если живы, то находятся ли они все вместе или отрезаны друг от друга?

Виктор начинал допускать, что в корабль врезался крупный аэролит, которого почему-либо, не «заметили» локаторы. Пробив борт, а потом и стену помещения пульта, он взорвался внутри него.

Как бы не было невероятно подобное предположение, ничего другого Виктор не мог придумать.

Но тогда пульт разрушен, а люди убиты.

Один, двое или все шестеро?

Только трое, Вересов, Тартини и второй навигатор, могли немедленно приступить к ремонту пульта. Но для этого они должны иметь доступ в четвертый отсек, где помещались кладовые запасных частей.

А если люки между четвертым и пятым отсеками также не открываются, что тогда?

Анабиозные ванны помещались в четвертом и втором отсеках. Шесть человек второй смены проснутся через пятнадцать дней. Разбудят их автоматы. Но чем они смогут помочь, будучи отрезанными от пульта?

Все остальные будут спать еще три с половиной года, если их не разбудить, так сказать, вручную.

Когда прошел еще один, четвертый час, Виктор не выдержал и поделился своими опасениями с Гианэей.

Оказалось, что она знает устройство корабля лучше, чем он.

— Есть запасный переход из нашего сектора во второй, — сказала она,

— из второго в третий и так далее. Они открываются иначе. Но пользоваться ими можно только в исключительных случаях.

— Сейчас как раз исключительный случай, — сказал Вик-

тор. — Где эти переходы?

— Внизу.

— Идем скорее!

Она встала с видом полного равнодушия. Казалось, ей совершенно безразлично, идти или остаться здесь.

Они спустились по узкой винтовой лестнице в нижний коридор, идущий над помещением двигателей. Хотя Виктор знал, что они работают, ни малейшей дрожи пола он не ощутил.

Дорогу пересекла глухая стена. Только очень внимательный глаз мог заметить плотно закрытую квадратную дверь.

— Эти двери, — пояснила Гианэя, — управляются другой секцией «Мозга навигации». Она сработает только в том случае, если секция верхних дверей отключена или вышла из строя.

Виктор заметил кнопку и протянул к ней руку.

— А если второй отсек пробит и не заделана пробоина?

— Разве в этом случае дверь откроется?

— Эта — да! Они для того и сделаны, чтобы можно было пройти в любом случае.

— Сколько тут дверей?

— Одна.

Виктор задумался. Пустолазных костюмов в первом отсеке не было. Но ему казалось, что риск не очень велик. Система автоматической заделки пробоин не зависела ни от пульта, ни от «Мозга навигации». В каждом отсеке она была автономна. Кроме того, люки, ведущие к лестницам, всегда плотно закрыты.

И, самое главное, никакая пробоина во втором отсеке не могла вывести из строя пульт управления. — А как они закрываются? — спросил он.

— Автоматически. Через пять секунд, по нашим часам.

Она сказала «нашим», имея в виду часы земные.

— В таком случае попробуем. Но ты лучше поднимись наверх.

— Зачем?

— Ну, на всякий случай.

— Я не хочу остаться тут одна.

Гианэя сказала это просто, но так, что он понял: она не уйдет.

— За пять секунд весь воздух не может отсюда вырваться, даже если за дверью вакуум, — сказал он.

— Тем более мне нет причин уходить.

— Отойди хотя бы в конец коридора.

Она послушно выполнила его просьбу.

Виктор нажал на кнопку.

Дверь не открылась. Он вопросительно посмотрел на Гианэю. Ведь она только что говорила, что эта дверь должна открыться в любом случае.

— Значит, одно из двух, — сказала она. — Или секция верхних дверей не отключена и не испорчена, или весь «Мозг навигации» вышел из строя. А это невозможно.

Он сам знал, что это невозможно. Даже прямое попадание мощного снаряда не могло повредить защиту «Мозга». Тем более аэролит.

Верхние двери не открываются «намеренно».

Они вернулись в свою каюту.

— Я голодная, — сказала Гианэя.

В каждом отсеке были аварийные кладовые. Их содержимого хватило бы для всего экипажа на пять лет. Виктор подумал, что имеет право воспользоваться ею без разрешения командира корабля. Не сидеть же им голодным неизвестно сколько времени.

Он раньше никогда не был в кладовой и удивился, увидев, что здесь находятся не только продукты питания.

Огромная цистерна с надписью «вода», ящик с медикаментами с красным крестом на крышке, пустолазные костюмы, всевозможные инструменты, оружие. Казалось, здесь было все, что могло понадобиться в полете и на планете, Список содержимого кладовой висел на стене.

Больше всего удивили Виктора пустолазные костюмы. Он хорошо помнил, что кто-то из командного состава звездолета говорил, что они хранятся в третьем отсеке, где находилась выходная камера. Именно потому, что он был уверен в этом, Виктору и пришлось пойти на риск, открывая, вернее пытаясь открыть, дверь, ведущую во второй отсек, где могла оказаться пустота.

Кто-то ошибся. Либо сказавший про костюмы, либо сам Виктор, неправильно понявший.

Как бы то ни было, они были здесь.

Он аккуратно вскрыл свинцовую оболочку в одном из ящиков с буквами «АП» на крышке. Там лежали большие пакеты, завернутые в плотный шелк. На каждом стояла большая

буква «Э».

Он вынул один и отнес в каюту.

В нем оказалось трехразовое питание для трех человек, посуда из прессованной бумаги, ложки, ножи и вилки. Тут же лежала маленькая нагревательная плитка и батарея к ней.

Стало ясно значение буквы «Э». Это были пакеты, которые брались в экскурсии на чужих планетах.

— В следующий раз буду внимательнее, — сказал Виктор. — Надо было прочесть перечень.

— Надеюсь, что следующего раза не будет, — сказала Гианэя.

— Ты думаешь? Она не ответила.

— Нам нужно быть готовым к длительному ожиданию. Ремонт пульта дело не дня и не двух.

— Я имела в виду «Мозг навигации». Ему нет дела до пульта. Как только устранится причина, заставившая его закрыть люки, они откроются.

— Через сколько времени?

— Ты со мной, — сказала Гианэя, — а больше мне ничего не надо.

Виктор заметил, как она вздрогнула, и понял, что у нее мелькнула мысль о том, что люки могли перестать открываться, когда они оба находились в разных отсеках.

И он вздрогнул сам. Это могло случиться легко, хотя бы тогда, когда они возвращались утром из кают-компании. Он задержался, а она прошла тамбур.

Что если бы тогда…

8

Виктор не помнил в своей жизни столь мучительного дня. Шел час за часом, а в их положении ничего не изменялось. Чем дальше, тем чаще он подходил к люку и нажимал на кнопку. Безрезультатно!

Он понимал, что его поведение лишено логики, но ничего не мог поделать со своим нетерпением.

Если Вересов и его товарищи по смене живы, то они принимают сейчас все необходимые меры к ликвидации аварии и сами придут сюда, когда работа будет закончена. Или, восстановив связь, вызовут их к радиофону.

Если же произошла не авария, а катастрофа и они все мертвы, то раньше, чем через пятнадцать дней, нечего было и ожидать каких-либо изменений. И было неизвестно, смогут ли шестеро человек второй смены проникнуть на пульт, или они окажутся в таком же положении, как Гианэя и Виктор.

В любом случае оставалось одно — ждать.

В этом отношении Гианэя оказалась на высоте. Она была невозмутимо спокойна и вела себя так, как будто ничего не

случилось. В обычный час она пошла в бассейн и плавала в нем обычное время.

Даже подшучивала над Виктором и делала это естественно, без тени принужденности.

А он знал, что она отдает себе отчет в их положении не хуже, чем он.

Так прошел весь день.

Наступил час отхода ко сну. И Гианэя все так же спокойно легла в постель и заснула.

Виктор не мог спать. Он прекратил свои бесполезные попытки и бесцельно бродил по аллеям, ломая голову над вопросом, что могло произойти? С таким же успехом он мог думать о том, что происходит в этот момент на Земле или на Гийанейе.

Несколько раз Виктор подходил к стене и, приложив к ней ухо, старался уловить хоть какой-нибудь звук.

Корабль казался вымершим.

Но, если бы в это время на пульте стоял бы даже оглушающий грохот, то и тогда звуковые волны не могли пройти через четыре стены. Виктор это знал.

Он был сейчас один, и тишина все больше действовала на его нервы.

«Надо лечь, — говорил он самому себе. — Кто знает, что ждет нас завтра. Что толку не спать и терять силы? В каюте есть аптечка, а в ней снотворное».

Но вместо каюты он направился на обсерваторию.

Они с Гианэей были там сегодня утром. И, войдя сейчас, Виктор сразу заметил необъяснимую перемену.

Экраны наружного обзора, которые утром, он помнил это точно, не были включены, теперь оказались в действии. И, как всегда в таких случаях, свет был включен. Перешагнув порог, Виктор словно, вышел из корабля.

Он изумленно огляделся, ожидая увидеть Куницкого, который один только мог оказаться здесь и включить экраны. Но никого не было.

Виктор почти машинально нажал на кнопку у двери и при вспыхнувшем свете осмотрелся еще раз.

Никого не было. И не могло быть!

Почему же включены экраны? Кто это сделал?

Он зажег свет, но экраны не погасли. Они должны были погаснуть.

Он стоял у двери ошеломленный и даже немного испуганный. Потом погасил свет и подошел к креслу возле окуляра телескопа. Самого телескопа здесь не было. Он находился за передней стеной.

Виктор склонился над маленьким горизонтальным экраном и вгляделся в него. Оптическая система, связывающая объектив с этим экраном, находилась в полном порядке. Он видел одинокую точку какой-то звезды. Увеличение было огромным.

Управление телескопом было известно Виктору. Он положил руку на штурвалик вертикального подъема и слегка повернул его. Звезда послушно передвинулась.

Да, все тут в порядке. Но, кто же все-таки включил наружные экраны?

Кнопки включения находились тут же. Но Виктор не решился на рискованную проверку. Могло случиться так, что экраны погаснут и не включатся больше. Все могло быть.

Он подумал, что проверку все же произвести надо. Иначе не понять, что тут произошло.

Снова включив свет, Виктор внимательно осмотрел кнопки. Маленькие надписи возле них помогли принять решение. Он выбрал кнопку включения нижнего бокового экрана и нажал на нее. Если этот экран и не вспыхнет больше, беда не велика.

Но экран и не думал потухать. Значит, и здесь неисправность!

Экраны никто не включал, они включились сами. И их нельзя было погасить. А общий свет в обсерватории включался и выключался, как обычно. Так! Теперь можно подумать!

На этом гийанейском корабле все подчинялось «Мозгу навигации». Отделенные от него автоматы действовали самостоятельно, но их исправная работа также зависела от «Мозга». И когда на Земле в это помещение перенесли обсерваторию, инженеры не сочли нужным изменять эту систему. Но взаимодействие экранов с выключателями освещения было изменено, стало автономным.

Тут и разгадка!

«Мозг» почему-то включил все экраны и выключил управление ими. А автономная система осталась прежней и работала исправно.

Если сопоставить это с неисправностью люков и нижних дверей, а также вспомнить, что не работает сигнализация и связь, то вывод один: непостижимым образом вышел из строя «Мозг навигации». А если и не совсем вышел из строя, то испортился.

А если так, то беда не столь уж огромна. Даже оставшись совсем один на пульте управления, Вересов сумеет снять защиту с «Мозга» и вскрыть его. А тогда не трудно отключить связь с автоматами, и все придет в порядок.

Сколько времени понадобится на эту работу, Виктор не знал, но он почти совсем успокоился.

Случившееся в обсерватории доказывало, что виной всему «Мозг». И следовательно, пульт управления не пострадал. Одновременно выйти из строя они не могли никак.

«Хорошо, что я зашел сюда, — подумал он. — Пойду спать!»

Снотворное ему не понадобилось, Засыпая, Виктор подумал, что большое счастье в том, что теперь освещение корабля уже не зависит от «Мозга». Останься все, как было до реконструкции, мог погаснуть свет. Правда, в кладовой он видел аварийные фонари, но на растения темнота оказала бы гибельное действие, а значит, и на состав воздуха. Неизвестно, сколько времени понадобится, чтобы исправить «Мозг» или отключить его совсем.

Они проснулись в обычное время и позавтракали находившимся в пакете ужином, не использованном вчера.

Все оставалось по-прежнему, и Виктор легко убедился в этом, попытавшись открыть дверь наверху и внизу. Они не открылись. Связь также не работала.

Он рассказал Гианэе о том, что увидел в обсерватории, и спросил ее мнение. Она ответила, что плохо знает устройство «Мозга». Как и вчера, она казалась равнодушной к их положению.

Твердо уверив себя в том, что виной всему неисправность «Мозга навигации», Виктор стал гораздо спокойнее. Но где-то глубоко внутри затаилось непрекращающееся волнение.

Он достал новый пакет из другого ящика, подумав при этом, что они обеспечены всем необходимым для жизни на долгие годы.

«А если бы мы оказались запертыми во втором отсеке?» — мелькнула мысль.

Кладовые были в каждом. Но вентиляция только во втором и четвертом. Она соединяла эти отсеки с резервуарами кислорода, расположенными в самой верхней части корабля, над ними. Там же находились поглотители углекислоты. Вся эта система вступала в действие только при нарушении сообщения между отсеками, когда внутренняя вентиляция также отключалась. Виктор еще вчера убедился, что она действительно отключена. А вентиляция автономная зависела от «Мозга»! Что, если она тоже неисправна?

Для людей, лежавших в анабиозных ваннах, это не имело значения. Но если там находится неспящий человек?..

Виктор отогнал эту жуткую мысль.

Время на корабле текло быстро. Виктор и Гианэя привыкли находиться вдвоем. Но сегодня им казалось, что время течет томительно медленно.

Ниоткуда ни звука! Тишина и неподвижность!

Экраны обсерватории оставались включенными. Но за бортом звездолета та же неподвижность, вечная тишина бесконечной пустоты.

Так прошел еще один день.

А за ночью, когда даже Гианэе пришлось воспользоваться снотворной таблеткой, наступил третий день.

А потом четвертый и пятый!

Если бы они знали точно, сколько времени пройдет в этой оторванности от других людей, им было бы гораздо легче. Но полная неизвестность и постоянное ожидание изматывали.

Гианэю покинуло кажущееся спокойствие. Она стала нервничать больше Виктора.

А на шестой день он сделал ошеломляющее открытие.

Когда звездолет достиг субсветовой скорости и продолжал неуклонно ее наращивать, заметно менялся вид звездного неба за его бортами. Находившиеся впереди корабля звезды все более и более лиловели, превращаясь в фиолетовые. А позади звезды «краснели». И те и другие постепенно исчезали.

Световые волны, идущие навстречу и догоняющие корабль, переходили в ультрафиолетовую и инфракрасную области спектра, невоспринимаемые человеческим глазом. Одна только Гианэя некоторое время продолжала видеть звезды, уже «потухшие» для всего экипажа. А те, что находились, так сказать, на одной параллели со вездолетом, постепенно «сдвигались» назад.

В последние дни перед катастрофой корабль окружало темное кольцо, как бы лишенное звезд, которое все больше расширялось.

И вот четвертого апреля Виктор, зайдя на обсерваторию, не увидел этого кольца. Все небо было заполнено звездами.

Никакие неисправности экранов наружного обзора не могли привести к такому эффекту.

Скорость корабля уменьшилась!

Удивленное восклицание Виктора привлекло Гианэю, и она сразу же прибежала на обсерваторию.

Молча стояли они, не решаясь поверить в реальность того, что видели.

— Впереди звезд стало больше, — прошептала девушка.

— Корабль тормозится!

— Да!

— Но почему?

Ответа на этот вопрос они не могли найти.

Обнаружить торможение можно было только так, по виду звездного неба. Искусственная гравитация нейтрализовала ускорения, как положительные, так и отрицательные. В каком бы режиме ни летел корабль, внутри него всегда сохранялась одна и та же сила тяжести, направленная вниз, к полу. Но «свидетельства звезд» было достаточно. Звездолет замедлял скорость!

Если бы «Мозг навигации», испортившийся по какой-либо причине, выключил двигатели, корабль продолжал бы полет по инерции с прежней скоростью. В пустоте космоса не было ничего, что могло бы затормозить его, да еще столь быстро!

Но двигатели выключены не были. Они работали, но только в обратном режиме, чем раньше. Это говорило за то, что «Мозг навигации», в той его части, которая ведала регулировкой движущих агрегатов, исправен.

Почему же люди, находившиеся на пульте управления, не воспрепятствовали действиям обезумевшего «Мозга»? Вересову не составило бы труда выключить эту часть и лишить «Мозг» возможности влиять на работу двигателей.

Было очевидно, что корабль тормозится уже давно, вероятно, с первого дня, когда произошла авария. И притом тормозится форсированно, иначе за шесть дней скорость не могла уменьшиться так заметно.

Снова неотвратимо и страшно встал перед Виктором и

Гианэей вопрос — живы ли их товарищи?

Не было и не могло быть никакой причины останавливать корабль. Любые ремонтные работы, требующие выхода из корабля, могли быть произведены на ходу.

Шесть дней непрерывного торможения, тот факт, что дежурный радиоинженер не сумел за этот срок восстановить связь внутренних помещений с пультом или заменить ее чем-нибудь другим, казалось бы, неопровержимо свидетельствовал, что произошло наихудшее.

— Они не могли забыть о нас, — сказала Гианэя.

— Мы тоже помним о них. — Виктор не понял, что она хотела сказать. — Что толку помнить?

— Есть разница. У них пульт управления, а у нас его нет. Это они могли включить экраны. Теперь он понял.

Вересов и другие, конечно, понимают, в каком жутком неведении находятся двое отрезанных от них членов экипажа. Они могли включить экраны, минуя «Мозг навигации», и этим показать, что на пульте есть живые люди. Но одного только включения экранов было явно недостаточно. Это мог сделать и испортившийся «Мозг».

Самым простым выходом из положения было включение одного из мощных прожекторов. Они были установлены на Земле, «Мозг» не имел никакого отношения к ним. А свет прожектора хорошо виден на экране заднего обзора. Совсем недавно был случай, когда Вересов проверял исправность прожекторов и находившиеся в это время на обсерватории Виктор и Гианэя видели ослепительные точки на заднем экране. Луч света задевал некоторые из фотоэлементов, расположенных на наружной поверхности звездолета. Узнав об этом, Вересов говорил, что это явление вызвано неточностью наводки, и собирался в будущем исправить эту неточность.

Неужели он мог забыть об этом и не воспользоваться единственной возможностью дать знать двум товарищам, что жив и действует?

Виктору не хотелось верить очевидности, и он сказал: — Юрий забыл о прожекторе.

Гианэя промолчала, но он видел по выражению ее лица, что она не разделяет его вымученного оптимизма.

На следующий день они убедились, что корабль еще больше уменьшил скорость. Впереди уже не было фиолетовых звезд, позади не было красных. Вид звездного неба стал таким,

как в первые месяцы после отлета с Земли. Корабль летел уже с «межпланетной» скоростью. А может быть, и еще медленнее. Без приборов они не могли определить этого даже приблизительно.

Как всегда, казалось, что огромный звездолет неподвижно висит в пространстве.

9

Настал день отлета корабля Вийайи.

Вересов находился в полете уже год, никакая опасность столкновения не угрожала. Правда, Земля совершила полный круг и находилась почти в той же точке своей орбиты, что и в день старта Вересова, но движение всей Солнечной системы перенесло эту точку очень далеко в пространстве. И все же…

— Направление полета полностью совпадает, — сказал Вийайа. — Практически оно одно. Но наши локаторы предупредят нас своевременно.

Корабль Вийайи должен был перегнать корабль Вересова менее чем через год по земному времени.

Земляне торжественно проводили гийанейцев и одиннадцать человек ученых, на которых была возложена миссия закрепить контакт двух цивилизаций, нашедших друг друга.

Наступил перерыв.

Но и то, чем успели обменяться наука и техника двух планет только за один год, давало достаточно обширную основу для большой и полезной работы. Люди узнали многое. Гийанейцы тоже…

Марина Муратова сильно тосковала по брату и Гианэе. Она вернулась к своей работе, но не могла найти в ней прежнего интереса.

— Вы совершили ошибку, — говорил ей Стоун. — Вам следовало лететь с ними. Я знаю, что побудило вас отказаться. Но у ваших родителей, кроме вас, есть еще дочь.

— Нет, я поступила правильно, — отвечала Марина.

Говорила ли она искренне, было неясно даже ей самой.

Прошло четыре месяца.

На корабле Вересова это составляло всего около трех недель. На корабле Вийайи, не успевшем еще развить полной скорости, — два с половиной месяца.

И вдруг всю Землю облетела поразительная весть. К планете снова приближался какой-то космический корабль!

Чей же он?

Было совершенно невероятно, что этот корабль принадлежит третьей планете, обитатели которой нашли Землю. Это уже лежало за пределами теории вероятностей.

Корабль либо Вересова, либо Вийайи. Но что могло побудить того или другого вернуться так скоро?

Снова вся Земля была охвачена нетерпеливым ожиданием.

Чей?.. Зачем?

Прошло несколько часов, и на первый из этих вопросов был получен ответ: возвращался корабль Вийайи!

Как и в первый раз, он остановился на высоте двухсот километров от поверхности Земли, но над континентом Северной Америки.

Географическая карта Земли находилась на борту корабля. Было бы естественнее со стороны Вийайи направить его к прежней «стоянке», чтобы высадиться на знакомом месте.

Но он поступил иначе. И это можно было объяснить только поспешностью. Снова что-то заставляло гийанейцев торопиться.

И точно, как год назад, посадочный аппарат устремился к Земле, как только корабль замер неподвижно.

В этом месте не было поблизости ни одного ракетодрома, гийанейцы опустились на проезжую дорогу между Дейтоном и Ричмондом, в нескольких десятках метров от линии шарэкса.

Через пятнадцать минут на этом месте остановился экспресс. И сразу умчался, как только механик в головном вагоне убедился, что это не какой-нибудь планелет, опустившийся в аварийном порядке, а именно посадочный аппарат гийанейцев. Задерживать экспресс на перегоне было нельзя.

В эфир полетело сообщение о точных координатах посадки. И находившийся уже в воздухе скоростной планелет, вылетевший из Вашингтона навстречу гийанейцам, повернул и через несколько минут опустился на ту же дорогу, рядом с посадочным аппаратом.

Из него вышли Вийайа и Синицын.

Прилетевшие работники американского филиала Косми-

ческого института не владели ни гийанейским, ни испанским языками. Синицын мог служить переводчиком, но Вийайа сразу же потребовал, чтобы его соединили со Стоуном.

Спустя три минуты он уже говорил с председателем Совета по радиофону с борта планелета.

Выяснилось…

Через месяц после старта с Земли, по собственному времени корабля (два месяца по земному), были приняты очень слабые сигналы на частоте радиопередатчика корабля Вересова. Они были настолько слабы, что с большим трудом удалось их разобрать, но далеко не полностью. Ясно звучало только «SOS… SOS… SOS… «. Старый земной сигнал, грозный вестник бедствия.

Стало ясно, что со звездолетом произошло несчастье. Какое, не удалось выяснить, сигналы были едва различимы, видимо, на пределе досягаемости.

Откуда шли эти сигналы? Откуда-то из точки, находящейся впереди гийанейского корабля. А может быть, и не прямо впереди. Точное направление и расстояние определить было невозможно. Где-то в пространстве, не ближе чем в трех четвертях светового года.

Вийайа приказал затормозить корабль. Это заняло почти полторы недели по часам корабля. За это время сигналы продолжали поступать с равномерной правильностью, через одни и те же промежутки времени и с одним и тем же содержанием. Из этого был сделан вывод — работает автомат. И работает уже давно.

Радиограммы Вересова перестали поступать на Землю три месяца назад, когда расстояние стало уже непосильным для генераторов корабля. А отправлены они были еще раньше.

Со дня отправки последней радиограммы корабль должен был пройти более чем вдвое большее расстояние, чем за первые полгода по земному времени.

Почему же сигналы стали слышны на гийанейском корабле так скоро? Оба звездолета были друг от друга дальше, чем был корабль Вересова от Земли даже три месяца назад.

Кроме того, гийанейцы тормозили свой корабль, он летел все медленнее и медленнее. Расстояние увеличивалось, должно было увеличиваться!

А сигналы не изменялись. Они оставались на том же уровне слышимости. Этого не могло быть, если не предположить, что корабль Вересова также тормозится, или… совсем остановился.

Но почему радиоволна достигала корабля гийанейцев, оставалось загадкой.

— Мы предположили, — говорил Вийайа, — что им удалось увеличить мощность генераторов. Но это малоправдоподобно. Скорее, можно допустить, что Вейресов повернул обратно и авария произошла по пути назад. Но если бы они летели с полной скоростью, их передача была бы все более отчетливой, а этого не было. Значит, они остановились.

— Почему вы решили также остановиться? — спросил Стоун.

— Возможно, — ответил Вийайа, — что это было ошибкой. Но мы сразу решили вернуться на Землю. Не было никакой гарантии, что сигналы не прекратятся. А искать корабль в одиночку безнадежно. Найти его можно только пеленгацией.

— Это ясно. Жаль, что мы не снабдили вас передатчиком нашей конструкции, а ограничились одним приемником.

— Это мало что изменило бы. Вы узнали бы немного раньше, и только. Вылетать на поиски все равно надо вместе.

— Наш космолет может вылететь даже сейчас, — сказал Стоун. — На нем заканчиваются отделочные работы внутренних помещений. Этим можно пренебречь. Но у нас нет второго корабля. И построить его немыслимо раньше, чем через четыре — пять месяцев. Пеленгация двумя кораблями недостаточна.

— Все же лучше, чем одним.

— Сделать попытку, конечно, надо. И мы ее сделаем.

Все, что говорилось, сразу же передавалось в Вашингтон по второму радиофону. А оттуда неожиданное известие сообщалось всей Земле экстренным выпуском.

ЧАСТЬ ПЯТАЯ

1

— Мы с тобой превратились в космических робинзонов, — сказал Виктор.

— А что это значит — «робинзон»?

Гианэя задала вопрос с обычным для нее внешним равнодушием, к которому Виктор давно привык. В последнее время эта черта ее характера заметно усилилась. Погруженная в свои мысли, Гианэя временами выглядела совершенно отрешенной, глядя на все отсутствующими глазами.

О чем она думала? О безвыходном положении, в которое они попали? Об участи, постигшей других членов экипажа корабля?..

Виктору казалось, что ни первое, ни второе. Она думала о чем-то другом, о чем не хотела говорить с ним.

О том, что их ждет, они говорили часто, и Гианэя не скрывала от него своих мыслей.

Пошла третья неделя томительного одиночества в отрезанном от других помещений первом отсеке корабля.

Ничто не изменилось за это время. Они по-прежнему не знали, есть ли на звездолете кто-нибудь живой, кроме них. Ничем не нарушаемая тишина космоса проникла, казалось, сквозь стенки корабля и заполнила собою их каюты, обсерваторию и обе аллеи. Все, что их окружало, стало каким-то другим.

Даже вода бассейна, оставаясь водой, в которой они плавали, как всегда, чем-то неуловимым изменилась, «пропиталась тишиной», стала не такой, какой была прежде, до катастрофы.

Им так казалось, и ничем нельзя было изменить это странное впечатление.

Их собственные голоса, первое время приятно нарушавшие мертвую тишину, теперь как бы слились с тишиной и не нарушали ее, сколь бы громко они ни разговаривали, стали частью этой тишины, с каждым днем становившейся мучительнее.

И нечем было ее нарушить!

Они оба горько сожалели, что в их каюте не было видеофона.

Постепенно звуки их голосов стали им неприятны, «звенели» в ушах, и, сами не замечая этого, они говорили все тише и тише, словно опасаясь потревожить вековечный покой места, где находился корабль.

Двигался он или совсем остановился, они не знали.

Полная неизвестность и тишина!

Одиночество — более страшное, чем на любом необитаемом острове на Земле!..

— Что это значит — «робинзон»?

Равнодушный тон как бы говорил: «Хочешь отвечай, хочешь нет. Мне все равно». Но Виктор знал, что Гианэя любит слушать его рассказы. Это был один из способов скоротать невыносимо тянущееся время.

Напрягая память, он рассказал содержание знаменитого романа, стараясь говорить как можно подробнее.

— Наш корабль, — это необитаемый остров в космосе. А мы с тобой Робинзон и Пятница.

— Но ведь там были и эти… дикари. А мы совсем одни.

— Робинзон тоже считал, что он один, — возразил Виктор. — Дикари появились потом. А к нам могут явиться наши друзья.

— Ты веришь в это?

— Да, верю!

Он постарался ответить как мог тверже, чтобы поддержать в ней надежду. И почти искренно.

Если Вересов и пятеро его товарищей по смене погибли, то ведь трудно было допустить смерть тех, кто спал в анабиозных ваннах. Со дня на день (Виктор не знал точно когда) должны проснуться шесть человек второй смены. Их разбудит автомат. Неужели же они не найдут способа открыть люки между отсеками?

То, что в течение двух недель смена Вересова не сделала этого, казалось несомненным доказательством их гибели. Но смена Джеммела не могла погибнуть. Для, этого нельзя было придумать никакой, даже теоретической, причины.

Виктор не знал, в каком положении находится второй отсек, где шесть месяцев проспали Джеммел и другие. Останутся ли они живы после пробуждения? Будет ли у них хоть какая-нибудь возможность что-то сделать?..

— А если не явятся они, то помощь придет с Земли, — сказал Виктор, но уже не столь уверенно. Гианэя повела пле-

чом.

— Не раньше как через пять лет земного времени, — сказала она. — И то только в том случае, если обнаружат наш корабль по пути. А на это мало шансов. Они полетят не к нам, а на мою планету (Гианэя никогда не говорила «планета Мериго», не вынося этого имени, а называла ее «своей»), думая, что мы еще там или уже вылетели обратно на Землю. Радиосвязь прекратилась давно. Только достигнув моей планеты, они поймут, что наш корабль не прилетал на нее. Но почему? Это станет для них загадкой. Где мы — тоже загадка. Я не могу утешать себя ложными надеждами. А хотела бы…

Последнюю фразу она прошептала едва слышно.

Спокойствие, с которым Гианэя говорила все эти жестокие истины, могло создать впечатление, что она примирилась с их участью. Но Виктор знал, что она с ней не примирилась. И ее слова «хотела бы» еще раз подтверждали это. Просто Гианэя умела хорошо скрывать свои подлинные чувства.

Он знал, что она права. Знал даже больше, чем знала Гианэя.

Он был математиком. Совместно с Сергеем, с помощью совершеннейших вычислительных машин, он рассчитывал когда-то траектории спутников-разведчиков, исчезнувших с неба Земли, принимал участие в обработке данных пеленгации с трех кораблей, чтобы обнаружить местонахождение базы гийанейцев на Луне. Он рассчитывал сложнейшую трассу пути Гермеса.

Он знал, как неимоверно трудны эти расчеты.

А сейчас ?..

Корабль Вийайи, должно быть, уже покинул Землю. А если бы даже навсегда остался там, — это не меняло дела. Заканчивающийся постройкой земной космолет был один! Те, что служили для рейсов внутри Солнечной системы, не могли быть использованы в Большом Космосе. Начать постройку межзвездной флотилии предполагалось не раньше как через пять лет, после отлета корабля со сменой для планеты Мериго.

Значит, Земля будет располагать тремя кораблями только лет через шесть, семь. Земного времени.

Связи между планетой Мериго и Землей нет и быть не может. Люди узнают об исчезновении корабля Вересова только тогда, когда на Землю вернется космолет с планеты Мериго, иначе говоря — через тридцать (это минимум) лет, опять-таки по земному времени.

И по тому же времени помощь может явиться к ним не раньше, чем через тридцать пять лет! При условии, что не будет потеряно много времени на поиски в просторах космоса.

Но не это было самым страшным.

Весь ужас заключался в том, что их корабль не движется или движется с межпланетной скоростью, что практически было одно и то же.

Время на их корабле течет теперь точно так же, как на Земле!

Корабль будет найден спасательной экспедицией через тридцать пять лет не только для обитателей Земли, но и для них самих!

Тридцать пять лет!

Ему, Виктору, будет тогда семьдесят. А Гианэя останется почти такой же молодой, как сейчас.

Эта мысль и прежде посещала его. Но он никогда не сознавал ее так остро. На Землю он думал вернуться сорокалетним. Время, проведенное в летящем корабле, было для его тела реальным временем. Он постарел бы на тридцать лет по подсчету земных годов, чисто абстрактно.

Теперь все изменилось: за тридцать пять лет он постареет именно на тридцать пять лет, и внешне и по существу.

У него была смутная надежда на могущество соединенной науки Земли и Гийаиейи. Теперь на это нельзя было рассчитывать. Никакое вмешательство науки не продлит ему жизни и молодости, эта наука просто не сможет до него добраться раньше, чем через тридцать пять лет. А тогда будет уже поздно.

Может быть, длительное заключение в корабле подо рвет его здоровье — и он не доживет до дня освобождения. Тогда, если не явятся другие члены экипажа, Гианэя останется здесь совершенно одна. Он содрогнулся, представив себе такую возможность. Возможность вполне реальную!

Одна… В бесконечном просторе космоса, в замкнутом помещении отсека, наедине с собой, быть может, долгие годы…

А если навсегда, на сотни лет?!

Ведь старость наступит для Гианэи не раньше, как лет через триста пятьдесят по земному счету годов. Никак не раньше. Она молода, здорова и полна сил.

Он был уверен, что если бы так произошло, Гианэя не стала бы жить.

В былые эпохи на Земле существовало наказание в виде

пожизненного одиночного заключения. Виктору как-то случилось прочитать об одном таком человеке, прожившем в тюрьме пятьдесят пять лет. Жестокость, проявленная предками, тогда поразила его. Но, вспомнив об этом сейчас, он подумал, что пережить такое заключение было неизмеримо легче. Этот человек все же был не один. Он видел хотя бы тюремщиков. Время от времени его выводили на тюремный двор, на прогулку. Он видел небо, облака, птиц. Из-за тюремной стены до него могли долетать звуки. Даже дуновение ветра вносило в его жизнь какое-то разнообразие.

Ничего этого не было здесь.

Одиночное заключение было полным!

А если.

Именно сейчас, после катастрофы, наблюдая за Гианэей, он начал подозревать…

Если так, их положение осложнится…

— Все же, — сказал Виктор, — я не могу поверить, что весь экипаж корабля погиб. Я думаю, что рано или поздно восстановится сообщение между отсеками. Что бы ни случилось на пульте или с «Мозгом навигации», можно произвести ремонт. И лететь дальше. Ведь сами двигатели не могли пострадать.

— Не могли, — согласилась Гианэя. — Будем ждать. Она явно сказала это только для него. А сама не верила. Это было очевидно, судя по ее тону. Виктор сел рядом и обнял ее. — Разве нам плохо вдвоем? — спросил он ласково.

— Пока, — ответила Гианэя, — мне ничего больше не надо.

— Почему «пока»?

— Потому что многое может измениться.

Она встала и ушла в каюту, видимо не желая продолжать разговор.

Через несколько минут Виктор заглянул в каюту. Гианэя лежала с закрытыми глазами, но не спала. Он понял это по ее дыханию.

Он прошел на обсерваторию, как делал это каждый день, а иногда и два раза в день.

Движется ли корабль?

Только приборы могли ответить на этот вопрос, но их не было здесь.

С того памятного дня, когда он, зайдя на обсерваторию, не увидел за бортом свободного от звезд кольца и понял, что корабль замедляет скорость полета, прошло девять суток. На

следующий день Виктор направил телескоп на одну из звезд, находившуюся прямо впереди, и закрепил его в этом положении. Восемь дней он регулярно наблюдал за ней, надеясь по изменению цвета определить, продолжает ли корабль тормозиться и с какой скоростью он это делает. Он понимал, что наблюдения без приборов ничего ему не скажут, но упрямо продолжал их, скорее всего для того, чтобы иметь хоть какое-нибудь занятие.

Первые три дня звезда действительно изменяла свой цвет, но потом эти изменения, даже если и происходили, перестали быть заметными для глаза.

Вчера днем Виктору показалось, что блестящая точка сдвинулась с прежнего места, но он подумал, что, вероятно, сам как-нибудь нечаянно тронул штурвал.

Он подошел к экрану и склонился над ним: хорошо знакомой звезды на нем не было!

Телескоп не мог сдвинуться столь сильно. Значит…

Виктор осторожно освободил штурвал. Даже этого легкого прикосновения оказалось достаточно, чтобы заполняющие экран слабые точки других звезд слегка передвинулись. Увеличение было очень большим.

Еще осторожнее Виктор чуть-чуть повернул штурвал. Звезда не появлялась. Повернул сильнее. Нет! В другую сторону… вверх… вниз.

Звезды не было. Куда же она могла деваться?

Он знал, какая это была звезда. На обсерватории хранились звездные карты гийанейцев, и Виктор умел разбираться в них. Кроме того, до дня катастрофы Куницкий ежедневно вносил коррективы в схематическую карту видимых впереди звезд. Эта карта лежала рядом с экраном.

Но и с ее помощью Виктор не смог найти нужную ему точку ни в телескоп, ни на экранах наружного обзора. Звезда пропала бесследно! Этого никак не могло случиться!

С сильно бьющимся сердцем Виктор повернулся к «задним» экранам.

Конечно! Вот она!

Он узнал ее сразу. Картина звездного неба, которую он привык видеть на «передних» экранах, оказалась теперь на «задних».

Ставших «передними»!

Это могло произойти в одном-единственном случае. И этот

случай действительно произошел. Сомневаться невозможно!

Корабль повернулся на сто восемьдесят градусов!

Значит, вчера Виктору не показалось, что звезда передвинулась. Вчера утром начался поворот корабля.

Сейчас его нос «смотрит» обратно, на Солнце!

Виктор буквально влетел в каюту к Гианэе.

Она не спала. А выслушав ошеломившую его новость, только спросила:

— Что из этого?

— Неужели ты не понимаешь? Корабль не мог повернуться сам по себе. Его повернул Вересов или Джеммел.

— Вовсе не обязательно. Сделать это мог не только Вересов

или Джеммел, но и «Мозг навигации». Ведь он испортился. Мало ли что могло прийти ему в голову.

Гианэя сказала это так, словно «Мозг навигации» был живым существом.

— Мы летим сейчас по направлению к Земле!

— Если вообще летим.

— Зачем же тогда было поворачивать корабль? Если он стоит на месте, то не все ли равно, куда направлен его нос?

Гианэя нежно провела рукой по щеке мужа.

— Нам от этого не легче, — сказала она.

На следующий день Виктор убедился, что корабль не изменил нового направления своего полета.

Но летел ли он или стоял? Ответ на этот вопрос теперь стал гораздо важнее, чем прежде.

А если летел, то с какой скоростью?

Судя по виду звездного «неба», она была близка к межпланетной скорости земных планелетов. Тогда они достигнут Солнечной системы через несколько десятков лет. А если с меньшей, то десятки могли превратиться в сотни.

Но в том и ином случае новое направление полета приближало корабль к Земле, а не удаляло, как прежде. Одно это было уже хорошо. Земным спасателям понадобится меньше времени, чтобы найти их.

Только бы корабль летел, а не стоял на месте!

Виктор решил выбрать новую звезду для дальнейших наблюдений. Он все еще надеялся найти ответ на главнейший вопрос. И естественно, остановился на Солнце. Оно оказалось теперь прямо впереди и было самой яркой из звезд. Кроме того, смотреть на него было приятно.

Прошло еще несколько дней. В том же положении…

Виктор и Гианэя по-разному воспринимали заключение, но оба переживали его одинаково тяжело. Уже давно они потеряли спокойный сон. И Гианэя сама, первая, предложила, несколько дней назад, принимать снотворное.

— Пока, — сказала она, — надо сохранять здоровье. Это словечко — «пока» — все чаще и чаще произносилось ею.

— Потом мы привыкнем, и тогда вернется нормальный сон, — добавила она в ответ на замечание Виктора, что наркотики не способствуют здоровью.

В ночь на шестнадцатый день заключения Виктор спал почему-то крепче, чем обычно. Гианэя всегда спала крепко,

даже без снотворного.

И они не услышали, как в «тишину космоса», наполнявшую их отсек, ворвался резкий, хорошо им знакомый металлический звук. Он прозвучал «под утро».

На корабле, разумеется, не могло быть ни утра, ни вечера, ни дня, ни ночи. Время суток определялось по часам.

Звук раздался, когда стрелки сомкнулись на цифре шесть. Виктор и Гианэя не услышали шагов за дверью каюты, не услышали, как отворилась эта дверь.

Но Виктор сразу проснулся, когда на его плечо легла чья-то рука…

2

Точного времени катастрофы никто не заметил. Она не сопровождалась ничем, что могло бы сразу обратить на себя внимание. Произошла ли она внезапно или постепенно, осталось неизвестным.

В том, что это случилось, каждый убеждался на опыте .

Вересов и Тартини заканчивали разговор, ради которого командир корабля позвал навигатора на пульт утром тридцатого марта. Речь шла о выходе наружу с целью корректировки прожекторов.

Кроме них здесь находился механик двигателей Рикардо Медина, испанец по происхождению.

Его присутствие на пульте впоследствии оказалось очень полезным.

— Я сейчас пройду на обсерваторию, — сказал Тартини, когда они закончили обсуждение деталей корректировки. — Свяжусь с вами, и вы включайте прожекторы, один за другим. Надо проверить, который из них смещен.

— Хорошо! — ответил Вересов. Он посмотрел на часы и прибавил: — Через десять минут мне на смену придет Муратов. Вы встретите его по дороге. Скажите ему, в каком порядке надо включать прожекторы. Я уйду, и делать это придется ему.

Тартини кивнул головой и вышел.

Через несколько минут он вернулся.

— Посмотрите, в чем дело, — сказал он. — Люк в четвертый отсек не открывается.

Вересов кинул взгляд на приборы пульта.

— Этого не может быть, — сказал он, — все в порядке.

— Тем не менее именно так.

— Что-нибудь с кнопкой.

— Этого также не может быть, — сказал Медина и поспешно вышел.

— Вот уж не думал — сказал Тартини, — что на этом корабле может быть какая-нибудь неисправность.

Вересов включил радиофон, вызывая кают-компанию, где в это время всегда кто-нибудь находился.

Экран не вспыхнул.

— Ничего не понимаю, — сказал Вересов. Вернулся Медина.

— Кнопка люка в порядке, — доложил он, — но люк действительно не открывается.

— И не работает внутренняя связь, — сообщил ему Тартини.

Все трое недоуменно посмотрели друг на друга.

— Фантастика! — Вересов пожал плечами.

Ни у кого из них не возникло ни малейшей тревоги. Одновременный выход из строя люка в четвертый отсек и линии связи с третьим казался им случайным. Все трое решили, что причиной является какая-нибудь мелкая неисправность «Мозга навигации», которую он устранит сам в ближайшее время. Приборы пульта убедительно свидетельствовали о том, что решительно все на корабле находится в полной исправности.

Но можно узнать, что случилось у самого «Мозга».

Вересов подошел к задней (по ходу корабля) стенке помещения пульта, за которой были расположены сложнейшие агрегаты «Мозга навигации». На ней длинным рядом выстроились аппараты связи с ним. С помощью этих аппаратов можно было получить ответ на любой технический вопрос, касающийся исправности всех частей звездолета, его пути в космосе и работы двигателей. Под каждым аппаратом располагалось по четыре ряда разноцветных кнопок.

Много труда и времени потратили земные инженеры, чтобы разобраться во всей этой технике и научиться пользоваться ею.

Вересов послал в «Мозг» два вопроса:

«Что случилось с люком между пятым и четвертым отсеками?»

«Что случилось с линией связи?»

То, что могли перестать работать все люки на корабле, Вересову и двум его товарищам и в голову не приходило.

Радиофоны корабля были земной конструкции и заменили собой небольшие овальные экраны гийанейцев, но вся «проводка» осталась прежней и была связана с «Мозгом навигации». Менять ее не было смысла, так как обычная для радиофонов связь без каких-либо проводок на корабле, разделенном на отсеки металлическими стенами, все равно не могла действовать.

Потерявшее смысл название «радиофон» сохранилось просто в силу привычки. Прошла минута.

Время, необходимое «Мозгу навигации» для «уяснения» вопроса, проверки и составлении ответа, измерялось долями секунды. Он всегда отвечал мгновенно.

Прошла целая минута. Ответа не было.

Повторять вопросы было бесцельно. По тому, как засветились крохотные экраны, шкалы и стрелки Вересов понял, что его вопросы получены «Мозгом», но он не собирается отвечать на них.

— Очень плохо! — сказал Вересов. — Если бы он не знал, то все равно как-то откликнулся бы.

— В чем же дело? — спросил Тартини. Вересов не ответил. Когда он повернулся к товарищам, они заметили, что командир очень бледен.

— Плохо! — повторил он. — Очень, очень плохо!

— Может быть, пробоина? — неуверенно сказал Медина. — Пробит борт четвертого отсека и повреждена линия связи.

Он не ждал ответа, понимая, что никакая пробоина не могла привести к молчанию «Мозга». А если бы оказался пробит борт в самом помещении, где размещался «Мозг», то есть совсем близко от них, они не могли бы не услышать удара и взрыва.

Аэролит, летящий с космической скоростью, при ударе обязательно взорвется. Кроме того, никакой аэролит, какого бы размера он ни был, не мог пробить и стенку корабля, и стенку помещения «Мозга». Этого не смогло бы сделать даже тело, летящее со скоростью света.

— Подождем! — решил Вересов. — Если пробоина, то она

заделается через несколько минут. И тогда люк должен открыться. Но ведь ты сам понимаешь, — обратился он к Медине, — что никакой пробоины нет. Локаторы ничего не показали, и «Мозг» не стал бы молчать по такой причине. Здесь что-то другое, и, боюсь, очень серьезное.

— Что будем делать? — спросил Тартини.

— Я сказал, подождем! Возможно, произошла небольшая поломка в системах «Мозга», и он не отвечает потому, что занят поисками и исправлением. И отключился от нас. Такая операция предусмотрена его схемой.

— Мол, не мешайте, — засмеялся Тартини.

— Вот именно!

Прошел час, проведенный в молчании. Да и о чем им было говорить? Все трое были людьми действия, не склонными к бесцельным догадкам и предположениям.

Приборы пульта по-прежнему показывали, что все исправно и ничего не случилось на всем корабле. Это успокаивало Медину и Тартини, но Вересов, лучше их знакомый с устройством «Мозга навигации» и знающий систему связи его с приборами пульта, беспокоился все больше и больше. Именно то, что приборы как бы отключились от «Мозга», не указывали даже на неисправность управления люками (пусть одним люком), противоречило основным принципам их устройства. Это могло произойти только по специальному «указанию Мозга», а для такого указания Вересов не мог найти причины.

Он вспомнил, как в процессе подготовки этого корабля к полету на планету Мериго многие возражали против оставления гийанейского «Мозга навигации» и предлагали заменить его другим, своей, земной конструкции. Это не было сделано только потому, что не хватило времени, да и самый «Мозг» казался очень совершенным, что, разумеется, так и было.

Небольшие аварии возможны в любой конструкции, и земная также не была гарантирована от них.

Прошел еще час.

— Что ж! — сказал Вересов и встал. — Мы дали ему время, и вполне достаточное. Придется самим вмешаться.

— Жаль, что с нами нет Володи или Нади, — заметил Тартини.

Владимир Попов и его жена Надя были программистами

вычислительных машин. Сейчас они спали в анабиозных ваннах. Оба были настолько молоды, что все называли их по именам.

В смене Вересова программиста не было, а если бы и был, то его помощью нельзя было бы воспользоваться до тех пор, пока не устранена неисправность люка, для чего, собственно, он и требовался.

— Надо действовать самим! — повторил Вересов, ничем не давая понять, что заметил нелогичность в словах навигатора.

Помещение «Мозга навигации» отделялось от пульта глухой стеной. Пройти туда можно было только кружным путем — спуститься в нижний коридор, открыть аварийную дверь и снова подняться. Прежде, до реконструкции, существовал прямой вход из четвертого отсека, но теперь его не было. Перенос пульта управления с носа корабля на корму потребовал переделки переборок, и для второй двери не оказалось места.

— А ведь нижние двери также управляются «Мозгом», — заметил Медина.

— Ну и что же?

— А то, что нижняя дверь может не открыться, так же как не открывается люк в четвертый отсек.

Вересов вздрогнул. Только сейчас, при этих словах Медины, у него и Тартини мелькнула мысль, что испортиться могли все люки на корабле, а не только один.

— Проверь вентиляцию между нашим и четвертым отсеками, — приказал Вересов.

Медина поспешно вышел. Он сразу понял тревожную мысль командира.

Прибор на пульте показывает, что вентиляция работает, но ведь другой прибор свидетельствует, что и люки исправны, а на самом деле по крайней мере один из них не действует.

Инженер-механик вернулся взволнованным.

— Вентиляция выключена, — сказал он. Чем дальше, тем хуже!

— Если кто-нибудь застрял во втором или четвертом отсеках, — сказал Вересов, — он находится в большой опасности.

Тартини понял, что командир корабля больше не сомневается в том, что авария имеет «тотальный» характер.

— Верхних резервуаров хватит надолго.

— Если они также не отключены. «Мозг» свихнулся. Это очевидно.

— Что будем делать? — снова спросил Тартини.

— Снимать защиту и отключать связь «Мозга» с автоматами. Другого пути нет.

— А если нижняя дверь.

— Мы обязаны туда проникнуть! — перебил Вересов. — Любым путем. Ремонт «Мозга» мы не сможем произвести втроем. У нас нет запасных деталей, они в четвертом отсеке, отрезанном от нас.

Вот когда они почувствовали настоящую тревогу.

Как они теперь и ожидали, нижняя дверь не открылась.

«Свихнувшийся», как выразился Вересор, «Мозг» выключил управление всеми дверями и люками.

— Я начинаю думать, что все приборы пульта дают сейчас неверные показания, — сказал Вересов.

— Что же будем делать? — в третий раз спросил Тартини.

Вересов повернулся к Медине. Если кто-нибудь может помочь проникнуть в помещение «Мозга», то только он. Случай, приведший инженера-механика на пульт перед самой катастрофой, впервые за этот день показал, насколько он был счастливым для них.

Но не в последний.

— В этом коридоре, — сказал Медина, — есть кладовые деталей для ремонта двигателей. Их вообще шесть. И одна из них здесь. В кладовых имеются инструменты и необходимые аппараты. Я думаю, что мы сможем вскрыть дверь в помещение «Мозга». Но после этого дверь практически перестанет существовать. Учтите это!

— У нас все равно нет выхода. Как можно скорее надо отключить связь «Мозга» с автоматами люков и линий связи. Кто-нибудь может находиться в четвертом или втором отсеках. Эта дверь не имеет существенного значения. Важны люки и двери между отсеками.

— Тогда попробуем. Но это адская работа.

— Не имеет значения. Лишь бы удалось!

К счастью, специальные кладовые для деталей двигателей, как и сами эти детали, были изготовлены на Земле. Гийанейцы или не считали их нужными, или, что было вероятнее, не имели

возможности сделать запасные части.

Ведь все, что было известно о них, указывало на поспешность бегства с Гийанейи. А на планете Мериго, где этот корабль подготавливался для полета к Земле, не было заводов, чтобы можно было изготовить столь сложные детали.

Небольшой люк, ведущий в кладовую, находился в полу коридора. Медина специальным ключом открыл замок и поднял его.

Все трое спустились по металлической лесенке. Все здесь находилось в образцовом порядке, аккуратно разложенное на стеллажах и в ящиках.

— Я помню, — сказал Медина, — что для устройства люков в кладовые нам пришлось прорезать шесть круглых отверстий в полу коридора. Каждое из этих отверстий потребовало нескольких дней работы. На Земле! — подчеркнул он. — Настолько тверд и прочен гийанейский металл. С тем, что есть в нашем распоряжении, мы трое, работая круглые сутки, сможем вырезать замок двери не раньше, как через неделю.

— А это? — спросил Вересов, указывая на аппарат в одном из ящиков.

— Это плазменный резак, — ответил Медина. — И предназначен для работы снаружи корабля.

— Я знаю.

— Зачем же ты тогда спрашиваешь? Работать с этим резаком внутри корабля нельзя.

— Почему? — спросил Вересов.

Инженер с удивлением посмотрел на командира.

— Потому что при работе он развивает температуру в четырнадцать тысяч градусов в радиусе десяти метров. Что ты, сам не знаешь? А температура самой струи…

— Сколько времени нужно этому резаку, чтобы уничтожить механизм замка двери?

— Десять минут, — пожав плечами, ответил Медина.

— Вот и прекрасно! Нам не надо аккуратно вырезать замок. Только чтобы дверь открылась. Можно укрепить резак, а самим уйти отсюда.

— Это идея! — Медина задумался. — Но тогда придется изготовить автомат для его включения и выключения.

— Это я беру на себя. На пульте есть запасный автомат

La tripulación
ha condenado
a muerte

сигнала тревоги. Я его переделаю за два, три часа. А ты и Тартини за это время укрепите резак у двери. Нам дорог каждый час.

Так они и сделали.

Плазменная струя за десять минут, как и сказал Медина, начисто уничтожила кусок двери с вмонтированным в него замком. Но при этом как сама дверь, так и примыкающие к ней стены коридора настолько раскалились, что войти сюда было невозможно без асбестового костюма, снабженного охладителем, которого у них не было. Пришлось ожидать, пока металл не остынет. Это заняло десять часов.

За это время случилось только одно событие, очень странное само по себе, но оставившее их равнодушными, настолько все их мысли были заняты судьбой товарищей, отрезанных от них.

А случилось так.

В пять часов дня, обычное время обеда в кают-компании, они достали из кладовой пятого отсека аварий ный пакет и только собрались утолить голод, как совершенно неожиданно и одновременно сами собой включились все наружные экраны пульта.

И, как всегда, тут же погас свет.

Вересов сказал только: «Совсем взбесился!», имея в виду «Мозг навигации». Подойдя к пульту, он на ощупь включил свет и попытался выключить экраны, но из этого ничего не получилось.

— Хорошо хоть то, что освещение корабля не зависит от этого проклятого «Мозга», — сказал Тартини.

— Да, это наше счастье!

Остаться в полной темноте было бы очень неприятно. А работать при свете аварийных ламп трудно.

В одиннадцать часов вечера они, наконец, получили возможность пройти в помещение «Мозга».

Там все было как всегда. В ярком свете холодно блестели металлические поверхности пяти огромных кубов, стоявших посередине, и двенадцати — меньших размеров, расположенных вдоль стен.

На передней панели центрального куба находился овальный экран.

Как только они подошли к нему, экран засветился.

— Он хочет нам что-то сообщить, — сказал Вересов. — Что ж, послушаем!

В его голосе звучали насмешка и ирония. Теперь, когда он находился здесь, вопреки «намерениям Мозга», Вересов был уверен, что заставит «Мозг» подчиниться и навести порядок на корабле. А если «Мозг» все же не сделает этого, они трое обойдутся без него.

Если бы он мог только заподозрить… Если бы вспомнил в эту минуту то, чему был свидетелем на Луне полтора года тому назад!

Он вспомнил, но слишком поздно!

На экране появилась четкая надпись. Она была на испанском языке, и в первое мгновение они подумали, что она заложена в «Мозг» земными инженерами, испанцами. Но зачем им было пользоваться именно испанским, а не общепланетным языком? И к чему было вообще делать эту надпись?

Медина прочел ее вслух. Только он и мог сделать это. И оба его товарища поняли, что присутствие инженера испанца вторично оказалось счастливым для них. Без Медины тайна катастрофы осталась бы тайной.

Надпись гласила:

«За похищение корабля вы приговорены к смерти!

Цели вы не достигнете. Корабль прекратит полет, и вы не можете помешать этому. Он останется неподвижным, пока не начнет падать на ближайшую звезду. В ее Огне исчезнут и корабль и вы. Мы могли бы просто уничтожить вас, но не делаем этого.

Живите долго! У вас много пищи, воды и воздуха. Мы оставляем вам включенные экраны. Смотрите в лицо вечности в темноте и страхе, пока не сойдете с ума от этого зрелища.

Такова участь тех, кто нарушает нашу волю!»

Надпись погасла и снова вспыхнула. — То же самое, — сказал Медина. — Наивно! — пожал плечами Вересов. Он забыл о Луне.

Надпись погасла, экран перестал светиться.

И тотчас же раздался шипящий звук из куба, стоявшего рядом. Потом из другого… третьего… четвертого…

— Отойти к двери! — приказал Вересов.

Он внезапно понял, что случилось, понял потому, что вспомнил.

3

— Я не могу простить себе, что вовремя не подумал о коварстве и низменных нравах соплеменников Гианэи, — говорил Вересов, нервно шагая по рубке управления.

— А что вы могли сделать? — рассудительно заметил Тартини.

— Я должен был предвидеть возможность того, что сегодня произошло. Пример лунной базы был достаточно красноречив. Мы не должны были подходить вплотную к экрану центрального куба или, если уж подошли, сразу отойти, как только увидели, что он засветился. Ему нечего было нам «сказать».

— Вы думаете, что «послание» гийанейцев в этом случае не появилось бы? Ведь экран начал работать.

— Не появилось бы! — решительно ответил Вересов. — Эта надпись предназначалась не для нас с вами, а для Мериго. Предвидели ли гийанейцы похищение корабля или приняли меры против его захвата вообще, не столь важно. Они придумали наказание для тех, кто вздумает лететь помимо их согласия, и, разумеется, хотели, чтобы эти люди, Мериго или кто-нибудь другой, прочли приговор. Это вполне в их стиле. Предусмотрели же они наше приближение к лунной базе. — Почему же не погибли четверо?

— Потому, что боялись подойти к «Мозгу навигации». Они не обратили внимания на выключение люков и на самовольное включение экранов. А «Мозг» был настроен на самоуничтожение только после появления «послания».

— Каким же образом четверо смогли выйти из корабля, если все люки были выключены?

— Потому что корабль приземлился. Программа «наказания» уже не могла быть осуществлена. «Мозг» очень разумен и умеет действовать логично. Но он все же механизм и никак не мог рассуждать. Он слепо подчинялся заложенной в него программе действий. «Поняв», что обстановка не позволяет выполнить приказ, он восстановил первоначальное положение.

— Допустим, что все это так, — сказал Тартини. — Но

тогда мы не имели бы возможности отключить связи «Мозга» с аппаратами управления.

— Вполне имели. Если бы вовремя заподозрили. Связь с аппаратами осуществлялась не центральным кубом, а четырьмя остальными, им управляемыми.

— Но теперь эти связи отключились сами.

— Это почему? — спросил Вересов.

— Потому что уничтожено содержимое кубов.

— Вы ошибаетесь. Уничтожены не связи, а управляющие схемы «Мозга». Без них все двенадцать аппаратов превратились в мертвый набор деталей. — Он помолчал и добавил с ожесточением в голосе: — Я должен был подумать об этом!

— По-моему, никак не мог, — сказал Медина. — «Мозг» был детально обследован нашими учеными и инженерами.

— Мог и должен был, — упрямо возразил Вересов. — Не пытайтесь снять с меня вину. Я командир не планелета, а космического корабля в космосе! Я должен обо всем думать. Но сделанного не воротишь! Что касается твоего замечания о том, что «Мозг» был обследован и изучен, то оно только кажется убедительным. «Мозг» не разбирали на части. Его изучали только в отношении его схем, чтобы понять принципы его работы и его возможности. С этой задачей наши специалисты блестяще справились, хотя она была неимоверно трудна. В столь сложном и громоздком устройстве нет никакой возможности заметить крохотную деталь, само существование которой никому не могло прийти в голову.

— Что будем делать дальше? — задал Тартини свой обычный вопрос.

— Будем действовать. Но теперь наша задача колоссально усложнилась. У меня не выходит из головы, что кто-нибудь может находиться во втором или четвертом отсеке.

— Открывать двери мы научились.

— И не думайте об этом! То, что можно сделать с ничего не значащей дверью в помещение «Мозга», нельзя сделать с дверями и люками отсеков. Кораблю предстоит долгий путь. Лишать его элементарной защиты мы не имеем права ни при каких обстоятельствах.

— В «послании» сказано, что корабль остановится.

— А затем начнет падать на ближайшую звезду, то есть на Солнце. Мало что сказано в «послании»! Они рассчитывали на умственный уровень Мериго или подобных ему. Порядок

действий таков, — Вересов заговорил твердо и решительно. — Первое — вскрыть кубы и посмотреть, что можно сделать с ними. Второе — все силы бросить на исправление автоматов, ведающих люками и вентиляцией. Если понадобится, смонтировать суррогат управляющей схемы этих аппаратов. Так или иначе подчинить их нашей воле. Двигатели пока могут остановиться или работать в обратном режиме, нас это не касается. До них доберемся потом. На это понадобятся силы всего экипажа. Главное — получить свободное сообщение и разбудить всех, кроме четверых.

— Не будем терять времени, — сказал Медина.

— Мы и не теряем. Сейчас будем ужинать и ляжем спать. Это необходимо. Хотя бы на четыре, пять часов. А затем разделим силы. Я займусь «Мозгом», Тартини — аппаратом люков, а Медина — вентиляцией.

— Значит, — сказал Тартини, — корабль будет лететь сам по себе. «Мозга» нет, дежурного на пульте не будет.

— А что может сделать дежурный? Приходится положиться на счастье. И не только сегодня, а все время, пока не будут исправлены или как-нибудь изготовлены схемы управления всеми двенадцатью аппаратами.

— Вы уверены, что они-то в порядке?

— Конечно! Это же наши, а не гийанейские конструкции.

— Этого я не знал.

— Вернее сказать, что они наши только по изготовлению. Их схемы остались прежними.

— А почему их заменили?

— Потому что, не желая разбирать «Мозг навигации», наши специалисты должны были на чем-то ознакомиться со схемами гийанейцев. Они сделали это на вспомогательных аппаратах. А потом изготовили их копии. Потому в них и не может быть никаких сюрпризов.

За ужином Медина предложил включить генераторы и послать в космос сигнал бедствия.

— Зачем? — возразил Вересов. — Кто его получит?

До Земли слишком далеко. Кроме того, я совершенно уверен, что мы справимся и корабль полетит дальше своим путем. Ни к чему просить помощи, положение не столь катастрофично.

— Пожалуй! — не очень охотно согласился Медина.

Он не разделял оптимизма командира относительно дви-

гателей, хорошо зная, как сложно управлять ими. Двигатели были не земными, а гийанейскими. Но Медина не высказал вслух своих мыслей. Зачем тревожить и волновать товарищей. Вересов прав в одном — их сигналов некому принять! Сейчас надо думать о главном!

Они легли на отдых в каютах тех, кто жил в пятом отсеке. Хозяева этих кают лежали в анабиозных ваннах в четвертом. Прежде чем заснуть, Вересов подумал, что если кто-нибудь и находится действительно в четвертом или втором отсеке, то не все же пятеро. Муратов и Гианэя, вероятно, оказались запертыми в первом. В самом худшем случае экипаж потеряет трех человек. Находившимся в ваннах никакая опасность не угрожала.

«Справимся!» — подумал он, засыпая.

Как ни тяжела гибель товарищей, он рассуждал, как командир, обязанный думать обо всех!

Все трое проснулись одновременно, через четыре часа.

Короткое купанье в бассейне, завтрак, и они были готовы к работе.

Вентиляция между пятым и четвертым отсеками по-прежнему была выключена, связи не было, люки не открывались.

— Только мы трое можем спасти корабль и его экипаж, — сказал Вересов.

Они прошли в помещение «Мозга навигации». Там все было, казалось, как всегда. По внешнему виду ничто не изменилось.

«В сущности, — неожиданно для себя самого подумал Вересов, — откуда мы знаем, что «Мозг» полностью вышел из строя? Мы сделали такое заключение по аналогии с лунной базой. А здесь может быть иначе. Достаточно просто «запереть» «Мозг» — и люди уровня Мериго ничего сделать не смогут. Цель будет достигнута. Но тогда что за звук слышали мы из четырех кубов?»

— Ладно, увидим! — сказал он.

— Что увидим? — спросил Тартини, — Я ответил на свои мысли. Не обращайте внимания.

Прежде чем заняться своим делом, Тартини и Медина помогли снять задние стенки всех пяти кубов. Вооружившись ручным фонарем, Вересов занялся прежде всего центральным. Надо было выяснить, можно ли вскрывать автоматы люков и

сигнализации.

— Можете работать, — сказал он через несколько минут.

К пяти вечера положение стало вполне ясным.

Хмурые и усталые, они собрались за обеденным столом. Первым заговорил Медина.

— Включить вентиляцию, — сказал он, — не столь уж трудно, но нужно время для изготовления импульсной схемы. Будь у нас возможность проникнуть в четвертый отсек, все было бы просто.

— Сколько времени тебе нужно?

— Это зависит от того, где взять необходимые детали. В кладовой, где мы вчера были, ничего пригодного для этой цели нет.

— Что тебе нужно?

Медина, словно читая по списку, назвал больше двадцати предметов.

— Так! — сказал Вересов. — Ясно. А как у тебя? — обратился он к Тартини.

— Совершенно то же самое.

— Хорошо. С этим мы справимся. Можно сделать один импульсный прибор на два автомата, с кнопочным переключателем. Используем для этого все тот же запасный автомат сигнала тревоги. В нем есть все необходимое, а если и не все, то на временную, упрощенную схему хватит во всяком случае. А теперь слушайте, что обнаружил я.

Выражение лица командира не обещало ничего хорошего.

— Им было вполне достаточно просто «запереть» «Мозг», — начал Вересов, и оба его слушателя поняли, что он говорит о гийанейцах. — Для Мериго и других ни к чему было устраивать сложную систему самоуничтожения. Это наводит на мысль, что опасались не только соплеменников Мериго, но и землян. Ведь этот корабль должен был лететь вслед за кораблем Рийагейи. Очевидно, и там было сделано то же самое. Это интересный факт, но о нем успеем поговорить потом. — Вересов на минуту замолчал, потом заговорил вновь: — Дело обстоит так. Все главнейшие узлы схемы выведены из строя. Окончательно! В наших условиях изготовить эти узлы немыслимо. Для этого нужен завод электронного оборудования. Я обнаружил хитро замаскированную крохотную батарейку, видимо достаточно высокого напряжения постоянного тока. Реле, спрятанное в механизме экрана, включило

ток, и во всех главных узлах сгорели «вэлкоды», как мы называем такие приборы. Вы знаете, что это такое. В кубическом миллиметре десятки микроскопических деталей. У нас нет запасных «вэлкодов», а если бы и были, то заменить сгоревшие мы не смогли бы. Потому что схема не наша, а гийанейская. Наши «вэлкоды» сконструированы совсем иначе. Мы знаем только, что и наши и гийанейские имеют одно и то же назначение. Мозг вышел из строя. Что из этого следует?

Тартини и Медина молчали.

— А следует вот что, — продолжал Вересов. — Мы сможем восстановить работу всех двенадцати автоматов. На корабле все будет в порядке. Но управлять двигателями мы не сможем! Ими управлял левый, от центрального, куб, и именно он пострадал больше всех. Двигатели вышли из-под нашего контроля. Они будут выполнять последнюю команду «Мозга». А какую команду он дал, ясно из «послания». Они будут тормозить корабль, а когда он остановится, прекратят работу уже автоматически. И пустить их мы не в силах. Нужна помощь с Земли. Вы понимаете, конечно, что эта помощь придет весьма не скоро. Как минимум, через тридцать лет. И для нас, в условиях неподвижности, пройдет также тридцать. К этому я могу добавить, что содержимого всех пяти продовольственных кладовых хватит на двадцать пять лет.

После некоторого молчания Медина сказал :

— Протянуть вместо двадцати пяти тридцать лет не столь уж трудно. Но тридцать — это минимум. Может пройти и сорок. Мне кажется, что единственная надежда на то, что земной космолет, который отправится на планету Мериго через четыре года земного времени, пролетит близко от нас. Он обязательно пролетит близко. И его локаторы обнаружат нас.

— И примут за крупный аэролит.

— Ну, это вряд ли. Наш корабль слишком велик. Кроме того, мы можем включить передатчик и непрерывно давать сигнал «SOS». Мы сделаем это через четыре года.

— На сколько лет рассчитаны анабиозные ванны? — спросил Тартини.

— К сожалению, — ответил Вересов, — они рассчитаны на собственное время корабля в условиях полета с полной скоростью. По земному времени они будут работать не больше двух лет.

— Тем лучше, — пошутил Медина. — Веселее будет коротать годы «робинзонады».

Вересов с удовольствием услышал смех своих товарищей. Его сообщение не обескуражило их и не лишило спокойствия. Они оказались настоящими космонавтами.

— Итак, за дело! — сказал он и встал.

Разборка автомата сигнала тревоги не заняла много времени, но с монтажом пришлось потрудиться. Деталей не хватало, а использовать ставшие совершенно ненужными части «Мозга» они не могли. Ни одна из них не подходила к земной схеме.

С ними не было программиста, и это давало себя чувствовать. Пять схем, одна за другой, оказались негодными. Они не смогли расшифровать условный код, с помощью которого «Мозг» посылал автоматам свои «приказы», и поочередно пробовали известные им коды, применяемые в электронике и кибернетике. Но все было тщетно, автоматы не «слушались».

На эту работу ушло восемь дней.

Беспокойство за остальных бодрствующих членов экипажа росло с каждым днем. Живы ли они?..

— Остается одно, — сказал Вересов, когда и пятая попытка не удалась.

— Терять еще восемь дней, чтобы перепробовать все коды, неразумно. Он может быть вообще нам неизвестным. Мы не программисты. Перемонтируем самые автоматы.

— Шутка сказать! — усмехнулся Медина.

— На это уйдет четыре дня, — продолжал Вересов. — И еще день на переделку импульсной схемы.

— Четыре дня на два автомата! — усомнился Тартини.

— Ну, пусть не четыре, а восемь. Зато успех полностью обеспечен.

— Давайте так, — согласился Медина.

Закипела новая работа. Они еще больше сократили время сна и для поддержания сил пользовались тонизирующими средствами, бывшими в каютных аптечках.

Работа требовала предельной тщательности.

Только один раз они прервали свой труд, да и то на один час. Это произошло тогда, когда тем же способом, что и Виктор Муратов, они обнаружили замедление скорости корабля.

— Действительно тормозится! — сказал Тартини. — Не считаете ли вы разумным повернуть корабль? Пока он как-то движется, пусть летит к Земле, а не от нее.

— Это надо было сделать давно, — с досадой сказал Вересов. — Мы же наверняка знали, что корабль начнет торможение.

— Тогда нам было не до того, — примиряющим топом сказал Тартини. — Я первый должен был об этом подумать. Но лучше поздно, чем никогда. Хорошо, что у нас есть возможность сделать поворот.

Инженеры Земли посчитали, что боковые дюзы необходимы, и не положились в этом на двигатели, управляемые гийанейским «Мозгом навигации». Они допуска ли такой случай, что командиру может понадобиться немного повернуть корабль тогда, когда «Мозгу» это «не придет в голову» или он «не пожелает» выполнить этот маневр, считая его ненужным.

Ведь вблизи крупных небесных тел управление переходило к командиру, что было предусмотрено схемой «Мозга». Инженеры Земли не очень доверяли его послушанию. И на корме были установлены обычные реактивные двигатели, управление которыми не зависело от «Мозга». Именно про них и говорил Тартини.

Вересов подошел к пульту. Земные двигатели были включены, и поворот начался.

Антигравитационное поле работало, как всегда, точно, и они не ощутили поворота. Контролировать его можно было только по звездам.

— Это займет часов сорок, — сказал Вересов. — Двигатели поворота рассчитаны на малую скорость корабля, и им нелегко преодолеть инерцию его прямолинейного движения. Будем продолжать работу, как прежде.

Это произошло утром, а к вечеру следующего дня корабль повернулся к Солнцу, и боковые двигатели были выключены.

— Все же мы будем ближе и космолету легче обнаружить нас. Кроме того, может быть, расстояние станет доступным для наших генераторов связи. Мы же не знаем, с каким отрицательным ускорением тормозится корабль, — резюмировал Вересов.

Все приборы пульта бездействовали. Ими предстояло заняться специально. Уже две недели звездолет летел никем и

ничем не контролируемый. Только локаторы работали нормально. Они были земные. А прежние, гийанейские, если и работали, то посылали свои сообщения в мертвый «Мозг навигации».

Кто мог предвидеть, что командир космического корабля может оказаться в подобном нелепом положении! Вересов нервничал, и это было понятно.

Работа была закончена еще через семь дней. Один день им удалось сэкономить.

Охваченные сильнейшим волнением, до предела утомленные, они сразу же, как только убедились, что автоматы действуют, подошли к люку в четвертый отсек.

Было половина шестого утра.

Вересов нажал на кнопку заметно дрожащей рукой.

И люк, закрытый шестнадцать суток, наконец открылся!

В четвертом отсеке никого не было, кроме спящих в анабиозных ваннах. Воздух был чист, но ведь они сами включили вентиляцию уже больше часа тому назад. Работали ли верхние резервуары, по-прежнему было неизвестно.

Как ни торопились Вересов и его товарищи узнать, что происходит в остальных отсеках, они внимательно осмотрели контрольные приборы во всех анабиозных помещениях.

Все было в порядке. Лежавшие в ваннах спокойно спали, не зная о том, что произошло с кораблем.

«Счастливые!» — невольно подумали все трое.

В третьем отсеке также никого не нашли. Только во втором, в своей собственной каюте, спал на постели профессор Фогель. По внешнему виду он находился в совершенно нормальном состоянии.

Вересов дотронулся до его плеча.

Фогель сразу проснулся, Он спокойно посмотрел на Вересова и сказал:

— Ну, наконец-то!

— Где остальные?

— Гианэя и Муратов, по-видимому, в первом отсеке, двоих я уложил в ванны.

— А зачем вы это сделали? Профессор сел на постели.

— А вы не знаете, что вентиляция выключена? И что подача воздуха из верхних резервуаров также? Впрочем, я замечаю, что воздух очистился. В последние дни здесь начало становиться душно.

Все было ясно. Запертые во втором отсеке три человека поняли, что для них может не хватить кислорода. Они не знали, сколько времени придется просидеть тут. И приняли решение — двоим лечь в анабиоз. Для одного кислорода хватит на втрое большее время. Почему остался именно Фогель, понять было нетрудно: он был старшим и воспользовался своей «властью». Уложить в ванну самого себя он не мог.

— Что же все-таки случилось? — спросил профессор.

Во втором, а так же и в четвертом отсеках не было экранов наружного обзора, их сняли на Земле, посчитав ненужными. Фогель не знал даже того, что корабль замедлил скорость.

Торопиться выяснить, что с Гианэей и Муратовым, не было особой нужды. В первом отсеке есть оранжереи, и нехватки кислорода возникнуть никак не могло. Вересов рассказал профессору обо всем.

Он внимательно выслушал, а потом сказал:

— Мне все ясно, кроме одного. Почему вы не включили радиопередатчик немедленно? Ведь он на пульте. Или вы не умеете с ним обращаться?

Вересов объяснил.

— Я вас не узнаю, Юрий! — сказал Фогель. — Конечно, испытание, выпавшее на вашу долю, могло повлиять на психику. Но вы же должны помнить, что, кроме нашего, есть еще звездолет Вийайи. Он тоже пролетит близко от нас и гораздо раньше корабля земного.

— Я не забыл о нем, — ответил Вересов. — Но генераторы не могут дать частоты, на которую настроен приемник радиостанции корабля Вийайи. Это я точно знаю.

4

Впечатление, произведенное на Земле возвращением корабля гийанейцев и сообщенной ими новостью, было тяжелым.

Выходило, что первая же вылазка землян в Большой Космос закончилась катастрофой. А если и не катастрофой, то неудачей. И невольно казалось, что гийанейцы, свободно летающие от одной планетной системы к другой, должны расценивать эту неудачу как последствие неопытности земных астролетчиков.

Самолюбие землян было задето.

Стоун, через несколько часов после радиофонного разговора встретившийся с Вийайей в Вашингтоне, сразу же подчеркнул, что причиной аварии считает тот факт, что Вересов и остальные летят не на своем, а на гийанейском корабле.

Против ожиданий, Вийайа не только не обиделся на эти слова, но, наоборот, вполне согласился, сказав в ответ:

— Мы сразу подумали, что их подвел «Мозг навигации».

В Вашингтоне собрались все члены ученого совета Института космонавтики и ведущие инженеры завода, где строился земной космолет.

Вечером состоялось совещание.

Вийайа считал необходимым присутствие на нем старшего навигатора своего корабля Зийнайи и слетал за ним. Десять человек земных ученых воспользовались случаем и также спустились на Землю, с которой совсем недавно расстались на долгие годы.

Зийнайа подробно сообщил Совету обо всем, о чем кратко уже рассказал Вийайа. Уточнили точку, в которой находился корабль в момент получения первой радиограммы, и примерное расстояние от Земли до корабля Вересова, если он перестал двигаться, как думали гийанейцы .

Выходило, что наименьшее время, за которое можно долететь до потерпевшего аварию звездолета, при условии немедленного вылета спасательной партии из двух кораблей, равнялось пяти, шести земным годам, учитывая длительные поиски и торможение.

Это было не столь уж страшно. На корабле Вересова всего, что необходимо для жизни, хватит на гораздо большее время.

И само собой пришло решение.

— Если экипажу корабля грозит опасность, — сказал Стоун, — мы бессильны предотвратить ее. Раньше, чем через пять лет, мы не можем до них добраться. А если им грозит только неподвижность, то особой беды нет. Поскучают несколько лет. И если они проживут пять лет, то могут прожить и шесть, и семь. Поэтому я считаю, что незачем вылетать сверхсрочно, двумя кораблями. Это усложнит и удлинит поиски. Тремя кораблями мы их найдем сразу, как только окажемся близко, по масштабам космоса, разумеется.

— Совершенно правильно, — сказал Метьюз. — Но все это только в том случае, если они действительно не движутся.

— Безусловно! Но если они летят по прежнему направ-

лению и с прежней скоростью, это не умаляет значения сигнала «SOS». Они не дали бы этого сигнала при отсутствии очень серьезной причины. Помощь нужна все равно. Придется их догонять, только и всего. Но дело в том, что они не могут лететь к планете Мериго при наличии крупной неисправности. В этом случае незачем было посылать сигнал «SOS». Разве только они не могут опуститься на планету без посторонней помощи. Но и в этом случае им нет смысла лететь от Земли. Вересов всегда может повернуть корабль, даже если «Мозг навигации» полностью вышел из строя. Значит, лететь они могут только к Земле.

— Убедительно, — сказал тот же Метьюз.

Остальные согласились с ним.

— Я предлагаю, — продолжал Стоун, — вылетать тремя кораблями. Сколько времени надо, — повернулся он к инженерам завода, — чтобы срочно построить второй космолет?

— Месяцев шесть.

— Вот и вылетим через шесть месяцев. Вы можете подождать полгода? — спросил он у Вийайи.

— Сколько угодно, — ответил гийанейец. — Я уже говорил, что мы в вашем распоряжении.

— Я не вижу никакой необходимости задерживать наших гостей, — сказал Станислав Лещинский. — Поблагодарим их за сообщение об аварии корабля Вересова. Они оказали нам большую услугу, не пожалев времени. Но почему они должны терять еще большее время? И для чего терять драгоценное время нашим ученым, которые спешат на Гийанейю? Пусть летят! Если мы можем за шесть месяцев построить второй космолет, то почему не можем и третий?

— Хоть десять! — сказал инженер завода.

У всех членов Совета, не исключая и Стоуна, появилось на лицах выражение полного удовлетворения. Очевидно, мысль, высказанная Лещинским, сознательно или несознательно, но таилась у всех. Аварию потерпели земляне, и Земля должна оказать им помощь.

«При чем тут гийанейцы? Разве мы не справимся без них?» — говорили взгляды, устремленные на Стоуна.

— Я ничего не могу возразить против этого, — улыбаясь, сказал председатель Совета.

Сергей Синицын почувствовал себя неловко. Как перевести все это гийанейцам, вопросительно смотревшим на него?

Не обидятся ли они?..

Стоун заметил его колебания и тихо сказал:

— Придайте вопросительную форму.

Синицын перевел так, словно земляне спрашивают — не считают ли гийанейцы целесообразным продолжить прерванный полет на Гийанейю, предоставив спасательную операцию землянам? Он упирал на нежелательную потерю времени учеными Земли, для которых лишние несколько лет полета будут неприятны.

— Если вы можете справиться сами, то конечно, — спокойно ответил Вийайа.

По улыбке, мелькнувшей на его лице, Синицын понял, что гийанейец догадался о мотивах внезапного решения.

Но, кроме этой улыбки, которая могла Сергею просто показаться, он ничем не выразил своего отношения.

— Вам лучше знать, как надо поступить, — дополнил Зийнайа слова своего товарища.

Больше говорить было не о чем. Члены Совета знали, что их решение будет с удовлетворением встречено всем населением Земли. И оно полностью отвечало их собственному желанию.

Корабль Вийайи вторично стартовал на следующий день. На этот раз провожающих было намного меньше, чем четыре месяца назад.

На нем улетело десять землян. Одиннадцатый — Сергей Синицын — остался на Земле.

Необходимости в его присутствии на Гийанейе не было, а он уже не мог и не хотел лететь. Тревога за ближайшего друга и ставшую для него не менее дорогой Гианэю была сильнее дружеских чувств к гийанейцам и перевесила соблазнительность полета на чужую планету. Стоун обещал зачислить его в качестве астронома в экипаж одного из кораблей спасательной экспедиции.

Началась подготовка.

Все человечество с пристальным вниманием следило за постройкой трех космолетов. Строители чувствовали это напряженное внимание, сознавали, сколько в нем невысказанной надежды и ожидания.

Корабли росли на глазах. Прошел всего один месяц, и всем стало ясно, что назначенный срок, шесть месяцев, будет значительно сокращен.

Почему три, а не два, как предполагалось?

Да просто потому, что за год строительства первого космолета были синтезированы новые материалы, найдены новые, более совершенные способы управления антигравитацией, сконструированы приборы и автоматы, которые были лучше прежних.

Только что законченный корабль казался уже устаревшим. А спасательная эскадрилья должна состоять из трех одинаково современных кораблей. Им предстояло лететь не в одиночку, а

совместно.

Главное внимание обращалось, конечно, на пеленгационные и локационные установки. Будет ли передатчик корабля Вересова продолжать посылать сигналы или прекратит их по той или иной причине, это не должно повлиять на успех поисков. Корабль должен быть найден как можно быстрее. И все месяцы, в течение которых строились космолеты, шла кропотливая работа по созданию новых, совершеннейших автоматов-пеленгаторов. Совмещение в одном аппарате функций пеленгации и локации удалось осуществить просто и надежно.

За один день, что провел возле Земли корабль Вийайи, на нем установили мощный передатчик, и теперь Совет космонавтики с нетерпением ожидал сообщения, работает ли радиостанция Вересова и где будет принят первый сигнал от нее? Это должно было дать ответ на главный вопрос — летят ли они от Земли, к Земле или стоят на месте.

Сообщение пришло точно через четыре месяца после старта гийанейцев. Вийайа сообщал, что сигнал «SOS» был услышан там же, где и в первый раз, на той же частоте, так же слабо и так же неразборчиво. Но на этот раз гийанейцы не тормозили, а летели с полной скоростью. И второе сообщение, полученное через сутки, известило о значительном усилении этих сигналов.

Вийайа передал:

«Корабль Вересова движется. Он находится от Земли на расстоянии… (Здесь, видимо по ошибке оператора, были названы гийанейские меры.) Вересов сообщил, что вышел из строя «Мозг навигации» и они не могут управлять двигателями. Корабль непрерывно замедляет скорость».

Теперь уже не оставалось никаких сомнений, что спасательная экспедиция найдет корабль сравнительно легко. Известное расстояние упрощало задачу. Конечно, локация или пеленгация в космосе совсем не то, что с Земли, но в успехе уже можно было быть совершенно уверенными.

Сергей Синицын не принимал непосредственного участия в подготовке. К своей работе в полете он был давно готов, а возвращаться на свою старую обсерваторию и заниматься тем, чем он занимался до появления спутников-разведчиков, не было никакого смысла. Он чувствовал себя непривычно свободным от каких бы то ни было забот и проводил время с близкими ему людьми, которые уже провожали его один раз и

готовились проводить вторично.

Один из трех космолетов спасательной эскадрильи должен будет принять на борт экипаж корабля Вересова и продолжать его путь. Захочет ли Гианэя после столь длительной задержки лететь на планету Мериго, или она вернется на Землю? От этого зависело и решение Муратова. Ведь Виктор согласился на полет, только чтобы не расставаться с женой.

Синицын с улыбкой вспоминал утверждения Виктора, что ему крайне антипатичен космос. Интересно, что он думает теперь?

И решение самого Синицына также зависело от решения Гианэи. Он полетит туда же, куда и Виктор. В одном случае это означало разлуку с Землей на тридцать лет, в другом на десять. Ни то, ни другое Сергея не смущало. Ведь он уже улетал с Земли, зная, что вернется через сорок лет!

О Гийанейе он больше не думал.

За месяц до старта Сергей встретился с Мариной.

Они были дружны с детства, и она упрекнула его за то, что он «совсем о ней забыл». А в конце разговора неожиданно спросила:

— Как ты думаешь, Сереженька, есть ли какая-нибудь возможность для меня лететь с вами?

— Зачем? — вырвалось у Сергея.

— Затем же, зачем летишь ты сам. Я истосковалась по Виктору и Гианэе.

— Ты увидишь их через десять лет.

— А если они полетят на планету Мериго?

— Тогда через тридцать. Но ведь ты была готова к этому.

— Да, конечно. Впрочем, я сама не знаю… Стоун как-то сказал, что я сделала ошибку, не полетев с ними. Пожалуй, он прав!

— Значит, сейчас ты согласна?

— Нет, на полет к планете Мериго я по-прежнему не согласна, ошибка это или не ошибка.

— Что-то я тебя не пойму.

— Я же говорю, что сама не знаю. Но так хочется повидать их, — жалобно сказала Марина.

— Право, не знаю, как тебе помочь. Тогда ты могла быть зачислена в состав экспедиции и у тебя была бы определенная задача. А в качестве кого ты полетишь теперь?

— Верно, это глупость. Не будем говорить об этом.

Марина понимала, что Сергей прав, что в спасательной экспедиции не место праздным пассажирам, но только с большим усилием заставляла себя не думать о возможности свидания. Но совсем забыть об этом ей так и не удалось…

А через две недели ее неожиданно вызвал к радио-фону Стоун и сказал, словно речь шла о давно решенном деле:

— Старт через двенадцать дней. Вы приготовились? Марина так растерялась, что невольно спросила:

— Зачем я вам?

— Нам вы не нужны, — ответил Стоун, — но мы думаем, что вы нужны Гианэе. Что она хочет вас видеть. А мы по-прежнему считаем ее гостьей Земли, хотя она и вышла замуж за землянина. Вот только поэтому.

Было ясно, что он шутит.

— Это Синицын вам сказал? — спросила Марина.

— О чем? Что Гианэя хочет вас видеть? Нет, это наше мнение, и я передаю вам приглашение от имени всего Совета космонавтики.

— Мне остается только поблагодарить вас.

— Благодарить будет Гианэя. Так вы готовы?

— Я буду готова, — сказала Марина. Сразу же после разговора со Стоуном она вызвала Сергея.

— Я тут совершенно ни при чем, — сказал он. — Я не видел ни Стоуна, ни других членов Совета. А если бы даже и я, то в чем дело? Разве ты не рада?

— Более чем рада, — засмеялась Марина. — Значит, летим вместе!

5

Ничто не изменилось.

Все было по-прежнему внутри корабля и вне его. Жизнь казалась остановившейся. Где-то в какой-то трудноопределимой точке бесконечного пространства.

Оставалась ли эта точка постоянной или изменялась, не имело никакого значения для обитателей «космического острова». Даже до ближайшей звезды — Солнца — пришлось бы «падать» под действием его гравитационной силы столь долго, что теряло смысл само слово «падение». Оно становилось неотличимо от неподвижности. И в том и в другом случае, если на помощь не явятся космолеты Земли, предстояло умереть на

этом корабле.

Для падения «с высоты» порядка светового года человеческая жизнь слишком коротка.

Командный состав звездолета — Вересов, Джеммел, Тартиии и Фогель, как начальник экспедиции, — четыре года тому назад окончательно убедились, что пустить. в ход двигатели без помощи извне невозможно. Вернее сказать, вообще невозможно, поскольку под словами «помощь извне» приходилось подразумевать земные заводы. Заводы не явятся в космос, а доставить к ним беспомощный корабль немыслимо. Он никогда уже не опустится ни на одну планету. Его судьба — сгореть в огненных объятиях Солнца, и через много десятков лет это обязательно произойдет. Вопрос заключался в том, чтобы снять с обреченного корабля его экипаж.

А произойдет ли это? Они имели много оснований сомневаться, зная, как неимоверно трудны поиски крохотной точки в безграничных просторах. Шансы на успех ничтожно малы.

Трезво оценивая положение, они возлагали все надежды только на то, что космолет, который должен был вылететь на планету Мериго со дня на день, а возможно, уже вылетел, пролетая мимо них, услышит сигнал «SOS».

Он мог пролететь мимо года через три, самое меньшее. Несколько месяцев уйдет на торможение и поиски. Значит, помощь может явится только через три с половиной, четыре года. Или через пять.

А если в этот срок космолет не явится, то практически не останется никакой надежды на спасение.

Запасы энергии на корабле были велики, экономить ее не было необходимости. И передатчик включили на постоянную автоматическую работу пять лет назад. Слабая надежда на корабль гийанейцев заставила это сделать.

После аварии, как только было восстановлено сообщение между отсеками и разбужен весь экипаж, кроме Мериго и его трех товарищей, Вересов узнал от стар щего радиоинженера, что на корабле Вийайи предполагалось установить приемно-передающую рацию земной конструкции.

— Для прощальных бесед, — сказал Игорь Филиппов. — Наши ученые и сами гийанейцы хотели иметь возможность обмениваться радиограммами первые месяцы после старта.

— В таком случае, — сказал Вересов, — немедленно пускайте генераторы. Корабль Вийайи — это шанс!

— Крайне незначительный, — заметил Филиппов.

— Мы не в праве терять ни единого.

А шанс действительно был совсем крохотным. Удалившись от Земли на расстояние, превышающее радиус действия передатчика, то есть через два месяца после старта, гийанейцы, конечно, выключат рацию, ставшую им совершенно ненужной. А до этого будут включать ее только на время сеансов связи, часы которых согласуют перед стартом. И совсем уже невероятным представлялось, что они будут слушать на частоте передатчика корабля Вересова.

Могло ли кому-нибудь прийти в голову, что гийанейцы оставят рацию включенной на автоматический прием именно на этой частоте и именно затем, чтобы перехватить сообщение с их корабля, если таковое последует?

И не мог Игорь Филиппов знать, что впоследствии на Земле было решено поставить на корабль Вийайи только один приемник. Поэтому, когда прошли все мыслимые сроки пролета гийанейского корабля, казалось несомненным, что сигналы услышаны не были.

— Они послали бы нам ответ, — сказал Фогель. — Не могли не послать. Чтобы мы знали: нас услышали. И конечно, они повернули бы обратно, к Земле. Хотя бы для того, чтобы передать нашу радиограмму.

— Да, они не услышали. Впрочем, этого следовало ожидать, — отозвался на его слова Джеммел.

Передатчик остался включенным. К чему было выключать его, пусть работает…

Ровно год экипаж корабля боролся за подвижность. Чего только не испробовали, пытаясь оживить двигатели! Все было тщетно. «Мозг навигации» выполнил свою последнюю задачу настолько основательно, что сделать не удалось ничего, несмотря на все усилия и обостренную опасностью изобретательность. Чуждые землянам агрегаты отказались подчиниться чужой воле.

Оставалось только ждать!

И потянулись дни, месяцы, годы!

Анабиозные ванны ничем не могли помочь. Они сократили бы время ожидания, в лучшем случае, на полтора года. И было решено сохранить их для четверых. Если для землян, которых, считая с техническим персоналом корабля, было шестьдесят человек, объединенных общностью обитателей одной планеты,

дружескими чувствами друг к другу и одинаковым умственным и психическим развитием, предстоявшие им годы и годы «заключения» были как-то переносимы, то для четверых дело обстояло во много раз хуже.

— Пусть спят! — решил Фогель. — И ничего не знают. Это единственное и наиболее гуманное, что мы можем для них сделать. Если нас спасут, они проснутся, как и было намечено раньше, а если всем суждена гибель, то совсем не проснутся.

Аэролиты щадили корабль, точно зная, что он не может уклониться от встречи с ними. За все время только один раз локаторы «заметили» некрупный осколок, но и он пролетел достаточно далеко.

Текло время. Прошло пять лет со дня катастрофы.

«Робинзоны» (они привыкли так называть себя с легкой руки Виктора Муратова) с удивлением должны были констатировать, что шестьдесят месяцев прошли совсем не так томительно, как они ожидали. Даже быстро.

Огромную роль сыграло продуманное и осуществленное командованием корабля расписание жизни на «острове». У всех было занятие, никому не позволили проводить время бесцельно.

Космонавты учились. К концу пятого года на корабле практически исчезла разность специальностей. Весь экипаж превратился в универсалистов, могущих заменить друг друга в любой области как в предстоявшей работе на планете Мериго, так и в управлении звездолетом. Все овладели испанским и гийанейским языками.

Исключение составила, по понятным причинам, только одна наука — медицина.

А год назад на звездолете открылась… начальная школа!

Улетая с Земли, корабль имел на борту шестьдесят четыре человека. Теперь на нем было шестьдесят шесть!

Появились два новых «пассажира»… родившихся в космосе!

Мальчик и девочка. Рийагейа и Тамара. Их называли сокращенно: Риа и Тома.

Риа был сыном Виктора и Гианэи, Тома — Владимира и Надежды Поповых.

Первым, четыре года тому назад, родился Рийагейа. Его назвали так по желанию матери.

Когда мальчику исполнилось три года, пришла пора начи-

нать учение. И начальную школу создали специально для него одного.

Предчувствие не обмануло Виктора, когда он пять лет назад начал замечать странности в Гианэе. Ее рассеянность, непонятное равнодушие ко всему, отрешенность — все имело одну причину. Гианэя целиком погрузилась в самоощущения, боясь поверить, что страстная мечта превратилась в действительность.

А когда прошло время и факт уже не вызывал никаких сомнений, ею овладела тревога, разделяемая всеми находившимися на корабле. И особенно, конечно, Виктором.

Всех мучил один вопрос: кто должен родиться?

Землянин или гийанейец? Ответить не смог бы ни один ученый двух планет.

Наиболее вероятным считалось, что родится гибрид двух человечеств, пусть очень сходных, но все же отличающихся друг от друга. Хотя бы продолжительностью жизни, оттенком кожи, особенностями слуха и зрения.

Последнее больше всего беспокоило медиков и биологов. Гийанейцы слышали лучше землян, но слуховой аппарат по конструкции, был тождественным. Иначе обстояло дело со зрением. Гийанейцы видели в инфракрасной области спектра, их глаза были иначе устроены. К чему приведет соединение земного и гийанейского зрения? Кто мог ответить на это?

В одной из бесед с Фогелем глазной врач экспедиции высказал опасение, что ребенок может родиться слепым.

Хорошо, что Виктор и Гианэя не слышали этих слов!

Их обоих интересовало только два вопроса: на кого будет похож их сын (или дочь), и будет ли он здоровым. Все остальное казалось им не стоящим внимания.

— Я хотел бы, чтобы он был похож на тебя, — говорил Виктор.

— Только не это, — отвечала Гианэя. — Он должен быть человеком моей родины.

Под словом «родина» она подразумевала Землю.

Думала ли она о возможности трагического исхода? По-видимому, нет. Ни с ней, ни с Виктором не заговаривали об опасениях медиков.

Год был тревожным.

В составе экспедиции были врачи всех специальностей, от психологов до педиатров. Матери и ребенку не угрожал не-

достаток высококвалифицированной медицинской помощи. Но волнение, царящее на звездолете, было понятно. Ведь подобное существо должно было родиться впервые!

И вот все позади!

Прошло четыре года. Опасения оказались напрасными, страхи — ложными!

По аллеям оранжерей, в воде бассейнов бегал и плавал, как рыба, стройный красивый мальчик с очень светлыми густыми волосами и равномерно коричневой кожей всего тела.

У него были глаза матери, длинные, косо поставленные, очень темные. Гибкостью движений он походил на кошку — отличительный признак гийанейца. Но видел и слышал он, как земляне. Это было бесспорно установлено. И при самых тщательных и придирчивых осмотрах, которым его систематически подвергали, врачи не находили ни малейшего физического недостатка.

А разум?

Судя по тому, что трех лет от роду Риа свободно владел двумя языками, земным общепланетным и гийанейским, с этой стороны все также обстояло благополучно.

Язык гийанейцев отличался удивительной мягкостью, земной был значительно тверже. Маленький Риа говорил так, что всем невольно казалось — где-то поблизости течет ручеек, переливаясь на камешках.

Гианэя всегда называла сына полным именем — Рийагейа. Виктор и все остальные предпочитали короткое — Риа. Он отзывался на оба имени, привыкнув к ним еще в годовалом возрасте.

Через семь месяцев после Риа появилась на свет Тамара — девочка Земли, которой предстояло стать подругой детских игр сына двух планет.

И через два года они уже играли, как брат и сестра и всегда были вместе.

Рийагейа унаследовал от матери любовь к воде и поразительную плавучесть. Гианэя, нисколько не тревожась, позволяла ему проводить в бассейне столько времени, сколько он пожелает. Но маленькой Томе купать ся еще не разрешали, и девочка часами сидела возле бассейна, наблюдая за резвящимся в воде другом.

Надя Попова была непреклонна, и между нею и Гианэей часто возникали споры по этому поводу.

Две женщины, единственные на звездолете, очень подружились.

Присутствие на корабле, висящем в бездне космоса, двух детей вносило разнообразие в жизнь «робинзонов», отвлекало их от тяжелых мыслей о своей дальнейшей судьбе, но одновременно все чаще и чаще возбуждало еще более тяжелые мысли — о судьбе этих детей.

Что будет с ними?

Если с Земли так и не придет помощь, если спасательной

экспедиции не удастся найти корабль, он начнет (вернее уже начал) падение на Солнце. Никто не мог дожить до конца этого падения. И неизбежно настанет момент, когда обреченный звездолет опустеет и в его просторных помещениях останутся только двое — Риа и Тома.

Одни до конца жизни!

Гианэя?

Но биологи еще на Земле пришли к заключению, что земная кровь, текущая теперь в ее жилах, должна сократить жизнь Гианэи, что обычный для ее соплеменников срок — около пятисот лет — ей не прожить.

Но если бы это мнение было даже ошибочно, присутствие Гианэи мало что изменит в жуткой судьбе «последних робинзонов».

Одиночество, без надежды, перед лицом холодного, равнодушного космоса!

Всех членов экипажа корабля больше всего волновала возможность именно такого финала.

А пока «равнодушный космос» было единственное, что видели вокруг, за стенками звездолета, Риа и Тома. Ничего другого они не знали.

Экспедиция захватила с собой множество кинофильмов. Ведь ее членам предстояло пять лет находиться на чужой планете. Помимо естественного желания видеть картины жизни родной Земли, эти фильмы должны были сыграть определенную роль в просвещении аборигенов планеты Мериго.

Их не собирались смотреть в пути. Но теперь извлекли из кладовой. По строго составленной программе детям демонстрировались эти фильмы, сопровождаемые устным рассказом.

К тому и другому они относились, как всегда дети относятся к сказкам,

— интересно, но странно и неправдоподобно.

Риа и Тома весело смеялись, глядя на экран, считая все это шуткой: голубое небо, здания, наземный и воздушный транспорт. Забавные движущиеся картинки, выдумка взрослых, играющих с ними. Не более!

Жизнь на звездолете казалась им единственно возможной и естественной. Но в будущем?..

И люди, привыкшие было к мысли, что их могут никогда

не найти, снова стали ожидать помощи, с большим нетерпением, чем даже в первый год после катастрофы. Теперь они думали не о себе.

Рийагейа закончил первый класс школы. По количеству усвоенного материала этот класс равнялся полному курсу начальной школы, который дети Земли обычно проходили за два года. Это было сделано намеренно.

И если у кого-нибудь оставались еще сомнения, они окончательно отпали. Разум мальчика был столь же безупречен, как и его тело!

Эксперимент, как называли в научных кругах брак Муратова и Гианэи, привел к более чем положительному результату. Стало несомненным, что человечества Земли и Гийанейи могут слиться в одно, что задача, поставленная гийанейцами — сравнять продолжительность жизни тех и других, реальна.

Но пока что об этом знали только ученые, находившиеся на звездолете. И им было мучительно думать, что наука обеих планет может никогда не узнать, чем закончился этот «эксперимент».

6

Три космолета замедлили скорость. Где-то здесь следовало искать потерпевший аварию звездолет Вересова.

Искать в пространстве объемом в десятки миллионов кубических километров!

Сигналы давно уже были услышаны и продолжали равномерно поступать на антенны пеленгаторов.

В том, что гийанейцы были правы и работает автомат, сомнений быть не могло. Энергии для генератора у Вересова хватит, сигналы не прекратятся, оставалось только аккуратно и непрерывно пеленговать их.

Непрерывно, потому что искомый корабль не мог быть неподвижным. Он двигался, и с каждой секундой быстрее, по направлению к Солнцу, навстречу спасательной эскадрилье.

В этом заключалась главная трудность. Будь корабль неподвижен, все было бы значительно проще. Но он, несомненно, двигался!

Где-то «здесь»!

Исполинские расстояния космоса для звездолетов, летя-

щих с субсветовой скоростью, как бы сжимались, ускользая от сознания, теряя свою грандиозность. Теперь же, когда космическая скорость была погашена, они превратились в то, чем являлись на самом деле, в миллионы и миллионы километров по земным масштабам, подавляя человеческое сознание.

Найти бесконечно малую точку в распахнувшихся перед космонавтами необъятных просторах казалось им сейчас неимоверно трудной задачей.

Да еще точку, которая двигалась с неравномерной скоростью!

Эскадрилья почти остановилась.

Перед руководителями спасательной экспедиции встал вопрос, как поступать дальше? Существовало два пути. Ожидать приближения корабля Вересова или двигаться ему навстречу.

После короткого совещания, проведенного по радио, Стоун принял решение ждать.

Космолеты разошлись, расположившись в линию на расстоянии десяти тысяч километров друг от друга. Этого было достаточно для точной пеленгации сигналов сейчас и для локации приближавшегося корабля, очередь которой настанет очень скоро.

Когда корабль Вийайи в первый раз приблизился к терпящему бедствие звездолету, гийанейцы, по интенсивности его передачи, пришли к выводу, что он остановился. При вторичном приближении они установили, что звездолет движется им навстречу. Это могло означать одно — космический корабль падает на Солнце.

Если бы он не падал, а летел, если на нем работают двигатели, встреча с ним спасательной эскадрильи произошла бы значительно раньше.

Звездолет падает!

Зная, хотя и приблизительно, время начала этого падения, не трудно было вычислить, какой скоростью он будет обладать к моменту встречи с эскадрильей. Ошибка порядка несколько сотен километров в секунду роли не играла.

Эскадрилья Стоуна могла маневрировать, как ей угодно.

Оставалось терпеливо ждать нужного момента.

Точная скорость корабля Вересова будет установлена буквально на днях. Весь маневр подхода и техника снятия с него экипажа были детально разработаны еще на Земле, перед

вылетом.

— В сущности, — сказал Стоун, — мы уже выполнили свою задачу. Все остальное чистая формальность.

— Сколько времени потребует эта «формальность»? — спросила Муратова.

— Думаю, что никак не больше месяца.

— По земному или нашему времени?

— Сейчас это одно и то же. Разве вы забыли, что мы почти не движемся?

— Положим, движемся, — заметил командир флагманского космолета. — И не так уж медленно.

— Марина спрашивает о времени.

— В смысле времени — конечно.

— А когда мы сможем увидеть их в телескоп? — задала Марина второй вопрос.

— На это лучше меня ответит ваш друг.

Стоун имел в виду Сергея Синицына. Марина была единственным пассажиром на космолетах, не имеющим никакого дела, и, чтобы ей было не так скучно во время длительного полета, Сергея назначили в состав астрономической группы флагмана.

В кают-компании его сейчас не было.

— Спрошу у него, — сказала Марина. Она вышла из кают-компании и прошла на обсерваторию.

Последние месяцы она сильно мучилась нетерпением и возрастающей тревогой. Единственная из всех членов экипажей трех космолетов, Марина почему-то допускала, что на корабле Вересова могла произойти трагедия. Видимо, это объяснялось тем, что только у нее, если не считать Сергея, который смотрел на все оптимистически, на терпящем бедствие звездолете находились двое людей, самых дорогих для нее в мире. Спасательная экспедиция была для нее личным делом. В таких случаях люди всегда мнительны.

Работа передатчика корабля Вересова ни о чем не свидетельствовала, ведь это был автомат, он мог работать даже в том случае, если на борту не осталось ни одного живого человека.

С момента аварии Марина ни на мгновение не забывала о том, что прошло почти семь лет. Очень многое могло случиться за это время.

Как ни странно на первый взгляд, на Земле не только по-

няли, что именно произошло на корабле, но и правильно догадались о роли бывших хозяев звездолета. Пример лунной базы помог прийти к этому выводу. Разумеется, все это было только догадкой, не более, только впоследствии выяснилось, что догадка верна, а пока все люди на Земле и на космолетах спасательной эскадрильи просто верили в нее. В том. числе и Марина Муратова. Но если для ее товарищей роль «Мозга навигации» заключалась в том, что звездолет потерял способность самостоятельно двигаться, для нее это стало постоянной тревогой

— а вдруг это не все! А что, если «Мозг» имел еще и другую задачу?

Стоун знал о ее мыслях и пытался доказать, что никакого вреда людям «Мозг навигации» причинить не мог, но успеха не добился. Марина продолжала тревожиться. И по мере приближения к цели все сильнее.

Ей казалось, что если она увидит звездолет своими глазами, в объективе телескопа, внутренний голос подскажет, находятся ли в нем живые люди или нет.

Это было наивно, но упорно держалось в ней, вопреки разуму.

Она знала, что никакие внешние признаки не могут подсказать ничего, иллюминаторов на корабле не было, а если бы и были, их освещенность ни о чем не говорила бы, так же как и работа передатчика.

Но она помнила, как месяца три назад кто-то вы сказал соображение, что Вересов и его помощники знают тот минимальный срок, который необходим для организации спасательных работ и после которого можно ожидать приближения земных космолетов. А раз так, они должны догадаться включить прожекторы, суммарный свет которых даст возможность заметить корабль на расстоянии, недоступном для визуального наблюдения его самого. Мощность прожекторов велика, а экономить энергию Вересову ни к чему, его корабль все равно обречен на гибель.

Марина не сомневалась, что Вересов поступит именно так.

Скорее бы увидеть хоть это! Ведь прожекторы не могли гореть все семь лет! Их свет — доказательство жизни!..

На обсерватории находился один Синицын. Он сидел, наклонившись над экраном телескопа, пристально всматриваясь в его матовую поверхность, и не услышал шагов, пока

Марина не подошла вплотную. Тогда он поднял голову и посмотрел на нее. — Видимо, все-таки показалось, — сказал он.

— Что показалось, Серенький?

«Серенький», или «Серый», было шутливым прозвищем, которым иногда называли Сергея Синицына самые близкие ему люди.

— Показалось, что очень далеко мелькнул огонек.

— Прожектора? — у Марины перехватило дыхание.

— Прожекторов! — поправил Сергей. — Один не может быть виден на таком расстоянии. Но, увы, мне только показалось.

— Ты в этом уверен?

— В чем? В том, что показалось? Нет, не уверен. Ведь они могут включать их периодически. И это более рационально. Неподвижный свет труднее заметить на фоне звезд. Я хотел сказать — постоянный.

— Так смотри же! Смотри!

— Я и так смотрю уже два часа, не меньше.

Он снова склонился к экрану.

Она знала его слишком хорошо, чтобы не заметить: астроном чем-то встревожен. И не потому, что замеченный им огонек больше не появлялся, это было легко объяснимо. Существовала другая причина и, видимо, достаточно серьезная.

Он что-то бормотал, но что именно, Марина не могла разобрать.

И вдруг Сергей резко подался вперед.

— Вот опять! Видишь? Он показал пальцем в левый верхний угол экрана. Марина ничего не видела, кроме неподвижных точек звезд.

— Погас!

Сергей откинулся на спинку кресла.

— Значит, не показалось, — сказал он. В его голосе не было ни радости, ни удовлетворения, скорее тревога.

— В чем дело, Сережа?

Он не ответил ей. Повернувшись вместе с креслом к стоявшему рядом радиофону, нажал на клавишу. Появилась внутренность чей-то каюты, тотчас же заслоненная головой Веретенникова, старшего астронома флагманского корабля.

— Женя, — сказал Синицын, — зайди-ка сюда. Два раза в течение двух часов я наблюдал кратковременную вспышку, видимо, очень сильного источника света. Впечатление — свет искусственный!

— Где?

— В том-то и дело, что не там, где надо. Примерно на десять градусов левее и выше оси.

— Сейчас приду. Продолжай наблюдение! Положи на экран координатную сетку.

— Положена.

Экран радиофона погас.

— В чем дело? — повторила Марина.

— Ты же слышала! Этот огонь совеем не там, где должен находиться корабль Вересова.

— И что из этого следует?

— Пока ровно ничего. Надо проверить. Но не могли мы так ошибиться! Продольная ось космолета направлена прямо на Вересова.

— Его еще не видно.

— Это не имеет значения. Данные пеленгации обработаны достаточно тщательно. Ошибки в десять градусов быть не может.

— А когда мы сможем увидеть самый корабль? — задала Марина вопрос, ради которого и пришла на обсерваторию.

— Не раньше, как через неделю.

— Я так устала ждать! — вздохнула Марина. — Теперь скоро.

— Ты скажи, как только это случится.

— Да, конечно, — Сергей сказал это рассеянно, видимо не думая, не спуская глаз с экрана телескопа. — Не мешай мне, Марина.

Она вышла.

Вечером стало известно, что таинственный огонек больше не появлялся. Общее мнение было — Синицын ошибся. Но астрономы, сменяя друг друга, продолжали упорные наблюдения. К экрану подключили регистрирующий прибор.

Прошло два дня.

Теперь, когда до цели оставалось столь короткое время, нетерпение овладело не только Муратовой, но и всеми. Это чувствовалось по поведению членов экипажа, по их разговорам. Астрономы и радисты очутились в центре внимания, им не давали проходу, осаждая вопросами, на которые они при всем желании не могли дать определенного ответа.

Даже Стоун ясно выказывал нетерпение.

Четыре звездолета неуклонно сближались. Еще несколько дней — и, по расчетам, можно будет увидеть корабль Вересова.

Свет его прожекторов не появлялся. Видимо, Вересов или не догадался, или по какой-то причине не мог их включить.

Тревожная мнительность Марины Муратовой возрастала с

каждым часом. Она так нервничала, что не могла спать. Ее состояние передалось даже Сергею.

— В сущности, — заметил Стоун, — мы напрасно так надеемся на прожекторы. Они могут вообще не ожидать нашего прилета. — Он имел в виду экипаж корабля Вересова.

— Это трудно допустить, — отозвался кто-то.

— Совсем даже не трудно. Они могут рассуждать так. Корабль Вийайи не заметил сигналов. Значит, это может сделать только наш, летящий на планету Мериго. Производить поиски одним кораблем бесцельно, надо вернуться на Землю и вылететь эскадрильей. А в этом случае ждать нас сейчас слишком рано.

Разговор происходил утром, в кают компании, за завтраком. Все были в сборе, кроме дежурных на пульте, в радиорубке и на обсерватории.

— Через три дня мы должны их увидеть… — начал Синицын.

Его прервал голос дежурного радиоинженера, раздавшийся из динамика радиофона:

— Начальника экспедиции, товарища Стоуна, прошу срочно в рубку.

Стоун тотчас же встал. Подобный вызов произошел впервые с момента старта. Для него должна была быть очень серьезная причина.

Но не успел Стоун дойти до люка, ведущего из кают-компании в коридор, как снова раздался голос. На этот раз он принадлежал дежурному на пульте:

— Товарищ Стоун, срочно прошу на пульт!

— Что там случилось? — Стоун почти выбежал из помещения. За ним устремился командир флагманского космолета.

Оставшиеся тревожно переглянулись.

— Корабль Вересова?

— При чем он тут? Одновременная тревога на пульте и в радиорубке не может иметь к нему отношения.

— Что-то случилось!

Голоса звучали взволнованно.

Старший инженер космолета встал.

— Оставайтесь здесь, — посоветовал он. — Я сообщу, как только узнаю, в чем дело.

И только закрылся за ним люк, как в третий раз прозвучало имя начальника экспедиции:

— Товарищ Стоун! — говорил Веретенников. — Огонь, замеченный Синицыным два дня тому назад, появился снова. Намного ближе и ярче. Горит прерывисто, но вот уже три или четыре минуты не погасает. К кораблю Вересова не имеет никакого отношения.

Сергей вскочил и кинулся в коридор.

За столом все застыли в ожидании.

Оно длилось недолго. Причина тревоги выяснилась вскоре.

Первым намеком послужил срочный вызов Муратовой в радиорубку.

Вызывал командир корабля. Видимо, Стоун побежал на пульт, а он к радисту.

Муратова могла понадобиться только в том случае, если во всем этом был как-то замешан гийанейский язык.

А произошло вот что.

Первым, на несколько минут раньше дежурного на пульте, это заметил радиоинженер. Вернее, не заметил, а услышал.

Услышал передачу на частоте передатчика корабля Вийайи, предназначенного для связи не с Землей, а с Гийанейей. Эта частота радиоинженеру была известна. А приемник радиостанции космолета был, на всякий случай, снабжен специальным реле, которое при появлении этой частоты автоматически включало динамик.

Присутствие корабля Вийайи на расстоянии слышимости исключалось. А сила приема свидетельствовала о близости передатчика. И, что было самым главным, передача шла не кодом, а… голосом, в микрофон или аналогичное ему устройство.

Инженер распознал язык гийанейцев. Он не знал этого языка, но много раз слышал его на Земле.

Все, что сказал голос (три раза подряд), было автоматически записано.

Инженер вызвал Стоуна, потому что не знал, как поступить в таком исключительном случае.

Почти машинально он послал кодированный ответ в три слова: «Вас понял ясно», повторив это также три раза. Он ничего еще не понимал.

В это время дежурный на пульте управления находился в

таком же недоумении. Когда появился Стоун, он доложил спокойно:

— Локаторы зафиксировали присутствие на расстоянии около четырех миллионов километров металлического тела такого же размера, как и корабль Вересова. Тело летит прямо на нас, непрерывно замедляя скорость. Торможение производится очень интенсивно, что доказывает наличие мощных двигателей. Неизвестный космолет (даже это слово он произнес совсем спокойно) движется сейчас с весьма незначительной скоростью, а это значит, что он тормозится давно. Приборы показывают, — они все время ощупывают нас лучами локаторов. Звездолетом Вересова это быть не может.

— Ощупывают именно нас? — спросил Стоун. — А не другой наш космолет?

— Похоже, что нас. Но этого нельзя сказать уверенно. Мы не знаем, фиксирован у них луч или нет.

— Вы включили торможение?

— Сразу.

— Правильно сделали.

Разговор звучал почти буднично.

Встреча с чужим звездолетом в космосе, о которой мечтали бесчисленные поколения людей Земли, о которой столько писали и фантазировали, казалось, не производила на них особого впечатления. Точно они давно уже привыкли к таким встречам!

И это было именно так.

Спутники-разведчики, корабли Рийагейи, Мериго и Вийайи, послужили прекрасной тренировкой «космического сознания» людей Земли. А встретиться с чужим разумом на Земле или в космосе не столь уж большая разница!

Загорелся экран радиофона, и Марина сообщила переведенный ею текст радиограммы с чужого корабля.

И через несколько секунд по всему космолету и одновременно во всех радиорубках кораблей эскадрильи прозвучал голос Стоуна:

— Приготовиться к полной остановке! К нам приближается космолет гийанейцев. Они просят нас остановиться и встретиться с ними!

7

Это было большой неожиданностью!

Но отнюдь не сенсацией!

Со слов Вийайи на Земле знали, что все население Гийанейи тревожится за население Земли и с большим волнением должно ожидать возвращения корабля Вийайи. Было вполне вероятно, что там решили послать второй космолет на помощь первому. Правда, сам Вийайа ничего не говорил о такой возможности, подчеркивая, что их одних более чем достаточно, для того чтобы справиться с последствиями диверсии «предков». Но на Гийанейе могли решить иначе.

Путь к Земле был известен. Они и вылетели.

А поскольку этот путь был один, то и встреча с земными космолетами должна была произойти. Здесь не было никакой случайности.

В своей радиограмме гийанейцы обращались к экипажу земного корабля, называя их «люди Лиа».

Иначе опять-таки не могло быть. Слово «Земля» было теперь известно экипажу корабля Вийайи, но не могло быть известно на Гийанейе.

Кстати сказать, это обстоятельство все еще оставалось не совсем понятным. Ведь соплеменники Гианэи, будучи на Земле и изучая испанский язык, должны были научиться называть планету ее собственным именем на испанском языке. Почему получилось так, что они не узнали слова «La tierra», а придумали «Лиа», не могла объяснить даже Гианэя. С детства изучая испанский язык, она знала только это слово. А со словом «Земля» познакомилась только на самой Земле, как на общепланетном, так и на испанском языках.

Никакого значения это, конечно, не могло иметь, оставаясь только непонятным…

Люди Лиа! Это обращение говорило о том, что гийанейцам известно, кому принадлежит встречный корабль. Почему известно? Да просто потому, что в относительной близости к Солнцу не могло быть другого.

То, что они вступили в связь именно с флагманским космолетом эскадрильи, явная случайность. Но почему они не обратили внимания на корабль Вересова, мимо которого пролетели? Их локаторы должны были сказать своим хозяевам, что

вблизи чужой космолет. О том, что он тут не один, гийанейцы знать никак не могли. Почему же они не попытались организовать встречу именно с кораблем Вересова? Почему пролетели мимо?..

Все это было изложено Стоуном на спешно собранном совещании всех членов экипажа.

В заключение он обратил особое внимание присутствующих на странную фразу в записанном в виде радиограммы обращении гийанейцев, в которой говорилось о намерении пересадить на земной космолет одного человека.

— Было бы очень хорошо, — закончил Стоун, — прийти к определенному выводу заранее. Первым попросил слова Веретенников.

— Мне кажется, — сказал он, — что они пытались связаться с Вересовым. Подлетая к нам и обращаясь по радио, они включили бортовые огни, которые нами и были замечены. Но те же огни они могли включить и десять дней назад, адресуя их не нам, а Вересову. От нас они получили ответ, а от Вересова не получили.

— Это возможно, — сказал командир космолета. — Но, согласитесь, выглядит натянуто. Мне вообще непонятно обращение по радио. Рассчитывать, что встречный космолет слушает на всех частотах радиодиапазо на, несколько странно. Неполучение ответа от Вересова должно казаться им естественным. Это не причина спокойно лететь дальше. Возможно другое. Они пролетели мимо Вересова на слишком большой скорости. И, производя экстренное торможение, чтобы затем повернуть обратно, встретили нас. То, что корабль Вересова и наш принадлежат Земле, для них несомненно. А значит, и безразлично, с которым из двух встретиться.

— Обращение по радио совсем не так уж непонятно, — сказал радиоинженер. — Они летят с Гийанейи. И знают, что на Землю раньше их вылетел экипаж Вийайи. Я бы подумал, что они приняли нас за корабль Вийайи, если бы не обращение «люди Лиа». Видимо, они рассчитывали на то, что нам известен гийанейский язык и частота, на которой работает передатчик Вийайи. Согласен, это странно, но отнюдь не является необъяснимым.

— Кроме того, — прибавила Марина, — обращение по радио просто дополнение. Они включили огни и непрерывно пеленгуют нас, отлично зная, что пеленгация будет замечена.

Тремя способами они стараются дать понять, что хотят встречи. По-моему, наиболее загадочным является намерение пересадить к нам одного из членов их экипажа.

— Это более чем непонятно, — сказал Стоун. — Куда мы летим, они не знают. Зачем же ни с того ни с сего пересаживать человека на встречный космолет, летящий неведомо куда? Как хотите, товарищи, а я не вижу никакого логичного повода к такому поступку. А вы?

Все высказались в том же смысле, что и Стоун. Все, кроме Сергея Синицына.

Он попросил слова.

— Мне кажется, — сказал он, — что существует простое объяснение всем этим загадкам. Все становится на место, если допустить, что по пути к Земле они встретили звездолет Вийайи. И не только встретили, но и, так сказать, поговорили с ними. Я помню о скорости, — добавил он, видя протестующий жест Стоуна. — Но мы не все знаем о технике связи гийанейцев. Кроме того, если скорость помешала им заметить корабль Вийайи, то та же скорость должна была помешать им заметить нас…

— Неверно, — сказал Стоун. — Вы забыли, что мы-то сами замедлили скорость. И очень значительно. Сумма скоростей стала куда меньше. В сравнении с ними мы просто неподвижны. Но вы верно заметили, что мы знаем о системах пеленгации гийанейцев далеко не все. Встречу с кораблем Вийайи допустить можно.

— А тогда, — продолжал Синицын, — все становится логичным. Они знали о нашей экспедиции и намеренно искали встречи с нами. Очень возможно, что они не пролетели мимо корабля Вересова, не заметив его. Очень возможно, что между ними и Вересовым был разговор и что именно потому они намерены пересадить к нам какого-то специалиста, медика или инженера, необходимого для оказания помощи экипажу Вересова. Или одному члену экипажа, например Гианэе. Если она заболела, гийанейский врач будет полезнее нашего. Остановить космолеты ради здоровья одного человека вполне естественно для гийанейцев.

— И для нас также, — добавил Стоун. — Что ж! Может, вы и правы. В болезнь Гианэи, с которой не могут справиться врачи корабля Вересова, я не верю. Но если помощь нужна двигателям, то здесь специалист-гийанейец, возможно, необ-

ходим. Космолет Вересова не наш, а гийанейский.

На этом совещание закончилось. Предположение Сергея было принято всеми, как наиболее вероятное. Оно хорошо объясняло самый факт желания гийанейцев встретиться с экипажем земного космолета, не говоря уже о пересадке одного гийанейца.

Ведь если встречи с кораблем Вийайи не было, то космонавты ничего не знают о Земле и ее обитателях. Больше того, из рассказа Лийагейи они должны были сделать вывод о чрезвычайно низком развитии землян. В этом случае вряд ли кто-либо из них согласился бы перейти на чужой корабль. То, что «люди Лиа» могут уже совершать космические полеты, ни о чем не свидетельствовало. Их собственные предки, обладая космической техникой, оставались на низком моральном уровне…

К двадцати трем часам того же дня все три космолета эскадрильи остановились, неподвижно повиснув в пространстве. Кроме встречи с кораблем гийанейцев, у них оставалась главная задача — непрерывно пелен говать корабль Вересова. Поэтому производить маневр сближения Стоун предоставил чужому космолету.

— О встрече просили не мы, а они, — сказал он. — Пусть подходят к нам сами. То, что мы остановились, само по себе покажет им наше решение.

— Можно сообщить и по радио, — сказал инженер.

— Но ведь связи больше нет.

— Просто они не считают нужным. Наш ответ они получили. Но, конечно, готовы принять нашу радиограмму.

— Так пошлите!

Инженер позвал Марину, и они отправились в радиорубку. Вскоре стало известно, что на чужом корабле приняли радиограмму и ответили:

— Поняли. Подходить будем мы.

До момента встречи оставалось никак не меньше земных суток.

На кораблях эскадрильи сильно волновались. Если Синицын прав и летящие навстречу гийанейцы знают, что случилось на корабле Вересова, то почему они молчат? Должны они понимать, что этот вопрос очень важен для землян.

А Стоун, учитывая, что инициатива встречи предоставлена гийанейцам, не считал возможным отвлекать их расспросами.

Найдут нужным, сообщат сами.

Но через несколько часов растущего беспокойства не выдержал и он. Была составлена короткая радиограмма, заключавшая три вопроса:

«Встретились ли вы с кораблем Вийайи?»

«Говорили ли вы с кораблем Вересова?»

«Что случилось на корабле Вересова?»

Если на первый вопрос последует отрицательный ответ, то гийанейцы не смогут ответить и на два последующих. Но Стоуна это не смутило.

Он отклонил предложение Марины добавить четвертый вопрос: «Кто и зачем перейдет на наш корабль?»

— Будет нетактично, — сказал он. — Отвечая на третий вопрос, они сами скажут об этом. А если не скажут, то тем более не надо спрашивать. Получится, что мы как бы проверяем серьезность принятого ими решения.

Марина согласилась с этим доводом.

Радиограмму отправили и сразу же (по космическим масштабам времени) был получен ответ.

Догадка подтвердилась.

Гийанейские корабли встретились, заметили друг друга и «на лету» обменялись краткой информацией. Корабль Вересова «видели», но на радиограммы не последовало никакого ответа. Что там случилось, — неизвестно.

О том, кто и зачем хочет перейти на земной космолет, не было ни слова.

— На корабле Вересова никто не дежурит в радиорубке, — подытожил Стоун. — Ведь и на наши радиопризывы они не отвечают. А что касается пересадки, то скорее всего это будет «корреспондент». Они хотят знать подробности спасательной операции, о которой им сообщил Вийайа. А не говорят об этом потому, что считают, — мы и сами можем догадаться.

— Все же, — заметил Синицын, — мне кажется, что это будет инженер. Корабль Вересова построен гийанейцами, и их, конечно, интересует, что произошло с «Мозгом навигации». Вийайа же говорил, что причиной катастрофы считает его неисправность.

— Очень интересна техника обмена информацией «на лету», — сказал радиоинженер. — Ведь оба звездолета летели с субсветовой скоростью навстречу друг другу. Видимо, все было сконцентрировано в одном кратком импульсе с последующей расшифровкой. Но как?

— Это мы узнаем от них или на Земле, — ответил Стоун.

Догадки и предположения были интересны, но бесцельны. Оставалось ждать.

На следующий день весь экипаж разделился на две группы. Экраны наружного обзора находились только на пульте управления и на обсерватории. Командный состав флагманского космолета собрался у первого экрана, а остальные у второго.

Звездолет гийанейцев был уже совсем близко. Простым глазом его увидели сначала в виде яркого светлого пятнышка на фоне звезд, часто мерцающего, а иногда потухающего совсем.

Пятнышко росло на глазах.

На пульте следили за кораблем не только но экрану, но и по приборам. И очень скоро убедились, что гийанейцы с поразительной точностью рассчитали весь маневр сближения. Если кораблем управлял не автомат, а гийанейец, то он имел огромный опыт.

Скорость корабля была слишком велика для оставшегося расстояния, земляне подходили бы с гораздо меньшей, и, по мнению командира флагманского космолета, это доказывало наличие очень мощных тормозных установок.

— Они действуют совсем не так, как было с кораблем Вийайи при подлете к Земле.

— Напоминает быстроходный катер, — заметил Стоун, — подходящий к причалу на полной скорости и только в последний момент дающий задний ход.

— Точное сравнение!

Чем ближе подходил чужой звездолет, тем быстрее он вырастал в размерах. Очень скоро земляне убедились, что его величина, которую они определили по показаниям локаторов, не соответствует действительности. Он был больше корабля Вересова.

Причина ошибки выяснилась, как только корабль оказался не впереди, а сбоку.

Гийанейцы приближались к земному кораблю, совершая широкий полукруг.

Звездолет был во много раз больше в длину, чем в ширину. А форма его, весьма необычная, ничем не напоминала корабль Вийайи, корабли с «Мериго» или земные.

Десять одинаковых цилиндров с закругленными концами,

диаметром около пятнадцати метров каждый, а в длину до двухсот пятидесяти, образовывали нечто вроде горизонтально лежащей пирамиды. К переднему цилиндру, точно от середины, плотно примыкали три, а к ним, в том же порядке, попарно, еще шесть.

Общая длина корабля достигала пятисот метров, то есть была такой же, как и у корабля Вересова, но цилиндры были окружены тридцатью двумя тонкими полосами, похожими на трубы, сходящимися спереди в одну точку, а позади далеко расходящимися в стороны. Уходя за корму собственно корабля более чем на четыреста метров, «трубы» ничем не были связаны между собой.

Вся конструкция выглядела ажурной.

О назначении «труб» никто из землян догадаться не мог.

Непостоянный мерцающий свет исходил от них. Но давать этот свет не могло быть единственной целью их устройства.

— Это было бы довольно бессмысленно, — заметил Стоун.

— Кто знает! — ответил на это командир космолета. — Ясно одно. За время отсутствия Вийайи на Гийанейе появились совсем иные конструкции космических кораблей и, очевидно, совсем иной принцип их полета. Будет интересно познакомиться с ним.

Стоун ответил:

— Времени на это нет. Все наше внимание должно принадлежать кораблю Вересова, ради которого мы и находимся здесь. С новым звездолетом гийанейцев ознакомятся на Земле.

Конусообразный корабль (расположение «труб» создавало это впечатление

— конуса) остановился на расстоянии километра от земного космолета, совершив эту остановку именно так, как и предполагали земляне, — стремительный подлет и резкое торможение. Наличие на нем искусственной гравитации стало несомненным. Без нее весь экипаж должен был неминуемо погибнуть при таком маневре.

Земляне никак не готовились к встрече. Они только позаботились о своих товарищах на двух других космолетах эскадрильи. Для этого в помещении, где должны были появиться гости, установили телевизионную камеру и соединили ее кабелем с радиорубкой.

Все подробности, относящиеся к чужому звездолету, и описание его внешнего вида были уже переданы.

На экранах хорошо было видно, как из задней части одного из средних цилиндров вылетел тоже цилиндрической формы аппарат с тремя длинными «трубами» за кормой и стал быстро приближаться к земному космолету. Стоун приказал осветить прожектором наружную дверь выходной камеры, а когда «десантный» аппарат подойдет вплотную, открыть дверь.

Весь экипаж собрался возле телекамеры, объектив которой был направлен на внутреннюю дверь.

Сколько прибыло гийанейцев, один или несколько?

Только это интересовало землян. Они хорошо знали внешность прибывших, а тем должна была быть известна внешность землян.

Сюрпризов не ждали.

И все же землян ожидал сюрприз, да еще какой!

Вышли двое.

Один был высокий гийанейец, одетый точно так же, как были одеты Вийайа и его спутники.

А второй… Марина бросилась вперед.

Перед нею и всеми собравшимися у двери стояла… Гианэя!

8

Чем дальше, тем быстрее в сознании людей бежало время. Месяцы мелькали один за другим, как на экране, почти не оставляя следов в памяти.

Они перестали даже замечать монотонность своего существования.

Только Риа и Тома воспринимали время как таковое. Детям оно всегда кажется медленнее, чем взрослым. А эти двое детей вообще не представляли себе, что может существовать иная жизнь.

Заканчивался седьмой год заключения на «космическом острове».

Они еще ждали прибытия спасательной партии год назад. Теперь перестали ждать, уверенные в том, что земной звездолет, пролетевший на планету Мериго, не услышал сигналов и не заметил их неподвижного корабля.

Звездолет не стоял на месте, он двигался со все увеличи-

вающейся скоростью, он падал на Солнце. Но для тех, кто находился на его борту, разницы между этим движением и полной неподвижностью не было никакой.

Они пришли к выводу, что спасение может прийти только через тридцать лет, и никак не раньше. И если бы на корабле не было детей, требующих внимания и заботы, создающих видимость какой-то активной жизни, могло бы появиться чувство равнодушия к жизни вообще и неизбежно сопутствующее такому равнодушию ослабление восприятия, апатия и постепенное отупление.

В какой-то мере равнодушие все же появилось, выражаясь пока только в том, что почти у всех пропало желание продолжать учиться. Занятия еще посещались, но все более и более неохотно.

Только четыре человека оставались прежними. Это были Вересов и Фогель, которых поддерживало сознание лежащей на них ответственности, и две матери, жизнь которых сосредоточилась на их детях.

Более или менее бодро держались Виктор Муратов и Владимир Попов. Все остальные завидовали Мериго и его трем товарищам, спавшим в анабиозных ваннах. Но и зависть постепенно ослабевала.

Все способы как-то оживить сознание людей были испробованы, но не дали заметных результатов.

На корабле не было главного — разнообразия.

Ничто не нарушало монотонного течения жизни ни внутри, ни снаружи. Сутки следовали за сутками, похожие, как капли воды. Снаружи — неизменная из года в год панорама космоса, застывшая в вечном покое.

Система управления экранами наружного обзора давно уже была приведена в порядок, и их приходилось все чаще надолго выключать, так как именно неподвижность (пусть только кажущаяся) Вселенной тяжелее всего действовала на психику людей, вынужденных наблюдать вне корабля всегда одно и то же.

Мериго и его товарищей три года назад переложили из ванн, действие которых окончилось, в другие. При этом их разбудили на три дня. Вскоре предстояло повторить эту операцию, но с той только разницей, что теперь четверо будут бодрствовать не три дня, а две недели. Этого требовала специфика анабиозного сна. Время от времени необходим был, каждый раз более

продолжительный, отдых.

Фогель и все врачи с затаенной надеждой ожидали этих двух недель .

Они должны были внести столь нужное разнообразие в жизнь на звездолете. И не только потому, что появятся четверо, так сказать «новых» живых людей, а главным образом потому, что их появление повлечет за собой возобновление причуд Гианэи.

Врачи хорошо помнили, какое оживление внесли в жизнь кают-компании даже три дня, сколько разговоров возникало по поводу затворничества Гианэи и ее нежелания, чтобы Риа, хотя бы издали, увидел кого-нибудь из четырех.

Сейчас такая вспышка активности была бы очень полезна. В интересах всех врачи не хотели думать о том, что для самой Гианэи эти две недели будут тяжелыми.

Она заметно помрачнела уже теперь. А несколько дней назад Виктор зашел в каюту Фогеля и, волнуясь, сообщил профессору, что Гианэя обронила такую фразу: «Я надеюсь, что мой сын окажется настолько гийанейцем, что выполнит свой долг по отношению к этим зверям».

— Мне неизвестно, что она говорит моему сыну, когда остается с ним наедине. И чему она его учит. Но я не хочу, чтобы Риа стал убийцей.

— Успокойтесь! — ответил Фогель. — Я вполне убежден, что сейчас она ничего подобного не внушает Риа. Он еще слишком мал. Слова Гианэи относятся к будущему. У нас есть время воздействовать на нее, а если это не удастся, то на самого Риа. Но надо подождать несколько лет. Пока нет оснований тревожиться.

— Я попрошу Юрия надежно запереть помещения с ваннами.

— Вы хотите, чтобы об этом узнали другие, кроме меня?

Виктор ничего не ответил и ушел очень мрачный.

«Агрессивные» намерения Гианэи не вызывали в профессоре ничего, кроме профессионального интереса. Он был совершенно уверен, что сумеет предотвратить несчастье, в крайнем случае — средствами современной медицины, вплоть до гипноза. Никакого убийства на корабле не произойдет!

Неприязненных чувств к Гианэе у профессора не было и в помине. Она думала и поступала, как думали и поступали все женщины ее народа и ее времени. Смешно было бы винить ее за

это. Но самые проявления гийанейской психологии чрезвычайно интересовали Фогеля.

Вийайа говорил, что современные гийанейцы вполне отрешились от понятий и представлений прошлого, что в их психике произошли коренные изменения. Фогель задавал себе вопрос — так ли это? Он сожалел, что земная наука должна ограничиваться изучением внутреннего мира одной только Гианэи. Вот если бы, напри мер, здесь на корабле, кроме нее, был и гийанейец — мужчина!..

До пробуждения четверых оставалось чуть больше недели.

Гианэя попросила Надю Попову переселиться из третьего отсека в первый. Программистка охотно выполнила эту просьбу. Она понимала, что это вызвано нежеланием Гианэи разлучать Риа и Тому на две недели. Привыкшего бегать по всему кораблю сына Гианэя постепенно приучала ограничиваться прогулками в первом отсеке.

Виктор не пытался спорить с женой. Он знал, что она останется непреклонной.

Вересов обещал Гианэе, что никто из четверых не появится в первом отсеке.

Астрономы еще продолжали заниматься своей наукой. Это было следствием не их желания, а категорического приказа командования звездолета. Наблюдения производились систематически и результаты их аккуратно фиксировались в специальном журнале, как будто звездолету предстояло вернуться на Землю и эти записи могли пригодиться земной науке.

Третьего декабря вечером (космонавты жили теперь по земным часам и земному календарю) Куницкий сообщил, что видел короткие вспышки в направлении на Полярную звезду.

— Период этих вспышек около двух часов, — сказал он. — Что это такое, я пока не могу решить.

— А где наблюдается сейчас Полярная звезда? — спросил Тартини. — Впереди или позади нас?

— Позади.

— А! — разочарованно протянул навигатор.

На этот разговор никто не обратил внимания.

Астрономы оживились (новое и непонятное явление на небе!), но вспышки больше не появлялись.

Девятого декабря приступили к процессу «пробуждения»

четверых. Для маленького Рийагейи это означало заключение в первом отсеке на две недели.

Прошло еще три дня.

Наступило двенадцатое декабря — день, навсегда запомнившийся всему экипажу «космического острова».

Все, кроме семьи Муратовых, находились в «большой гостиной», как называли помещение библиотеки, расположенной рядом с кают-компанией, где в это время всегда проводилась какая-нибудь лекция или занятия. Не было только Вересова, находившегося на пульте, и четверых, которые редко покидали отведенную им каюту.

Внезапно включились оба экрана на двух противоположных стенах и, как всегда, погас свет. Голос Вересова, громкий и взволнованный, раздался из динамика радиофона:

— Друзья! Рядом с нами земные космолеты!

Он мог и не говорить этого. Все и так сразу поняли, в чем дело.

Совсем близко, освещенные прожекторами их корабля, висели в пространстве три звездолета, два с левой стороны и один справа. Хорошо знакомой формы, огромные и могучие, они казались неподвижными и, следовательно, двигались с одной скоростью и в одном направлении с ними.

Ослепительно загорелись десятки прожекторов, и в библиотеке стало светло, как «днем». Экраны превратились в квадратные «солнца».

И люди, обезумев от радости, прыгали, как дети, бросаясь в объятия друг друга.

Конец «робинзонады»! Родная Земля здесь, рядом!

Экраны погасли, и вспыхнул электрический свет.

— К выходной камере! Толпой бросились к люку. Голос Вересова остановил их.

— Внимание! Включаю радиофоны по всему кораблю. Слушайте разговор с флагманским космолетом!

Около минуты было тихо. Потом раздался знакомый всем голос Стоуна, первый «земной» голос, раздавшийся за семь лет.

— Привет, дорогие друзья! Ваши испытания кончились. Прошу Вересова подойти к микрофону.

— Я вас слушаю.

— Доложите о состоянии корабля и здоровье экипажа!

Видимо, командир звездолета успел уже успокоиться. Он говорил обычные голосом и даже как-то сухо:

— Корабль в полном порядке, кроме «Мозга навигации» и связанных с ним двигателей, которых мы не смогли заставить работать. Экипаж здоров и бодр.

В настоящее время все шестьдесят шесть человек находятся вне анабиозных ванн. Благодарим вас за столь быструю организацию помощи. Когда думаете прибыть к нам?

Ответа не последовало. Очевидно, то, что сказал Вересов, сильно удивило тех, кто находился у приемника там, на космолете.

Наконец, Стоун спросил:

— Вы не ошиблись, товарищ Вересов?

— Нет! Нас действительно шестьдесят шесть, а не шестьдесят четыре.

— Кто же?

— У Гианэи родился сын шесть лет назад. У Надежды Поповой — дочь.

Было ясно слышно, как кто-то вскрикнул.

И тотчас же послышался голос Виктора Муратова;

— Это ты, Марина? Но он не получил ответа.

Юрий Вересов ограничил передачу только микрофоном пульта. Марина не услышала брата.

— Поздравляем их обеих, — сказал Стоун. — С еще большим нетерпением ждем свидания! Передайте Гианэе, что у нас есть для нее огромный и приятный сюрприз. Не буду говорить заранее. Мы будем у вас через полчаса.

Все услышали, как обычно строгий председатель Совета засмеялся.

— Она сама слушает вас, — сказал Вересов.

— Пусть приготовится к большой радости. Ждите нас!

— Пожалуйста, погасите хоть часть ваших прожекторов, — попросил Вересов. — Они не дают возможности видеть вас на экранах.

— Хорошо, оставим только один. Разговор закончился. Снова включились экраны по всему кораблю.

— Ты слышала? — спросил Виктор. Радиофоны остались включенными, и их разговор слышали все.

— Конечно, — ответила Гианэя.

— Неужели и сейчас ты не пойдешь к выходной камере?

— Я не могу оставить Рийагейю одного.

— Но ведь Стоун сказал…

— Для меня это не имеет значения. Откуда он знает, что может доставить мне радость? Вероятно, у них находятся гийанейцы. Я не стремлюсь встретиться с ними.

— Мне кажется, что здесь что-то другое.

— Может быть, и так, — равнодушно ответила Гианэя.

Послышался голос маленького Риа;

— Что это такое, мама?

Он всегда произносил это слово на испанский лад. И видимо, они трое были на обсерватории, где находились единственные экраны в первом отсеке. Риа, очевидно, спрашивал про космолеты.

В этот момент Вересов выключил всеобщую связь, и ответа Гианэи уже не стало слышно.

— До чего упрямая женщина! — сказал Тартини.

— Пожалуй, она права, — сказал кто-то. — Ну какой особенный сюрприз может у них быть для нее?

— Все-таки! Не прийти к выходной камере в такой момент!

— Она всегда была такой. Чему вы удивляетесь?

Но Гианэя все же пришла. Виктор напомнил ей, что на космолете Стоуна находится Марина, которую он узнал по ее восклицанию и которая прилетела сюда только из-за нее. Это подействовало. Кроме того, Вересов сообщил, что Мериго и его товарищей не будет на месте первой встречи, они не выразили желания присутствовать.

Вместе со всеми Гианэя следила по экрану за тем, как открылась дверь выходной камеры флагманского космолета и пять фигур, одетых в скафандры, управляя свои полетом при помощи «космических» лучевых пистолетов, направились к их кораблю.

Они были хорошо освещены прожектором.

— Да, среди них кто-то из экипажа корабля Вийайи, — сказал Виктор. — Это ясно по форме скафандра.

Среди этих пятерых безусловно была Марина, но узнать ее сейчас было никак нельзя. Четыре фигуры казались совершенно одинаковыми. И только квадратный шлем гийанейца резко выделялся.

Все заметили, что гийанейец не имел лучевого пистолета, его вел один из землян как бы на буксире, — Это странно! — сказал Вересов.

Биологическая защита была не нужна. Прибывшие появятся сразу, как только камера наполнится воздухом и они снимут скафандры. Встречающие перешли к внутренней двери камеры.

Ожидание было недолгим.

Первым появился весело улыбающийся Стоун. За ним Синицын, третьим был командир флагманского космолета, которого многие из «робинзонов» знали в лицо.

А потом…

Не вышла, а выбежала Марина и бросилась на шею не к брату, а к Гианэе.

— Смотри же! Смотри! — кричала она.

На пороге выходной камеры показалась высокая фигура девушки. Густые черные волосы, цвет кожи, черты лица — все делало ее поразительно похожей на Гианэю. Всем, кто находился перед дверью, показалось, что перед ними вторая Гианэя, только одетая несколько иначе.

Секунды три-четыре, не более они обе молча смотрели друг на друга. И бросились вперед одновременно.

Два крика, похожие на вопль, слились в один. В них было удивление, сомнение, радость…

— Гийанейа!

— Лийайа!

ЭПИЛОГ

Они постоянно сидели рядом, прижавшись, две сестры, одна из которых считала другую давно погибшей.

Черная головка младшей лежала на плече старшей.

Никто не мог смотреть на них без улыбки, до того они были похожи. Земной загар давно сошел с лица Гианэи, и отличить ее от Лийайи можно было только по костюму.

Но и это различие скоро исчезло, когда Лийайа оделась так же, как одевалась Гианэя. Теперь даже Виктор полушутя, полусерьезно говорил, что иногда ошибается в том, которая из двух сестер является его женой. Разница в десять земных лет для гийанейцев была столь ничтожна, что обе сестры внешне

казались ровесницами.

На космолете все их путали. Это служило поводом к бесконечным шуткам. Один только Рийагейа никогда не обманывался, безошибочно отличая мать от тетки.

О чем говорили сестры? Этого никто не знал. В присутствии людей Земли, не исключая даже Виктора и Марины, они прекращали свой интимный разговор.

Но это не значило, что Лийайа вообще молчала при встре-

чах с землянами. Той отчужденности, которая была столь характерна для Гианэи в первые месяцы ее пребывания на Земле, совершенно не замечалось у Лийайи. Она охотно вступала в беседу, откровенно отвечала на задаваемые ей вопросы, подробно рассказала свою историю. Общительность ее характера напоминала землянам Вийайю и его товарищей. И это было естественно и понятно. Лийайа много лет прожила на Гийанейе! Одно то, что она без малейшей недоброжелательности встретилась с Мериго, доказывало, что эта девушка прошла совсем иную школу жизни, чем ее старшая сестра.

* * *

После того как Лийагейа с целью вербовки прилетел на родину и был там задержан, гийанейцы приняли два решения: помочь людям Земли ликвидировать последствия диверсии и немедленно избавить планету Мериго от захватчиков. Первое было более срочно, и корабль Вийайи вылетел, не ожидая старта второго корабля. Поэтому-то гийанейцы и не знали о том, что произошло на планете Мериго и чем закончилась экспедиция их товарищей. И Вийайа не мог сообщить Гианэе, что ее младшая сестра не погибла.

При встрече на Земле Мериго сказал Гианэе, что «ненавистные» уничтожены поголовно. Но в действительности это было не так. Сколь бы сильно ни ненавидели островитяне своих мучителей, у них не хватило духу убить детей. Уничтожены были только взрослые.

Почему он скрыл это от Гианэи? Вряд ли это было вызвано злым намерением причинить ей лишнюю боль. Скорее всего дело заключалось в плохом знании языка, неточном выражении мысли, а возможно, и простой забывчивости. Мериго был совершенно уверен в том, что земляне отдадут Гианэю ему и его товарищам для приведения в исполнение приговора его народа. А в этом случае для Гианэи не играло никакой роли, все или не все ее соплеменники умерли.

Гийанейский корабль нашел на планете Мериго одиннадцать подростков, младшей из которых была Лийайа. Все одиннадцать были доставлены на Гийа-нейю.

Так Лийайа оказалась на родине, среди людей совершенно иного склада, чем те, которые окружали ее с детства. Многие годы, протекшие на планете за время перелета корабля Вийайи на Землю, она жила и училась в обществе современных

гийанейцев, которым не были известны чувства превосходства над другими, ненависти и стремления к власти. И еще не успевшие окрепнуть черты ее характера постепенно исчезли, сменились другими, свойственными всем, кто теперь постоянно окружал ее.

Детское горе забывчиво. Смерть родных потускнела в памяти Лийайи еще до появления на планете Мериго гийанейского корабля, А на новой родине воспоминания посещали ее все реже и реже. Восприняв новые отношения между людьми, Лийайа поняла справедливость возмездия, постигшего ее родных.

На Гийанейе она узнала обо всем, что рассказал Лийагейа, и поняла, что ее старшая сестра, которую она всегда нежно любила и хорошо помнила, скорее всего, не погибла.

В душе Лийайи возникла и с каждым днем крепла надежда увидеться с Гианэей. Ожидание возвращения корабля Вийайи становилось для нее все более и более мучительным. К тому же, не могло быть ни малейшей уверенности в том, что на этом корабле окажется Гианэя. Лийайа была уже взрослой и понимала, что для ее старшей сестры полет на Гийанейю, которую она совсем не знала, может показаться нежелательным и она предпочтет остаться на Лиа, раз уж нельзя возвратиться на планету, бывшую ее родиной.

Никто не мог сказать Гианэе, что она, Лийайа, жива и находится здесь.

Правда, в задачу экипажа корабля Вийайи входило захватить всех, кто улетел на Лиа с Рийагейей, и доставить их на Гийанейю. Но удастся ли это сделать? Сами же гийанейцы сомневались в этом.

Вот почему, когда было решено послать на Лиа второй, только что построенный космолет новой конструкции, Лийайа, ни минуты не колеблясь, попросила взять ее.

Никто не возражал против этого желания. Мотивы были всем ясны и вызывали сочувствие.

А когда состоялась встреча с промелькнувшим мимо них кораблем Вийайи и была расшифрована поступившая от него информация, Лийайа узнала, что Гианэя находится в космосе.

Остальное было понятно…

* * *

Два космолета летели к Земле.

Третий, приняв на борт всех «робинзонов космоса», кроме экипажа корабля Вересова, направился на планету Мериго, продолжая путь, прерванный злой волей соплеменников Гианэи.

Несколько лет назад два корабля, во всем подобные друг другу, посетили Солнечную систему. Первый, не долетев до Земли, был взорван Рийагейей. Второй достиг цели, побывал на Земле, но все же не избежал такой же участи, что и первый.

Даже с помощью экипажей трех космолетов спасательной эскадрильи не удалось «вернуть жизнь» двигателям звездолета. Тогда с него было снято все, что имело значение для землян, в том числе все пять кубов «Мозга навигации», а самый корабль взорван, чтобы при падении на Солнце он не мог причинить вред какому-нибудь из многочисленных искусственных спутников Земли или другой планеты. Яркую вспышку этого взрыва наблюдали издали экипажи обоих космолетов.

— Логичный и закономерный конец, — сказал Стоун, когда позади угас огонь взрыва и снова сомкнулась глубокая тьма космоса.

Виктор заметил, что при этих словах Гианэя одобрительно кивнула головой.

Она была здесь вместе с сыном и сестрой.

Казалось бы, неожиданный отказ продолжать путь на планету Мериго не удивил никого. Все ожидали этого. Не могла Гианэя обречь сына на длительное пребывание в космосе. Мальчик нуждался в обществе сверстников и нормальном учении.

Гианэя поразительно изменилась с момента встречи с Лийайей. Все, что оставалось в ней от прежней Гианэи, бесследно исчезло. Скрытые прежде черты ее характера, о которых знала на Земле одна только Марина Муратова, теперь проявились открыто для всех.

Казалось, с ее плеч упала тяжесть. И Виктор хорошо знал, какая именно. Гианэю покинули мысли о мщении. Она и прежде соглашалась с тем, что участь, постигшая ее родных, справедлива, а теперь, когда выяснилось, что Лийайа и ее сверстники были пощажены, окончательно убедилась в этом.

Как Виктор, так и Марина были уверены, что Гианэя

глубоко раскаивается в своих жестоких намерениях и мысленно просит прощения у Мериго и его трех товарищей. Если она не сделала этого, то только потому, что сами четверо не могли преодолеть чувства антипатии к ней. Взгляд Гианэи, которым она проводила Мериго, когда он покидал корабль Вересова, был настолько красноречив, что не понять его было нельзя.

На Землю возвращалась земная женщина!

Гианэя мечтала об этом, она стремилась к знаниям, хотела приносить пользу своей новой родине.

Мечта стала явью... И еще!

Вместе с нею летел на Землю великий подарок людям — юный Рийагейа, первый сын двух планет, залог содружества объединенного человечества Земли и Гийанейи!

Ленинград. 1963 — 1969 гг.

СОДЕРЖАНИЕ

Человек и его время (Жизнь и книги Георгия Мартынова). Вступительная статья А. Балабухи и А. Бритикова. 5

ГИАНЭЯ

Роман

Пролог 17
Часть первая 32
Часть вторая 112
Часть третья 182
Часть четвертая 254
Часть пятая 326
Эпилог 393

Дорогие друзья!
Если вам понравилась эта книга, рекомендуем
прочитать другие произведения Георгия Мартынова:

Каллисто. Научно-фантастический роман. Кн. 1.— Л.: Детгиз, 1957 (Библиотека приключений и научной фантастики).

Каллистяне. Научно-фантастический роман. Кн. 2.— Л.: Детгиз, 1960 (Библиотека приключений и научной фантастики).

Невидимая схватка. Фантастико-приключенческий рассказ. — В сб.: В мире фантастики и приключений. — Л.: Лениздат, 1959, с. 305 — 338.

Звездоплаватели. Научно-фантастический роман в трех книгах.— Л.: Лениздат, 1960.

Гость из бездны. Научно-фантастический роман. — Л.: Лениздат, 1962.

Спираль времени. Фантастический роман. — Л.: Лениздат, 1966.

Кто же он? Фантастико-приключенческая повесть. — В сб.: Тайна всех тайн. — Л.: Лениздат, 1971, с. 83 — 193.

Совсем рядом. Фантастический рассказ. — В сб.: Талисман. — Л.: Детская литература, 1973, с 350 — 405 (Библиотека приключений и научной фантастики).

Сто одиннадцатый. Хроника И...ских событий. Фантастическая повесть. — Л.: Детская литература, 1979.

О жизни и творчестве писателя вы можете прочитать:

Хузе О. Ф. Мартынов — писатель-фантаст. — В сб.: О литературе для детей, вып. 17, — Л.: Детская литература, 1973, с. 109 — 122.

Балабуха А. Д. и Шалимов А. И. Зовущие миры. — В сб.: О литературе для детей, вып. 25. — Л.: Детская литература, 1982, с. 144 — 160.

Б И Б Л И О Т Е Ч Н А Я С Е Р И Я

Литературно-художественное издание

ДЛЯ СРЕДНЕГО И СТАРШЕГО
ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

Мартынов Георгий Сергеевич

ГИАНЭЯ

Ответственный редактор О. В. Кустова.
Художественный редактор Э. П. Булатов.
Технический редактор Т. С. Тихомирова.
Корректор Л. А. Ни.

ИБ 11381

Сдано в набор 07.07.88. Подписано в печать 10.02.89. Формат 84x108 1/32. Бумага книжно-журнальная № 2. Шрифт литературный. Печать высокая. Усл. печ. л. 21. Усл. кр.-отт. 21,42. Уч.-изд. л. 22,76. Тираж 100 000 экз. Заказ № 2272. Цена 1 р. 30 к. Ленинградское отделение орденов Трудового Красного Знамени и Дружбы народов издательства «Детская литература» Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 191187, Ленинград, наб. Кутузова, 6. Республиканская ордена «Знак Почета» типография имени П. Ф. Анохина Государственного комитета Карельской АССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 185630, г. Петрозаводск. Ул. «Правды», 4.

Мартынов Г. С.

Гианэя: Роман / Вступ. статья А. Балабухи и А. Бритикова; Рис. и оформл. Л. Рубинштейна. — Л.: Дет. лит., 1989. — 398 с., ил. (Б-ка прикл. и научн. фант. Библиотечная серия.)

ISBN 5—08—000190—9

Фантастический роман о космической гостье Гианэе, об установлении контактов с иной цивилизацией.

М $\frac{\mathbf{4803010102}}{\text{М}\mathbf{101(03)-89}}\mathbf{240-89}$

ББК 32